

SECRET XOMA

ПУТЬ ТЬМЫ-2

Пять лет прошло со дня окончания войны. Возрожденная Империя Тьмы медленно, но верно превращается в единое государство. Казалось бы, Шахриону следует праздновать победу, но увы, состояние императора с каждым днем ухудшается. Тень набирает силу, а это значит, что время Черного Властелина подходит к концу. Чтобы сохранить душу и разум ему придется пройти самое сложное испытание в жизни. Вот только получится ли? И позволят ли многочисленные враги, что уже плетут интриги, ожидая, когда император оступится? Кто знает, кто знает... Примечания автора: Эта книга завершает историю Шахриона, начатую мной аж в середине десятых. По-хорошему, следовало написать ее давно, но уж как есть. Она здорово отличается от первой части — тут меньше сражений и больше интриг, но, надеюсь, получилось интересно.

Sleepy Хота

Путь Тьмы 2

Глава 1

Восьмой день второго месяца весны 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

Тронный зал изрядно обновился за последние четыре года. Новая мебель, новые ковры на полу, новые гобелены на стенах, новый мрамор облицовки, новые люди. Много, очень много новых людей: советники, наместники, купцы, владельцы мануфактур.

Почти пять лет прошло с момента гибели зрящего Ратриолы. То был последний год старой эпохи. Год, когда изменилось все, в первую очередь — Империя Тьмы. Впрочем, как выяснилось, это стало лишь началом.

За прошедшее время страна преобразилась так сильно, что глаза отказывались верить увиденному. Шахрион, откровенно говоря, даже не рассчитывал на столь быстрые и значительные перемены. Он полагал, что, облегчив налоговый гнет, связав все уголки внезапно разросшейся державы новыми дорогами, а также обеспечив льготы всем, кто желал строить мануфактуры, он сумеет добиться положительных, пускай и скромных результатов, но реальность превосходила самые смелые ожидания.

Товары порождали деньги, а те — новые товары, которые с пугающей скоростью распространялись среди простолюдинов, внезапно обзаведшихся звонкой монетой. Раны, нанесенные короткой, но жестокой войной заросли, точно их никогда и не было, а все соседи, замерев от ужаса, наблюдали за изменениями, происходившими в, казалось бы, навсегда разрушенной и побежденной стране.

«Да, многое изменилось», — подумал Шахрион. — «В первую очередь — я».

Он оглядел заполненный людьми зал, затем перевел взгляд на Тартионну, восседавшую на соседнем троне. Его советница, его королева, мать его сына. Его Госпожа.

Тартионна перехватила взгляд мужа и ободряюще улыбнулась.

«Без ее поддержки и любви Паштиона я не протянул бы так долго», — подумал император, взмахом руки приказывая собравшимся подняться с колен.

Этот бессмысленный, набивший оскомину церемониал! Как же проще было, когда они впятером собиравались в маленькой комнате без окон и обсуждали насущные проблемы. Черный Властелин и помыслить не мог, что будет скучать по тем страшным, но восхитительным временам. Однако сейчас Шахрион — император, владыка сильнейшего государства на континенте, а потому просто обязан демонстрировать свою мощь всем, в первую очередь — новым подданным.

О да, они должны лицезреть непогрешимого, беспощадного, но справедливого владыку, чей вид вызывает трепет, а сила — уважение.

И если с первым у Шахриона всегда имелись проблемы — начинающий лысеть невысокий полноватый мужчина вряд ли испугает хоть кого-нибудь, то вот со вторым, как ни странно, все обстояло превосходно.

За годы, прошедшие с ночи, когда Безымянное заклинание обрекло на гибель десятки тысяч невинных, его сила настолько увеличилась, что придворные лизоблюды, начавшие сразу после войны сравнивать Шахриона с Первым Некромантом, в общем-то, оказались недалеко от истины.

«Жаль, что плата за могущество столь ужасна», — подумал Черный Властелин, ощущая начинавшееся подниматься откуда-то из глубин раздражение.

Непонятная, глупая и внезапная злость с каждым годом становилась все сильнее, и контролировать ее получалось хуже и хуже. Причем в последние месяцы процесс, кажется, начал приобретать лавинообразный характер. И, как будто этого мало, редкие сперва приступы головной боли усиливались с каждым днем, превратившись практически в непрерывную пытку. Вот уже почти два года Шахрион просыпался и засыпал, ощущая, как раскаленные иглы ввинчиваются в мозг. Иногда боль почти проходила, иногда, напротив, укладывала его на день-другой в постель. Но неизменным оставалось одно: она, как и Тень, стали вечными спутницами Черного Властелина.

Однако пока что некромант держался. Терпел, глотал пилюли, когда не помогало — выл от муки, но запрещал себе сдаваться.

«А раз я еще могу бороться, значит — буду», — решил император, в пол уха слушая витиеватый доклад наместника Ларнисии, которому выпала честь выступать первым. Ничего особо интересного тот не сказал: в провинции все хорошо, весна вступила в свои полные права и скоро можно будет собирать озимые — урожай должен быть отменным.

В тон ему распинался и благороднейший Корф Тифираэль, управлявший от имени императора Саргилией — житницей сперва Империи, затем — Исиринатии, и вот, опять Империи. Этот вещал, надувшись от осознания собственной важности, точно индюк, и согласно докладу выходило, что еще немного, и на землю ступить сама Мать Тишины, дабы похвалить своих верных детей за великолепно проделанную работу, так прекрасно шли дела в провинции.

«Так, хватит», — оборвал себя Шахрион, благосклонно внимая наместнику и прикидывая, каким образом получится истратить средства, полученные от продажи излишков зерна.

Сразу же вырисовалось несколько интересных вариантов, что заметно улучшило настроение императора.

«Быть может, в этом году все-таки сможем открыть школу для детей простых сословий», — рассеянно подумал Шахрион, слушая очередного сановника, — «очень не хватает образованных людей».

Время шло, один наместник за другим докладывал о событиях в провинции, император скучал.

Наконец, пришел черед Китариона. Кареглазый кольценосец, в награду за верную службу получивший Марейнию, незадолго до своего приезда отправил императору радостное послание с обещанием приятного сюрприза.

— Владыка, — Китарион упал на одно колено.

Пять лет никоим образом не изменили высокого сильного мужчину. Ни унции лишнего жира, ни единого следа праздного образа жизни, которые моментально появляются на лицах и телах воинов, прекращающих ежедневные упражнения. Все такой же целеустремленный жесткий взгляд, все такая же собачья преданность.

Однако, как выяснилось, таланты Китариона распространялись далеко за военную сферу — он проявил себя как прекрасный организатор и управленец, за несколько лет возродив край, исконные жители которого были либо убиты, либо переселены в иные области Империи. Получив в свое распоряжение немногочисленные ресурсы и ораву колонистов, услышавших о раздаче бесплатных наделов для распашки и — что куда важнее — выпаса, он каким-то чудом сумел не только наладить их быт, но уже к концу третьего года начал платить налоги! Пускай и чисто символические.

«И все же... Мне не хватает его в столице», — с грустью подумал Шахрион.

Китарион был — наряду с Иритионом — одним из немногих людей, которым император мог доверять, как себе, а его советы всегда отличались мудростью... Но удерживать товарища силой Черный Властелин не решился, а тот, откровенно говоря, начал тяготиться жизнью в столице — раны, нанесенные его душе войной, оказались глубже, чем хотелось. Именно поэтому Шахрион позволил Китариону выйти в отставку. Все равно, если потребуется, того можно будет вернуть ко двору, а раз так — то пускай занимается тем, что нравится.

— Встань, Китарион, — распорядился Шахрион. — Я слушаю тебя.

— Владыка, — кольценосец поднялся, и широкая улыбка озарила его лицо. — Как тебе известно, в пламени минувших битв сторело большинство знаменитых марейнийских табунов...

Шахрион кивнул. Это было правдой. Никто не желал подобного, однако поголовье лошадей Марйении за несколько месяцев войны сократилось до предела. Многих животных убили, многие разбежались и умерли от голода или клыков диких зверей, многих погубил отвратительный уход. Лошади — эти крайне капризные и прихотливые твари — мерли, точно мухи, и, прежде чем в Черной Цитадели успели опомниться, огромные, казалось, стада испарились, точно вода на солнце.

— Но мы не сдавались, и я с гордостью могу доложить, что уже в этом году первая сотня чистокровных марейнийских дестриэ наконец-то появится в имперской армии! А лично тебе, владыка, у меня приготовлен небольшой подарок: жеребец, трехлетка, быстрый, как ветер.

Шахрион улыбнулся, мягко и аккуратно, чтобы скрыть переполнявшую его радость — ежегодно на приобретение прегиштанских лошадей приходилось тратить баснословные суммы денег!

А покупать приходилось, потому как армия, лишенная конницы, не в состоянии выполнять серьезные боевые задачи. Всю свою жизнь — а в последние пять лет особенно — Император уделял колоссальное внимание военной мощи страны, многократно увеличив численность войск. Саму суть баталлий, в которых копьеносцами служили живые мертвецы, а стрелками — солдаты-арбалетчики, Черный Властелин менять не планировал. Пройдет немало времени, прежде чем государства бывшей Лиги Света сумеют найти достойный ответ этой тактике, однако, отсутствие конницы угнетало.

Всадники — это не только таранный удар. Для пробивания вражеских рядов вполне можно использовать все ту же нежить, да и на присоединенных провинциях имелось немалое количество благородных и благороднейших, которые в обмен на землю приезжали в армию на собственных конях и приводили конных слуг. Нет, Шахрион давно обдумывал вариант принципиально нового использования всадников, да вот только лошадей остро не хватало и для более важных дел, какие уж тут эксперименты. Что ж, теперь можно будет попробовать кое-что перспективное.

«Надо будет обновить списки обедневших благородных», — подумал император. — «Через год, получу первые результаты. Может, ничего и не выйдет, но пока не сделаешь — не узнаешь».

Мысли о том, что к следующей весне его может уже не оказаться на этом свете чародей старательно гнал прочь — они и так стали его постоянными спутницами.

— Это превосходно, Китарион. Я знал, что ты не подведешь, прими мою благодарность.

Награда не заставит себя ждать.

— Мне ничего не нужно для себя, владыка. Любой же дар я постараюсь обратить на нужды провинции.

«И это я знаю, мой дорогой Китарион, превосходно знаю».

— Хорошо, я обдумаю твои слова и отвечу позже. Можешь занять свое место.

Китарион коротко поклонился и вернулся в строй. Там он — одетый в простые черные одежды, лишенный украшений, выделялся, точно ворон среди голубей.

Следующим слово взял Иритион.

Старый полководец, получивший за заслуги титул маршала, немного сдал за прошедшие годы, однако все еще держался молодцом. И пускай он не хватал звезд с неба, но обладал просто колоссальным опытом. Именно поэтому Шахрион не просто поставил Иритиона командовать имперской армией, но и назначил наместником в Белом Городе — столице одной из самых важных провинций возродившейся Империи.

Именно Иритион следил за тем, чтобы на землях, отнятых у Радении, не начался мятеж, и чтобы северные соседи не решились внезапным наскоком отбить свою бывшую столицу.

— Владыка, — старый воитель опустил на одно колено.

— Встань и говори.

— На границах спокойно, но...

— Но? — Шахрион нахмурился.

— Что-то не в так, как должно быть, владыка. Не знаю, что, но мне это не нравится.

Император кивнул. Он был достаточно умен для того, чтобы не отмахиваться от опасений, пускай даже и высказанных в виде домыслов. Более того, он и сам разделял подозрения маршала. Радения так и не успела до конца оправиться от поражения, однако венценосец Гашиэн Третий делал все возможно и невозможное для того, чтобы превратить реванш из мечты в реальность. Он плел интриги и, к огорчению своему, Шахрион не знал, что именно задумал северный сосед.

В зале зашушукались. Да, другие придворные тоже не родились идиотами и прекрасно понимали, что маршал имеет в виду.

— Завтра же направлю в наши северные провинции нескольких надежных людей — пусть все проверят.

«А кроме того сам удостоверюсь кое в чем, но уже без этой показухи».

Шахрион специально сказал то, что сказал, вслух, отправляя его величеству Гашиэну послание: не стоит даже и пытаться затевать что-нибудь против Империи.

— Благодарю, владыка.

— Не за что. Докладывай дальше.

Иритион четко и быстро обрисовал ситуацию, правда, слегка путаясь в количестве собранных налогов, числе новых мануфактур, открывшихся за зиму и прочих вещах, далеких от сражений.

К сожалению, маршал — превосходный тактик и неплохой стратег — был начисто лишен понимания того, что война есть лишь продолжение политики и, что более важно, экономики. Он не осознавал, что миром правят деньги, а победа в любом более-менее серьезном противостоянии куется не на поле брани, а в золотых и серебряных шахтах, в мануфактурах и мастерских, на полях, засеянных пшеницей, и лугах, по которым бродят стада овец.

«Он и не поймет. Никто из них не поймет», — с легкой грустью подумал Шахрион,

отпуская Иретиона. — «Многие все еще живут прошлым. Они разбились на «истинных» — старых — кольценосцев и «скороспелых» — новых владельцев колец. Они интригуют, грызутся, думая, что знают все, и ведут себя как дети... как глупые дети».

Головная боль усилилась, а вместе с ней вновь вернулся мерзкий шепот и излишне ехидные напоминания. Стиснув зубы, Шахрион приготовился слушать очередного докладчика.

Этот вычурный и нудный ритуал — еще одна возрожденная традиция, избежать которой не представлялось возможности — длился, и длился, и длился. Один за другим наместники, городские головы, жрецы, хозяева мануфактур, купцы и ростовщики падали на одно колено, лебезили, признавались в вечной верности и докладывали, докладывали, докладывали.

Запомнить все не смог бы ни один человек, да этого и не требовалось — каждый доклад уже к вечеру будет лежать на его столе, и ближайшие сутки Шахриону придется потратить на личную проверку каждого документа. Все странные, непонятные и неоднозначные будут переданы Тартионне, которая, в свою очередь, направит их одному из своих многочисленных неприметных клерков в мышинового цвета одежде. Серые, как их называли за глаза, с каждым годом играли все большую и большую роль в Империи, пугая людей куда сильнее, нежели даже некроманты или живые мертвецы.

И опасаться их следовало! Во власти этих людей, ответственных за обеспечение благосостояния Империи Тьмы, было натравить вышеуказанных зомби и некромантов на наглецов, осмелившихся утаивать налоги, плевать на распоряжения Черного Властелина, интриговать и плести заговоры.

«Как же все изменилось... Как же мы все изменились... Как же я изменил их всех»...

Наконец, настал черед Гартана говорить.

Кошмарный лич выступил вперед, оглядел собравшихся — от его пронзительного взора люди непроизвольно вздрагивали, а те, кто потрусливее даже подавались назад, — и заговорил, не кланяясь:

— *Владыка, у меня тоже есть радостная весть. Стоградье наконец-то очищено от остатков неуправляемой нежити. Точнее, та его часть, что принадлежит Империи.*

Это, и правда, было приятной новостью. С самого конца войны Империя Тьмы освобождала от нежити ту часть провинции, что осталась под ее контролем. Живых мертвецов, нападавших на все, что шевелится, осталось чудовищно много. Более того, любой человек, умерший в этом проклятом месте, почти мгновенно пополнял армию неупокоенных. Именно поэтому Стоградье указом Шахриона было выведено из-под действия обычных законов Империи и отдано на откуп некромантам.

И те шаг за шагом отвоевывали заброшенные города и деревни этого некогда густонаселенной провинции, оттачивая свои навыки. Конечно же, без мощного войска у них не было ни единого шанса на успех, а потому целых пять легионов размещались в Стоградье, еще два — в Саргилии, на случай если потребуются подкрепления.

«Что ж, можно будет начать переброску поселенцев. Работа им предстоит сложная и непростая, но, полагаю, уже в этом году Стоградье станет заполняться людьми... Надо же, пока все идет так, как я и планировал, не ожидал. Это утешает, однако нужно смотреть правде в глаза: долго такое счастье длиться не сможет».

— А что с новыми студентами Академии некромантии?

— *Превосходно, —* этим достижением лич был особенно доволен. — *Улов составил почти полтора десятка человек. Просто замечательно!*

Да, Гартан мог собой гордиться. Лич так наладил поиск потенциальных магов, что даже Шахриону временами становилось завидно. Слуги верховного некроманта мелкой гребенкой просеивали каждый город, деревню, хутор и дом на отшибе. Они не пропускали ничего и никого, и любой ребенок, способный в будущем поднять хотя бы одного скелета или создать хотя бы один огненный шар был обязан отправиться на учебу.

При этом ходячий скелет, который, кажется, смирился с тем, что все выпускники станут осваивать также и стихийную магию, проявил нетипичную для себя доброту и заботу, разрешив детям три месяца каждого года проводить с родными и близкими. Более того, он предложил Шахриону платить будущим имперским чародеям жалование в день зачисления, что также способствовало притоку свежей крови.

Император согласился со всеми этими новшествами без разговоров. Постоянное наращивание числа магов было жизненно необходимо Империи Тьмы. Да, Лига разгромлена, Исиринатия вот уже пятый год не выходит из состояния гражданской войны, Прегиштания все еще истекает кровью в безумной резне против дварфов, Радения, потеряв изрядную долю своих земель, затаилась, да и Орден так и не сумел оправиться после уничтожения своего главного замка в негасимом змеином пламени, но это ничего не значило. Шахрион слишком хорошо знал, как победа оборачивается своей полной противоположностью.

Он сам продемонстрировал это правителям Лиги!

А потому, почти третья часть всего ежегодного дохода казны уходила на прокорм армии и магов. Пятнадцать полнокровных легионов, если, конечно, слово «полнокровный» применимо к десяткам тысяч замерших — усовершенствованных живых мертвецов, способных выполнять простейшие команды и держать строй; тяжелая конница, составленная из рыцарей смерти — высшей нежити; огромное количество стрелков — императорский эдикт обязал всех взрослых дееспособных горожан с доходом выше определенной суммы хранить дома арбалет с запасом болтов и регулярно тренироваться; и маги, маги, маги... Ах да, и, конечно же, укрепления. Число крепостей, подлежащих ремонту, либо доработке, поражало воображение, однако никуда от этого Шахрион деться не мог. Крепости — это то, что не позволит его рыхлой державе развалиться в трудный час. То, что задержит врага и даст время перегруппироваться, то, что, наконец, сломает шею особо ретивым, но не слишком умным генералам. И на них золота, естественно, не жалели.

«К слову о крепостях», — подумал Шахрион, — «а вот и могучий Раст Айлиэн начинает говорить».

Этот исиринатиец еще четыре года назад — буквально спустя месяц после провозглашения императором эпохи Реставрации — разобрался в быстро меняющейся ситуации и предложил Черному Властелину свои услуги. Человеком он был, прямо скажем, выдающимся и непонятым — венценосцы неохотно выделяли деньги на его дорогостоящие проекты, а вот Шахриону чародей понравился сразу.

Одаренный Дочерью фанатик, ценивший только одну вещь в жизни — камень — мог заставить людей выполнить работу, на которую уходил год, в половину этого срока. Он буквально заражал окружающих своим безумием и те, вкальвая как проклятые, возводили укрепления с такой скоростью, что глаза отказывались в это поверить. К тому же Раст, являясь могучим магом земли, лично зачаровывал свои башни, стены и бастионы.

Естественно, полного доверия к нему Шахрион не испытывал, и перепроверял каждый объект, зачастую — самостоятельно, но исиринатиец до сих пор не дал ему ни единого

повода усомниться в собственной лояльности, за что и был награжден местом в Малом Совете.

После него выступили еще полтора десятка человек, и, наконец-то, затянувшаяся церемония начала подходить к концу. Осталось всего несколько человек, после чего, как велела традиция, финальное слово скажет Тартионна. Госпожа обязана обращаться к своему Властелину последней.

«А жаль, она принесла самые важные вести», — подумал Шахрион, взглядываясь в ряды. — «Ну и кто там у нас? А-а-а, благороднейший Арлиан».

Правитель Кинории вышел вперед и поклонился.

Нельзя сказать, чтобы Шахрион сильно любил этого человека, но уважать — уважал. Арлиан — единственный из кольценосцев — был связан с Империей лишь вассальной клятвой, и не подчинялся Шахриону, как своему владыке и хозяину.

Переход Кинории на сторону Империи во время войны Реставрации во многом предопределил победу в Радении и стал поистине неприятным сюрпризом для его величества Гашиэна, а Шахрион, давший тогда Арлиану гарантии неприкосновенности, от своих слов не отказался. И дело тут было не только в излишней принципиальности Черного Властелина — ради дела тот был готов поступиться многим, и такая чепуха, как «честь», его особо не волновала. Все обстояло куда проще: правитель, не выполняющий своих обещаний, должен быть готов к тому, что и подданные не выполнят свои. Конечно, если выгода от нарушенного слова перевешивает издержки, на подобные мелочи никто не станет обращать внимания... вот только в данном случае относительно слабая зависимость Кинории от Империи Таараш была вполне приемлемой ценой.

Император отчаянно нуждался в весе и влиянии благороднейшего Арлиана, в силе его полков — а тот мог выставить на поле боя до двадцати тысяч человек — и, конечно же, в его золоте.

Одну вещь Черный Властелин усвоил очень давно: денег никогда не бывает слишком много. Даже если твоя казна трещит от набитых сундуков, составленных один на другой в три ряда, лучше пристрой сарайчик, чтобы складывать туда новые поступления. Сегодняшнее изобилие с легкостью превратится в завтрашнюю нужду, но звонкую монету взять уже будет неоткуда.

А благороднейший не только поддерживал своего сюзерена во всех его начинаниях, но и вкладывал значительные средства в создание мануфактур, содержал несколько больниц и вообще — всячески демонстрировал лояльность.

— Владыка, — пожилой мужчина, напомилавший чем-то вековой дуб, опустил на одно колено, — дозволю обрадовать тебя добрыми вестями.

— Дозволяю, — чуть устало ответил Шахрион.

Арлиан поднялся и, спрятав ладони за спину, начал свой доклад.

Выходило, что в Кинории, постепенно привыкающей к единству — до войны Реставрации она была разделена между Исиринатией и Раденией — дела идут на лад. Народ пережил зиму без каких бы то ни было серьезных проблем, последние недовольные, злоумышлявшие против владыки болтаются в петлях, зловерные раденийцы вот уже год как не пытаются придумать что-нибудь этакое.

Когда речь благороднейшего подошла к концу, тот, замывшись на миг, произнес:

— Владыка, я хотел бы опросить тебя о небольшом одолжении. Дозволено ли будет мне сделать это?

Шахрион насторожился. Обычно об одолжениях его просили в куда более приватной обстановке, и уж точно не на глазах всего двора. Император пристально воззрился на Арлиана, который — вот неожиданность — и не подумал отводить взгляд.

«Какую же игру ты ведешь, хитрая лисица»? — подумал он, но вслух ничего не сказал. — «Ладно, давай, узнаем».

— Как я могу отказать столь верному слуге? — с легкой улыбкой ответил он. — Слушаю.

— Я хочу просить не для себя, а для дочери, — удивил его Арлиан. Он полуобернулся и махнул рукой кому-то, стоявшему в плотном кольце придворных.

Люди, как по команде, расступились, и к возвышению, на котором стоял Черный Трон, не вышла — выплыла — девушка, облаченная в длинный черный плащ с капюшоном. Каким образом Арлиан умудрился протащить ее в подобном одеянии на расстояние в десяток футов от императора — понять было решительно невозможно.

«Судя по всему, денег на этот спектакль он потратил изрядно», — меланхолично отметил Шахрион. — «У Империи появилось много золота, а вместе с ними сей же час расцвело и мздоимство. Иронично».

Впрочем, расслабляться Черный Властелин и не собирался, равно как и его личные стражи. Десять рыцарей смерти, замерших у подножия трона, как по команде положили ладони в металлических перчатках на рукояти своих длинных мечей, и в этот миг девушка отработанным движением развязала тесемки, держащие плащ. Шелк заструился по телу, падая на пол и открывая взору собравшихся изящный стан.

Даже у Шахриона — человека весьма далекого от плотских желаний — на миг сперло дыхание, когда он рассмотрел дочь благороднейшего.

«А ведь я видел ее десятилетней соплячкой», — неожиданно вспомнил Черный Властелин. — «Как же быстро девчонка выросла».

И правда, назвать эту ослепительную красавицу ребенком, мог бы только абсолютный безумец. Высокая, статная, с волосами, свободно струящимися до середины бедер, облаченная в облегающее платье с глубоким декольте, открывавшим взору немалую часть роскошной груди, девушка эта могла привлечь внимание кого угодно.

Шахриону показалось, что он услышал какое-то сдавленное кряхтение, и, покосившись, проверил, не Тартионна ли издала странный звук. Нет, его жена сидела все так же ровно, со спокойным выражением лица, но вот ее глаза метали громы и молнии — ей явно не понравилась наследница Арлиана.

Кольценосица, меж тем, как и полагалось пред ликом Черного Властелина, опустилась на одно колено.

— Мое имя — Дарлионна, о владыка, дозволь говорить.

— Поднимись и говори, — разрешил Шахрион.

Та повиновалась, и когда изумрудные глаза остановились на нем, императору пришлось призвать все самообладание, дабы ни единым жестом, ни единым звуком не выдать тот факт, что чары красавицы действуют и на него тоже. Конечно, слабее, чем на остальных, но все же, все же...

— Я прошу права остаться при дворе и служить вам в меру моих скромных сил и возможностей, — потупившись, проворковала девушка.

«По-нят-но», — мысленно отчеканил Шахрион.

Судя по всему, Арлиан, решивший, что при дворе у него недостаточно веса, решил

испробовать проверенный и надежный способ — отправить туда красивую девушку, а по совместительству — свою единственную наследницу. Там она отыщет друзей, возможно, сумеет заручиться покровительством влиятельных чиновников, а если повезет, то и отхватит себе какого-нибудь молодого кольценосца вроде того же Китариона.

«Весьма честолюбиво, благороднейший, не могу не одобрить ни способ, ни исполнителя».

Отказать не получится, значит, придется соглашаться.

— Извечный Арлиан, я с радостью приму твою прекрасную дочь к своему двору. Уверен, что ее ум поможет решить не одну государственную задачу, а красота — усладит взор множества людей.

Отец и дочь склонились в одинаково глубоких поклонах и заняли свои места в рядах знати, а Шахрион перевел взгляд на Тартионну. Как его жена, а также — первая советница, та обладала рядом привилегий, например, могла закрывать этот балаган. Но перед этим, опять же, согласно традиции, Госпожа имела право представить на суд Черного Властелина просьбу. Любую.

Шахрион знал, о чем пойдет речь, и ждал этого.

Тартионна медленно и торжественно поднялась со своего трона и плавно — она что, пытается покачивать бедрами? — спустилась вниз, заняв положенное место.

— О мой владыка, — склонила она голову, — сегодня я хотела бы пригласить к подножию Черного Трона посла славного халифа Шшиира Великого. У него есть важная просьба и я молю о том, чтобы ты выслушал ее.

Шахрион кивнул.

— Дозвольте послу предстать перед Черным Троном, — распорядился он.

Тотчас же стражники открыли двери, в которые и вошли несколько ящеров. Они были одеты традиционно богато: шелка и драгоценные камни, золото и серебро... Всего этого было так много, что неискушенному человеку обязательно показалось бы, что он имеет дело с ходячей и говорящей кучей тряпья, стоимостью в десяток комплектов доспехов. Но Шахрион знал — лиоссы просто не могут иначе. Для них посол — ящер, говорящий от лица своего владыки, — просто не имеет право выглядеть бедно, ведь таким образом он унижает хозяина, а такой позор смывается исключительно кровью. А уж если вспомнить, кого именно халиф отправил в Империю для переговоров...

Послы подошли к Тартионне и как по команде униженно бухнулись на колени, вытянув вперед лапы ладонями вниз, и едва не касаясь лбами красного ковра. Подобное поведение — весьма нетипичное для этого народа — означало не просьбу, а мольбу.

— Поднимитесь и говорите, — приказал Шахрион.

В общих чертах он знал, о чем хотят попросить послы, более того, собирался частично удовлетворить их просьбу.

— О великий, — шипящим тихим голосом начал первый из них. — Я — Харшшаан Могучий сын Шшиира.

Говорил он на всеобщем великолепно, почти не растягивая слова, как часто делали ящеры, переходя на язык людей, и, не видя лица, Харшшаана можно было бы принять за прегиштанца с самого юга континента — у тех был похожий выговор. Кто бы ни учил сына халифа, свое дело он знал, ну а молодой наследник оказался талантливым юношей.

— В годы тяжелой нужды, — продолжал меж тем посол, — он, как мог, поддержал Империю Тьмы.

«За хорошие деньги и некоторые обещания».

— Быть может, помощь моего отца и не была большой, но и ее вес лег на чашу весов.

«Увы, это приходится признать».

— И теперь, когда Империя возродилась и блистает во всем своем великолепии, для нас, напротив, настали тяжкие и горькие дни. Самопровозглашённый халиф Гайшшар Бич Пустыни сын Ишшаррисса, да будет проклято имя его, подчинил себе уже почти половину халифата, и не планирует останавливаться на достигнутом. Его армия велика, убийцы опытные, а честь подобна куску льда, оставленному посреди пустыни.

«Другими словами, он — моя копия».

— Этот презренный и бесчестный червь осмелился бросить вызов отцу и нанес его армии поражение, оправиться от которого будет непросто даже столь могучему правителю, как Шшиир Великий!

«Велик твой отец, разве что, размерами, потому и потерпел уже несколько поражений от Бича Пустыни».

— Грустно слышать об этом, — вслух проговорил Черный Властелин. — Халиф Шшиир — верный и надежный союзник. Скажи, юный Харшшаан, чем я могу помочь?

Ящер моргнул, отчего его вертикальные зрачки на миг укрылись за тонкой пленкой века.

— Мой отец не надеется на военный союз, это было бы излишне грубым с его стороны, — ответил посол. — Он не просит и армий, хотя сам несколько лет назад предоставил один полк для защиты Зантриана...

«Потому что все же не дурак и знает, что получить можно, а что — нельзя», — подумал Шахрион, ободряюще кивая послу.

Тот, чувствуя, что Черный Властелин настроен дружески, продолжил уже более уверенным тоном.

— Отец молит помочь деньгами и вашими знаменитыми стрелометами, слава о которых идет по всему миру.

Разумная и крайне взвешенная просьба. Золото позволит купить часть союзников Бича Пустыни и отряды наемников, коих на востоке водится так же много, как и песка — бесконечная война всех против всех породила изрядное количество ящеров, зарабатывающих на жизнь продажей клинков. Шахрион во время подготовки к войне Реставрации и сам подумывал воспользоваться их услугами, но в последний момент отказался.

У наемников, при всей их выучке и мастерстве, есть одна крайне неприятная особенность — они не любят воевать за тех, кто, по их мнению, проигрывает. И меньше всего Шахриону в тот период требовалась измена. Но у халифа ситуация другая. Да, этот странный соперник, выскочивший так неожиданно, что даже Черный Властелин удивился, обладал изрядным влиянием, которое с каждым месяцем продолжало расти, но...

«Но оно крайне эфемерно, прямо как у меня. Должно пройти время, чтобы те, кто склонил головы, смирились со своей судьбой, а до этого хватит небольшого поражения, и вчерашние союзники переменят сторону, а вассалы, клявшиеся в верности, разбегутся».

Это справедливо и людей и для лиосцев.

Поэтому несколько десятков тысяч воинов, купленных на золото Империи, а также — пара тысяч арбалетов, которыми можно будет снабдить самых верных и преданных сторонников, действительно в состоянии изменить расстановку сил на востоке. Нет, они не позволят халифу победить, но этого Шахриону и не требовалось.

Резня в пустыне должна длиться десятилетиями. Меньше всего Черному Властелину

хотелось заполучить на восточных рубежах молодое и агрессивное государство, ведомое фанатичным правителем, готовым на все, что угодно. Правителем, похожим на него самого.

Именно поэтому Шахрион даже не пытался заключить союз с Бичом Пустыни, хотя и отправил к нему послов с дарами, когда стало ясно, что новый вожак ящеров становится реальной силой.

— Я не привык бросать союзников в беде. Конечно же твой отец получит золото, оружие, доспехи, а также — магов и опытных офицеров, — торжественно провозгласил Шахрион. — Детали мы обсудим позже, но вот мое слово: я — верный друг халифа и самозванец узнает об этом.

«Конечно же узнает, ведь у него есть несколько шпионов при лиосском дворе. А что потом? Потом, как я надеюсь, этот Бич Пустыни немного успокоится. Если же нет»...

Перспектива отправки войск на восток не слишком привлекала императора, однако у него оставалось не так много союзников, пускай и столь ненадежных, и переменчивых, как халиф Шшиир, чтобы попусту разбрасываться ими. А потому Империя передаст халифу арбалеты, доспехи, и людей, которые обучат ящеров всем этим пользоваться. Она направит нескольких опытных чародеев, чтобы те укрепили оборону столицы. Ну а золоту, пожалуй, халиф и сам найдет хорошее применение. Вот только всего этого не хватит для победы.

Молодой посол скорее всего не понимал этого, и счел благосклонность императора результатом своих талантов. Впрочем, его радость была искренней и неподдельной — ящер вновь бухнулся на колени.

— Благодарю, о владыка! Да снизойдет на тебя благословение Великих Древних, да будет ваша Мать Тишины добра к столь славному и столь щедрому правителю...

Да будет проклят он во веки веков...

Знакомый глумливый голос едва не заставил Шахриона вздрогнуть, и он плотнее сжал зубы. Тень, его спутница, его проклятье, его плата за содеянное, наконец-то показала свою мерзкую рожу.

Рожу? У меня ее нет, маленький император. А вот ты что-то выглядишь не очень здоровым...

Шахрион набрал полную грудь воздуха, прикладывая титанические усилия для того, чтобы не обращать внимания на сущность, материализовавшуюся за правым плечом и нашептывающую в ухо всякие глупости.

«Да: глупости, глупости, глупости!»!

Черный Властелин и сам не понимал, отчего так быстро теряет спокойствие, стоит только Тени проявить себя, подозревал, что она каким-то образом воздействует на его разум. Понять бы еще — каким?

Хуже другое — он уже чувствовал приближение приступа. А это было по-настоящему неприятно. Никто — ни единая живая или мертвая душа не должна видеть его в момент слабости. Он просто не имеет право на это...

Смешок... и неожиданно Черному Властелину полегчало.

«Нет, это ловушка, она и раньше делала вид, что уходила лишь для того, чтобы атаковать меня в самый неподходящий момент».

Из-за появления Тени император пропустил пару минут, но, к счастью, все это время посол ящеров упражнялся в славословии, а поэтому ничего страшного не произошло. Терпя и мысленно ругая Харшшаана Могучего за цветистость выражений, он с трудом дождался, пока тот наконец закончит, и только после этого махнул рукой, давая понять, что аудиенция

закончена.

Послы вышли, а вслед за ними, после того как гвардеец ударил в ритуальный гонг, начали рассасываться и придворные. Торжественная часть закончилась, и гостей ждал пир. Не слишком роскошный — Шахрион, за годы подготовки приучившийся экономить каждый медяк, не очень жаловал пустую трату денег на яства — но достаточно богатый. Подобающий императору...

«Как же мы все изменились за эти четыре года», — вновь думал Шахрион, глядя на выходящих из зала для аудиенций дворян. — «Как разительно, невообразимо мы изменились»...

Он смотрел на них и ощущал накатывающую волну дурноты, волну безумия, готовую вот-вот прорвать платину здравого смысла и рассудка.

«Я должен уйти отсюда... Нужно увидеть сына»!

Император резко поднялся и, не дожидаясь жены, направился к второму выходу из зала — небольшой двери, расположенной позади трона.

«Нужно... побыть... с ним...на пиру... без меня... справятся»...

Глава 2

Восьмой день второго месяца весны 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), закат.

— Папа, а как ты это делаешь? — восхищенный голос ребенка вновь вернул Шахриона к реальности.

Как и всегда, присутствие сына заставляло Тень отступать. Ненамного, самую малость, но все же даже такие крохи дарили облегчение.

— Все очень просто, смотри, сейчас покажу.

И Черный Властелин, человек, от одного имени которого простые смертные тряслись в ужасе, принялся складывать бабочку из большого листа бумаги. Потом сын ее раскрасит — мальчик обожал рисовать, и уже сейчас было видно, что у него есть талант.

Кому-то могло показаться, что живопись — не самое лучшее развлечение для Черного Властелина, однако Шахрион, души не чаявший в ребенке, и не думал ворчать по этому поводу. В конце концов, кому станет хуже если будущий император вырастет неплохим художником?

Мальчик внимательно наблюдал за тем, как большой тонкий прямоугольный лист превращается в существо с крыльями. Император улыбнулся, не обращая внимания на доносившийся откуда-то бубнеж Тени. Да, тварь отступила, но она и не думала уходить насовсем. Если бы все было так просто...

— Вот, бери, — он передал сыну бабочку и тот радостно засмеялся, держа по крылатой игрушке в каждой руке.

— Я люблю тебя, папотька.

— И я тебя, ежонок, — Шахрион погладил сына по голове. — Ты даже не представляешь, как сильно.

Ребенок зажмурился от удовольствия и весело засмеялся, радуясь тому, что вечно занятый отец нашел немного времени для игры. Черный Властелин улыбнулся одними губами — на душе у него скребли кошки.

«Сколько мне еще осталось? Сколько я выдержу»? — такой простой и такой страшный вопрос. Не раз и не два он задавал его, и только любовь к сыну удерживала Шахриона от глупостей, позволяла хоть как-то противостоять все возрастающему безумию.

Посмотрев в окно и горестно вздохнув, Шахрион поднялся.

— Я должен идти, сынок.

Мальчик шмыгнул носом.

— Но ты же плидешь?

Он пока что плохо выговаривал буквы р и щ, отчего речь ребенка становилась даже более умильной, чем обычно.

— Обязательно. Приду перед сном и прочитаю тебе сказку.

— Ула-а-а! — сын обнял отца, и уже в следующий миг вернулся к своим бумажным бабочкам.

Шахрион вновь улыбнулся, на этот раз — чуть искреннее — и покинул покои, кивнув двум служанкам. Женщины тотчас же вошли внутрь, плотно затворив за собой дверь. Каждая из них была одинокой сиротой без родных и близких, каждая являлась сильной некроманткой, каждой Шахрион с Гартаном доверяли, достаточно для того, чтобы

оставлять их вместе с принцем, но не слишком сильно — именно поэтому служанок было две. Каждой был дан приказ следить не только за маленьким Паштионом, но и за коллегой. Паранойя, разраставшаяся в мозгу императора вместе с безумием, не позволяла тому оставлять сына и единственного наследника без надежной охраны. Лич, впрочем, в этом вопросе целиком и полностью поддерживал Властелина.

Шахрион прошел несколько коридоров, свернул направо и поднялся по лестнице, бросив очередной короткий взгляд за окно. Небеса горели багрянцем и золотом, закат, красный, точно кровь, разливался во все стороны.

«Очередное дурное предзнаменование»? — подумал император.

Конечно же, а ты как думал?

Он вздохнул и покосился. Как и следовало ожидать, старая знакомая была тут как тут — неясный силуэт за левым плечом.

За последние годы Тень изменилась, приобрела рельефные очертания, начала выглядеть более живой и настоящей. Единственное, что осталось прежним — так это ее умение выводить Шахриона из себя.

— Держалась, сколько могла? — осведомился он, продолжая движение.

«До рабочего кабинета совсем чуть-чуть, там, глядишь, отстанет».

Ну что ты, мой дорогой император, мы же друзья, как я могла мешать тебе проводить столь замечательное собрание? Вызвать приступ ярости в зале, забитом придворными? Заставить тебя вскочить и наброситься с кулаками на пустоту? Нет-нет, разве такое допустимо?

И, как и всегда, необъяснимая ярость поднялась откуда-то из глубин души Черного Властелина, и он, скрипя зубами от бессильной злобы, процедил:

— Я все равно найду способ избавиться от тебя, тварь.

Попробуй, попытайся, придумай, — хихикнуло создание.

Шахрион моргнул и с удивлением понял, что стоит, положив пальцы на ручку двери своего рабочего кабинета.

«Когда это я успел оказаться тут? Еще минуту назад ведь был на лестнице», — он тряхнул головой и решительно открыл дверь. — «Наверное, показалось. Я так задумался, что не успел заметить, как дошел»...

Он сел за рабочий стол, заваленный многочисленными посланиями и документами, и только теперь со всей отчетливостью осознал одну ужасную в своей простоте мысль: «У меня осталось слишком мало времени»!

Шахрион сглотнул и спрятал лицо в ладонях, отгоняя подступающую панику.

«Нет, это опять Тень, это все ее проделки!» — успокаивал он себя, понимая, однако, что странная сущность, свившая гнездо в его мозгу на сей раз не виновата. Болезнь действительно зашла слишком далеко и нужно действовать как можно быстрее...

Первым делом император извлек из ящика небольшой ларец, доверху набитый серыми пилюлями. Он кинул в рот сразу три, после чего запил их водой из кувшина.

Спустя несколько минут боль, сопровождавшая каждый его шаг, отступила, сознание подернулось туманной пленкой, стало почти хорошо. Почти, потому как проклятая мигрень и не думала исчезать насовсем. О нет! Время от времени она давала о себе знать, тогда огненные всполохи боли выстреливали в затуманенный лекарствами разум, и император морщился.

Шахрион со вздохом посмотрел на коробку с пилюлями. Это уже третье лекарство, куда

более мощное, нежели предыдущие два, и даже его он вынужден глотать горстями! Первый со Вторым с ног сбиваются, чтобы найти надежных алхимиков, не задающих вопросы и знающих свое дело, и с каждым разом их задача все усложняется.

Лекарства эти не были волшебным средством от всех бед. Они вызывали привыкание, губили здоровье, и ощутимо притупляли восприятие, а также — мешали думать, но без них, увы, Шахрион уже не мог. Вздохнув, он сел в кресло и принялся за дело.

Работа не шла. Император с трудом разобрался с самыми важными вопросами, после чего поднялся, запер кабинет на ключ и подошел к портрету отца, висевшему в углу. В неярком свете масляной лампы тот казался укутанным саваном мрака, и походил больше на приведение, нежели на человека.

Шахрион нажал на неприметный камешек в кладке, и картина отошла в сторону, открывая небольшой тайник, в котором покоилось несколько книг. Император осторожно достал самую верхнюю, пробежал пальцами по тусклому окладу из позеленевшей бронзы, украшенному несколькими черными опалами. Гримуар этот вместе с еще несколькими фолиантами пять лет назад принесли Первый со Вторым... И Шахрион долго не осмеливался даже коснуться сокровища, украденного из хранилища Ордена! Думал, получится как-нибудь обойтись...

Не получилось.

Усевшись удобнее, он аккуратно открыл книгу на первой странице и в очередной раз принялся вглядываться в пожелтевшие пергаментные листы. Шахрион в очередной раз погрузился в чтение мерзости, представлявшей собой смесь книги заклинаний с дневником и собранием откровений бредящего умалишенного. Книга принадлежала Безумному Императору, так сказать, идейному вдохновителю Шахриона на проведение безответственного и кошмарного ритуала, превратившего Стоградье в землю мертвецов, но даровавшего императору сказочное могущество.

Первые страницы выглядели в целом нормально и не представляли собой чего-нибудь особенно интересного, но чем дальше, тем страшнее становились письма. В какой-то момент чернила изменили свой цвет на алый, строчки из ровных и четких, будто ряды пикинёров в баталии, превратились в скачущих по ухабам диких коней, логичные последовательные рассуждения уступили место бреду: несистематизированному, нелогичному, перелетающему с одного на другое.

И, тем не менее, Безумец, оставался великим магом: странные записи перемежались описанием — четким, детальным и крайне информативным — проведенных экспериментов, разработанных заклинаний и подмеченных закономерностей. Казалось, что в какие-то моменты безумие отступало, и далекий предок Шахриона, вновь обретая возможность действовать и размышлять, как здоровый человек, старался записать в дневник как можно больше. Именно в этих островках разума посреди океана сумасшествия Шахрион первоначально и искал ответы, потому как видел — Безумец терзался своим недугом и прикладывал нечеловеческие усилия для того, чтобы найти какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. И с каждой новой страницей — прожитым месяцем — записей вменяемого человека становилось все меньше, а каракулей сумасшедшего — все больше.

Последние страницы, написанные неровным торопливым почерком, вообще было сложно понять, но обрывались они тремя понятными, и крайне важными словами: «я нашел место, он не врал».

Что за место? Для чего? Где оно расположено? Кто он? О чем не врал? Книга не давала

ответа на этот вопрос, ну, или Шахрион не мог его отыскать, но страстно желал этого. Именно поэтому вот уже почти неделю император, отчаявшись найти ответы в рациональной части дневника, все больше и больше погружался в пучины безумия своего предка — как будто собственных проблем с головой мало! — пытаясь зацепиться взглядом за что-то, что даст хотя бы примерные ответы.

— Третьего дня, — прочитал вслух Шахрион. — Я поел вкуснейших лягушачьих лапок. М-м-м, деликатес... Завтра надо будет попробовать человеческую печень... Три на двадцать семь равно восемь лун плюс одно солнце... Солнце — тучи, тучи — дождь. Снег посреди лета? Ха! Они увидят, увидят... Не-е-ет... Я... Я... Двадцать шесть месяцев минус пять дней. Надо будет выпить крови. Наверное, вкусно...

Шахрион прикрыл глаза.

«Проклятье, как выудить хотя бы что-нибудь полезное в этом потоке?»

Вопрос, увы, нетривиальный, и, что самое главное, жизненно важный. За время, прошедшее с окончания войны, книга Безумца оставалась самой важной его зацепкой. Древний император сделал то же самое, что и Шахрион. Это превратило предка — и так весьма сильного мага — в оживший кошмар, от одного имени которого трепетали все враги Империи Тьмы. Но это же стало началом заката древнего государства. Заката неторопливого, растянувшегося на века, но, тем не менее, неизбежного.

Нечто свело Лириона Второго с ума, и Шахрион полагал, что знает, на какое имя отзывается это самое «нечто». А раз так, в личных записях Безумца просто обязаны найтись ключи к происходящему!

Но их не было ни одного, кроме, конечно, последних слов.

«Я не должен сдаваться. Именно этого она и хочет! Она не отступит и не оставит меня в покое ни на миг. Ей нужно, чтобы я стал вторым Безумцем, не знаю уж, для чего!»

От этих нерадостных размышлений Черного Властелина оторвал тихий, неуверенный, стук в дверь. Шахрион дернулся, вскочил из-за стола, точно мальчишка, которого застали за непотребным занятием, закрыл книгу и быстро спрятал ее. Как только картина встала на место, он подошел к двери.

— Тартионна, ты рановато, — начал император и осекся.

Он ошибся — на пороге стояла не жена, а Дарлионна. Благороднейшая уже успела переодеться, и теперь щеголяла в изумрудно-зеленом платье с высоким воротом, будто перчатка обегавшем ее точеную фигурку. Длинные черные волосы, уложенные в большую толстую косу, перекинутую через плечо, и сейчас наследная правительница Кинории теребила кончик этой самой косы, что выдавало волнение.

— Мой господин, — она склонилась в поклоне.

— Поднимись, — распорядился Шахрион. — Не ожидал тебя здесь увидеть извечная.

— Я просто не могла ждать, о мой господин, — обворожительно улынулась девушка, демонстрируя ряды ровных жемчужных зубок. — Надеялась, что смогу добиться аудиенции уже сегодня.

— Аудиенции по какому поводу? Шахрион вышел из кабинета и запер за собой дверь — девушке совершенно нечего было делать внутри. — И кстати, где твоя служанка? Благороднейшей не к лицу оставаться наедине с мужчиной, кем бы тот ни являлся по происхождению.

— Что ты, о владыка, — Дарлионна тихо засмеялась, прикрыв рот ладошкой. Смех этот — не громкий, не тихий, точно выверенный, вызывал и уважение, и опасение одновременно,

ведь человек, способный так четко контролировать себя, не может быть простаком. — Разве наш славный император и муж прекрасной Тартионны может причинить вред своей верной слуге?

Говоря это, она не заглядывала ему в глаза, не пыталась заискивающе улыбаться, но, тем не менее, фраза получилась излишне льстивой на вкус Шахриона. Впрочем, он решил не придавать этому особого значения и, подав гостю руку, медленно двинулся к Залу Предков — солнце давно уже село, а он не то, что пообедать, но даже позавтракать толком не успел.

— К тому же, — заметила Дарлионна, — боюсь, что, если бы я даже и пожелала уединиться тобой, это было бы невозможно, учитывая количество людей, снующих по залам и переходам денно и ночью.

Тут она если и лукавила, то лишь самую малость. Стремительно разросшаяся страна требовала огромного количества управленцев, к которым стекались многочисленные отчеты, донесения, жалобы и прочее, прочее, прочее. А армада управленцев, в свою очередь, нуждалась в штате слуг, которым приходилось их кормить, поить, стирать грязную одежду и выполнять многочисленные поручения.

Всех этих людей следовало защищать — работа гвардии императора. А еще — контролировать, чем занимались многочисленные слухачи Тартионны. Ах, и вот еще: чтобы они не умерли от голода, холода и болезней, следовало регулярно привозить в столицу тысячи и тысячи возов, груженных самыми разнообразными товарами, а это, в свою очередь, вызывало необходимость содержать огромные конюшни. А о животных, как нетрудно догадаться, надлежало заботиться — эти существа, которых в Империи с каждым годом становилось все больше и больше, оказались на удивление капризными и недолговечными. Да что уж там, проклятые твари, каждая из которых стоила, как комплект доспехов для рыцаря, норовила подохнуть от легкого чиха в ее сторону!

А значит: конюшие, лекари, кузнецы, которые будут делать подковы, седельных дел мастера и многие другие.

Их также следовало кормить, одевать и обеспечивать всем необходимым.

И — да, управлять этим диким муравейником, не сойдя с ума при этом, было весьма и весьма проблематично. Именно поэтому Майширион — старый кастелян, служивший еще при отце, в последние пару лет обзавелся десятком заместителей, каждый из которых в любое время дня и суток носился, точно ошпаренный, пытаясь разорваться для решения сразу сотни ну очень срочных дел.

— Да, — согласился Шахрион, — жителей в замке изрядно прибавилось, впрочем, места у нас еще хоть отбавляй.

Они прошли через длинный зал, мебель в котором была завешена покрывалами, а на многочисленных мраморных статуях лежал слой пыли. Лишь следы самого Шахриона позволяли понять, что этим путем кто-то пользуется.

Дворец Черного Властелина — этот монструозный, циклопических размеров гигант, лишь пробуждался после векового сна. На пике могущества Империи Тьмы, он был домом для куда большего количества людей.

«Возможно, еще станет», — подумал Шахрион, тотчас же отгоняя следующую мысль, которая, увы, все-таки умудрилась выбраться наружу — «Если я не сойду с ума и не разрушу все».

— Итак, извечная, утром у нас не было времени на долгий разговор, сейчас — есть. Я хотел бы узнать, как именно ты желаешь служить престолу?

Дарлионна улыбнулась — так искренне, так чисто и невинно, что Шахриону даже на какой-то миг показалось, будто перед ним и правда наивная и глупенькая дева, а не дочь своего отца.

— Я всю жизнь мечтала побывать в знаменитейшей библиотеке Черной Цитадели. Отец рассказывал, что в ней хранится больше всего книг в мире.

Шахрион не сумел сдержать улыбку. Подлизывалась эта девочка мастерски, отлично выбрав тему для того, чтобы втереться к нему в доверие: император с детства обожал книги и читал буквально все, что только получалось.

«Хороший ход, благороднейший, ты достойно подготовил дочь», — подумал он, прикидывая, стоит ли начать пристальную слежку за Дарлионной, или все-таки повременить немного.

Решив, что, пожалуй, недельку-другую можно и подождать, он проговорил:

— Ты хотела бы работать в архивах?

— Да, о мой господин! — радостно воскликнула девушка.

— Что ж, думаю, это можно организовать.

— Благодарю, о владыка! — воскликнула девушка. — Ты невероятно щедр!

Они спустились на один этаж и оказались перед дверьми, возле которых дежурили два гвардейца. Живых, не рыцарей смерти. Увидев императора, солдаты вытянулись по стойке смирно, выверенным движением распахнув двери.

В последние полтора года Шахрион взял обыкновение ужинать исключительно в Зале Предков, который таким образом превратился в его личную столовую, именно поэтому поблизости всегда дежурили несколько человек, готовых накрыть стол по первому приказу владыки.

Император и сам не знал, отчего его так сильно тянет в это увешанное древним оружием и полуистлевшими знаменами место. Быть может, именно потому, что шесть лет назад здесь произошла встреча с Ратриолой, до мельчайших деталей выверенная эльфийским зрящим, настоящим творцом возрождения Империи Тьмы. Пускай и невольным. А может, причина крылась в чем-то другом. Но, так или иначе, именно в Зале Предков Шахрион предпочитал столоваться.

И как-то так сложилось, что остальные члены Малого Совета Империи также переняли эту привычку, а потому едва ли не в любое время суток в Зале Предков обязательно можно было теперь найти одного из приближенных императора.

И сегодняшний вечер не оказался исключением. Когда Шахрион, сопровождаемый Дарлионной, вошел в зал, на единственном занятом стуле восседала его жена, аккуратно поглощавшая отварную куриную грудку. Тартионна никогда не страдала от чревоугодия, и питалась очень просто для человека ее положения.

Заметив вошедших, она чуть нахмурилась, затем нацепила на лицо придворную благожелательную улыбку и вежливо — чересчур на взгляд Шахриона — поздоровалась.

— Доброго вечера, владыка. Я вижу, ты закончил все дела и решил порадовать меня своим присутствием, очень рада этому. Извечная Дарлионна, приятно видеть тебя в добром здравии. Прошу, присоединяйся.

Все это было сказано учтивым тоном, без единого даже намека на неуважение, но отчего-то температура в комнате резко поползла вниз, хотя Ледяная Ведьма и не использовала магию.

— Госпожа моя, это честь принимать пищу рядом со столь выдающейся женщиной.

Дарлионна, не заставив себя должно ждать, уселась напротив Тартионны, буквально пожирая ту восторженным взглядом.

«А может, я все-таки напрасно беспокоюсь на ее счет»? — подумал Шахрион, занимая место рядом с женой. — «Может, она — действительно дурочка, очарованная книгами и не понимающая, сколь двусмысленно выглядят ее действия»?

Интересный вопрос, который следует обдумать на досуге, когда за левым плечом не будет торчать одна донельзя неприятная особа. Он покосился, стараясь сделать это максимально незаметно.

Ну да, все как всегда — Тень, присутствие которой император почувствовал еще по пути в Зал Предков, была тут как тут. Стояла и ждала.

Даже не нашептывала ничего и не пыталась вывести его из себя. И это, откровенно говоря, пугало императора куда больше, чем даже провалы в памяти или приступы неконтролируемой ярости, которые случались все чаще и чаще.

— Как вам наше скромное жилище? — Тартионна завязала непринужденный светский разговор.

— Просто великолепно! — воскликнула девушка. Она явно хотела что-то еще добавить, но неожиданно взгляд кольценосицы устремился за спину императрицы, и та совершенно, по-детски всплеснув руками, указала на стену. — Неужели это ритуальные обсидиановые кинжалы?

Шахрион проследил за его взглядом, Тартионна также обернулась, затем они переглянулись и император, едва заметно пожав плечами, подошел к стене и осторожно снял с нее один из древних иссиня-черных кинжалов, целиком изготовленных из вулканического стекла. Он, задумчиво вертя оружие в руках, подошел к Дарлионне и передал девушке артефакт.

Та благоговейно приняла его.

— Это же жизнежор самого Первого Некроманта?

Шахрион прищурился.

— У тебя интересные познания, не подходящие юной деве, извечная, — проговорил он.

— Я всегда восхищалась им, — мило захлопала ресницами Дарлионна.

— Достойный объект для подражания, и все же, его жизнежоры — не то, чем стоит гордиться.

Тут Шахрион не кривил душой. Жизнежоры — древнее орудие казни, повсеместно используемое во времена, о которых почти не осталось достоверных сведений. Эти кинжалы, будучи вонзенными в сердце, не убивали свою жертву, а, наоборот, продлевали ее агонию, напитывались эманациями боли и страданий.

Впрочем, гнусность подобных методов ничуть не помешала Шахриону практически полностью копировать их во время подготовки к войне с Лигой. Не одна сотня несчастных была замучена насмерть Гартаном в многочисленных подгорных лабораториях, и смерть их, растянутая на недели, стала поистине ужасной — лич прекрасно знал свое дело.

Конечно, конкретно эти два кинжала не использовались уже сотни лет, но какая, в сущности, разница?

«Никакой. И, главное, победителей не судят».

Лицемер, — хихикнула Тень, и снова скрылась позади.

В последнее время она было поразительно молчалива.

— У меня, кстати, в коллекции есть еще одна реликвия времен Первого Некроманта, —

Шахрион забрал жизнежор, водрузил его на положенное место, после чего прошел в угол зала и снял со стены меч черного цвета. Выглядел он странно: чуть искривленный, с заточкой по внутренней стороне, предназначенный исключительно для рубящих ударов, и, тем не менее, прошедшие века не оставили на металле ни следа. Ржавчина, выщербины, царапины... Ничего этого не знало оружие создателя Империи, сохранившее свой первозданный вид.

— Этот меч принадлежал Шахриону Первому, — с легкой улыбкой произнес он, вешая артефакт обратно. — Если есть желание, извечная, в свободное время ты можешь приходить в Зал Предков и изучать его содержимое.

— Спасибо! — воскликнула девушка.

— Не за что.

В это время слуги принесли императору и кольценосице их кушанья и разговор ненадолго замолк. Дарлионна уселась на стул, схватила вилку и нож и буквально набросилась на поданное блюдо — запечённого кролика.

— Полагаю, извечная, знаменитый дворец твоего благороднейшего отца не должен уступать богатством убранства? — подала голос Тартионна.

— Ну что ты, госпожа моя, он и близко не так величественен, как твой.

Тартионна внимательно посмотрела на девушку, которая, все так же безоблачно улыбаясь, продолжала поглощать пищу. Дарлионна не отвернулась и на миг их взгляды встретились.

Шахриону показалось, что в еще чуть-чуть и из глаз жены начнут сыпаться искры, благороднейшая же вела себя, как ни в чем не бывало: глупо моргала и очаровательно улыбалась, отчего ее прелестное личико становилось еще красивее.

Чтобы хоть как-то разогнать неловкое молчание, император произнес:

— Благороднейшая пожелала служить в библиотеке.

Тартионна чуть склонила голову вбок, морщинки возле ее глаз разгладились, а напряжение — нет, не ушло, — спряталось, причем очень глубоко. Нужно было знать Ледяную Ведьму так же хорошо, как и Шахрион, чтобы понять: на самом деле она ни на унцию не верит дочери наместника Кинории.

И ее трудно было в этом винить.

Да-а, еще бы она верила, с таким-то мужем.

Насмешливый голос Тени, как и всегда, оказался неожиданным и едва не заставил Шахриона вздрогнуть.

«А ты можешь ради разнообразия заткнуться хотя бы на день?»

С чего бы это мне быть такой милой и приятной? — осведомился голос в его голове.

«Да уж, действительно».

Тень мерзко захихикала.

Слушай, есть вопрос. Не хочешь гульнуть? М? Смотри, какая красотка сидит рядышком? Думаю, она будет не против.

Шахрион чуть слышно скрипнул зубами и продолжил есть.

— Скажи, не сложно ли тебе ориентироваться во дворце? — неожиданно спросила Тартионна.

— Немного, Госпожа моя, — чуть зарумянившись ответила ей извечная.

— Думаю, эту проблему мы сможем решить — подыщем личную служанку. Я понимаю, что у тебя есть свита, но не сочти это за грубость. Я действительно хочу помочь, уверена,

тебе очень нужна прислуга, знающая все закоулки Черной Цитадели.

На миг маска восторженной дурочки слетела с лица Дарлионны, но та очень быстро взяла себя в руки и очаровательно улыбнулась.

— Конечно же, госпожа моя, как можно отказать тебе? Буду ждать с нетерпением.

«Тартионна что-то совсем разошлась, приставить шпионку к извечной, да еще так нагло... Хотя»...

Шахрион задумался на миг и принял решение.

«Да, так и поступим, раз уж жена сама предложила. Попробую использовать это в будущем, надо будет ночью отдать пару команд».

Ой какой умный. Придумал очередную гадость и радуется, — мерзко захихикала Тень. — *Ну прямо прелесть.*

Тартионна с Дарлионной о чем-то переговаривались, но он практически не слушал их. Тень — эта вездесущая тварь, не оставляющая его ни на одну секунду, наконец-то решила, что настал час всласть покуражиться над несчастной жертвой. Обеденный зал начал медленно растворяться, и Шахрион в какой-то миг обнаружил, что стоит на голой выжженной равнине, обдуваемой злым холодным ветром.

Небо заволокли тяжелые облака, готовые вот-вот разродиться ливнем, а потому было решительно неясно, где же именно находится император, и как он тут оказался.

Куда не посмотри, всюду валялись выбеленные временем останки, тысячи и тысяч умерших насильственной смертью — о чем свидетельствовали характерные зарубки на костях — людей.

«Поле боя? Прошое»? — недоумевал Шахрион. — «Что Тень хочет показать мне?»

Он сделал шаг, и нога с мерзким хрустом проломила череп, глубоко погрузившись внутрь. Шахрион поморщился — если его безумие подобным способом жаждало вывести из равновесия некроманта, оно заблуждалось.

Шахрион медленно побрел вперед, сам не зная, куда заведет его дорога. Идти пришлось недолго — бескрайняя, как казалось, равнина, внезапно превратилась в подножие холма. Наверху горел костер. Возможно, не один — у подножия этого было не разобрать. И Шахрион осознал вдруг, что просто обязан увидеть, что же там происходит.

«Почему это так важно, Тень», — подумал император, но ответа не дождался. Вместо него он расслышал тихий шепот:

— Узнай истину. Найди меня...

Резко обернувшись, Шахрион огляделся по сторонам.

«Послышалось? Нет, я уверен, что кто-то произнес эти слова».

И голос принадлежал не Тени, о нет.

«Но тогда кому?»

Шахрион осматривал трупное поле, пытаясь как можно лучше запомнить увиденное, желая понять, что же именно он должен найти, и зачем...

— Господин мой? — раздался едва слышимый голос.

Как-будто кто-то говорил сквозь толстую дверь, завешенную для надежности ковром.

— Господин мой?

«Тартионна»? — подумал император. — «Что это? Кто это?»

— Господин мой! — голос стал громче, в нем послышалась тревога.

«Тартионна»! — вспомнил неожиданно Черный Властелин, а в следующий миг небеса, земля и дождевые капли с треском битого стекла раскололись, и он на миг оказался в

непроглядной мгле, а затем...

Шахрион моргнул. Он все так же сидел в обеденном зале, держа в одной руке нож, а в другой — вилку с нанизанным на нее кусочком тушеной говядины.

Голову неожиданно разорвала игла боли, буквально ввинтившаяся в мозг и Шахрион скривился. Даже на фоне его обычных мигреней эта отличалась особой изощренностью и силой.

— Прошу прощения, — сипло произнес он, откладывая вилку и нож и беря в руку бокал с водой, затем — жадно выпил половину. — Голова разболелась. Вынужден оставить вас, дамы.

С этими словами он поднялся и торопливо — излишне торопливо — покинул зал.

Как только двери за ним закрылись, Шахрион поднялся на половину лестничного пролета и оперся плечом о стену — ноги тряслись, как после хорошей пробежки.

Он сглотнул и сделал глубокий вдох. Голову немного отпустило, но легче не стало.

«Ну, хотя бы Тень не пристаёт», — подумал император, с трудом отлипая от стены. — «Ладно, нужно отдохнуть. Дойти до комнаты и лечь спать, сон — лучшее лекарство».

Шахрион сделал один шаг, затем — другой, еще один...

В себя он пришел перед створками рабочего кабинета. Головная боль почти прошла, лекарство все еще действовало, вот только император решительно не мог вспомнить, как же это он оказался тут. Как-будто тело само, не спрашивая мозг, решило, куда именно следует двигаться.

Гася нарастающую панику, Шахрион открыл дверь и быстро извлек из тайника дневник Безумца.

«Проклятье, у меня просто нет времени на сон!» — думал он, лихорадочно листая страницы. — «Я должен спешить!»

Двадцать второй день второго месяца весны 41-го года со дня окончания Последней Войны, утро.

Вражеское войско ровными рядами выстраивалось на поле боя. Армия двоюродного брата пришла, чтобы поставить точку в затянувшемся споре, и людей у него оказалось куда больше, чем хотелось бы.

«Конница... сколь же велико число конных частей, великий Отец!» — Ритон Ириулэн. — «Просто поражающее воображение количество всадников и лошадей. Каким образом он сумел заполучить столь серьезное преимущество?»

Впрочем, ответить на этот вопрос Ритон мог и без помощи бога.

«Увы, мои соглядатаи были посрамлены. Отступить? Нельзя. Все должно закончиться здесь и сейчас».

Война, вот уже почти пять лет терзавшая несчастную Исиринагию, дорого обошлась государству, от которого и так мало что осталось. Сам Ритон удерживал побережье и предгорья Исирии, небольшую часть Стоградья и кусок Ириулэнии, стараясь при этом расширить свою зону влияния. Нилб занимался точно тем же самым, но с куда лучших стартовых позиций.

«Но количество — еще не все», — подумал Ритон. — «Черный Властелин преподавал нам всем наглядный урок».

— Любишься? — услышал он зычный голос и обернулся.

Мирос, облаченный в полные доспехи, подходил к своему ученику и воспитаннику.

— А как же уважительное обращение к венценосной особе? — с легкой улыбкой на губах ответил Ритон. — Ай-ай-ай, наставник, как не стыдно, какой пример ты подаешь подчиненным?

— Как-нибудь переживут, — хмыкнул старый воин.

Он встал рядом с Ритоном, разглядывая готовящиеся к сражению полки.

— Вот и настал он — последний день войны между двоюродными братьями, — прошептал старый воин.

— По какой-то причине ты пришел к заключению, что последний? — ухмыльнулся Ритон. — Если я потерплю поражение, то планирую покинуть поле боя и укрыться на Перевале или в любой другой подходящей для обороны крепости. Уверен, дражайший кузен поступит точно также.

— Не нужно дразнить меня, мальчик, ты прекрасно понял, что я хотел сказать.

— Понял, — не стал спорить Ритон. — Победа в сегодняшнем сражении определит, кто же все-таки посадит свое венценосное сиденье на трон и станет истинным наследником престола. И я уверен в успехе.

— Нилб думает точно так же, — заметил воин.

— Жаль, у него нет того же козыря, что и у меня.

— Он ему может и не понадобится. Шестьдесят тысяч против сорока пяти — не шутка.

С этим доводом спорить было откровенно глупо. Действительно, разница в численности являлась крайне серьезным аргументом, более того, превосходство в кавалерии также не оставляло Ритону ни единого шанса... Вот только у того имелась иная точка зрения на этот вопрос.

— Что ж, посмотрим, кто выйдет победителем из сечи, — пробормотал он себе под нос. — Мирол, офицеры в должной мере запомнили план?

— Да, я вбил его в них.

— Хорошо. Тогда не смею задерживать.

Старик кивнул и направился к оруженосцу, держащему под уздцы коня.

— Мирол, — окликнул его Ритон.

Старый воин обернулся.

— Да?

— Вернись живым.

— Постараюсь, — ухмыльнулся воин и, легко вскочив в седло, поскакал вперед, на ходу раздавая команды офицерам.

Сам же Ритон, чьей задачей было не сражаться, а командовать, оставался тут, на холме позади поля боя, в относительной безопасности.

«Да, лететь в атаку впереди своей армии — есть высшая глупость», — подумал он, сложив руки на груди. — «И все-таки, это заметно проще, нежели наблюдать. Проклятый Шахрион, у этого негодяя действительно есть чему поучиться!»

И Ритон учился у императора с самого первого дня своего правления. Ситуация пять лет назад была не просто аховой, а кошмарной: большая часть того, что осталось от Исиринатии, принадлежала многочисленным благородным и благороднейшим, обретшим полную независимость от венца, и выживавшим на свой страх и риск. По сути, он оказался заперт в столице — Серении — управляя узкой прибрежной полосой, и мог рассчитывать лишь на небольшие верные отряды.

Враги называли его узурпатором, и были совершенно правы. Из-за этого Ритону приходилось отбивать каждую деревню, каждый город, каждое проклятое пшеничное поле и заливной луг!

И на первых порах он ни за что не выжил бы без помощи Шахриона: скромной, дозированной, выдаваемой в количествах, достаточных лишь для того, чтобы претендент на венец продолжал борьбу, не в состоянии одержать победу над многочисленными врагами. Император, чья власть над возрожденной Империей Тьмы не отличалась прочностью, старался — и весьма успешно — обеспечить безопасность своего западного фланга, чтобы сконцентрироваться на северном направлении.

Черному Властелину было жизненно необходимо заполучить несколько лет покоя для объединения аморфных, плохо связанных друг с другом провинций, принадлежавших долгое время разным государствам, и Ритон выигрывал ему это время, проливая кровь исиринов! О да, крови было немало.

Но за все следует платить, Ритон понимал это ничуть не хуже Шахриона, а потому принимал любые подачки, на которые Черный Властелин готов был расщедриться. А еще он детально разбирал войну Реставрации, как сразу же после подписания мирного договора окрестили чудо, сотворенное правителем некромантов.

«Именно поэтому я сейчас наблюдаю последнее сражение за власть в Исиринатии», — думал Ритон. — «Война закончится, причем уже скоро. Можно говорить что угодно насчет побега, но у того, кто сегодня проиграет, попросту не останется достаточно в должной мере лояльных войск для того, чтобы продолжить борьбу в долгосрочной перспективе».

Война обескровила страну. Почти две трети Исиринатии оказались утеряны, став добычей Радении, Шахриона, либо живых мертвецов, а та треть, что осталась, превратилась

в арену ожесточенной грызни за венец. И чтобы залечить столь глубокие раны, понадобятся десятилетия.

Рев труб заставил Ритона отвлечься от мыслей о будущем. Сперва необходимо победить в настоящем, это — самое важное.

Вражеская конница двинулась вперед плотными колоннами, шириной в пять всадников каждая, стремясь сократить урон от арбалетного обстрела. Да, за четыре года и Ритон и его кузен кое-чему научились. Ритон, в чьем распоряжении оказались отличные мастерские Серения, мог вооружать свою пехоту арбалетами и прикрывать ее большими щитами. Нилб, владевший большей частью оставшихся пастбищ, бросать в бой тысячи всадников.

Впрочем, арбалеты и луки на взгляд Ритона все же оказались полезнее: тучи стрел, поднявшиеся в небо, находили свои цели, причем немало — одна из колонн заколебалась, замедлилась, и арбалетчики перевели все свои усилия на нее, на глазах истребив целую сотню закованных в тяжелые доспехи воинов.

Они успели дать еще один залп, прежде чем враги оказались слишком близко. Вновь взревела труба, и воины организованно отступили, демонстрируя набравшим разбег всадникам лес кольев, закрепленных на длинных треногах. Эти полевые укрепления являлись личным изобретением Ритона и не раз уже демонстрировали запредельную эффективность в бою. Лучники, ожидавшие товарищей за ними, принялись опустошать колчаны. Увы, стрелков у Ритона было не так много, как хотелось бы, но определенный вред врагу они все-таки наносили. И, самое главное, лошади, увидев препятствие, стали тормозить.

Всадники явно были готовы к подобному развитию событий, а потому дружно повернули скакунов и, набирая скорость, бросились назад. Потери оказались существенны, но своей цели враги добились — отпугнули арбалетчиков и перенесли внимание с пехоты на себя.

И вот уже лучники дражайшего братца принялись обстреливать позиции армии Ритона, позволяя пешим латникам, ставшим за последние годы едва ли не главной действующей силой на поле боя, подобраться на расстояние рывка до полевых укреплений. План Нилба был очевиден: проломить колья, связать основные силы Ритона рукопашным боем, после чего — ударить с флангов, пользуясь превосходством в кавалерии.

Собственно говоря, именно поэтому передовые вражеские сотни уже перетекали с центра, готовясь влиться в основные боевые ряды конницы.

«Подумать только, ведь это — все, что удалось наскрести», — скривился Ритон. — «Сто с небольшим тысяч человек в двух полевых армиях. А еще пять лет назад мы могли вывести несколько раз больше»!

Времена изменились столь неожиданно и стремительно, что оставалось только поражаться. Перемены, назревавшие все эти годы, точно сорвались с цепи. Все, буквально все менялось на глазах, не в состоянии оставаться таким, как и прежде. Армии, цеха, маги, духовенство, даже простые крестьяне. Шахрион оказался самым настоящим ураганом, безжалостно вырвавшим с корнями хлипкие деревья и раскидавшим их во все стороны.

И Ритон понял одну простую вещь: если он хочет выжить, придется приспособливаться. «Нилб, к счастью, так и не осознал этого», — подумал претендент на престол, глядя на разгоревшуюся по всей основной линии жаркую рукопашную схватку.

Его пехотинцы, поменялись местами лучниками и арбалетчиками, которые откатились еще дальше и сейчас занимали позиции на цепи холмов, подходящих для стрельбы по

наступающим врагам.

Линия прогнулась, но держалась.

«Не пора ли выдвигать резервы»? — подумал Ритон и, после непродолжительной внутренней борьбы, решил. — «Нет, еще подождем. Укрепить центр я успею, Мирол справится».

Он не видел старого воина, но был уверен — отмеченный Отцом сейчас в самой гуще схватки, спешившись, размахивает топором, круша врагов направо и налево.

А на флангах происходило именно то, чего все и ожидали — вражеская конница, опрокинув немногочисленные отряды Ритона, стремительно продвигалась вперед, намереваясь зайти пехоте во фланги и окружить ее.

В это время с холмов ударили арбалетчики. Ну, тут братец сам виноват — нечего так подставлять бока, знал же, что стрелки отойдут.

На сей раз арбалетные болты собрали более обильную жатву, однако Нилб нашелся чем ответить на это — в сторону холмов на огромной скорости поспешили сотни всадников, лишенные тяжелого снаряжения.

Ритон даже не поверил сразу тому, что увидел в подзорную трубу, но нет, никакой ошибки — братец до предела облегчил доспехи части своих конных сотен и забрал у них копыя, до поры до времени скрывая слабо бронированных воинов в центре строя.

«Умно, умно», — подумал претендент на престол.

— Быстро отправить копейщиков прикрыть стрелков, — распорядился он и ординарец тотчас же побежал к сигнальщикам.

Труба взревела, говоря об опасности, и очень скоро копейщики перегородили надвигающимся отрядам врага подходы к арбалетчикам, которые, надо отдать должное мужеству этих людей, продолжили стрелять, невзирая на приближающуюся гибель.

В этот момент небеса разорвал гром — в них сошлись волк и леопард, сотканые из молний. Магические круги наконец-то прекратили прощупывать друг друга и обрушили всю доступную мощь на противников.

Увы, но и по количеству магов Ритон немного проигрывал кузену, опережая, правда, по числу школ, имевшихся в его распоряжении. Он отказал Ордену Света в старых привилегиях, дозволив всем жрецам строить своих храмы на его территории. Это решение вызвало лютую ненависть немалого числа Сынов, которые переметнулись к родичу, позволив тому увеличить свой магический корпус, зато придало столь армии необходимую гибкость.

Впрочем, сейчас, когда все решала грубая сила, чары вряд ли могли помочь, да и Ритон, откровенно говоря, не сильно надеялся на них. Маги не проигрывают, и ладно, справимся без них.

А ситуация на поле боя стремительно развивалась.

Легкая конница, получившая в подкрепление несколько тяжелых сотен, сошлась-таки с копейщиками, и пробилась к большой группе стрелков. Резня, последовавшая за этим, оказалась быстрой и страшной. Однако прочие лучники и арбалетчики держались, продолжая осыпать изрядно замедлившиеся фланговые отряды все новыми и новыми порциями стрел и болтов. Им помогали резервные сотни копейщиков, выставяемые капитанами Ритона, так, как было обговорено заранее.

Сотни эти — состоящие сплошь из новобранцев — не имели ни единого шанса остановить бронированную армаду Нилба, но этого и не требовалось, главное, что их смерти имели смысл. Ритон безжалостно жертвовал бесполезными новобранцами сразу для

нескольких целей. Во-первых, он намеревался замедлить рыцарей. Во-вторых — планировал изрядно проредить конные полки, все-таки, какой-никакой урон наносили даже слабо подготовленные новички. В-третьих, выиграть время для того, чтобы его потрепанная и рассеянная конница пришла в себя и собралась там, где следовало. И, наконец, в-четвертых, Ритон намеревался заманить подвижные силы противника как можно дальше вглубь собственных флангов. Они должны были практически окружить его армию, теряя при этом темп и людей.

Рискованно, дико рискованно, но, увы, по-другому войны не выигрываются. Особенно, если ты слабее врага.

«Этому я тоже научился у тебя, Черный Властелин», — криво ухмыльнулся отмеченный Сестрой, наблюдая в подзорную трубу, как всадники втаптывают в грязь его пехотинцев.

То, что те еще не начали разбегаться, было сродни чуду, и Ритон счел это хорошим знаком.

Он перевел подзорную трубу на лагерь братца и с трудом сдержал ухмылку. Да, все шло так, как и планировалось: новые конные сотни уже во весь опор мчались вперед, стремясь прийти на помощь буксующим на флангах товарищам. Братец счел, что победа у него в кармане, и поступил, в принципе, логично — бросил в бой последние резервы.

— Великолепно, — прошептал Ритон. — Осталось совсем чуть-чуть.

Он распорядился усилить самые пострадавшие участки и добавить еще смертников-новобранцев во фланговые заслоны. Если бы следовало просто выиграть битву, возможно, Ритон избрал бы иную стратегию, но, увы, одной победы было мало. Разгром, полный и необратимый, от которого Нилб уже не сможет оправиться, вот что требовалось претенденту на венец. Да, победитель в этом бою получит Исиринацию, но когда и в каком состоянии? Если кузен спасет хотя бы половину войска, веселье затянется еще на несколько лет. Мало толку от победы, если в награду тебе достанутся лишь руины да выжженные земли, окруженные со всех сторон врагами, как живыми, так и мертвыми.

Именно поэтому Ритон пошел на отчаянный риск.

Он выдохнул, глядя на сражение, приближающееся к апогею. Не прошло и часа, а армия оказалась на грани полного развала и истребления, и, тем не менее, солдаты держались, стояли насмерть, зацепившись за свои временные укрепления и не отступая до самой смерти. Возможно, кого-нибудь другого подобная преданность растрогала бы, но Ритону, откровенно говоря, было важно лишь одно — чтобы они продержались еще немного. Все люди Нилба должны оказаться в ловушке, иначе эта война никогда не окончится!

— Давайте, давайте же, — шептал он, наблюдая за тем, как свежие конные сотни прорывают себе путь вперед.

Еще несколько холмов оказались очищенными от стрелков и прикрывавших их копейщиков, а основные силы практически закончили окружение его армии. Еще чуть-чуть, и солдаты начнут драться в кольце.

«Стало быть, братец тоже поставил все на это сражение», — подумал Ритон. — «И пленных брать не станет. Что ж, так даже легче».

— Пора! — скомандовал он, и все трубы взревели в унисон.

Настал черед главного козыря.

«Посмотрим, получится ли у меня, или нет», — подумал Ритон.

Несмотря на то, что сейчас его трон, власть, и даже жизнь висели на волоске, отмеченный Сестрой не испытывал ни капли страха. Скорее, любопытство: работает ли

хитрый план?

— Сейчас мы это и узнаем, — прошептал претендент на престол.

И, словно подтверждая его слова, запели рога, а вслед за ними, перекрывая даже многоголосый шум битвы, взревели тысячи голосов.

Да, кузен высылал разведчиков и проверял окрестности, но Ритон неспроста выбрал для сражения холмистую местность, в которой можно спрятать много чего. Безусловно, Нилб догадывался о том, что у двоюродного брата в рукаве может скрываться козырь, но он имел достаточно представления об общих его возможностях, а потому не сомневался, что справится с одним или двумя резервными полками.

Вот только Ритон не собирался выводить обычную пехоту. Из-за холмов двигались, подняв пики вверх, две его собственные баталии.

Большая масса людей, спрессованных на крошечном пространстве и вооруженных длинным древковым оружием, страшная сила. Однако натренировать необходимое количество солдат, причем так, чтобы никто ничего не узнал, оказалось чудовищно сложно.

Даже две баталии по четыре тысячи солдат каждая выпили из Ритона все соки, что уж тут говорить про армию. Он искренне восхищался Шахрионом, который сумел скрыть грандиозных масштабов подготовку. Для этого следовало родиться истинным гением!

«Будем надеяться, что мои солдаты окажутся не сильно хуже имперских», — подумал Ритон, припав к подзорной трубе и жадно смотря на вступающие в сражения пополнения.

Разогнавшиеся воины опустили свои пики и врезались в конницу. Эту картину Ритон видел раньше, более того, в свое время он с большим трудом вырвался из ловушки, расставленной хитроумным императором и вот, теперь использовал свой болезненный опыт для того, чтобы повергнуть родича.

Баталия кажется медленной и неповоротливой, и отчасти это так, однако стоит ей подобраться к потерявшим ход всадникам, и исход боя не вызывает ни малейших сомнений...

Со страшным грохотом копыта ударились о броню рыцарей, находя щели в металлических пластинах, они пробивали лошадей и людей, и кошмарный многоголосый вой заглушил остальные звуки на поле боя.

Все происходило так быстро, так невообразимо быстро, что Ритон на миг даже растерялся. Вражеская конница оказалась зажатой между сотнями новобранцев-копейщиков, своими же задними рядами и баталиями, и ее размолотило буквально за считанные минуты!

В толчее и тесноте некуда было деваться, возможность маневра отсутствовала, не получилось бы и отступить для перегруппировки. Губы Ритона сами-собой разошлись, обнажая зубы. Не улыбка, скорее — волчий оскал, но он очень подходил к ситуации.

К чести врагов, те попытались спасти хоть что-то, вот только...

Как раз в это время на лагерь кузена налетел вал стали и копыт. Немногочисленная конница Ритона, собравшаяся в безопасном месте, безо всякого снисхождения ударила по оголившемуся тылу, защищенному лишь личной стражей Нилба, да немногочисленной охраной.

Ритон наблюдал за тем, как знамя Нилба падает, как на его месте водружается личный штандарт самого претендента на престол.

— Вот и все, братец, — шепнул он так тихо, что никто не мог услышать. — Я всегда мечтал прикончить тебя, тварь этакая.

Люди вопили, не в силах сдержать радость от осознания того, что война закончилась, однако Ритон не расслаблялся, он внимательно наблюдал за сражением, за тем, как остатки армии брата, бежали. Все-таки полностью разгромить врагов не получилось: у него просто не хватало конницы для преследования, а пехота была измотана до предела и понесла чудовищные потери.

«Главное, чтобы Нилб не сбежал!»! — подумал он. — «Это — самое важное»!

Подъехал — на новом коне — Мирол. Его доспехи покрывал равномерный слой крови, а верный топор выглядел так, словно им рубили гранит. Как бы Мирол ни любил это оружие, его придется менять.

Наставник, впрочем, не лучился от счастья, и Ритон сразу все понял.

— Быть того не может! Неужели он ушел?

— Ага, — кисло ответил тот и сплюнул. — Как ты и предполагал.

— Вот же зараза, — выругался Ритон. — Выдвину предположение, что вероятность его поимки конными частями преследования исчезающе мала. Стало быть, наша задача — понять, куда именно дражайший родич направит свои стопы, дабы не позволить ему продолжать бессмысленное сопротивление.

— Наверное, в свою столицу.

— Это необязательно, — Ритон вздохнул и сложил подозрную трубу, передавая ее одному из сопровождающих. — Впрочем, вероятность подобного развития событий крайне высока. Так или иначе, но мы должны найти его как можно скорее, чтобы положить конец войне.

— Господа, полагаю, я смогу помочь вам в этом вопросе, — раздался из-за спины прекрасный певучий голос.

Ритон резко обернулся и его брови взметнулись вверх.

— Невероятно, — только и смог произнести он.

Там, где еще мгновение назад не было никого, сейчас стояла прекрасная женщина, облаченная в темно-зеленую дорожную одежду и точно такого же цвета плащ с золотой оторочкой. Она не скрывала лица, и Ритон мог любоваться гладкой кожей, огромными голубыми глазами, золотистыми локонами и, конечно же, длинными ушами.

— Госпожа Найлиэна Партилат? — от удивления Ритон перешел на эльфийский. — Я думал, что вы мертвы.

— Нет, — с ненавистью в голосе произнесла эльфийка на всеобщем. — Черный Властелин истребил не весь мой народ. Хотя надо отдать ему должное, в живых остались лишь счастливчики.

Она вздохнула и устремила пронзительный взор своих необыкновенных глаз на Ритона.

— Госпожа моя, что привело тебя сюда? — задал мужчина, ожидаемый вопрос, также перейдя на всеобщий язык.

— Жажда мести. Желание помочь. Нужда в союзниках.

Седьмой день третьего месяца весны 41-го года со дня окончания Последней Войны, день.

— Стало быть, ты уверена, что он — здесь?

Ритон с интересом перевел взгляд от крепостной стены на собеседницу, словно намереваясь подловить ту на лжи. Даже если бы и пытался, вряд ли бы у него что-нибудь получилось — раскусить эльфа, если тот сам не пожелает этого, практически невозможно.

Найлиэна кивнула.

— Он тут.

— Почему не в своей столице?

— А сами вы как думаете? — с легкой насмешкой в голосе поинтересовалась звездорожденная.

Ритон сдержал растущее раздражение. Эта шлюха бесила его еще до войны Реставрации. Любовьница отца, умело манипулирующая тем в интересах ныне покойного Ратриолы — правителя всех эльфов — за годы, проведенные при дворе, нажила много врагов, однако каждый раз умудрялась выходить сухой из воды. Да, она не нравилась без пяти минут венценосцу, но не отдать должного талантам остроухой тот не мог.

«Тем более, сейчас, когда каждый союзник для меня — на вес золота».

— Ну что ж, хорошо. В таком случае обложим город и потребуем выдать моего горячо любимого братца.

Эльфийка кивнула.

— Это будет самым легким выходом.

«Но они не отдадут его, и ты это знаешь. Стало быть, имеешь план относительно бескровного завершения боевых действий и попросту желаешь привести его в исполнение, когда на горизонте замаячат очертания долгой и в высшей степени муторной осады. Ладно, так уж и быть, окажу тебе услугу и подыграю».

Ритон действительно был готов плясать под дудку эльфийки, лишь бы поскорее разобраться с кузеном, а поэтому, не говоря ни слова осуждения и не задавая лишних вопросов, распорядился окружить город и выслать парламентаров.

Эти мероприятия требовали времени, которое венценосец решил потратить на беседу, благо, с Найлиэной было о чем поговорить.

— Госпожа моя, скажите, почему именно сейчас? — спросил он на эльфийском.

— Сейчас — что? — невинно переспросила та.

Ритон улыбнулся уголками губ.

— Почему вы решили помочь именно сейчас?

— Сперва мне было не до вмешательства в дела Исиринатии. Приходилось собирать выживших. Затем я копила силы, налаживала связи, добывала информацию. К тому же, следовало понять, кто из вас двоих окажется победителем, чтобы продолжать работу уже с ним, — моментально ответила собеседница.

Ритон даже немного растерялся. Он рассчитывал на увертки, попытки выдумать что-нибудь, дать правдоподобное объяснение этой избирательности, даже на молчание. Но чтобы вот так, прямо...

«Да, тебя опасно недооценивать, эльфийская зрящая», — подумал он. — «Достойная

дочь своего мерзкого папаша».

Уж о чем, Ритон не горевал, так это о смерти Ратриолы и большей части его мерзкого народца. Эльфы всегда были головной болью, и даже лишившись большей части своего военного могущества, они превосходили прочие государства Лиги Света в умении плести интриги и организовывать покушения.

«И остроухий ублюдок, однозначно, покрывал Черного Властелина, рассчитывая его руками сделать всю грязную работу, а после — убрать исполнителя».

Отмеченный Сестрой до сих пор так и не понял, каким же образом Шахрион сумел переиграть эльфа, но надеялся получить ответ на этот вопрос, раз уж дочка зрящего пришла к нему.

— Стало быть, вы решили выяснить, кто из нас окажется полезнее в будущем, когда придется вступать в конфликт с Империей Тьмы?

— Именно, — кивнула эльфийка.

— Откровенно.

Она пожала плечами.

— Время игр внутри Лиги прошло.

— Как и годы, отпущенные Шестеркой самой Лиге.

— Вы так думаете?

Ритон нахмурился, собираясь с мыслями, и, наконец, осторожно произнес:

— Конфликт на юге не утихает — прегиштанцы с дварфами режут друг друга, эльфы практически истреблены, Радения зализывает раны, Аблессия, как и всегда, сохраняет нейтралитет, а от Исиринатии почти ничего не и осталось. Про всякую мелочь и говорить нечего. Как вы думаете, госпожа моя, сколь сильна Лига в настоящее время?

— Бывали ситуации и похуже.

— Да, история знает периоды непроглядной тьмы, когда Империя раскидывала свои крылья очень широко, но отчего-то мне кажется, что положения, подобного нынешнему, ранее не складывалось.

— Полагаю, лидеры, жившие в те времена, считали также, и, тем не менее, никто не сдался.

Намек, прозрачный и очевидный.

«Стало быть, ушастая, у тебя есть какой-то план? Хорошо, с интересом его выслушаю, когда придет время».

— Но, полагаю, вы согласитесь, что применять военную силу против Шахриона — бессмысленно?

— Да, — тотчас же ответила зрящая. — Шахрион, нравится нам это или нет, военный гений. Такие рождаются раз в пару сотен лет.

— Более того, он не просто некромант, он еще и отмеченный Матерью, а значит, сможет править очень и очень долго. Ему с лихвой хватит отведенного времени для того, чтобы переварить захваченные земли, спаять их в единое государство, после чего — доест нас всех.

— Если бы вы думали именно так, то не сражались бы за власть с горячо любимым двоюродным братом, — чуть насмешливо ответила эльфийка.

Ритон задеревенел. Мало кто смел наступать на эту мозоль, напоминая, что он — Ритон Ириулэн — узурпатор, завладевший частью страны, пока законный наследник боролся с захватчиками на севере. Еще меньше было тех, кто позволял открытые намеки на отношения

кузенов.

И все же, он не поддался на провокацию.

— Мои мотивы не должны интересовать тебя, о звездорожденная госпожа, — мужчина перешел на всеобщий, намекая эльфийке на то, что недоволен ее словами. — Ответь лучше, на что ты рассчитываешь?

— Сила порождает врагов. — эльфийка, легко улыбнувшись, также заговорила на человеческом наречии. — Чем сильнее правитель, тем больше у него недоброжелателей, а мой народ всегда умел их находить.

«И использовать себе во благо», — договорил за собеседницу Ритон.

— Что ж, хорошо, с превеликим интересом посмотрю на каждого из этих твоих «недоброжелателей», как только разберусь с моим вероломным родичем. Правда, не могу с уверенностью утверждать, что получится окончить боевые действия в предельно сжатые сроки. Я вижу парламентаров. Полагаю, столь быстрое их возвращение может означать лишь одно — отказ от сдачи.

Ритон не ошибся — защитники и не думали складывать оружие, они осыпали послов насмешками и звали тех на приступ стен.

— Ожидаемо, — вздохнул Ритон и, кивнув подъехавшему Миролу, обратился к своей звездорожденной собеседнице. — Госпожа моя, полагаю, тебе есть что предложить? Хотелось бы узнать, как это поможет, и в какую сумму обойдется.

— Цену, мой дорогой венценосец, вы и так знаете: голова Шахриона, вот, чего я желаю, — последние слова эльфийка произнесла с нескрываемой ненавистью.

— Меня такая оплата в высшей степени устраивает, хотя и не до конца представляю, как получится ее уплатить.

— Не беспокойтесь, я не стану требовать невозможного. Детали вы узнаете чуть позже, тогда и решите все окончательно.

Ритон чуть приподнял брови.

— Да? Поверю тебе на слово, о звездорожденная. А что насчет Нилба? Все-таки Тарсий — крупнейший и самый защищенный город в этой части Исиринатии. Я потрачу месяцы под его стенами.

— Он падет этой ночью, — просто ответила эльфийка.

— Даже так?

— Да, именно так. Дайте своим людям отдохнуть и готовьтесь к атаке.

С этими словами Найлиэна ткнула коня в бока и поскакала прочь, даже не попрощавшись. Мгновение, и там, где только что находилась всадница, осталось лишь пустое место.

— Ох уж мне эти эльфы, — поежился Мирол. — Не люблю их трюки.

— Что поделаться, если мы хотим вернуть утраченное, придется брать помощь от всех, кто готов ее предложить.

— Все равно, мне не по себе рядом с ней. Так было еще когда твой отец здравствовал.

Найлиэна Партилаэт — любовница предыдущего правителя Исиринатии, а по совместительству — глаза и уши Ратриолы при дворе, действительно, могла вызвать ужас, когда хотела. Никто толком не знал, на что она в действительности способна, однако не один и не два врага этой прекрасной эльфийки исчезли, будто их и не было вовсе.

— В настоящий момент отсутствует даже иллюзия выбора, — вздохнул Ритон. — Иди отдыхать, чувствую, нас ждет жаркая ночь.

Седьмой день третьего месяца весны 41-го года со дня окончания Последней Войны, ночь.

Ритон проснулся резко, будто от толчка. Вот только секунду назад пребывал в мире грез, и — оп — вернулся из него. Глаза привыкли к полумраку, и он откинул полог шатра, выбираясь наружу.

Солнце полностью скрылось за горизонтом, но вышедших на небе звезд и луны не было видно из-за тяжелых облаков, поливающих окрестности мерзким слабым дождиком. Идеальная погода для того, чтобы при помощи хитрости взять город.

То ли остроухим сильно повезло, то ли они умели управлять ветрами, туманами и дождями.

«Ну это я лишку хватил», — подумал Ритон, подходя к ближайшему костру.

Солдаты тотчас же посторонились, и претендент на престол сел меж них, грея руки у огня. Он, в отличии от кузена, никогда не чурался простых воинов, считая, что если те уважают командира, то при необходимости отдадут за него жизнь.

— Мирол не подходил? — осведомился он у десятника?

— Никак нет, ваше величество, — отрапортовал тот.

— Отправьте кого-нибудь с просьбой прибыть ко мне, по возможности — незамедлительно, — распорядился Ритон и, ничуть не смущаясь, наложил в чистую деревянную миску похлебки из котелка.

Опять-таки, он никогда не видел проблемы в том, чтобы есть простую пищу.

Мирол появился на удивление быстро, видимо, ждал команды, либо сам собирался будить воспитанника, однако Ритон к этому времени уже успел опустошить большую часть тарелки.

— Все готово? — спросил он, поднимаясь.

— Да, — коротко ответил воин.

— Хорошо, полагаю, она не заставит нас долго ждать.

И вновь Ритон не ошибся — не прошло и десяти минут, как из-за спины донесся знакомый голос.

— Все готово, ваше величество.

Солдаты, не дожидаясь приказа, растворились во тьме, и возле огня остались лишь Ритон и его учитель. Спустя мгновение к ним присоединились трое остроухих: сама Найлиэна Партилаэт, невысокая — по грудь Ритону — эльфийка, чье лицо скрывала маска, а голову — укутывал капюшон, и атлетически сложенный звездорожденный, вооруженный сложносоставным луком размером, наверное, в его рост. Какой силой нужно обладать для того, чтобы стрелять из подобного чудовища, Ритон не представлял и надеялся никогда не узнать этого.

Спутники зрящей отступили чуть назад, практически скрываясь во тьме, а Найлиэна уселась на оставленное одним из бойцов бревнышко, внимательно разглядывая своего союзника из-за костра.

— Подробности? — требовательно осведомился тот.

— Ничего особенного, мы просто отворили все ворота и убили стражу возле них. Постарайтесь только особо не шуметь, пока пробираетесь вперед, ладно?

«Просто открыли все ворота», — фыркнул Ритон. — «Какая прелесть».

— Что ж, спасибо. Мы воспользуемся столь любезно предоставленной возможностью. Мирол, возглавишь атаку.

— Слушаюсь, — с этими словами старый воин бросился выполнять приказ, а Ритон же, выйдя на границу лагеря и взобравшись на свежий вал, встал, сложив руки, и наблюдая за вражеским замком.

— Не поскачете вперед, ваше величество? — с сарказмом в голосе осведомилась эльфийка, хвостом увязавшаяся за ним.

— Конечно же, нет, — фыркнул претендент на престол. — Это было бы глупо.

— Полагаю, ваш северный сосед поступил бы именно так.

— Это потому, что Гашиэн — болван.

— И, тем не менее, он сохранил большую часть своей страны.

Едкий и колючий укол. Как раз под стать говорившей. Умно и болезненно, но ожидаемо.

Ритон пожал плечами, давая понять, что ему нет дела до каких-то там слов. Тут было не слишком светло, однако эльфы, насколько он знал, отменно видели в темноте, так что этот его жест не мог укрыться от зорких глаз дочери зрящего.

— Я по крайней мере удерживаю свою столицу.

Эльфийка встала рядом и усмехнулась.

— И даже сумели наладить в ней производство арбалетов, что заслуживает уважения. Вы вообще на удивление много переняли у Шахриона.

— Я способен учиться, — бросил он.

— И знаете, когда следует менять сторону.

Несомненно, остроухая намекала на сотрудничество с Черным Властелином во время войны Реставрации. Еще одна шпилька, попавшая, правда, мимо цели.

— Не будь наивной, о звездорожденная. В тот момент Исиринатия уже проиграла, причем вашими стараниями, и ты это знаешь. Север полыхал, восток отвалился, марейнийцев просто перебили, а Стоградье заполонили живые мертвецы. Я лишь вымел мусор и попытался спасти то, что еще можно было.

— Не мне вас судить.

— Не тебе, да.

Он вглядывался во тьму, туда, где слышалось тихое позвякивание оружия, приглушенное ржание коней и едва различимые голоса людей. Безусловно, совсем бесшумно подвести несколько тысяч человек к воротам нельзя, но Мирол постарался сделать все, что было в его силах. Секунды тянулись одна за другой, медленные, скользкие, будто угри, наполненные страхом вперемешку с надеждой.

Ритон понял, что затаил дыхание, а затем осознал еще кое-что — весь лагерь затих. Солдаты, даже те, кто не должен был идти во второй волне, замерли, напряженно вглядываясь в ночную тьму и ожидая, ожидая, ожидая...

Рев тысяч глоток разорвал тишину, а вслед за этим по городу разнесся многоголосый вой. Затем до них донесся характерный лязг стали, который не в состоянии было заглушить даже расстояние. А за ним — страшные крики умирающих людей.

«Началось», — с возбуждением подумал Ритон.

Какая-то часть его сознания даже хотела оказаться сейчас на узких улочках города, сражаясь в кровавом ночном бою, ощущая возбуждение товарищей и бессильную ярость загнанных в угол врагов, последних из армии Нилба. К счастью, он знал, как следует бороться с ней и прятать поглубже, чтобы та не наделала глупостей.

Звон и крики с каждой минутой становились все громче и громче, ночную тьму

разорвал свет тысяч факелов, затем — пламя пожара.

«Надеюсь, они не спялят мне весь город», — подумал Ритон, — «он еще пригодится».

— Кстати, звездорожденная, а каков статус вражеских магов?

— Не волнуйтесь, они не помешают.

— Мертвы?

Нехорошо. Чародеи кузена отступили с поля боя вместе с ним и укрылись за стенами, но Ритон не желал их гибели. Перспектива встречи с магическим корпусом Империи Тьмы откровенно пугала, и ему было бы спокойнее, если бы спину прикрывали сотни колдунов.

Увы, такого количества пока что не предвиделось, а значит, было жизненно важно сохранить хотя бы то, что уже есть в наличии, а потом медленно и планомерно восстановить необходимую численность.

«Впрочем, это я забегаю вперед, для начала следует привести к окончанию текущие дела», — подумал он.

— О нет, конечно же. Но они... не станут делать глупостей.

«Что ж, это радует, стало быть, нужно только разобраться с остатками верных Нилбу людей. Ну и где же послание от Мирола? Чего он так долго?»

Наконец к лагерю подскочил всадник на взмыленном коне.

— Ваше величество, — прокричал он, увидев Ритона, — в городе идут бои, враги заперлись в замке!

— Отлично, — ухмыльнулся тот, — все резервы — на помощь благороднейшему Миролу! Принесите мне победу!

Это была долгая ночь, полная смерти, стали и огня. Враги отчаянно цеплялись за наскоро возведенные баррикады, за любые худо-бедно укрепленные дома, и, конечно же, за стены городского замка, дорого продавая свои жизни. Но все бесполезно. К рассвету битва завершилась.

Ритон в окружении стражи въехал во внутренний двор замка, где его уже ожидал Мирол, а также — Нилб Пятый Ириулэн. Тот выглядел жалко: избитый, раненый, с отчаянным страхом в глазах. Рядом с ним сидели жена и ребенок — мальчик пяти лет.

— Привет, Нилб, — без улыбки поздоровался Ритон. — Как дела?

— Брат, молю, пощади мою семью, — прошептал тот обескровленными губами.

Ритон спешил, на ходу бросая поводья одному из телохранителей, присел перед пленником, приподнял его подбородок.

— И это все, что ты можешь сказать родственнику после пяти лет разлуки?

— Молю тебя, пожалуйста, пожа...

Договорить он не успел — Ритон коротким резким движением перерезал Нилбу горло. Умиравший захрипел, дернулся несколько раз, и затих, а Ритон, вздохнув повернулся к его сыну.

Мальчик — достаточно взросло выглядевший для своих лет — вел себя на удивление спокойно. Не плакал, не причитал, он с ненавистью смотрел на дядю и не говорил ни слова. В отличии от матери, которая рыдала взахлеб, пытаясь вырваться из рук воинов.

Плохо, очень плохо.

— Знаешь парень, было бы лучше, если бы ты вел себя, как она, — спокойно проговорил Ритон.

Мальчик ничего не ответил, лишь насупился сильнее, а вот женщина все поняла.

— Нет, во имя Отца, нет, пожалуйста! — закричала она, но Ритон не слушал.

Он уколол, быстро и точно. Кинжал пробил грудь ребенка и вышел из спины. Удар в сердце убил мальчика мгновенно.

«Легкая смерть — это единственная милость, которую я могу тебе оказать, племянник», — подумал Ритон, поднимаясь.

Он развернулся и, не обращая внимания на бешеные вопли обезумевшей от горя матери, направился прочь. Он лично закончил войну, длившуюся пять лет. Последние препятствия на пути к венцу устранены.

— Мирол, ты знаешь, что делать, — не оборачиваясь, проговорил Ритон.

— Знаю, — с горечью в голосе ответил старый воин. — Не волнуйся.

— И не думал, — отозвался Ритон, забираясь на коня.

Уже выезжая из замковых ворот, венценосец — теперь именно венценосец — услышал булькающий хрип и короткий стук тела, упавшего на землю. Краем глаза он заметил эльфийку, которая все это время ожидала неподалеку. Позади нее все также находились два закутанные в темно-зеленое фигуры. Что остроухие обсуждали, Ритон не знал, но как только те заметили его, мгновенно исчезли в близлежащих улочках, заваленных трупами, оставив свою госпожу один на один с новым правителем Исирилатии.

— Вы закончили ваше величество? — спросила Найлиэна.

— Почти. Осталось лишь разослать весть о моей победе, и, конечно же, возложить на голову венец.

— Когда?

— Полагаю, что через три-четыре недели.

— Хорошо, тогда увидимся в столице.

Произнеся это, эльфийка развернулась и последовала за слугами. Наверное, Ритон мог бы задержать ее, если бы захотел, но ему сейчас было все равно. Точно также не интересовала и резня, все еще не утихшая в городе. Не трогало его сердце и детоубийство. Лишь лицемеры охают, когда речь заходит о том, чтобы прирезать пару детишек.

Ритон остановил коня и задрал голову вверх, туда, где сквозь густые облака пробивались первые робкие лучики нового дня.

«Неужели? Я действительно победил? Невероятно»!

Его глаза сузились и в них зажегся недобрый блеск.

«Что ж, с самой легкой частью мы закончили, теперь пришло время заняться по-настоящему сложными делами. Посмотрим, что предложит мне звездорожденная. Черный Властелин, не расслабляйся, я уже дышу тебе в спину»!

Двадцатый день третьего месяца весны 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Головная боль сделалась совсем уж нестерпимой, но Шахрион упрямо игнорировал ее. Пару дней назад ему доставили целый ящик древних, едва не рассыпающихся, манускриптов.

Некоторые были написаны на понятных языках, другие приходилось переводить, но император не сдавался. Он тратил час за часом на то, чтобы докопаться до самой сути документов, и каждый новый лист пергамента, прочитанный Черным Властелином, лишь прибавлял отчаяния.

«Ничего, ничего, ничего! Проклятье! Мать побери их всех!»

Шахрион с огромным трудом сдержал подступающую ярость и не отбросил лист в сторону. Все-таки, достать его было непросто, пришлось потратить изрядное количество времени и просто сказочные суммы денег, а значит, нельзя потакать своим слабостям.

Ой ну надо же, какие мы бедные и несчастные.

— Заткнись, — прорычал он, беря следующий документ.

И что же мы хотим найти? М-м-м? Поведай, о великий и непогрешимый император. С могучий и несокрушимый Черный Властелин.

— Заткнись, — повторил он, стараясь заглушить голос Тени и внимательно изучая отчет о поступивших ко двору винах, написанный почти семь сотен лет назад.

Шахрион выдохнул.

«Проклятье, неужели не осталось даже крупницы достоверный сведений о тех временах? А если нет — как быть?»

Его состояние в последний месяц продолжило ухудшаться: император дважды впадал в ступор, пропустив несколько часов жизни, и еще один раз грезил наяву. Правда, видение практически не отложилось в памяти, но легче от этого не становилось.

Оставшееся время стремительно подходило к концу, и Шахрион осознавал это с ужасающей явственностью. Именно поэтому он переложил практически все государственные дела на Тартионну, и зарылся в бумаги, предпринимая последнюю лихорадочную попытку отыскать ключ к природе своего недуга.

Ищи, ищи, это весело, — рассмеялась Тень.

Шахрион скрипнул зубами и взялся за следующий документ.

Не то!

Следующий!

Не то!!

Следующий!!

Не то!!!

Он рывком вскочил из-за стола, с трудом сдерживая рвущееся на свободу бешенство и сжимая кулаки так крепко, что ногти пробили кожу.

«Спокойнее, спокойнее! Еще не все потеряно!»

Он убеждал себя, старательно не обращая внимания на монотонный бубнеж Тени, и просматривая один документ за другим. Счета, старые договоры, списки ценного имущества, ничего. Ничего. Ничего!

Шахрион прикрыл глаза и медленно начал считать до десяти. Затем, сжав зубы,

поднялся и извлек из тайника дневник Безумца.

«Нет, что-то все-таки должно найтись, просто отказываюсь верить в то, что ничего не сохранилось!»

Когда небо за окном осветила заря нового дня, а буквы начали сливаться в одну неразличимую массу, Шахрион, наконец, сдался. Все-таки, и этот след оказался ложным.

— Великая Мать, за что мне это! — воскликнул он, прекрасно понимая всю глупость произнесенных вслух слов.

«Наверное, за массовое убийство, верно?»

Так, так, — радостно подхватила Тень, почуяв слабинку. — *Все так, глупый смертный. Это — твое наказание, готов ли ты принять его?*

— Отстань, — вяло проворчал Шахрион, — я слишком устал для того, чтобы препираться с тобой.

Тень мерзко захихикала и обвилась вокруг него подобно бесплотному призрачному плащу.

Какой ужас, великий Черный Властелин слишком устал. Ну как же нам теперь быть?

«Действительно, как мне теперь быть?»

Император поднялся из-за стола, и в этот миг на него накатила волна дурноты. Он рухнул в кресло, потому что ноги перестали держать, голова кружилась, перед глазами плясали разноцветные пятна, а руки дрожали, словно после хорошей попойки.

Так как? — продолжала издеваться Тень, но Шахриону сейчас было совершенно не до нее.

«Что происходит?» — успела мелькнуть у него в мозгу мысль, прежде чем свет померк и Шахрион рухнул в непроглядную чернильную тьму.

Где-то, когда-то.

Он моргнул. Светило яркое солнце. Снова моргнул. Нет, солнце и не думало никуда исчезать.

Шахрион сел и с удивлением огляделся. Он оказался посреди знакомого по предыдущему видению холма.

«Хорошо, что в первый раз так не трясло», — подумал Шахрион. — «А то Тартионна уложила бы меня в постель на пару неделек. Ладно, нужно понять, где я, и что должен увидеть».

Он взглянул на вершину холма и пожал плечами. Раз уж оказался не пойми где, стоять нет смысла.

«Проверим, что там», — решительно подумал император.

Идти пришлось, как ни странно, совсем немного. Едва он сделал несколько шагов по направлению к цели, как неведомая сила подхватила Черного Властелина и перенесла его практически к месту назначения. При этом пейзаж неожиданно изменился. Солнце спряталось за грозовые тучи, и мощный дождь принялся хлестать по пригнувшейся траве.

Шахрион обернулся: позади расстилалась плоская, как столешница, равнина, на которую он смотрел с вершины холма. Было в ней нечто знакомое, но император, к своему глубочайшему огорчению, не мог вспомнить, что именно.

«А вот и актеры», — рассеянно подумал Шахрион, поворачиваясь к главным действующим лицам галлюцинации. — «Стало быть, я должен присутствовать на небольшом представлении. Не совсем понятно, зачем, ну да ладно. Будем считать, что тот, кто все это показывает, обожает театральные эффекты».

Он сделал еще пару шагов вперед и замер перед своей целью — древним алтарем, залитым кровью животных, чьи останки валялись неподалеку.

Возле алтаря на коленях стояли два человека: юноша и девушка, которым вряд ли можно было дать больше шестнадцати-семнадцати лет. Перед ними лежало окровавленное тельце грудного ребенка, заколотого острым ножом, чье черное лезвие однозначно было изготовлено из цельного куска обсидиана и до боли напоминало жизнежор, который так заинтересовал юную Дарлионну.

«Это не накопление сил, это — жертвоприношение», — подумал Шахрион.

Он, как человек, практикующий некромантию, знал толк в ритуальных убийствах, более того — устроил самую масштабную гекатомбу в истории мира, а потому понимал — кровь невинного младенца обладает большой силой.

«С другой стороны: один ребенок — это всего лишь один ребенок. Да, его жизнь позволит высвободить немало энергии, но не более того. К чему такие сложности?»

— О великие! — прокричал странно знакомый юноша, по лицу которого катились слезы. — Примите эту душу. Примите нашего первенца и услышьте нас!

«Мать Тишины!» — поразился Шахрион. — «Они что, принесли в жертву собственного ребенка? Тогда все куда серьезнее!»

Он переводил взгляд с юноши на девушку и с каждой секундой все больше убеждался в том, что правильно понял слова молодого человека. Жертвователи выглядели опустошенными, доведенными до отчаяния. На их лицах смешались слезы, вода и кровь, которую, вероятно, те пили.

Шахриону не были знакомы подобные ритуалы, но император представлял, что именно с их помощью можно призвать.

«Ничего хорошего»!

— О великие, — присоединилась к юноше девушка, — мы отдали вам все, что у нас оставалось. Наше золото...

— Наше жилище, — подхватил молодой человек.

— Наше стадо, — добавила девушка.

— Нашего сына, — закончил юноша.

— Молим вас и заклинаем, явите же свою мощь! — торжественно провозгласили оба. — Не оставьте род в час горькой нужды!

Блеснула молния, раскат грома был столь мощен, что Шахрион на миг оглох, а ветер, и без того злой и сильный, начал завывать, точно взбешенный волк.

«Детишки, кажется, сумели обратить на себя внимание чего-то крайне могущественного и очень, очень опасного!» — решил Черный Властелин.

Он не понимал, кто наслал видение, не понимал, для чего, однако отчего-то был уверен, что не должен пропустить ни единого мгновения.

«А ведь это может оказаться банальным бредом сумасшедшего», — на долю секунды подумал Черный Властелин, после чего отбросил сомнения. — «Нет, тут что-то другое, я уверен».

Стараясь не думать о том, что уверенность эта порождена отчаянной жадью исцеления, император продолжил внимательно следить за разворачивающимися событиями.

Уже не ветер — ураган — ревел в небесах, подхватывая с земли камни. Молнии лупили одна за другой, стена дождя пригибала к земле траву... Еще секунда, и вместо воды сверху начали падать градины.

Однако буйство стихии обходило алтарь стороной. Коленопреклоненных молодых людей перестала касаться вода, даже легкий ветерок не трепетал больше их простые домотканые туники, а град приминал траву за пределами невидимого круга, очерченного некой силой.

— Молим вас, о великие! — вновь синхронно произнесли юноша с девушкой.

А затем последовал ответ.

С небес прямо в центр алтаря, туда, где лежало тельце принесенного в жертву ребенка, ударил нестерпимо яркий луч света. Шахрион на миг ослеп, а когда зрение вернулось, император увидел, что над замершими в благоговейном ужасе людьми зависли шесть фигур. Три мужские, три — женские.

— Смертные, — пророкотал седовласый мужчина, — вы были услышаны!

— Те, кто лишился всего — звонко пропела женщина, стоящая рядом с ним.

— Те, кто отдал все, — резко, четко выговаривая слова, добавил второй из сошедших с небес мужчин.

— Те, кто отдал оставшееся, — журча, точно речка, произнесла юная и невообразимо прекрасная девушка.

— Цена уплачена, — чуть ломающимся мальчишеским голосом произнес третий мужчина... или все-таки мальчик? Шахрион не был уверен до конца.

— Просите, — тихо произнесла последняя женщина, бледная, будто в ее теле не осталось ни капли крови, — вам даровано это право.

Юноша с девушкой переглянулись и на их лицах, залитых слезами и кровью, проступило нечто, отдаленно напоминающее радость. Понятно, что человек, только что собственноручно заколовший грудного ребенка, попросту не может веселиться, но, насколько это было возможно в сложившейся ситуации, юноша с девушкой все-таки воспряли духом.

— О великие, — обратился юноша. — Враги рода сильны и могучи. Они забирают наших жен на поругание, они угоняют стада, обрекая людей на голод, они убивают нас, когда хотят. Мы слабы, у нас нет сил, чтобы бороться с ними. Молим: одарите нас толикой своего могущества.

— Позвольте роду жить! — добавила девушка. — Молим вас!

Стало тихо, как в склепе. Гроза, бушевавшая еще секунду назад, неожиданно затихла, тучи растворились, и лишь развороченная земля, да тающие градины свидетельствовали о том, что еще мгновение назад возле алтаря бушевала стихия.

— Вы просите о великом могуществе, — пророкотал, наконец, первый из шести, — но готовы ли оплатить его?

— Да! — не задумываясь ответили молодые люди.

— Понимаете ли, что мы потребуем?

— Нет.

— Платить придется верой, платить придется душами, платить придется жизнями, — прошелестела бледная женщина. — Пойдете ли вы на это?

И опять молодые люди ответили, не сговариваясь.

— Если это позволит спасти род!

— Хорошо, — пророкотал первый из шести. — Слово было сказано, по слову и будет. Ступайте домой, смертные, утром вы и еще четверо — те, кого мы сочтем достойными, — обретут дары.

— А еще шестеро будут отмечены печатью нашего покровительства, — закончила за него женщина. — И когда придет время, мы возьмем свое.

Шесть фигур растворились в воздухе, молодые люди поднялись, а Шахрион... Шахрион осознал, что свет опять меркнет, а значит, видение заканчивается...

Двадцать первый день третьего месяца весны 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), рассвет.

Так как? — услышал он вновь глумливый голос Тени. — *Что-то ты сегодня неразговорчивый какой-то, неинтересно даже.*

Он моргнул и покосился на спутницу.

«Так это не ее рук дело?»

Тень, как ни в чем не бывало, хихикнула в привычной своей манере и добавила.

И чего это ты так замер? Будущее узрел?

Шахриона точно молнией ударило.

«Тень что, ничего не видела?» — а вслед за этой мыслью пришла и другая. — «Она не может залезть в эти воспоминания? И даже прочесть мысли, связанные с ними?»

Поразительное открытие, невероятное и дающее надежду.

Тень не всесильна? Кто-то или что-то шлет ему видения и защищает их от неприятной попутчицы? Но почему именно сейчас?

Он покосился на дневник Безумца.

«Из-за этой книги? Или из-за того, что я уже почти полностью сошел с ума?»

Почти полностью? Как мне кажется, ты совершенно, окончательно и бесповоротно безумен, мой дорогой Черный Властелин. И не отрицай этого.

Шахрион грузно опустился в кресло и обхватил голову руками. Виски ломило еще сильнее, чем раньше, мысли путались, а голову хотелось разбить о стену, и все-таки у императора появилась надежда. Что-то или кто-то посылает ему видения, что-то или кто-то может отгородить от Тени часть его мыслей, что-то или кто-то хочет и — самое главное — может помочь.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь прийти в норму.

«Она не видит и не слышит всего, что связано с видениями? Я могу это использовать? Или все случившееся — очередная ловушка Тени? Быть может, она специально дарует мне надежду, чтобы потом было лишь больнее? Может быть, все это на самом деле — хитрая западня?»

Подобное, увы, являлось самым логичным объяснением происходящего, однако Шахрион цеплялся за версию с неведомым помощником, ведь, падая в пропасть, ухватишься и за лезвие меча.

«Потому что это — мой последний шанс», — Шахрион выдохнул, налил воды в стакан и принял сразу две таблетки.

Голове стало легче, более того, несколько минут у него получалось практически не обращать внимания на ехидные комментарии Тени. Да что там, на пару минут, казалось, он стал прежним собой.

Что-то ты притих. Не желаешь еще разок перечитать дневник Безумца? Ну, чтобы лучше подготовиться к тому, во что превратишься сам?

«Игнорируй ее, просто игнорируй».

А это, между прочим, невежливо.

«Она не имеет значения, важно лишь видение. Я должен еще раз все внимательно

обдумать и понять, действительно ли Тень не может читать мои мысли о видении и если да, то что тогда слышит?»?

Шахрион напряг память, пытаясь вспомнить каждую деталь, каждую мелочь. Он просто обязан разобраться в происходящем, понять, что это было, и почему оно произошло именно сейчас...

Что-то не давало ему покоя. Какая-то деталь в видении казалась знакомой, быть может, он видел ее или читал? Но где? И почему призванных духов было именно шесть? Имеет ли это какое-то отношение к богам? Неужели их призвали с помощью человеческого жертвоприношения? А что насчет даров? Ни одна, даже самая старая легенда не содержит подобной информации.

Может быть, все-таки бред? А если все-таки — эхо былых дней?

Вопросы роились в голове, накатываясь один на другой, Тень что-то бубнила, но Шахрион, полностью поглощенный своими размышлениями не обращал на нее ни малейшего внимания.

Неожиданно стало тихо.

— А? — удивился он.

«Тень умолкла?»

И тут раздался ее голос, но не надменный и не ехидный, нет. Злой, полный ненависти и ярости, лишенный даже намека на поддразнивание.

Опять, значит? Думает, что на этот раз ему повезет? Ну-ну. Не надейся, смертный, все уже почти закончилось. Видения не помогут, не спасет и то, что я до поры до времени не могу пробиться в эту часть твоего разума.

По спине императора побежал холодок.

— Что? О чем ты?

Но Тень умолкла. Очевидно, она сочла, что сказала более чем достаточно.

Двадцать четвертый день третьего месяца весны 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро.

Здоровенный валун разлетелся на куски от направленного в него огненного шара. Во все стороны брызнуло мелкое крошево и Шахрион, не думая, выставил перед собой воздушный щит. Чары приняли на себя всю мощь камня, затормозили, заставили опасть на землю, и уже в следующий момент император одну за другой сотворил несколько молний, вслед за которыми полетели костяные копыя и, наконец, все закончилось мощнейшим ледяным шаром, появившимся в сотне шагов от Черного Властелина и разлетевшегося во все стороны тысячами тонких игл, каждая из которых оставляла морозный ожог там, куда прилетала.

От них тоже пришлось защищаться барьерами, на этот раз огненными.

Шахрион отер пот со лба и внимательно осмотрел результаты своего труда. Вся небольшая лощинка, в которой он практиковался, была устлана ровным слоем каменной крошки.

Император кивнул сам себе и довольно потянулся. Тренировка прошла успешно, впрочем, сегодня он не экспериментировал, а лишь отработывал уже хорошо заученные связки, и, тем не менее, с каждым разом получалось все лучше и лучше.

Тренировки эти Шахрион начал сразу по окончании войны. Он принял решение стать самым сильным магом человечества, раз уж обрел столь невыразимую мощь, и плотно занялся освоением стихий. Магию огня он знал и так — обучался в Академии Исирилатии. Там же освоил — более-менее — и воздушные чары. Хотя, конечно, применительно к нему

прежнему — до Безымянного заклинания — слова «освоил» и «знал» можно было считать, скорее, насмешкой. Прекрасно разбираясь в теории, он был неспособен на что-либо серьезное в практическом плане.

Но то раньше. А теперь же в одиночку Шахрион вытворял такое, на что требовались усилия доброй полусотни хорошо обученных чародеев, собранных в круг.

Впрочем, теоретические знания пришлось как нельзя кстати. Благодаря им освоение школ земли и воды прошло с такой скоростью, что даже самому Шахриону не верилось. В результате за четыре года он подчинил себе пять из шести стихий. Магию света можно было и не пытаться учить — некромантам такое попросту не давалось, сколько бы там душ они не поглотили... Но он все же попытался, увы, безуспешно. Отец ревностно оберегал свои тайны от недостойных.

Впрочем, справедливо было и обратное. Ни один сын Ордена никогда не сможет поднять мертвых. Почему прочие стихии не находились друг с другом в столь же непримиримой вражде, ответа у императора не находилось. Так или иначе, но при желании любой маг мог заполучить практически все дары богов.

«Хотя у обычного одаренного целая жизнь уходит на освоение одной, максимум — двух — стихий. А у меня их — пять»!

Шахрион достал флягу и приложился к ней, смочив сухое горло.

Конечно же, о своих достижениях он не трубил направо и налево. Более того, никто, кроме Тартионны не знал, куда именно время от времени пропадает владыка. А Шахрион седлал Карра — старого грифона, последнего представителя своего рода в Империи, — и улетал далеко в Горы Ужаса, простирающиеся на многие сотни миль на север. Там он находил какую-нибудь укромную лощинку, и до изнеможения практиковался. Это не только позволяло обучиться новым трюкам, но и хорошо снимало напряжение, а постоянная смена тренировочных площадок гарантировала анонимность.

Хотя... Когда в последний раз он по-настоящему оставался один?

Какое верное замечание, о великий император, — раздался в его мыслях глумливый голос Тени. — А главное, сколь оно своевременно.

Шахрион запустил в один из валунов, которые сам же и создал перед началом тренировки, огненный шар, сопроводив это действие грубым ругательством.

Тварь никак не желала отступать, а после того странного видения, кажется, прицепилась к своей жертве даже крепче, чем раньше.

И в этом, пожалуй, таилась надежда на спасение. Вот только понять бы, отчего тот юноша показался императору знакомым? Этот вопрос не давал ему покоя вот уже несколько дней. Казалось, напряги чуть-чуть память, и ты вспомнишь, узнаешь...

Черный Властелин ощутил вызов, идущий через тириомаль, и, тряхнув головой, вытащил артефакт из поясной сумки.

— Да? — спросил он, активируя артефакт.

На связь вышла Тартионна и выглядела Госпожа недовольной.

— Тебя нет уже больше двух суток, о владыка. Дела, которые я решить в одиночку не в состоянии, не станут ждать, равно как и твой сын. Поспеш и вернись во дворец.

Сказав это, она отключилась, не пожелав даже пообщаться. С тех пор, как в Черной Цитадели появилась Дарлионна, супруга стала на удивление раздражительной. Если бы это была другая женщина, Шахрион заподозрил бы ревность, но его жена просто не могла позволить столь примитивным чувствам взять верх. В этом он не сомневался.

«Значит, я что-то сделал не так», — вздохнул император, после чего вытащил из-за пояса жезл Безумца, с которым после ночной схватки со зрящим почти не расставался, и, направив артефакт на ближайший холм, сказал:

— Исчезни.

Поток чистой энергии смерти, вырвавшийся из опалового навершия жезла, начисто срезал верхушку холма, обратив ее в прах, и император, чуть повеселев, зашагал к месту, где оставил грифона.

Пожалуй, в этот раз он, и правда, подзадержался.

«Странно», — думал Шахрион, седлая Карра, — «мне казалось, что прошло от силы полтора полдня. Чудеса, да и только. И провалов во времени я не помню. Видимо, когда тренируешься, время идет быстрее».

Он бросил последний взгляд на изувеченную лошину и скомандовал грифону взлетать.

Седьмой день первого месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, полдень.

Рев толпы оглушал и сбивал с толку, но, одновременно с этим, наполнял тело неясной силой, дарил надежду и позволял ощутить себя чем-то более значимым, нежели простой человек.

Ритон стоял на ступенях, ведущих в собор Отца, и смотрел на возвышающуюся громаду.

Четыре недели понадобилось на то, чтобы собрать в столице благороднейших, чьи голоса имели хоть какое-то значение. Четыре недели тягостного ожидания, наполненного необъяснимыми тревогами и страхами, выбравшимися из самых дальних уголков души. И вот, срок настал.

Венценосец помахал людям, пришедшим на церемонию. Тысячи и тысячи простых горожан и селян собрались сегодня в городе, заполонив главную площадь так, что яблоку не где было упасть. Все они — в этом отмеченный Сестрой не сомневался — жаждали одного: чтобы новый венценосец, победивший в кровавой войне, наконец-то занялся восстановлением разрушенного.

«И я займусь», — подумал он. — «Не избегу участи сей. Но действовать буду отнюдь не так, как вы — глупцы — полагаете. Этот жалкий огрызок Исиринатии нужно как следует встряхнуть, заставить работать в полном соответствии с новыми веяниями».

Черный Властелин наглядно продемонстрировал мощь золота, его сокрушительное воздействие на людские умы и сердца, показал также, как это самое золото можно грести буквально лопатой, не имея полей, лугов, золотых и серебряных рудников, портов и достаточного количества войск для организации прибыльных походов.

«Значит, и я буду действовать подобно врагу рода людского», — Ритон снисходительно улыбнулся и круто повернулся на каблуках, ощущая, как взметнулся плащ за спиной.

Весь его вид: обилие белого и пурпурного, тяжелые золотые украшения, плащ, подбитый мехом горноста, все было призвано демонстрировать достаток и уверенность. Оставалось добавить к картине один — последний — штрих, чтобы произведение оказалось законченным.

Ритон медленно и неторопливо поднимался по ступеням. Ровно триста тридцать три штуки. Древние, истертые десятками, нет, сотнями тысяч ног, они вели к самому большому храму на континенте. Выстроил его двоюродный прадед Ритона, и в те времена могущество Исиринатии не вызывало ни малейшего сомнения ни у кого и нигде.

«Эти времена еще вернутся», — подумал молодой правитель, делая очередной шаг. — «Рано или поздно, но вернутся».

Он замер на длинной площадке, оканчивающейся могучими дверьми, сейчас закрытыми.

Его ждали: Корн — новый настоятель ордена Отца, Аран — глава Академии, эльфийка, Мирол, еще несколько важных союзников. По краям замерли гвардейцы — элитные воины Ритона, до этого служившие в его личной страже.

— Благороднейший, — сухой и надтреснутый голос жреца больше походил на скрип пилы по металлу... или кости, — ты готов принять венец?

В голосе его не было ничего кроме всепоглощающей ненависти, однако выбора у

настоятеля не имелось, а потому он, переступив через себя, произнес ритуальные слова, старые, как сама жизнь. Самые первые венценосцы слышали их, причем не от человеческих магов, а от звездорожденных. И ответ всегда оставался неизменен.

— Я готов принять его. Я понесу его гордо. Я не опорочу его.

— Так тому и быть, — отчеканил жрец, умолкая и бросая короткий взгляд на Найлиэну.

— Тогда прими сей ключ, — произнесла та, делая шаг вперед и передавая Ритону большой ключ, позеленевший от времени, — и отопри врата, ведущие к величию.

«Хорошо все-таки, что Черный Властелин перебил не всех звездорожденных», — подумал Ритон, подходя к запертым дверям. — «Народ может не понять, если ритуал будет проведен не в соответствии с правилами».

Ключ легко повернулся в хорошо смазанном замке и створки бесшумно растворились. Запахло ладаном и воском, и это воскресило в памяти Ритона старые воспоминания. Он присутствовал на прошлой церемонии принятия венца, правда, находился в толпе благороднейших, набившихся в храм, подобно сельдям в бочку. Память мало что сохранила из те давних событий, и все же, запах намертво засел в где-то в глубинах сознания.

Ритон криво улыбнулся и сделал шаг вперед.

По легенде, человек недостойный венца, будет сожжен очистительным светом в момент, когда переступит порог. Увы, реальность оказалась куда более прозаической. Убийцы, разбойники, насильники, садисты, вот неполный перечень тех, кто в прошлом получал символ высшей власти, и что-то ни одному даже не поплохело. Вот и Ритон — дядя и братоубийца — не ощутил ровным счетом ничего, проходя по каменным плитам, вперед, к алтарю, на котором лежала алая подушка с аккуратным золотым обручем.

Отмеченный Сестрой остановился, не дойдя до нее пять шагов. По правую руку замер Мирол, которому будущий правитель вручил перевязь с мечом, по левую — Найлиэна, принявшая ключ. Прямо перед ним встал жрец.

— Преклони колени, благороднейший, — проговорил он и Ритон повиновался.

Он закрыл глаза, слыша, как нарастает гул голосов.

«Дурацкий обычай. Почему нельзя было запустить всех заблаговременно? Каков смысл в полировании пола собственными коленями и ожидании заполнения сего треклятого собора до самой двери?»

Интересный вопрос, ответа на который не предвиделось.

Шептались люди, стучали каблуки, звенели мечи в ножнах — в собор на церемонию допускалось брать с собой оружие, и это слегка беспокоило Ритона. Он, коленопреклоненный, безоружный и с закрытыми глазами — просто идеальная цель для наемного убийцы.

Мысли глупые, отдающие паранойей, но события последних лет превратили Ритона в самого настоящего психа, боящегося даже собственной тени.

«Особенно, собственной тени».

Жрец начал говорить. Долго, напыщенно, нудно. Он болтал и болтал, а Ритон стоял на коленях, с трудом удерживаясь от желания приоткрыть глаза и подсмотреть. Удерживало его исключительно понимание того, что смотреть, по большому счету-то и не на что. Не одеждой же настоятеля наслаждаться, в самом деле.

Ритон не сомневался — всем присутствующим столь же невыносимо скучно, как и ему, но они хотя бы могут размять затекшие конечности и почесать нос!

Время тянулось нестерпимо медленно, и все-таки, церемония потихоньку, шаг за шагом,

приближалась к своему логическому завершению. Наконец, на его голову лег прохладный, несмотря на духоту собора, обруч, и жрец проговорил:

— Поднимитесь, венценосец Ритон Первый Ириулэн.

Ритон открыл глаза, которые сразу же защипало, и осторожно, чтобы не причинить боль затёкшим конечностям, встал. Эльфийка подала ему ключ, Мирол опоясал.

Когда меч вернулся на положенное место, венценосцу стало заметно спокойнее и он, повинувшись, приказу жреца, оглядел всех собравшихся в соборе людей. Их было много, да. Самые хорошие места, как и полагалось, занимали благороднейшие, те, кто пережил войну с Империей и грызню за трон. За ними стояли многочисленные благородные, далее — маги и богатые торговцы. Еще дальше — возле самых дверей — разместились те из везучих простолюдинов, кто сумел прорваться внутрь собора, чтобы хоть краешком глаза увидеть церемонию возложения венца.

«Глупо, как все это глупо. Какой смысл тратить время на подобную показуху?» — подумал Ритон и тотчас же поймал себя на иной мысли. — «Раньше — до войны — я думал иначе. Проклятье, как же я изменился за прошедшие годы. Как мы все изменились!»

— Венец водружен, — провозгласил жрец. — Милостью Отца правитель Исирилатии явился!

Собор утонул в восторженном реве. Благородные исирилатийцы искренне радовались, они обнимали друг друга, улыбались и смеялись. Они и правда верили в него! Ну, или очень хорошо маскировали свои истинные чувства. Сейчас это не имело ни малейшего значения. Настало время закончить ритуал и все это знали.

Люди, стоявшие по пути к выходу, расступились, спрессовав прочих так, что, казалось, они сейчас превратятся в блины, и Ритон двинулся по этому коридору.

Он вышел на площадку перед собором. Казалось, внутри прошло от силы десять минут, однако солнце уже начало свой долгий путь к закату. Церемония продлилась почти четыре часа!

Гвардейцы все так же стояли по краям площадки, а многочисленные воины перегородили путь к ступеням, ведущим наверх, толпа на площади, кажется, даже стала больше. И над всем этим разлилась тишина. Что ж, настало время обратиться с речью.

Благороднейшие имели право войти внутрь и наблюдать за тем, как новый венценосец принимает свою судьбу. У простолюдинов же была иная привилегия — они могли услышать первый указ своего нового правителя.

Ритон замер за спинами воинов, глядя на человеческое море, застывшее в напряженном ожидании. Да, от его речи будет зависеть многое. Слова — это всего лишь сотрясение воздуха, однако они зажигают в людских сердцах неугасимое пламя, они даруют сторонников и превращают врагов в друзей. Все это при должном таланте можно грамотно использовать и Ритон верил в себя.

Он набрал полную грудь воздуха и заговорил.

— Подданные! Вы ждете нашего первого указа, и вы в своем праве. Вы, наверное, хотели бы услышать о королевском помиловании, о снижении налогов, о дарах из казны, о роскошном пире, либо о чем-то столь же приятном вашему сердцу и кошельку.

Люди начали энергично перешептываться и в голосах этих послышалась надежда. Да, они страстно жаждали снижения налогов, они хотели хотя бы каких-то послаблений в тяжелой и безрадостной жизни. Страшно было даже представить, насколько обеднели простые горожане за последние четыре года. И пускай Ритон прилагал все усилия для

развития торговли и ремесел, пройдет еще немало времени, прежде чем ситуация наладится.

— Мы тоже хотели бы отдать подобный указ, — продолжил он, — но, увы, не можем.

Тишина, сопровождавшая эти слова, была мертвой и непроницаемой.

— Не можем, — продолжил новоиспеченный венценосец, стараясь говорить, как можно яснее, — потому как мы все несем на себе печать ошибок предыдущего венценосца. Он развязал войну, в которой Исиринатия потеряла большую часть земель. Он не выполнял свои обязанности должным образом, из-за чего Черный Властелин сумел восстановить нечестивые полчища, а его сын — наш кузен — вместо того, чтобы принять на себя ответственность, стал рушить даже то, что удалось спасти, не иначе, как сговорившись с врагами!

Бред и ложь настолько дикие и невообразимые, что в них с легкостью поверят. Ритон — человек, сговорившийся с Шахрионом и убивший дядю ради власти — попросту переложил всю вину на покойников. Это было удобно, это было полезно, это не возбранялось. Сейчас вряд ли нашелся бы хоть один самоубийца, пожелавший напомнить своему венценосцу некоторые не слишком приятные эпизоды его биографии.

Ритон понимал это, простолюдины — тоже понимали, а потому смотрели настороженно, ожидая худшего.

Венценосец чуть улыбнулся и проговорил, четко выделяя слова:

— Да, мы не можем снизить налоги, потому как страну следует восстанавливать. Мы не подготовим даров из казны и не закатим пира, потому что деньги эти будут пущены на другое, куда более нужное дело. Однако вы не останетесь без награды. Я подарю вам иное. Я подарю вам свободу! Первым указом мы, венценосец Исиринатии Ритон Первый Ириулэн объявляем свободу веры на землях Исиринатии: молитесь кому хотите, кроме, конечно, Матери Тишины; свободу торговли: никаких пошлин внутри нашей державы; свободу ремесел: каждый, кто захочет, сможет открыть свою мастерскую, не вступая в цех и казна поможет ему в этом. Такова наша воля!

Несколько секунд толпа молчала, переваривая услышанное, затем люди начали перешептываться, все громче, громче и громче и вот, наконец, оглушающий рев одобрения заполнил все вокруг. Простолюдины обнимались и плакали от счастья, восхваляя своего нового правителя.

Ритон глядел на своих подданных, улыбаясь. Они думают, что он сделал это по доброте душевной. Ну-ну, пусть считают так, пусть работают, торгуют, производят товары. И, конечно же, платят налоги.

«Чем богаче они будут, тем богаче стану я», — думал он. — «Так что, надеюсь, мои слова разожгут огонь в ваших сердцах, что будет пылать ярко и долго».

Миросл вышел из собора и занял положенное традицией место. Вслед за ним появилась и Найлиэна. Эльфийка смотрела на Ритона задумчиво — она не была посвящена в планы венценосца и теперь усиленно анализировала их.

«Пусть, остроухой будет полезно немного подумать», — подумал Ритон, делая знак своему наставнику и учителю.

— Нам пора возвращаться во дворец, дела не станут ждать.

Седьмой день первого месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, закат.

Приятный бриз разгонял дневную жару и трепал волосы Ритона. Он стоял на балконе своего дворца и любовался морем. Бескрайняя синяя гладь раскинулась внизу, волны с

шумом наваливались на берег подобно несметной рати, не знающей покоя и усталости.

«Как армия Шахриона», — подумал венценосец. — «Такая же молчаливая, такая же исполнительная, такая же упорная. Что им сотня-другая лет? Куда спешить, если победа в итоге достанется стихии? И этот дворец, и этот город, все со временем поглотит океан».

От столь нерадостных мыслей его отвлекло тихое деловитое покашливание.

— Доброго здравия тебе, звездорожденная, — с легкой улыбкой проговорил венценосец, оборачиваясь.

Естественно, кто еще кроме эльфийки мог подойти к нему абсолютно бесшумно?

— Вам надоело празднование? — очаровательно улыбнулась та.

Найлиэна знала, как производить впечатление на мужчин: губы блестели алым, роскошное шелковое платье приманивало взгляд глубоким декольте, холеные пальцы украшались изящными кольцами, а на высокой груди лежало очаровательное золотое кольцо с большим изумрудом в оправе, гармонизировавшим с цветом глаз зрящей. Ритон, даже несмотря на то, что ожидал чего-то подобного и готовился к этому, с большим трудом отвел взгляд от манящей ложбинки и, сглотнув тягучую слюну, посмотрел за спину своей собеседницы, в пиршественный зал, туда, где цвет Исирилатии сейчас напивался до скотского состояния.

Да, он сказал простолюдинам, что пира не будет, но, увы, тут венценосцу пришлось слукавить. Речь шла о пире для низших сословий. Отказать в угощении аристократам он не мог, именно поэтому за сегодняшний день было и еще будет сожрано и выпито столько, что хватило бы для снаряжения целой пехотной тысячи!

Но что поделать? В конце концов, как бы он ни хотел поскорее восстановить страну, сделать это будет в высшей степени непросто, особенно если настроить против себя сильных людей.

— Я не голоден, — осторожно ответил венценосец.

— Понимаю. После того, как вы озвучили свой первый указ, кусок в горло не лезет.

В этих словах, как ни странно, не было и намек на насмешку. Звездорожденная, кроме шуток, беспокоилась о нем!

«Кажется, я занимаю важное место в ее плане мести», — подумало Ритон. — «Остается только понять — какое».

— Как вы вообще смогли продавить такой закон?

— Это было непросто, — процедил Ритон сквозь зубы.

Воспоминания о том, как ему приходилось договариваться с каждым из значимых благородных и благороднейших, вызывали приступы головной боли даже сейчас. Ни один из этих напыщенных идиотов так до конца ничего и не понял. Ни один не желал принять тот простой факт, что перемены уже произошли и нужно идти в ногу со временем.

Кто-то польстился на золото, кого-то с горем пополам вышло убедить в личной выгоде от реформ, а остальных он попросту запугал. Именно потому и приходилось сейчас задабривать их на пиру. Ритон прекрасно понимал, что с этим болотом придется разбираться, причем быстро, иначе реформа, которая назрела и должна быть проведена в считанные месяцы, потонет в говорильне. Однако осознавал он и то, что сопротивляться сии достойные мужи продолжают еще долго. Как явно, так и тайно.

— Я помогу вам уговорить самых недовольных, — словно прочитав его мысли промолвила эльфийка. — Ваши нововведения, и правда, помогут Исирилатии вернуть хотя бы часть утраченных позиций. Но вы, я погляжу, внимательно следите за успехами Черного

Властелина.

— Увы, у меня попросту не осталось никакого иного выхода из текущей в высшей степени неблагоприятной ситуации.

— Не страшно, тем более, его методы работают, — пожалала плечами звездорожденная.

— Скажи, зрящая, — произнес Ритон, — какой будет плата за помощь? Кажется, ты некоторое время назад в высшей степени туманно обрисовала стоимость эльфийских услуг в деле устранения Черного Властелина.

Эльфийка улыбнулась.

— Как я и говорила, ничего невозможного.

Ритон вздернул брови, не произнеся ни единого слова, и Найлиэна тепло улыбнулась собеседнику.

— Хорошо. Слушайте: вы поможете мне прикончить Черного Властелина. Исиринатия станет домом для оставшихся в живых эльфов — выделите нам какой-нибудь свободный лес. Вы всячески станете избегать войн в ближайшие годы, по крайней мере, не получив на это мое одобрение.

«А может мне еще и регулярно в задницу тебя целовать»? — раздраженно подумал Ритон, однако на лице его не появилось и тени недовольства.

Помощь эльфов с их сверхъестественным умением проникать в защищенные места, добывать информацию и устраивать несчастные случаи, сейчас была нужна, как никогда. Свободное место он найти сумеет, а воевать Исиринатия будет не в состоянии еще долгие годы — на этот счет венценосец не питал никаких иллюзий. Собственно говоря, именно потому он и затеял реформу. Свобода вероисповедания привлечет в страну последователей всех богов, свобода торговли — наполнит его казну, свобода ремесел подарит возможность снарядить армию отличным вооружением... Возможно даже — об этом Ритон мог лишь мечтать — позволит конкурировать с Черным Властелином, чьи мануфактуры в последние годы росли, точно грибы и продавали все, начиная от гвоздей и заканчивая полными рыцарскими доспехами.

«Ну а потом, если что, всегда можно будет устроить сезон стрижки слишком длинных ушей», — подумал он, согласно кивая.

— Твои условия кажутся мне справедливыми, звездорожденная. Хотя другой венценосец мог бы и не принять их.

— Другой и не принял, — неожиданно прямо и честно ответила ему Найлиэна.

«Ага, стало быть идиот Гашиэн в свойственной ему манере отказался. Заносчивый болван. Мало ему было потерять Белый Город, видимо, хочет поделиться с соседями чем-нибудь еще».

— Стало быть, мы не имеем права говорить о гипотетической попытке восстановить Лигу, верно? — осторожно уточнил новоиспеченный венценосец. — А как обстоят дела в стане dwarфов и прегиштанцев? Они понесли меньшие потери во время войны с Черным Властелином, нежели прочие участники конфликта, ведь воевали лишь друг с другом.

— Я бы не была столь категорична в суждениях, — эльфийка наморщилась, по-видимому, вспомнив нечто не слишком приятное. — Резня на юге унесла невообразимое количество жизней.

Она подтвердила опасения Ритона и тот сразу же озвучил вопрос, не дававший ему покоя с того самого дня, как объявилась звездорожденная.

— Мы не сумеем добиться союза с волками, прегиштанцы с dwarфами обескровлены, от

моего государства остался огрызок, от твоего — почти ничего. Каким образом мы свергнем Черного Властелина и, нет, не вернем все назад, я не столь наивен, но хотя бы сделаем ситуацию несколько благоприятной для дальнейшего существования?

Эльфийка одарила своего собеседника загадочной улыбкой, чарующей и внушающей страх одновременно.

— Ответ на этот вопрос лежит на поверхности, ваше величество, и вы не можете не знать его.

— Стало быть, предательство, — подытожил Ритон. — И когда же я смогу увидеть тех, кто рискнул отвернуться от всемогущего правителя Империи Тьмы?

— Всему свое время. Месть не терпит спешки, это блюдо подается холодным.

— Это так, — кивнул Ритон. — Но только постарайся не забыть, сколь коротка и быстротечна человеческая жизнь. Не хотелось бы, чтобы, к моменту, когда настанет время вкушать сие вкуснейшее из кушаний, оно не оказалось бы подле моего, еще более хладного, трупа.

Дочь Ратриолы рассмеялась — вежливо и аккуратно, согласно правилам этикета.

— Просто подождите чуть-чуть, очень скоро все будет готово, и мы приступим.

Произнеся это, она присела в изящном реверансе, и оставила венценосца наедине с его надеждами и страхами.

Первый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению).

— Береги себя, пожалуйста, — Тартионна нежно обняла Шахриона и отстранилась, будто бы стыдясь своих чувств.

— Папа, возвласяйся быстрее, — попросил Паштион, прижавшийся к матери и с трудом сдерживавший подступающие слезы.

Черный Властелин поцеловал сына в лоб и взъерошил кучерявые, мягкие, как пух, волосы.

— Все будет хорошо, — улыбнулся он, — я же уезжаю не на войну. Это всего лишь обычная ежегодная поездка по имперскому тракту. Она займет не так много времени.

Он и сам не понимал, зачем успокаивает родных. Возможно, виной тому была Тень, возможно — новости, стекающиеся со всех сторон и настраивающие отнюдь не на веселый лад, возможно — просто нервозность и опасения, буквально разлитые в воздухе.

В последние дни Черный Властелин чувствовал изрядное напряжение, которое не получалось связать с чем-то конкретным. И, тем не менее, ощущения императора, увы, не могли служить достаточным основанием для отмены поездки — возрожденный лишь несколько лет назад обычай следовало холить и лелеять.

Посещение крупнейших городов западной части страны, крюк на север — чтобы не возвращаться тем же маршрутом и, наконец, спокойная дорога домой. Было решено, что в этом году восточные рубежи Империи посетит Госпожа с наследником, и где-то через пару дней Тартионне и сыну придется отправиться в небольшое путешествие.

Самому же Шахриону предстояло несколько недель подряд попеременно бороться со скукой в пути и нечеловеческим количеством алкоголя на пирах. Одна эта перспектива настраивала на пессимистичный лад, но что поделать — император должен быть не просто символом, сидящем в недостижимой вышине Черной Цитадели. Нет, он обязан демонстрировать мощь страны, показывать новоприобретенным подданным, что владыка здесь, что он слышит их и делит с ними пищу и вино. А если возникнет потребность, то Шахрион, естественно, на месте сможет вынести приговор парочке мздоимцев, благо Тартионна передала ему сведения, касающиеся десятка подходящих кандидатов.

«Ничто так не улучшает настроение народа», — думал он, забираясь в карету, — «как болтающийся в петле взяточник, за пару дней до этого мнивший себя всесильным».

Дверь закрылась, кучер хлестнул животных — чтобы не пугать людей лишний раз, в карету запрягли обычных коней вместо выносливых и неприхотливых оживленных некромантией скакунов — и путешествие императора началось.

Первые несколько часов оказались наполнены тихими монотонными звуками дороги: ржанием, свистом плети, позвякиванием сбруй, да скрипом дерева. По мере того, как утро начало уступать свое место дню, к этим приятным звукам добавился людской гомон, приветственные возгласы, окрики стражников, отгоняющих любопытных от кареты и, конечно же, многочисленные здравницы.

Простой народ действительно любил Шахриона и тот старался, чтобы так и продолжалось впредь.

«Безусловно, любовь — это проходящее чувство», — думал Черный Властелин,

выглядывая из окна на замерших у обочины путников, которые как один кланялись проезжающему экипажу, — «кто бы что ни говорил, но я склонен полагать, что пользы от нее куда больше, чем от страха. К тому же... запугать подданных, если возникнет нужда, я успею всегда».

Сегодня он чувствовал себя просто великолепно — Тень с самого утра не беспокоила императора, ласковое солнышко обещало приятный теплый денек, он в коем-то веке выпался, и — о чудо — даже головная боль притихла, время от времени напоминая о себе короткими вспышками в затылке, но не более того. Именно поэтому Черный Властелин позволил себе немного расслабиться и отвлечься от главного дела.

«Увы, ненадолго», — с грустью и тоской подумал некромант, бросая короткий взгляд на небольшой окованный железом сундук, в котором, укрытые одеждой, лежали запасы пилюль, а также — пара самых важных книг, с которыми император планировал поработать в поездке.

Он высунулся из окна, чтобы помахать подданным и, услышав в ответ радостные вопли, улыбнулся.

— Господин мой, — подле императора тотчас же оказался один из рыцарей смерти из его личной охраны, — прошу тебя не высовываться из окна, это опасно.

Живой мертвец говорил спокойно, в его голосе не было ни намек на эмоции, черные полированные доспехи сверкали на солнце, а щит с раскинувшим крылья вороном был брошен за спину.

Кортеж императора сопровождался отрядам в пять сотен этих смертельно опасных воинов, а также — тысячей живых гвардейцев, ведомых Биртом Тавриэном. Покойный командир экспедиционного исиринатийского корпуса, восставший рыцарем смерти, не потерял ни капли своего таланта, именно поэтому, когда Китарион попросил императора освободить его от занимаемой должности, Шахрион, недолго думая, сделал бывшего врага новым капитаном гвардии, придав тому в усиление десяток его бывших сослуживцев. Пока что у них получалось неплохо.

«Ну, по крайней мере, никто не жалуется».

Вместе с ними — в трех разных каретах — путешествовали полтора десятка чародеев. Самых сильных, преданных и опытных. Мастеров сразу нескольких школ.

И меры предосторожности не казались императору пустыми или напрасными. Эта маленькая армия была призвана охранять почти полторы сотни аристократов и чиновников, а также — восемь сотен слуг, отправившихся в путь вместе со своими хозяевами.

По идее, следовало бы взять и Тартионну с сыном, и ехать по тракту всей семьей, но Шахрион боялся делать это, опасаясь, что многочисленные враги могут попытаться счастья и нанести безрассудный удар, призванный лишить Империю прямого наследника. Именно поэтому самые дорогие ему люди должны были инспектировать Зантриан. Город находился в куда более безопасных местах, и даже обостряющаяся с каждой неделей ситуация в землях ящеров ни коим образом не меняла этого факта.

«Наверное, возьму их с собой в следующем году», — решил Шахрион, и тут же добавил, — «если доживу».

Вздыхнув, император поднялся и извлек из сундука толстую тетрадь с записями. Мысли о собственной смерти напомнили ему, что пора браться за работу.

Шахрион в очередной раз принялся перелистывать страницы, заполненные ровными аккуратными буквами. Кое-где слова были зачеркнуты, в ряде мест меж строк втискивались

целые предложения. Император сумел восстановить в памяти часть странного видения, которое так разозлило Тень, и теперь он лихорадочно сверял источники, пытаясь выудить хоть что-то полезное. Увы, пока ничего не получалось, однако опытным путем Шахрион сумел выяснить, что Тень действительно была не в состоянии читать его мысли, если они имели отношение к странному видению. По-видимому, в этот момент тварь слышала нечто иное, потому как несколько раз подколки Тени оказывались совершенно непонятными, несвязанными с темой.

Правда, это давало не так, чтобы чересчур уж много преимуществ, ведь бесконечно думать исключительно о загадочной галлюцинации Шахрион не мог, но даже столь незначительная вещь могла в итоге определить победителя, когда придет время финального боя с подступающим безумием.

В этот самый миг дверь распахнулась и внутрь заглянула, довольно улыбаясь, Дарлионна.

— О владыка, смею сообщить вам о том, что мы приехали и городской глава ожидает своего императора.

Шахрион моргнул, стряхивая оцепенение.

«Уже вечер? Как так? Еще секунду назад ведь солнце только-только начало опускаться за горизонт».

Два или три часа как будто корова языком слизала.

«Проклятье», — мрачно подумал император, — «Кажется, это самый большой провал во времени на моей памяти. Неужели болезнь прогрессирует? И вот еще... а что тут забыла Дарлионна?»

Он озвучил этот вопрос вслух и красавица, мило улыбнувшись, проворковала:

— Мне было скучно сидеть в библиотеке, и я попросилась в свиту. Уверена, что большое путешествие по имперскому тракту пойдет нам всем на пользу, о владыка.

— И с кем же ты путешествуешь?

— С извечным Айришионом, — улыбнулась девушка.

«Амбициозная барышня», — с уважением подумал Шахрион, поднимаясь с сидения и осторожно, ощущая, как ломит затекшее тело, выходя наружу, — «Высоко метит».

Айришион был кольценосцем новой формации, из тех, кто получил один из высших постов государства, не являясь ни отмеченным Матерью, ни одаренным ею. Талантливый до гениальности и деятельный юноша из благородного, хотя и не слишком знатного исиринатийского рода, ведущего свою историю от чистокровных имперцев, быстро поднялся по карьерной лестнице.

Тартионна с Гартрианом не слишком доверяли таким как он, именно поэтому за выскочками постоянно велась слежка, но... Разросшаяся Империя попросту не могла уже существовать без подобных амбициозных новичков, а потому, подобно Расту Айлиэну, Айришион получил в свое распоряжение кольцо, а также несколько мануфактур, на которых и проводил безумные эксперименты, создавая все новые и новые машины.

Некоторые из них нельзя было приспособить ни к чему, зато другие мгновенно занимали свое место в производстве, принося огромные деньги.

«Интересный получится альянс», — подумал Шахрион, — «Благороднейшая и гениальный инженер-кольценосец».

— Надеюсь, он не позволяет себе ничего предосудительного?

— О нет, что вы, владыка, — мило засмеялась Дарлионна. — Юный Айришион даже

чище и целомудренней, чем мне хотелось бы. Право слово, невинные девы, посвятившие жизнь служению Дочери, менее впечатлительны и скромны.

— Смотри, не испорти мне талантливому мальчику, — в шутку пригрозил ей Шахрион, двинувшись к центру лагеря.

Они остановились в небольшом городке, выросшем посреди лесов меньше чем в дне езды от столицы. Во время войны тут была деревня, которую сожгли дотла, и вот, теперь, глядя на каменные строения и аккуратные ровные ряды домиков, Шахрион не мог не радоваться за то, как быстро люди восстали из пепла.

Множество караванов, идущих по имперскому тракту, буквально за несколько лет влили целые бочки свежей крови в обветшалую торговую артерию, породив десятки населенных пунктов, готовых принять постояльцев и отщипнуть от них свою малую толику богатств.

Впрочем, Шахриона это не касалось. Когда дозорные сообщили властям города о том, кто именно направляется к ним, те бросили все дела, освободили столько помещений, сколько оказалось физически возможным, и отправили людей готовиться к пиршеству.

«Вот и первая попойка», — лениво думал Шахрион, принимая поздравления и выражения чувств глубочайшей любви со стороны многочисленных должностных лиц.

Но не последняя, дорогой мой, — раздался в голове знакомый голос. — Совсем, совсем не последняя.

Тень мерзко захихикала, давая императору понять, что передышка окончена.

Пятый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), день.

К воротам Наритэна кортеж Шахриона подъезжал в середине дня, когда теплое весеннее солнце ласково грело подставленные к нему листья и стебли. Лето радовало теплом и обилием солнца, даря надежду на обильный урожай.

О да, урожай в этом году будет богатым. Трупы, кровь, оторванные конечности...

— Заткнись! — закричал император, выходя из себя.

Левая рука окуталась тьмой, и он в самый последний момент остановился, чтобы не ударить по мерзкой твари чем-нибудь мощным. Ей бы это все равно не повредило, а карету разнесло бы в клочки.

— Заткнись... — уже тише повторил император.

Или что? — хихикнула назойливая спутница.

Шахрион проигнорировал вопрос. Он медленно дышал, стараясь вернуть душевное равновесие. На сей раз Тень взялась за него действительно серьезно, не оставляя свою жертву ни на одну минуту. Поток ехидных и гнусных оскорблений лился с ее стороны денно и нощно, и Шахрион начал всерьез опасаться за жизнь и здоровье окружающих, потому как из себя он выходил едва ли не по дюжине раз на дню.

«А разве я раньше был таким раздражительным?» — подумал он, и тотчас же удостоился очередного оскорбления Тени.

Раздражительным не знаю, но трусливым — определенно. Как же там звали принцессу, перед лицом которой ты опозорился? Не напомнишь?

— Лариэнна, — сквозь сжатые зубы ответил ей император. — И это было давно.

О да, давным-давно. А ты знаешь, что детские обиды — самые стойкие?

Вопрос остался без ответа, но неугомонная мучительница и не думала униматься.

Слушай, я вот что хотела спросить, а как там у тебя дела с недержанием обстоят? Вылечился? Или еще страдаешь? Знаешь, говорят, маги Отца способны исцелить подобное.

Надо бы найти парочку и попросить их наложить руки на больную часть тела.

Шахрион сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, но все-таки сумел сдержаться. Однако он ощущал, что Тень еще не закончила и приготовился к новому удару чудовища.

К счастью, именно в этот момент карета остановилась, и охранник открыл дверь.

«Слава Матери», — подумал Черный Властелин, стрелой влетая из темноты на яркий свет.

— О владыка, твои недостойные слуги приветствуют своего повелителя! — единогласно пророкотали собравшиеся на главной городской площади жители и склонились в глубоком поклоне.

Шахрион вяло помахал им рукой, старательно не обращая внимания на бубнеж Тени и глазами принялся искать наместника Пергиона. Тот обнаружился почти сразу же. Поймав на себе взгляд правителя, он поднялся и степенно подошел к Черному Властелину.

— Владыка, как прошла поездка до Наритэна?

О-очень интересно, а главное — так весело, так весело.

— Спокойно и я бы даже сказал, скучно, — Шахрион вымученно улыбнулся. — Полагаю, тебе не терпится показать мне ту новую мануфактуру, о которой шла речь в письме?

— Конечно, о владыка, следуй за мной.

Шахрион кивнул и, не дожидаясь пока его догонят остальные члены свиты, двинулся рядом.

«А он сильно сдал за эти четыре года», — рассеянно подумал император, бросив мимолетный взгляд на наместника. Этот старик — тогда еще лишь городской голова — был первым из целого сонма сделавших правильный выбор. — «Но он получил в управление целую провинцию отнюдь не за то, что вовремя согнул спину, да. Непросто будет найти замену столь опытному и талантливому управленцу... Превратить его, что ли, в рыцаря смерти, когда умрет?»

Шахрион тут же отбросил эту глупую, пускай и крайне соблазнительную идею. Рыцари смерти, сохраняя свои прижизненные навыки и знания, не отличались излишней гибкостью и умением находить компромиссы. А наместник без подобного таланта в считанные месяцы приведет свою провинцию на грань мятежа.

«Печально, но ничего не поделаешь, такова жизнь. Мать всегда получает то, что ей причитается по праву».

Шахрион моргнул...

Пятый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), закат.

Пергион с кряхтением поднялся, ощущая, как ломит суставы.

«Старость, не радость», — подумал наместник, выбираясь из-за стола, до отвала, наполненного яствами и напитками, заблаговременно подготовленными для оравы, приехавшей в сопровождении владыки. Конечно же, в здании городской ратуши веселились самые важные люди провинции, а также — самые знатные из слуг Черного Властелина, но и всех остальных не обделили — многочисленные столы со снедью были расставлены на главной городской площади, и теперь оттуда доносился шум празднования и многоголосый рев.

Ненадолго город превратится в дом для умалишенных, но, к счастью, когда приготовленные угощения закончатся, развлечения утомят гостей, а вопросы будут

обсуждены с глаза на глаз, все вернется на круги своя.

Наместник медленно пошел на улицу подышать свежим воздухом и на губах его играла слабая улыбка. Старик вспомнил детство, когда он — пятилетний пацан — наблюдал за приездом Черного Властелина в город. Тогда праздник проводился скромнее — денег в рушащейся Империи Тьмы ни на что не хватало — но по своей душевности он ничем не уступал нынешнему торжеству.

«Хорошо, что владыка решил возродить этот обычай», — подумал Пергион, проскальзывая в приоткрытую дверь и направляясь к лестнице. — «Да, это дорогое удовольствие, но оно объединяет нас, дарит славные воспоминания. Наконец, позволяет усердно работать весь год, чтобы следующий летний праздник оказался еще богаче и роскошнее».

Говоря начистоту, жаловаться на смену власти ему было грех. Как-то так случилось, что после окончания войны именно пограничный Наритэн стал новой столицей Ларниси, превратившейся в обычную имперскую провинцию, и как-то так вышло, что он — Пергион — оказался наместником! И, как будто этого мало, удалось отправить двух внуков на обучение в университет Черной Цитадели, а еще одного — постигать магическую науку под руководством верховного некроманта Гартяна. И кто знает, если ребяташки окажутся умными и усердными, не сядет ли на палец одного из них кольцо? Все знали, сколько новых кольценосцев появилось в последние годы, и, кажется, император не собирался останавливаться на достигнутом. Ему требовалось все больше управленцев, купцов, полководцев и чародеев, а это открывало для умных, верных и расторопных людей интересные возможности.

Старик мечтательно зажмурился, представляя, как его внуку или правнуку будут кланяться и называть извечным. Сам он, конечно, к тому времени уже уйдет к Матери, но разве это имеет значение? Пергион и так прыгнул выше головы.

Бывший городской голова вышел на улицу и удивленно моргнул — через дорогу, возле небольшого прохода меж двух домов, стоял император. В своей темной одежде он был почти неразличим на фоне вечерней тьмы, разгоняемой лишь факелами, но старик сразу же узнал повелителя.

«Интересно, что он забыл там»? — подумал Пергион и уже собрался сделать шаг навстречу правителю, как вдруг его глаза различили нечто...

Шахриона будто окутывал черный туман, густой и плотный, шевелящийся, точно присосавшаяся к телу пиявка, раздувшаяся, мерзкая. Наместник моргнул и видение исчезло, однако Черный Властелин не растворился в сумерках, он остался стоять на месте, мерно покачиваясь из стороны в сторону и что-то едва различимо бормоча себе под нос.

Старик сглотнул, отчего-то ему стало очень холодно и неудобно тут, на пустынной улице, по которой, вообще-то, следовало сновать разгоряченным алкоголем людям. Он попятился, затем еще и еще, наконец спина коснулась двери, и наместник уже было собрался открыть ее, чтобы проскочить внутрь и оставить пугающего чародея в одиночестве, как вдруг тот резко обернулся, и старика приморозили к месту глаза, мерцающие потусторонним зеленым светом. Глаза, не принадлежащие императору. Да что там императору, человеку!

Мгновение, и они потускнели, Шахрион дернулся, его взгляд сфокусировался, и император кашлянул. Выглядел он немного растерянным и сбитым с толку.

— Наместник? — полу утвердительно спросил он.

— Да, о владыка.

— Давно... сколько... Нет, ничего, — Шахрион тяжело вздохнул и попытался улыбнуться.

Получилось у него неважно, и он сам понял это, потому что прочистил горло и проговорил:

— Извини, я задумался, иногда бывает. Не хотел пугать тебя.

— Что ты, о владыка, как ты мог напугать меня...

— Да? Хорошо.

Шахрион тряхнул головой и направился к своему слуге, который, с трудом сдерживал ужас, надеясь, что по лицу нельзя ничего понять. Он бы убежал, если бы ноги слушались, а так оставалось только молить Мать, чтобы все обошлось.

Причем Пергион не смог бы себе ответить, что он подразумевает, говоря «все». Ужас, испытанный перед Черным Властелином, был иррациональным, лишенным какого бы то ни было смысла. Просто этот туман, эта пустая улица, эти глаза... Все подействовало на старика, лишив того остатков мужества.

В этот самый миг раздался громкий счастливый смех и на улицу выбежали двое — парень и девушка. Юные и красивые, разогретые вином, они не обращали внимания ни на императора, ни на наместника. В руках девушка зажала венок, а юноша нес факел, разгонявший вечернюю тьму. Молодые люди, не останавливаясь, пробежали мимо, но в тот самый момент, когда это произошло, ужас и напряжение буквально растворились в воздухе. Нечто ушло, а может — спряталось, а вместе с ним пропал и страх.

Император, ступая неровно и чуть скованно, подошел к двери, отворил ее и скрылся внутри здания, а Пергион осел, ловя ртом воздух и пытаясь уговорить опасно разошедшееся сердце.

«Что же это было»? — думал он. — «Это наш владыка? Или не он? Как понимать увиденное?»

Придя в себя, наместник решил, что ему просто привиделось.

«Да, так и есть, мне показалось. Нужно меньше налегать на свиную рульку с пивом. В мои-то годы уже следует на каши переходить, а то мерещится всякое».

С этими мыслями он поднялся и проследовал за Властелином, однако в глубине души, на самом доньшке, червячком угнездилась одна очень и очень нехорошая мысль: «а точно ли он поступил правильно, отправив внуков в самое средоточие силы некромантов?»

Восьмой день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, четвертый час пополудни.

Этот небольшой замок уютно разместился в живописной горной долине, окруженной с трех сторон седыми пиками, исчезающими в небесной выси. Он был возведен на острове посреди голубого озера, студеного и прозрачного.

Замок служил летней резиденцией не одному поколению венценосцев Исиринатии, и сейчас его облюбовал для своих нужд Ритон Ириулэн.

Он отдыхал тут уже почти неделю, прихватив с собой Мирола, а также нескольких важных советников, которым предстояло участвовать в переговорах.

Торопиться не следовало: страна, только-только начавшая приходить в себя после кошмара многолетней войны, нуждалась в передышке, да и сам Ритон, откровенно говоря, тоже. К тому же, требовалось время на то, чтобы все участники предстоящего разговора собрались в одном месте.

Венценосец буквально сторал от любопытства, желая узнать, кто же в самом скором времени посетит его скромное жилище, но на все вопросы неизменно получал один ответ: «наберитесь терпения, ваше величество, они придут в один день».

И вот, наконец, ожидание подходило к концу, как и отдых.

Венценосец прищурился, глядя на несколько закрытых карет, приближавшихся к замку.

Эльфийка каким-то хитрым образом распланировала все так, что участники предстоящих переговоров оказались на месте одновременно, причем каждый понятия не имел, с кем именно, кроме венценосца Исиринатии и остроухой придется общаться. Надежная предосторожность, учитывая, с кем придется тягаться.

Кареты одна за другой проезжали через открытые ворота, едва не касаясь зеленых от ржавчины зубцов решетки, из них выходили закутанные в черное фигуры, которых слуги направляли в комнаты, наглухо закрытые и лишённые окон. Там гостям надлежало провести несколько утомительных часов, и лишь после этого собраться в общем зале.

Сам венценосец находился в своих покоях и сейчас стоял подле окна-бойницы, держа в одной руке кубок с вином, а в другой — донесение, присланное утром голубиной почтой. Ничего серьезного, но, увы, правитель должен заниматься делами всегда, даже когда берет небольшую передышку и удаляется в загородную резиденцию для непродолжительного отдыха.

— Владыка, — за спиной Ритона зашелестело платье, и он обернулся.

Остроухая оказалась в комнате абсолютно неожиданно. Каким именно образом она прошла стражу, открыла дверь и возникла за спиной, не издав ни малейшего звука, было совершенно неясно, зато венценосец отлично понял послание, которое ему таким хитрым способом передала звездорожденная: «не вздумай играть в игры, мы, если захотим, сможем прийти к тебе средь бела дня».

Кто-то другой, конечно, не заподозрил бы ничего странного, но Ритон слишком долго вращался при дворе и слишком хорошо изучил привычки эльфов. Они никогда и ничего не делали просто так. Даже обычные остроухие. Что уж говорить про зрящих — тварей, способных видеть будущее!

Так или иначе, но проявлять слабость он не собирался. Спокойно кивнув Найлиэне,

правитель Исиринации сказал:

— Приветствую, о звездорожденная. Все ли готово?

— Ожидаем одного участника. Думаю, что он будет достаточно скоро, а потому можно начинать.

В зал они вошли, как и полагалось, последними. И теперь Ритон смог, наконец, удовлетворить свое любопытство, внимательно изучив собравшихся.

За столом горделиво восседал долговязый худой тип с бритым черепом и фанатичным блеском в глазах, полных неприкрытой ненависти. Настоятель Корн, новый глава Ордена Света. Святоша не нравился Ритону, и чувство это было взаимным, но обоим приходилось терпеть друг друга. Венценосцу требовались все маги, которых только получилось достать, ну а Ордену, понесшему катастрофические потери и лишившемуся своего дома, была неужна помощь правителя. Конечно, при других обстоятельствах Сыны, возможно, попробовали бы договориться с тем же Гашиэном, да вот только венценосец Радении чересчур силен для ослабленного Ордена, а значит, заберет слишком много. Ритону же приходилось вести себя осмотрительнее и смирять амбиции. Как и настоятелю, впрочем.

Изначально Корн делал ставку на Нилба Ириулэна, однако, когда кузен вместе с семьей отправился кормить червей, Ордену пришлось договариваться уже с новым правителем. Естественно, ни о каких мольбах и ползанье на коленях речи не шло — Корн слишком хорошо знал цену тем немногим высоким сынам, что пережили войну, а потому торговался с яростью старого лавочника, да вот только и Ритон не собирался отступать.

В результате Орден был вынужден смириться с потерей изрядной части влияния, что, конечно же, ни капли не улучшило отношение двух правителей: мирского и духовного. Безусловно, в будущем настоятель превратится в ту еще головную боль, но сейчас, когда угроза Империи Тьмы стоит так остро, как никогда, его придется терпеть. Да что уж там, Ритону пришлось ввести Корна в Малый Совет, что иногда вызывало у венценосца приступы неконтролируемой ярости.

Рядом с главным орденом полулежал еще один член Малого Совета — Могучий Аран. Тучный мужчина, заплывший жиром, кажется, испытывал серьезнейшее похмелье — ни для кого не была секретом его любовь к выпивке — однако сильнее магов огня у страны попросту не оставалось. Впрочем, он мог пить столько, сколько хотел. Ритон готов был прощать этому человеку и не такие слабости по ряду серьезных причин. Во-первых, колдун был одним из первых, кто поддержал претендента на престол пять лет назад — сразу после захвата власти в столице.

Да, союз их зиждился на совершенно шкурных интересах: Арану хотелось восстановить влияние жрецов Брата в стране, а Ритону требовалась его сокрушительная магическая мощь, а также — верность Академии. Ну или хотя бы той ее части, что готова будет пойти за Араном.

Во-вторых — жрецы Брата, равно как и Академия, за последние четыре года набрали немалую силу, благодаря чему в будущем они станут реальным противовесом Ордену. И пускай колдуны вволю грызутся за власть, Ритон же станет наблюдать за этим со стороны, предпринимая меры для того, чтобы победителей в сваре не оказалось. Именно так поступали его предки, непрерывно стравливая Академию с Орденем, но, увы, к началу войны с остатками Империи Тьмы, ситуация вышла из-под контроля, и сыны обрели такую мощь, что даже венценосцу приходилось общаться с ними с огромной осторожностью.

«Нет, определенно, мой дядя не отличался излишней гибкостью и наличием глубокого

понимания сложных процессов, протекающих внутри общества. К нашему счастью, и первым, и вторым в изрядной мере наделен я».

Именно поэтому, Ритон не ограничился на достигнутом. В Малый Совет также была введена присутствующая здесь Могучая Олта. Чародейка эта руководила небольшой группой жриц Сестры, около года назад перебравшихся в Исиринатию с севера — из Аблессии. Появилась она не одна, а вместе с дюжиной чародеев воды, что не только изрядно усилило Академию, но и позволило заполучить противника уже самому Арану, потому как вокруг энергичной и деятельной Олты группировались маги из иных стран, перебравшиеся в Исиринатию.

Четвертым из известных участников собрания оказался, конечно же, верный Мирол. Старому воину, очевидно, не нравилось происходящее, и он сидел насупившись, но тут уж ничего не попишешь. Верный наставник терпеть не мог интриги и предпочитал решать вопросы честной сталью.

Такой верный, такой надежный.

«Такой невыносимо... устаревший».

На этом знакомые лица закончились.

Напротив Миролы сидели двое: коренастый широкоплечий коротышка с длинной окладистой бородой и высокая и изящная девушка, которой вряд ли можно было дать больше двадцати лет.

— Эйсен Стейн и Пирри Элатириан, — представила гостей эльфийка.

От этих имен брови Ритона сами собой поползли вверх. Конечно, он предполагал, что звездорожденная подготовилась, но такое...

«Просто превосходно!» — стараясь сохранять невозмутимое выражение лица подумал Ритон. — «Это в высшей степени благоприятствует нашему начинанию!»

Гости поднялись со своих мест и поприветствовали венценосца, как полагалось по этикету и Ритон ответил им тем же, благо и дварф и девушка не слишком-то и уступали ему по статусу.

Эйсен Стейн являлся сыном правителя подгорного народа, а Пирри Элатириан, как свидетельствовало ее родовое имя — дочерью прегиштанийского венценосца. Оба — не старшие, такие, которыми не жалко пожертвовать, если что. Но оба — достаточно высокопоставленные для того, чтобы говорить от имени своих обличенных властью родителей. И, увы, оба — бросающие яростные взгляды друг на друга.

Война на юге, шедшая уже шесть лет, и не думала заканчиваться, а ее участники озлобились до предела.

«И все же, кажется, доводы разума наконец-то стали действовать на этих упертых баранов», — не без удовольствия отметил венценосец. — «Неужели для того, чтобы начать думать и попытаться понять друг друга, следует предварительно истечь кровью, этим алым соком жизни?»

Не менее колоритным оказался и последний из присутствующих. Один взгляд на него вызывал у Ритона неприятные воспоминания. Песок, всадники, избегающие сражения, и стрелы, стрелы, стрелы, сыплющиеся на головы людей, засевших в укрепленных лагерях.

Да, за столом восседал высокий — выше него где-то на полторы головы — поджарый лиоссец, одетый в традиционные одежды пустынных воинов.

«Наверное, осаду Жемчужины я забуду нескоро», — подумывал венценосец, разглядывая чешуйчатого жителя востока.

Змей, поймав на себе взгляд венценосца, рухнул на колени и сидел так, упершись лбом в пол, пока Ритон не разрешил ему подняться.

— Приветс-ствую, о великий, — мягко и певуче, чуть растягивая слова непривычного для себя наречия, поздоровался посол. — Мое имя Тарришшаат Умный с-сын Ашшарана.

После этого, получив разрешение Ритона, он уселся на свое место, продолжив внимательно изучать правителя Исирилатии немигающим взглядом змеиных глаз.

Что он тут забыл, каким образом эльфийка сумела договориться с рептилиями, и с какими именно кланами она нашла общий язык, пока что никто не сказал, однако нельзя было не отдать должное талантам временной попутчицы — Найлиэна в совершенстве владела умением подбирать людей.

Увы, не все из тех, кого Ритон желал бы видеть сегодня в загородном замке, присутствовали. Гашиэн ответил решительным отказом, а дед Ритона — Мардаш Девятый Тараниэль, венценосец далекой северной Аблессии, вообще ничего не написал в ответ на витиеватое письмо, завуалированно намекавшее на возможность совместных действий против некой общей угрозы.

Ритон не обижался. Он видел деда лишь несколько раз, зато изрядно слышал о его осторожности и любви к решению конфликтов без насилия. Торгаш до мозга костей, как и все Тараниэли, Мардаш везде искал лишь выгоду, причем в первую очередь — финансовую.

Война ради чести и прочие прелести рыцарских идеалов были чудовищно далеки ему. В этом правитель сильнейшей морской державы мира удивительно походил на Черного Властелина.

— Что ж, господа, — певуче произнесла эльфийка, — почти все в сборе — последний участник нашего небольшого совещания прибудет с минуты на минуту, а потому мы можем начинать. Для начала представляюсь. Я — Найлиэна Партилаэт, дочь зрящего Ратриолы Партилаэта, коварно убитого Черным Властелином Шахрионом. Я... помогаю венценосцу Исирилатии восстановить справедливость и загнать зло туда, где ему самое место.

Лица господ не изменились, но Ритон явственно ощутил, о чем каждый подумал в этот момент. Его мысли, надо заметить, были точно такими же.

«Ну да, загнать зло, которое сами же и взрастили».

Эльфы с их играми и интригами, собственно говоря, и привели мир к тому плачевному состоянию, в котором он сейчас и оказался. Впрочем, выставить им счет Ритон еще успеет. С проблемами подобного масштаба следует бороться по одной за раз.

Эльфийка закончила, заняла свое место и кивнула Ритону. С приветствиями покончено, следует переходить к делу, а потому венценосец, не тратя время, уселся во главе стола и заговорил:

— Я предлагаю говорить прямо, коротко и, по существу.

Произнося эти слова Ритон изрядно наступил на горло самому себе, запрещая украшать речь мудреными фразами и сложными конструкциями. Его посыл должен быть однозначен, никаких двусмысленностей, никакой неверной интерпретации.

— Шахрион — зло, — продолжал он, — угроза нам всем. Эта угроза должна быть ликвидирована. Это — мои слова. Теперь пусть каждый произнесет то, что думает.

Первым взял слово дварф.

— Я не люблю болтать, — резко произнес коротышка, — а потому скажу все, как есть. Черный Властелин, конечно, тот еще урод, но мы и пальцем не пошевелим против него до тех пор, пока прегиштанцы не признают поражение и не выплатят контрибуцию. Так что,

если хотите собирать полки, на нас не надейтесь.

— Признаем поражение? — звонкий голос Пирри Элатириан дрожал от с трудом сдерживаемой ярости. — С чего бы это, уважаемый дварф нам так поступать? Это не мы находимся на грани голодной смерти.

— Ничего, девочка, если понадобится, мы станем жрать камни, но вам, длинным, не сдадимся, — парировал Эйсен Стейн.

— Ну, говорят, гранит очень питателен и полезен для здоровья, — парировала девушка, вздернув носик. — Надеюсь, его хватит вам надолго.

— Не бойся, девочка, мы разобьем ваши армии и сожжем города раньше.

— Кишка тонка!

— Спорим?

Эта перепалка грозила перерасти в полноценную склоку, а потому Ритон поспешил немного притушить огонек, готовый вот-вот обернуться полноценным лесным пожаром.

— Господа, прошу вас проявить немного уважения к той, кто собрал нас всех здесь сегодня, — он кивнул в сторону звездорожденной, которая мило улыбнулась спорщикам, после чего продолжил. — Созыв полков не входит в мои ближайшие планы. Давайте будем объективными: ни одна армия мира в данный момент не имеет шансов нанести поражение легионам повелителей смерти. Черный Властелин, надо отдать ему должное, совершил настоящую революцию в военном деле, а потому, прежде чем сойтись на поле брани, нам придется что-нибудь сотворить с этими его бронированными мертвецами.

— Высокие сыны превосходно умеют истреблять погань мертвых, — чуть пафоснее, чем следовало, провозгласил настоятель Корн.

— О да, и во время войны Реставрации мы стали свидетелями беспримерной боевой доблести Ордена, — фыркнула Могучая Олта. — Я бы даже сказала, что ваши подвиги останутся в веках, если не в летописях Лиги, то уж в книгах Империи — однозначно.

— Да как ты смеешь, женщина! — тотчас же взъярился маг света.

— Знаешь, Корн, обычно я редко соглашаюсь с Олтой, но сейчас она права, — Могучий Аран вальяжно развалился в кресле и с легкой издевательской полуулыбкой на губах поглощал виноград. — Орден Сынов имел все возможности для того, чтобы истребить вражеские армии, и что вы сделали? Благополучно перемерли в пожаре, организованном наемными убийцами императора. Более нелепой гибели десятков подготовленных магов света и представить нельзя, а ведь каждый, оказавшись он на поле боя, с легкостью упокоил бы не одну тысячу живых мертвецов.

— Ничего, Ордену нужно несколько лет, и мы восстановим былые позиции, — уверенно пообещал Корн.

Он, конечно, выдавал желаемое за действительное, но, все-таки, доля истины в этих словах была. Орден наконец-то покончил с практикой разделять своих чародеев на Низких и Высоких сынов и вернулся к тому, чем должен был заниматься с самого начала — готовил магов Отца и только их одних.

— Как будто император даст нам эти несколько лет, — внезапно проговорил Мирол.

Ритон с трудом удержал равнодушное выражение на своем лице — меньше всего он рассчитывал на то, что наставник примет участие в разговоре. Он бросил старику благодарный взгляд — тот сказал именно то, что следовало, — и тот, перехватил его, едва заметно улыбнулся своему воспитаннику.

— Так вот, господа, — продолжил отмеченный Отцом воин, — мы все прекрасно

понимаем, что Шахрион так просто не остановится. Его государство слабо, оно, по сути — лоскутное одеяло, кое-как заштопанное гнилыми нитками. Потяни чуть сильнее и все развалится.

— И ты полагаешь, маршал, что в таких условиях Черный Властелин решится на войну? — скептически заметила Могучая Олта.

— А кто сказал о войне? — деланно удивился Мирол. — Так ли она нужна ему для того, чтобы разобраться с нами?

После этих слов воцарилось тягостное молчание.

Каждый сейчас наверняка вспоминал поучительный опыт Ордена Света, практически обезглавленного одной единственной атакой.

Да, гоблины были изгнаны из земель Лиги, да клан Смотрящих изрядно проредили люди Ритона — на истребление этих шпионов он выделял средства даже во время войны за престол, да Тайная Канцелярия, учрежденная венценом сразу после захвата власти в столице, работала, не покладая рук, наводнив страну и окрестности доносчиками и шпионами. Все это так, вот только...

«Вот только кто даст гарантии, что Шахрион опять не призовет убийц с востока или не натравит на нас какого-нибудь некроманта-смертника или не соорудит что-нибудь столь же эффективное? Да хоть наймет ящериц!»

Подумав об этом, он повернул голову в сторону жителя востока — самого загадочного члена их сегодняшней встречи. За все это время лиоссец не проронил ни единого слова и выглядел так, словно спит. Его глаза были прикрыты, грудь ровно вздымалась, на чешуйчатой морде нельзя было заметить даже намек на эмоции.

И все же, он бодрствовал — мгновенное перехватив взгляд венценомца, ящер заговорил.

— О венценом-сец, я предс-ставляю Гайшшара Бича Пустыни сына Ишшаррисса великого халифа Лиос-са.

— Точнее одного из них, — фыркнул дварф.

Ящер кивнул.

— Да-а, одного из них, с-соглас-сен. Именно поэтому я тут.

— Прощу, поясни свою мысль, уважаемый посол, — попросил Ритон.

Ящера не пришлось упрашивать дважды — он заговорил с охотой.

— С-сейчас за Лиос-с борются нес-сколько халифов. Империя поддер-живает мерс-ского Харшшаана, да будет проклято имя его. Мой владыка с-считает, что с-с врагами врагов нуж-жно заключить с-сюз-з. Печально, что с-среди вас-с нет единс-ства.

Ритон с трудом сдержал смех.

«Стало быть, то, что вы рубитесь друг с другом — это нормально, а то, что среди нас нет единства — печально. Какие занятные существа эти лиоссцы».

Вслух же он сказа другое:

— Я полностью согласен с твоим благороднейшим господином, уважаемый Тарришшаат. Мы можем помочь друг-другу, однако же сейчас важно понимать и то, что все страны, а не только Исиринатия, должны постараться отбросить противоречия ради общей цели.

— Наша цель — надавать по сусалам зарвавшимся прегиштанцам, — фыркнул дварф, — и мы от нее уж точно не отступим, можете мне поверить, венценомсец.

— Смотри, дварф, зубы не обломай, — поддела его принцесса.

Ритон вздохнул кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Я не рассчитываю на то, что вы тут же броситесь друг другу в объятия и объявите мир, хотя и было бы неплохо рассмотреть подобную возможность. Не надеюсь я, как уже было сказано раньше, и на сбор Лиги, как в древние времена.

— Тогда на что вы рассчитывали, владыка? — угодливо поддакнул Могучий Аран.

— Ответить императору его же оружием, — уверенно проговорил венценосец. — Убийство Черного Властелина обезглавит Империю Тьмы. Конечно, это не будет означать ее немедленную гибель, однако, как только Шахрион погибнет, в его государстве начнется грызня за власть.

Ритон не сомневался в своих словах, ведь Шахрион, возвращая утраченные земли, был вынужден принять под крыло и немалую часть благороднейших, этими землями управлявших. Да, те поклялись ему и его сыну в верности, но когда слова мешали лучшим людям Исиринатии и Радении интриговать? Они все верой и правдой служат Черному Властелину, но ни на секунду не забывают о себе, ждут удобного случая для того, чтобы сожрать все, до чего только сумеют дотянуться. В их невероятной алчности мог сомневаться лишь грудной ребенок! А значит, как только пропадет главный сдерживающий фактор, все посыплется.

— И вы полагаете, что это так просто сделать? — скептически заметила Могучая Олта. — У Шахриона весьма недурственная охрана. Если кто забыл, Ратриола считался опаснейшим чародеем мира, и где он сейчас?

Ритон бросил короткий взгляд в сторону эльфийки — на лице той не дрогнул ни единый мускул, она мило улыbnулась и произнесла:

— Именно поэтому мы дожидаемся последнего участника нашего маленького собрания. Он знает, что можно сделать с императором.

— И где же он? — поинтересовался настоятель Корн.

Неожиданно его лицо вытянулось и побледнело, глаза расширились от ужаса, а кожа покрылась холодной испариной.

— Полагаю, на подходе, — все так же мило отозвалась эльфийка.

— Нет, не может быть... как это возможно? — стиснув подлокотники, залепетал маг света.

— Не волнуйся так, настоятель, наш последний гость — союзник, — все таким же спокойным тоном отвечала Найлиэна.

Ритону очень не понравилось поведение мага света, потому как он уже видел подобную реакцию одаренных Отцом раньше.

«Уж не решила ли эльфийка выкупить жизнь остаткам своего народа ценой наших судеб?»

— Найлиэна, что происходит? — резко спросил он.

— Просто подождите чуть-чуть, и все станет ясно, — пообещала та.

Да вот только ждать как-то не хотелось: настоятелю с каждой секундой становилось все хуже, мертвенная бледность проступила на лице мага, и тот, кажется, начал активировать какие-то защитные заклинания. Ритон уже был готов кликнуть стражу, но не успел. Дверь распахнулась, и даже венценосец не сумел сдержать крика ужаса. На пороге стоял кошмарный лич — верховный некромант Гартан собственной персоной.

— *Даже не думай, светлый,* — раздался в голове у Ритона голос, — *я убью тебя раньше. Вы тоже не дергайтесь, стихийные. Неужели считаете, что сумеете одолеть меня таким малым числом?*

В этом лич был прав. Сильнейший чародей Империи при жизни, сейчас он стал чем-то невообразимым. Что уж говорить, если этот ходячий мертвец сумел уничтожить самого зрящего эльфов! Как всего лишь три мага могли сопротивляться ему?

«Но он с нами», — начало доходить до венценосца. — «Он... желает предать своего императора»?

От осознания возможностей, дарованных этим фактом, у правителя Исиринатии засосало под ложечкой. Остальные заговорщики, очевидно, испытывали сходные чувства.

Скелет, облаченный в балахон черных и алых цветов, прошествовал на последнее пустое место и уселся за ним, буравя окружающих своими кошмарными алыми глазами.

Некоторое время висела гробовая тишина, нарушаемая лишь судорожными всхлипами настоятеля Корна. Ритон ожидал, что таинственный союзник будет из Империи Тьмы, но ему и в голову не могло прийти, что предателем окажется верховный маг!

Никто не решался заговорить первым, а лич, определенно, не стремился упрощать своим собеседникам задачу, явственно наслаждаясь происходящим.

«Думаю, нет смысла сидеть тут и пялиться друг на друга, следует начинать переговоры», — подумал венценосец и, стараясь не выдавать своего замешательства, заговорил.

— Я не ожидал увидеть здесь тебя, верховный маг.

Кошмарный скелет ослабил, и в голове отмеченного Сестрой Волн раздался голос.

— *В этом-то и задумка, венценосец.*

— Но как ты преодолел такое расстояние?

— *На грифоне. Он уже стар и летает медленнее, чем хотелось бы, но время у меня есть: император отправился в поездку на запад, императрица — на восток. Никто не заметит отсутствия.*

— А слуги? — усомнился венценосец.

— *За зверем ухаживают мои люди.*

— Проклятье! — закричал Могучий Аран, растерявший все свое спокойствие и уверенность, — ваше величество и вправду собирается болтать с нежитью? Неужто неясно — это очередная хитрость Черного Властелина!

В его словах имелся резон. Действительно, зачем третьему лицу в Империи предавать своего повелителя? Но как тогда понимать действия эльфийки? Ее уж точно нельзя было назвать легковерной особой, готовой попасться в ловушку, расставленную императором.

«Однако, если же взглянуть на данный вопрос с другой стороны, то можно вспомнить, что ее отец попался», — промелькнуло в голове у Ритона.

— *Зачем Шахриону хитрить, венценосец?* — надменно осведомился лич. — *Ему вполне хватит грубой силы для того, чтобы прикончить вас всех.*

С этим Ритон был не согласен, однако говорить вслух что-либо он не стал, ожидая, как поведут себя остальные участники встречи.

— Не хватит, — резко возразила Пирри Элатириан. — Он знает, что, если попробует ударить по югу, мы как-нибудь уж договоримся с дварфами.

— С этим я согласен, — поддержал ее Эйсен Стейн, — а все прочие вопросы решим, когда разберемся с вами.

В голове Ритона раздался звук, больше всего напоминающий фырканье разгневанной кошки.

— *Вы, глупцы,* — за звуком последовали и слова, — *не смогли договориться за все это*

время. Вы понимаете, что император стравил вас друг с другом, но продолжаете воевать, хотя давным-давно следовало мириться и наращивать силы. Даже если вы сейчас вдруг помиритесь и объединитесь, это не изменит ничего. Ваши армии обескровлены, чародеи выбиты, амбары опустели, а золота не осталось. Вы берете деньги в долг у аблиссцев, и тратите их в безумной попытке победить равного по силе противника, бросив на чашу весов на одну монетку больше. Возрожденной Империи Таараи такие как вы не опасны. Исиринатия тоже не представляет большой угрозы. Не этого же ничтожества бояться.

Он указал в сторону настоятеля Корна, который уже пришел в себя и сейчас смотрел на некроманта стиснув зубы и метая взглядом гром и молнии.

— Думаешь, что справишься со мной в случае чего, мертвяк?

— Без каких бы то ни было проблем, — не задумываясь ответил ему некромант. — С вами всеми. Здесь нет никого, кто был бы равен мне по силе.

Разговор начал уходить в неприятное русло и Ритон решил вернуться к обсуждению более полезных вещей.

— Верховный маг, я нисколько не сомневаюсь в твоей мощи. Все-таки, вернувшихся из-за грани смерти за всю историю Империи Тьмы было не слишком много. Мне непонятно другое.

— И что же?

— Почему ты здесь? Думаю, ты понимаешь, что мы — враги Шахриона и Империи.

— Это очевидно.

— Мы используем все представляющиеся возможности для того, чтобы раз и навсегда покончить с вашей страной, и, если это получится, убьем вообще всех, кого заподозрим в симпатиях к кольценосцам или поклонении Матери.

— Не получится, — с ноткой ехидства проговорил лич, — Лиги больше нет, думаю, ты это и без меня понимаешь. Страны эльфов — тоже. То, что Империя пока что слаба — вопрос пяти, максимум — десяти лет мирной жизни, которую вы нам дадите, никуда не денется.

Ритон чуть слышно скрипнул зубами. Скелет, как ни больно это было признавать, говорил правду. Те, кто откликнулся на его призыв, никак не тянули на новую Лигу, а Радения однозначно потеряна для них. Гашиэн отметал даже попытку договориться. Вероятно, с его наследниками и получится найти общий язык, но к тому времени Империя Тьмы закрепится на новых своих границах.

— Быть может, и не получится. Быть может — что-нибудь и выйдет, — аккуратно проговорил он. — Не узнаешь, пока не попробуешь. Вот только это все возвращает нас к самому началу разговора: верховный маг, какой смысл тебе предавать своего государя, мешая тем самым получить столь необходимые вашей державе годы передышки?

Все затаили дыхание, ожидая ответа и Гартин не разочаровал их.

— Потому что он опасен. В первую очередь — для Империи.

— Как это следует понимать, о верховный некромант? — с удивлением в голосе спросила Могучая Олта. — Разве не Шахрион наголову разбил армии Лиги? Разве не он разобщи ее так, что куски некогда единого союза не могут даже толком сесть за стол переговоров? Разве не он, наконец, создал вам новую армию, возродил кольценосцев и взрастил сотни магов? Или, тебя тревожит пренебрежение императора к традициям?

— Ха, традиции... Несколько лет назад меня действительно это заботило. Как же: отдавать кольца не отмеченным Матерью, обучать всех чародеев как минимум двум

школам магии, тратить ресурсы на замерших, вместо того чтобы клепать простых и понятных зомби. Теперь эти мелочи не значат ничего! Император был прав, а я ошибался. Времена меняются и традиции следует менять вместе с ними.

— Тогда в чем проблема?

Некромант не несколько мгновений задумался, как бы размышляя, стоит ли доверять столь важный секрет чужакам. Наконец, он ответил:

— *Скажи, чародейка, ты знаешь, как погиб зрящий Ратриола?*

Могучая Олта бросила короткий взгляд на эльфийку и Ритон последовал ее примеру. Та грустно улыбнулась, давая понять, что не имеет ничего против беседы на эту тему.

— Нет, о верховный некромант, но думаю, что его убил ты. У Империи Тьмы нет мага сильнее.

— *Все так думают, — согласился Гартан, — а Шахрион и не пытается их разубедить. Он прикончил зрящего эльфов в сражении один на один. Сам. Используя жезл Безумца.*

Эта новость породила в комнате мертвую тишину.

«Каким это образом он сумел сделать нечто столь невозможное?» — Ритон недоверчиво воззрился на некроманта. — «Ходят слухи, что в последние годы, Черный Властелин каким-то образом обрел могущество, но не столь же непомерное!»

Эти мысли вслух повторил Могучий Аран.

Скелет щелкнул челюстью — вероятно, он так смеялся — и перевел взгляд на эльфийку.

— *А ты, звездорожденная, ты знаешь правду?*

Та помрачнела и кивнула.

— Знаю.

— *Не буду спрашивать откуда, мне нет до этого дела. Хочешь рассказать им?*

— Нет.

Ритон видел, что Найлиэна лишь с большим трудом удается сохранять спокойное выражение лица, и он понимал, отчего. Как-никак, Гартан был ответственен за практически полное уничтожение всех оставшихся в мире эльфов. Именно его черный дождь испепелил Элиренатию — последнее скрытое королевство древнего народа. А теперь убийца сидит напротив, глумится, и ничего, ни-че-го с ним не поделаешь, потому как лич нужен.

«Да Гартан нам жизненно необходим, и самое плохое в данном факте заключается в том, что он это прекрасно понимает. Без союзника внутри Черной Цитадели, мы можем и не надеяться на успех».

— *Очень хорошо, тогда объясню сам. Думаю, все помнят ритуал, с помощью которого мы превратили Стоградье в землю мертвых?*

Станный вопрос. Забыть подобное не сумел бы никто.

Гартан верно истолковал всеобщее молчание и продолжил:

— *Мы отыскали его в одной древней книге, которая совершенно случайно завалилась в дюжину раз проверенной Орденом библиотеке. Если кому-нибудь интересно мое мнение, то ее нам подкинул зрящий Ратриола. Вероятно, он сумел утаить фолиант от Ордена в годы, последовавшие за поражением Империи в войне. Тогда мы лишились изрядного количества ценнейших гримуаров, большая часть которых утеряны, увы, навсегда.*

Сам Ритон, напротив, был очень рад, что мерзкие колдовские книги магов смерти сгинули навек, но вслух произносить этого он не стал, вместо этого продолжил внимательно

слушать лича.

— В книге этой описывался ритуал, который в древности использовал Безумец, и у Шахриона возникла идея повторить его, но только в куда больших масштабах. Надо сказать, что подготовка заняла дикое количество времени и потребовала изрядных сил, но у нас все получилось... Не знаю, к счастью, или на беду.

Последние слова удивили венценосца.

«Как это — на беду? Воскрешение всех мертвецов Стоградья оказало в высшей степени благотворное влияние на ведение Империей боевых действий, более того, оно обеспечило ее фланг, позволив Черному Властелину повернуть основные силы на север осуществить дерзкий штурм Белого Города... Кажется, сейчас я узнаю нечто очень важное и тщательно охраняемое».

— После этого ритуала, — продолжал Гартан, — Шахрион стал быстро прибавлять в силе. Полагаю, до всех вас доходили слухи о том, что в последние годы Черный Властелин стал могущественнее в плане магии. Наверное, вы им не особо верите, но я подтверждаю: так и произошло.

Присутствующие в комнате маги переглянулись.

— Вот только вы вряд ли понимаете, насколько силен император. Я не думаю, что справлюсь с ним теперешним в схватке один на один.

— С чем на твой взгляд это может быть связано? — задала вопрос Могучая Олта.

В голосе чародейки слышался профессиональный интерес, да и два других колдуна прислушивались к личу с огромным вниманием.

— Он поглотил десятки тысяч душ, — с легкой неохотой отозвался Гартан. — Вероятно, это каким-то образом изменило владыку, хотя и не должно было.

— Интересный побочный эффект, — задумчиво пробормотал Могучий Аран. — Мы все знаем, что души смертных есть материал, с которым работают некроманты, но, кажется, теперь получили действительные подтверждения этого. Как полагаешь, коллега, сколько энергии может содержать в себе одна душа?

— Затрудняюсь ответить, слишком неопределенная величина. Меня больше интересует тот факт, что поглощение душ не вызвало единовременного эффекта, а привело к постоянному росту мощи субъекта, — в тон главе исиринатийской Академии отозвалась Олта.

— Я никогда не слышал о таком способе увеличить свою силу, — задумчиво произнес настоятель Корн.

— Как и я, высокий сын, как и я.

— Полагаю, — внезапно заговорил Мирол, — у ритуала обнаружился какой-то побочный эффект?

Лич перевел взгляд на старого воина и одобрительно кивнул.

— Сразу видно человека, ухватывающего суть. Да, побочный эффект был... Есть.

— И он перекрыл даже тот факт, что император, по сути, превратился в сильнейшего колдуна мира? — с сомнением в голосе осведомился дварф.

— Что же это может быть? — в тон ему вторила прегиштанийка.

— Черный Властелин сходит с ума, — ответил Гартан. — Если в начале ему еще удавалось скрывать свое безумие, то теперь оно становится очевидным.

Ритон поежился. Кому-то другому могло бы показаться, что император, лишившийся своего главного оружия — разума — станет легкой добычей, но он понимал, что это не

совсем так. Сильнейший маг на планете, полностью неадекватный и не способный действовать здраво — не самый лучший противник.

Некромант, способный в бою один на один победить Ратриолу в один прекрасный день может решить, что, к примеру, неплохо бы испепелить все страны Лиги. Не факт, что у него получится, но уж на Исиринатию сил безумца точно хватит.

— *И это еще не самое плохое,* — продолжил, меж тем, некромант.

«О великий Отец, если это — не самое плохое, то что же тогда — самое?»

— Что может быть хуже сумасшедшего некроманта невообразимой силы? — недоверчиво переспросил настоятель Корн.

— *Мне кажется... Я думаю... Скорее всего, он находится под чьим-то контролем. Либо под действием какого-то заклинания.*

После этих слов на комнату в очередной за сегодня раз опустилась тягостная тишина.

— Заклинания? — наконец повторила Могучая Олта. — Чьего?

— *Понятия не имею,* — раздраженно проговорил лич, — *однако все признаки свидетельствуют о том, что император просто не может никому ничего рассказать о своем ухудшающемся состоянии.*

— Быть может, не хочет? — предположил маг света.

Лич мотнул гладким черепом, давая понять, что это не так.

— *Я знаю владыку слишком хорошо. Шахрион не из тех, кто станет скрывать подобное от единомышленников. Значит, что-то мешает ему поступить правильно. Возможно, подобная мысль даже не приходит в голову, либо он думает, что должен утаивать правду.*

— Ты сказал, что его состояние ухудшается? — уточнил Ритон. — В чем это выражается?

— *Он стал заметно раздражительнее — поддается эмоциям. Его мучают непрерывные головные боли, из-за которых император постоянно пьет какие-то пилюли. Около года назад мне удалось достать несколько образцов. Это — сильные обезболивающие, изготовленные на основе мака. Подобные лекарства туманят разум и мешают думать здраво, они вызывают привыкание и разрушают личность. Шахрион ни за что не стал бы пользоваться чем-то подобным без веской причины. Несколько раз — я лично видел это — он как будто выпадал из реальности. Просто замирал, точно загипнотизированный, и не двигался. Один раз владыка простоял на балконе несколько часов, даже не моргнув. Но и это еще не все. Несколько раз я ощущал тончайшее касание неизвестной магии, окутывающей императора. Я так и не сумел понять ее природу, однако с уверенностью могу утверждать, что чары эти крайне опасны.*

— В итоге можно прийти к заключению, что мы рискуем получить не просто безумца невообразимой силы, а нечто большее, правильно ли я понимаю? — уточнил Ритон.

— *Да, в худшем случае в мире появится неизвестная тварь, завладевшая телом императора,* — ответил лич. — *Я все больше склоняюсь к мысли, что не владыка сходит с ума из-за ошибок, допущенных при проведении ритуала, а некая неведомая нам сила постепенно берет тело императора под контроль. А значит, ее следует остановить до того, как станет слишком поздно.*

«Лучший же способ сделать это — прикончить источник проблем, сжечь труп и развеять пепел на ветру», — закончил невысказанное венценосец.

— *У одного меня не хватит сил, поэтому я и предлагаю временный союз.*

— И что мы получим от него? — сварливо поинтересовался дварф.

— *Для начала — свои жизни. Или ты думаешь, что когда это существо полностью овладеет Шахрионом, оно успокоится на достигнутом? Хочешь рискнуть?*

— Моя жизнь пока еще при мне, мертвец, — холодно парировал дварф, — в отличии от жизней тысяч моих братьев и сестер, загубленных вашими стараниями.

— *Вы сами радостно ввязались в войну с прегиштанцами, мы всего лишь немножко подтолкнули. Если ты, или кто-нибудь из здесь присутствующих, надеется на уступки со стороны Империи, то смею вас разочаровать. Максимум, что я могу гарантировать, так это мирное существование до тех пор, пока я буду растить и воспитывать наследника престола, как регент.*

«Интересно, а что бы сказала на сей счет Ледяная Ведьма? Или Тартионна должна отправиться на тот свет вместе со своим господином?» — подумал Ритон. — «Впрочем, нам это только на руку. Даже одна чародейка ее силы и опыта — это боевая мощь, с которой нельзя не считаться. Замкнув на себя большой круг магов, она в состоянии тягаться едва ли не со всеми чародеями, что остались у Исиринатии».

Лич, меж тем, устремил взгляд кошмарных глаз на заметно нервничающего лиоссца.

— *Можешь передать мои слова своему господину, ящер. Империя не будет расширяться на восток и откажется от поддержки халифа Харишаана. Но мы и не подумаем уступить даже пяди нашей земли. Если его устраивают такие условия, мы сработаемся.* — Он посмотрел на Ритона. — *Вас это тоже касается, венценосец.*

Отмеченный Дочерью согласно кивнул.

— Понимаю твою точку зрения, о верховный чародей.

Он действительно понимал ее и даже, о ужас, считал достаточно выгодной для Исиринатии.

«Лич считает себя умнее других, он думает, что сумеет удержать все завоевания Шахриона, когда тот падет. Ну что ж, пускай верит в это. Главное сейчас — избавиться от императора, остальное — приложится».

Ритон вызвал на лице улыбку и произнес:

— Мне, естественно, понадобится время на раздумья, как, полагаю, и всем здесь присутствующим. Прав ли я?

Все, кто находился в помещении, один за другим согласились с венценосцем.

— *Понимаю. Когда мы продолжим?*

— Предлагаю ровно через две недели, — взяла слово Найлиэна. — Но на сей раз нам не придется собираться в этом замке — слишком рискованно, да и занимает чересчур много времени. Я убеждена, что все здесь присутствующие примут правильное решение, а поэтому... вот.

И она выложила на стол небольшую коробку, накрытую тканью, которую аккуратно подтолкнула к Ритону. Тот сдернул полог и ахнул. В коробке лежали тириомали. По одному на каждого, включая исиринатийских магов и Мирола.

«Откуда»? — пораженно подумал он. — «Каждый из них — сокровище, стоящее целое состояние! Продав эту коробку, можно купить небольшую страну! Да уж, эльфы умеют удивлять».

— Прошу принять эти тириомали как жест доброй воли. Они уже настроены друг на друга и, когда придет срок, мы сможем обсудить наши дела, не собираясь в каком-то определенном месте.

То, что эльфийка не потребовала никакого залога или обещания вернуть драгоценность в случае отказа от участия в заговоре, угрожало лучше самого острого ножа, приставленного к горлу.

Звездорожденная, не произнеся ни единого слова, буквально прямым текстом сказала: «Теперь вы все в одной лодке с нами. Попробуйте только отказаться, посмотрим, что из этого выйдет».

Все поняли намек, а потому, беря драгоценные тириомали, каждый из участников собрания, выглядел скорее напуганным, нежели довольным.

Исключение составлял, конечно же, лич. Выбеленная кость черепа просто не могла выказывать никаких эмоций, да и маловероятно было, что монстр вроде Гартяна способен бояться хотя бы чего-то на этом свете.

Заговорщики прощались и один за другим покидали помещение. Последним вышел лич, бросив короткое:

— *До следующей встречи.*

Ритон и Найлиэна остались вдвоем.

Некоторое время они молчали: эльфийка сидела в кресле, Ритон — стоял у окна и наблюдал за тем, как экипажи в сопровождении охраны покидают замок.

— Это было... неожиданно, — проговорил, наконец, венценосец, оборачиваясь к своей собеседнице.

Эльфийка лукаво улыбнулась ему.

— Значит, и для императора наши приготовления могут стать неприятным сюрпризом.

— Если, конечно же, лич говорит правду.

— Он не лжет, — коротко ответила Найлиэна, — мои шпионы, следящие за императором, в один голос утверждают: он изменился, причем в худшую сторону. Стал заторможеннее, потерял чутье, постоянно использует пилюли от головы, причем — все более и более мощные. Даже если никакого злого духа, пытающегося подчинить Черного Властелина и нет, император сдал.

— Ты уверена? — напряженно спросил Ритон.

— Да.

— Почему?

— Мы все еще говорим, и мы живы.

И возразить на это было нечего, поэтому венценосец перешел на другую тему:

— Как ты смогла установить с личем контакт?

— Он сам нашел меня, — чуть поджав губы, ответила Найлиэна.

Было видно, что ей не слишком приятны воспоминания о первой встрече с могучей нежитью, но эльфийка не была бы собой, если бы не умела владеть лицом. Она быстро успокоилась и спустя краткий миг ничего уже нельзя было прочесть в бездонных голубых глазах.

— Что ты думаешь насчет Радении и Аблессии? — поинтересовался он у звездорожденной.

Та мило улыбнулась венценосцу и произнесла:

— Что с ними не получилось договориться.

Ритон постарался сдержать растущее раздражение. Он понимал, что остроухая о многом умалчивает, но никак не мог заставить ее говорить. В конце концов венценосец решил, что вопрос с северными соседями придется отложить, а сейчас имеет смысл сконцентрироваться

на убийстве Шахриона.

— Да, это так, — проговорил он. — Что ж, стало быть, будем действовать без них. Полагаю, все присутствующие на собрании в итоге окажут нам всемерную помощь.

— Если боги будут благосклонны.

— Да, остается только надеяться на их расположение.

Девятый день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, закат.

В тысячах миль к северу от летнего замка венценосца Исиринагии, на берегу холодного северного моря стояла могучая древняя крепость. Стены ее помнили атаки множества врагов, но никому из них — даже надменным эльфам — не удавалось взять неприступную твердыню.

Именно поэтому аблиссцы дали ей имя «Вечная» и считали, что пока крепость цела, их государство будет существовать волей Пенной Сестры.

Старик — сухой и сгорбленный, с кожей, просоленной морскими ветрами, и глазами столь голубыми, что они казались двумя озерами на изборожденном горами морщин и холмами складок лице — стоял на балконе и наблюдал за белеющими вдалеке парусами.

Он не шевелился и в этот момент больше походил на статую, нежели на человека.

Его собеседник, замерший в роскошном кресле, пододвинутом к столу, терпеливо ждал, пока правитель Аблиссии соберется с мыслями.

Старый венценосец, не поворачиваясь к гостю, кашлянул, и проронил:

— Знаете, что я люблю больше всего на свете?

— Нет, — с плохо скрываемым раздражением в голосе, коротко бросил мужчина.

Старик улыбнулся одними губами, представляя себе, сколько злобы сейчас можно прочесть на лице гостя.

«Этот мальчишка никогда не умел ждать, а потому и лишился столь многого», — подумал венценосец. — «Глупые дети, подражая эльфам, нацепили на головы венцы, но так и не научились у звездорожденных терпению — столь важному для правителей качеству! Ну ничего, малыш, мы с тобой немного поиграем, глядишь, поумнеешь чуть-чуть».

— Больше всего на свете я люблю открытое море. Его вид — эту бескрайнюю водную гладь, простирающуюся до горизонта; его запах — приятный аромат соленой воды, смывающей грязь с тела и души; его сущность. Знаете, что есть величайший дар моря нам — смертным?

— Нет, — повторил гость с еще большим раздражением.

— Свобода! Море дарует свободу, но лишь смелым и ловким, тем, кто не боится заплатить за нее сполна, тем, кого не страшат бури, морские чудовища и тяготы корабельной жизни. В молодости я много ходил под парусом, добирался даже до лиосских земель, в которых уже тогда все воевали против всех, — старик усмехнулся, — змеиные венценосцы цепляются за власть ничуть не хуже, чем наши доблестные правители.

— Это очень интересно, — начал было собеседник, но старый венценосец, резко развернувшись, оборвал его жестом.

— Да, это очень интересно и поучительно, друг мой, — проговорил он, чуть прищурившись, — но вы пришли, чтобы заключить союз, не так ли?

Гость дерзко принял вызов, устремив взгляд на старика, и проговорил:

— Все верно, ваше величество. Аблиссия — единственная страна, которую обошли стороной горести последних лет. Вы не воюете с соседями, не лишились земель, у вас не поработали проклятые некроманты Черного Властелина. Ваша армия полнокровна, флот могуч, а казна — полна до краев, благодаря торговле. И нам, Лиге, нужна помощь!

Последние слова он едва ли не прокричал, чем вызвал неудовольствие старого венценосца.

«Как же нетерпеливы дети в наши дни», — с сожалением подумал Мардаш Девятый Тараниэль, — «не желают слушать никого, кроме себя, потекают каждому капризу, а потом удивляются, каким это образом умный враг отбирает их игрушки. Но вместо того, чтобы сделать для себя выводы, они не просят — о нет! — требуют еще игрушек у соседей».

— Лиги? — ответил он вместо этого. — Какой именно Лиги? Элиренатия пала, Прегииштания так и не прекратила кровавую распрю с Подгорной Страной, ну а Исиринатия, — старик нехорошо усмехнулся, — хоть и вышла из гражданской войны, но вряд ли сможет воевать в ближайшие годы. А потому ответьте мне, ваше величество Гашиэн, о какой-то Лиге вы говорите? Ее больше нет.

Венценосец Радении стиснул подлокотники кресла и ощутимо напрягся, вызывая пристальное внимание двух телохранителей, замерших по разным углам комнаты — этих молчаливых теней, неотступно следовавших за правителем Аблессии.

Заметив это, Гашиэн расслабился и выругался себе под нос.

— Что, думаете пересидеть, — прошипел он, и добавил ядовито, — ваше величество?

— Почему нет? — пожал плечами Мардаш. — Между мной и землями Шахриона помимо вашей Радении еще несколько стран. Мелких, конечно, но все же. Даже во времена расцвета Империя Тьмы не забиралась так далеко... Откровенно говоря, что ей тут делать-то? А торговать...

Он не договорил, давая собеседнику самому понять невысказанное.

«Ну же, Гашиэн, давай, подумай немножечко головой. Понимаю, ты предпочитаешь в неё есть и ломать лбом камни, но иногда неплохо бы применять мозги».

Кажется, до венценосца дошел смысл сказанного.

— Беспощинная торговля... — не сказал — выплюнул он.

— Это был бы чудесный первый шаг по направлению к сближению между нашими государствами, — одними губами улыбнулся Мардаш Тараниэль, — не находите?

Гашиэн побагровел от гнева, но сумел удержать рвущуюся наружу брань.

«Вот поэтому, тупой идиот, Шахрион и обыграл тебя, точно ребенка», — с раздражением подумал старый властитель. — «Ни мозгов, ни выдержки, лишь спесь, да гонор. Сам приполз ко мне за помощью, и сам же ведешь себя, точно хозяин в чужом доме».

Впрочем, ему это было лишь на руку — с человека, чей разум затуманен злобой, можно больше содрать, а правитель Аблессии собирался поступить именно так. И он и Гашиэн понимали, что у раденийского венценосца нет выбора — страна, потерявшая немалые территории, свою столицу и — что страшнее всего — казну, попросту была на грани краха.

Вассалы разбегались, платить наемникам было нечем, а выжать золото из крестьян и мастеровых уже не выходило. Еще бы, ведь как только был заключен мир между Радений и Империей, первую буквально наводнили торговцы Черного Властелина, предлагающие качественные и дешевые товары, а рассказы о том, как именно император заботится о своих новых подданных, привели к повальному бегству всех, кто только мог. Тонкий ручеек за считанный год превратился в полноводную реку и, чтобы остановить его, венценосцу пришлось прибегать к жестоким мерам, которые, естественно, заставили целые провинции полыхнуть огнем народного восстания.

Причем Мардаш не сомневался, что за каждым бунтом стояла вполне конкретная невысокая лысеющая фигура в черно-красном балахоне.

Гашиэну требовались деньги и много, а взять их, кроме банков Аблиссии, негде. Вот только без одобрения старого правителя никто и никогда не ссудит ни единого медяка, что уж тут говорить про серьезные суммы.

«А раз так, то, мой дорогой брат по венцу, тебе придется раскошелиться», — подумал Мардаш Девятый Тараниэль.

Гашиэн молча сверлил его тяжёлым взглядом, затем тихо проговорил:

— Допустим — только допустим — ваши купцы получают такое право, что это даст Радении?

— Помимо моей доброты и признательности?

— Помимо них.

— Возможность получить кредит в первом банке венца. Очень выгодный кредит на самых льготных условиях из возможных, — сладко улыбнулся старый правитель. — Вот только с чего вы взяли, дорогой собрат, что одних только налоговых льгот моей державе будет достаточно? Хотелось бы получить и некоторые... гарантии, да, скажем так.

— Гарантии чего? Вам нужны фактории? Ну так я прикажу открыть их во всех городах, в каких захотите.

— Нет-нет, — покачал головой Мардаш, — фактории, это, конечно, само собой разумеется, но я имел в виду нечто иное...

— Что? — нехорошо прищурился Гашиэн и старик понял, что следует быть аккуратным, дабы не перегнуть палку.

Только глупец пытается получить все и сразу. Нет, ему сейчас важно подцепить южанина на крючок, чтобы тот возвращался снова и снова, снова и снова, снова и снова... Причем — совершенно добровольно и по своей воле.

А значит, жадничать не следует, впрочем, отдавать за бесценок то, что можно продать — тоже.

— То, что мои купцы в один прекрасный день не проснутся в темнице, а фактории — не окажутся разграбленными. Нет-нет, — старик взмахнул руками, не давая Гашиэну взорваться яростными обвинениями, — давайте не будем обременять друг друга заверениями в чести истинного венценосца и нерушимости слова. Мы оба знаем, чего стоят эти трескучие фразы. Я предпочитаю им более... осязаемые жесты.

— Какие? — с трудом сдерживаясь процедил Гашиэн.

— Например, у благороднейшего Машга Растейского подрастает дочка, через год-другой она вступит в брачный возраст, а у меня есть юный и любимый внучатый племянник, которому как раз нужна невеста...

Продолжать дальше он не стал, да этого и не требовалось — собеседник все понял с первого раза. Его лицо скривилось, точно от хорошего удара в живот, но владыка Радении все-таки справился со своими эмоциями и произнес:

— Я... я могу обещать, что никто не станет мешать свадьбе молодых людей. И это — только из-за уважения к вам и вашей любви к внуку.

На лице Мардаша не дрогнул ни единый мускул, а вот в душе он ядовито ухмылялся. Еще бы, к дочке благороднейшего Машга Растейского — правителя на удивление могучей провинции, граничащей с Аблиссией с юго-востока — подбирался непосредственно сам Гашиэн, надеявшийся женить на ней своего сына.

— Премного благодарен, ваше величество. Не передать, как поет сердце старика, который может устроить счастье своего любимого внука.

На самом деле, этих самых любимых внуков гуляло по стране, наверное, добрых три десятка, а потому Мардашу было решительно наплевать, какой именно станет мужем благороднейшей наследницы. Единственное, что имело значение, так это обширные запасы строевого леса и качественной железной руды, недавно обнаруженной на землях благороднейшего Машта Растейского.

«Что ж, первый взнос получен», — удовлетворенно подумал венценосец, — «настало время пойти навстречу несчастному собрату».

Он не заставлял Гашиэна подписывать документы. Во-первых, это было просто глупо и опасно, в первую очередь — для него самого. Договор вида: «твой внук женится на такой-то девице» вряд ли понравится ее отцу, который даже не присутствовал на подписании. Во-вторых, старик знал — Гашиэн не предаст. По крайней мере, не сейчас.

А к тому моменту, как у соседа появятся возможности нарушить слово, данное в тяжелой ситуации, менять что-то будет уже поздно. Сваты отправятся на юг сегодня и дары их окажутся поистине достойными.

— Итак, размер суммы, которая будет ссужена Радении, а также — величину ежегодных процентов пусть обсудят специально обученные для того люди, но можете поверить: вы останетесь довольны, ваше величество.

И тут старик не кривил душой. Да, он был торговцем от ногтей и до самых кончиков волос, но никогда не нарушал данного единожды слова. Кредит окажется действительно большим, а условия — наилучшими из возможных.

«Вот только, дорогой мой глупец, за первым займом последует второй, затем — третий, и так далее, и тому подобное. И с каждым разом тебе придется платить все больше и больше».

Да, Мардаш никогда не нарушал слово, в этом просто не было нужды. Он подчинял человека, единожды взявшего деньги в долг, иными способами. И сейчас настал момент закинуть удочку.

— К тому же, столь важным и уважаемым деловым партнерам я готов предложить некоторые... особые привилегии.

Гашиэн подался вперед, ухватившись за брошенные слова.

— Какие?

— Многое зависит от того, что вы — сухой палец старика устался на могучую грудь воина, — планируете делать.

Мардаш подошел к столу и сел напротив своего собеседника, подперев подбородок ладонями и внимательно глядя на него.

— А я думал, — хмыкнул тот, — что между Аблессией и Империей много стран и что Черные Властелины никогда не забирались так далеко на север.

— Все когда-нибудь происходит впервые, — поморщился старик, — а потому, если есть возможность подстраховаться, почему бы не воспользоваться ею?

— Стало быть, речь может идти о военной помощи?

— Конечно же, нет! — воскликнул старый венценосец и закатил глаза.

«О Шестеро, ну почему он так непроходимо туп»? — подумал правитель Аблессии, поражаясь, каким же волшебным образом Радения умудрялась сотни лет оставаться одной из ведущих стран мира, при таких-то правителях.

Он вздохнул и принялся растолковывать, точно говоря с несмышленным ребенком:

— Шахион уже продемонстрировал непобедимость на поле боя. Лига, ну, или то, что

от нее осталось, не в состоянии противостоять ему. По крайней мере, пока что. Конечно, если бы я выставил все войска, которые сумел найти, в дополнение к вашим, и мы договорились бы с Ритоном...

— Нет, — прорычал Гашиэн, и в его глазах блеснуло пламя ярости. — Извините, ваше величество, но с этим гадом мне говорить не о чем.

— И чего вы так взъелись на моего любимого внука, дорогой брат по венцу? — пожал плечами Мардаш. — Парень с вами даже и не сражался особо, оставив это дело своему старшему брату, ну а пара небольших поражений от него — мелочь, дело житейское, с вас не убудет, особенно после потери Белого города и всей северной Кинории.

Он сознательно провоцировал собеседника, но на этот раз тот не поддался, а потому ответ оказался на удивление логичен и рассудителен.

— Я не буду связываться с ним ровно по той же причине, по которой и вы — Исиринация сейчас бесполезна.

Брови Мардаш взлетели вверх.

— Как я, значит?

Гашиэн махнул рукой.

— Не стройте оскорбленную невинность, ваше величество. Ритон даже меня приглашал на некую важную встречу. Ни за что не поверю, что родного деда он обошел стороной, а раз вы тут, то сделать выводы несложно.

Мардаш развел руками, мысленно усмехаясь.

«Дорогой мой брат по венцу, не нужно казаться умнее, чем ты есть на самом деле».

Он, наверное, мог и смолчать, однако все-таки решил ответить.

— Вы правы лишь отчасти, Гашиэн. Все эти годы я помогал внуку также, как и вам — деньгами.

— И, наверное, на тех же условиях?

— Нет, условия мягче — родня все-таки. Но суть не в этом. Если заговор моего внука провалится, то его будет очень легко связать со мной. Вас же — нет. Именно поэтому мы сегодня беседуем и наслаждаемся этим восхитительным вином.

Он аккуратно пригубил немного из кубка и отсалютовал Гашиэну.

Правитель Радении мерзко усмехнулся и покачал головой.

— Правду говорят о вас, северянах: за монету родную мать продадите.

«Ну уж не тебе обвинять меня в алчности и цинизме», — подумал Мардаш.

— Все в нашем мире — товар, — философски заметил он. — И жизнь, и смерть, и благородство. Нет той вещи, которую нельзя купить, важна лишь цена. Но мы немного отвлеклись, не находите?

Гашиэн кивнул.

— Хорошо. Есть у меня пара мыслей насчет того, как можно попытаться поступить с императором, не рискуя начать войну тогда, когда мы к ней не готовы. Но мне понадобятся ваши деньги... И ваши связи. Если уж клиенту вроде меня полагаются особые привилегии.

Глаза Мардаша блеснули.

— Что ж, я с удовольствием выслушаю вас. Быть может, скромных сил старика и хватит для того, чтобы помочь владыке могучей Радении.

Девятый день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, рассвет.

Гашиэн Третий Лиритиэль вместе со свитой отбывал из замка северян, везя в

запечатанном ларе бумаги, стоимость которых было сложно измерить деньгами.

Хотя нет, пожалуй, все-таки можно: двести тысяч золотых аблиссских марок сейчас и еще два миллиона в течении месяца. Огромные, баснословные, невероятные деньги, за которые пришлось буквально продать душу проклятому ублюдку. Беспощинная торговля — еще ладно — но хитрый лис весьма точно оценил дальнейшие планы Гашиэна, считавшего, что как только дела пойдут в гору, северных купцов можно будет немного пощипать за тугую мошну, а потом еще и заставил отказаться от планов взять под контроль владения благороднейшего Машта Растейского. Да, конечно, никто не подписывал никаких бумаг, но оно и не требовалось. Чтобы получить столь необходимые два миллиона, придется ждать месяц. Время понадобится и на то, чтобы старик выполнил особую просьбу — просьбу!!! — венценосца Радении. Да, всего лишь какой-то жалкий месяц...

«Да вот только уже на следующей неделе дочка благороднейшего будет помолвлена с аблиссским щенком!» — с подумал Гашиэн. — «И я отойду в сторонку, потому как выбора нет!»

Гашиэн сжал кулаки, с трудом подавляя неукротимую ярость. Венценосца трясло от плохо контролируемого гнева, желваки ходили вверх и вниз, широкие ноздри раздувались, а в глазах полыхало неугасимое пламя ненависти.

«Ничего, и с тобой поквитаюсь, дай только срок», — пообещал он северному соседу.

Проклятый торгош воспользоваться плачевным состоянием Радении и выбил себе столько, что впору задуматься: а нужно ли вообще воевать, если без единого удара мечом можно получить все то, что берется честной сталью.

«Проклятые крючкотворы, чернильные выродки, твари, сидящие на своих сундуках», — злобствовал венценосец, — «трижды трахнутый Матерью в задницу Властелин!»

Последняя мысль была внезапной и явно не имела никакого отношения к Мардашу Девятому Тараниэлю, однако последние годы личность ненавистного Шахриона занимала такую долю всех мыслей венценосца, на какую не могла претендовать и самая искусная и прекрасная возлюбленная.

Повелителя некромантов, заставившего страну буквально восстать из могилы, Гашиэн ненавидел люто и самозабвенно. И часа не проходило, чтобы он разок или два не обратился к своему главному врагу и не пообещал ему какую-нибудь жуткую кару.

«Ничего, я тебе все припомню», — вновь подумал он о Мардаше, после чего уточнил, — «но сперва — разделаемся с Шахрионом. Теперь у меня есть все, что нужно для этого. Да... Все»...

Венценосец блаженно зажмурился, смакуя будущий триумф.

О как же он будет наслаждаться, как станет смеяться, когда с проклятым чароплетом и его выродкой будет покончено! Какой счастливый день это будет...

«А потом я разберусь с Исиринацией, ну а когда эта паскуда Ритон подохнет, мы взглянем на север», — усмехнулся он. — «А почему нет?»

Он, совершенно успокоившись, втянул носом воздух открыл глаза. Там, где еще секунду назад никого не было, восседала фигура, закутанная в темное.

Веселое настроение венценосца улетучилось, точно по мановению волшебной палочки.

— Ты от Найлиэны? — буркнул он.

Фигура кивнула.

— Покажи лицо, — потребовал Гашиэн.

Повисла пауза и на миг венценосцу показалось, что его неожиданный попутчик откажется

выполнить приказ, но нет, тонкие пальцы коснулись темного шелка и на венценосца воззрился эльф. Точнее, эльфийка. Красивая, как и все звездорожденные, с тонкими изящными чертами лица, и... кошмарными ожогами на подбородке и шее.

Даже Гашиэн, повидавший за долгую жизнь всякое, лишь с очень большим трудом сдержал возглас ужаса. Впрочем, его глаза не обманули собеседницу — эльфийка прочла в них все мысли венценосца и резко натянула шарф по самые глаза.

— Прости, — искренне извинился венценосец. — Черный огонь лича?

Собеседница кивнула.

— Ясно. Ладно, не будем тратить время. Ты принесла послание своей госпожи?

Еще один кивок.

«Немая, что ли»? — подумал венценосец и, точно угадав эти его мысли, пальцы эльфийки быстро задвигались.

Гашиэн не был самым умным и знающим человеком, но язык жестов ему в свое время все-таки пришлось выучить, причем для решения чисто прикладных задач — общаться с бойцами, когда нужна тишина. Правда, давненько он не пользовался этим языком, а потому понимал не все, но суть уловил.

Эльфийка жестами сообщила ему следующее:

У меня письмо. В нем — советы. Прибегать к ним или нет — ваше дело.

Гашиэн фыркнул.

«Ой спасибо, разрешила, подстилка остроухая», — подумал он, вспоминая, как эльфийка пыталась затянуть его в союз с этим высокомерным мальчишкой Ритоном.

Гашиэн отказался, и тогда за первым предложением последовало уже второе — взаимодействовать непосредственно с ней и остатками народа звездорожденных, желавших проклятому некроманту смерти даже сильнее, чем он сам. Это венценосца устраивало, и правитель Радении условился время от времени обмениваться сведениями, которые могли бы помочь пусть и не союзнику, но товарищу по несчастью, в славном деле борьбы против возрожденной Империи. При этом он наотрез отказался общаться по тириомалю — венценосец перестал доверять проклятому магическому шару давным-давно и спрятал его в недрах своей сокровищницы. Возможно, в нем говорила паранойя, но после этого Гашиэну стало спокойней на душе.

— Хорошо, давай письмо, дальше я сам разберусь, — буркнул он, вытягивая руку.

Эльфийка склонилась в поклоне и передала небольшой цилиндр, запечатанный сургучом.

— Отлично. А это — твоей хозяйке, — порывшись во внутреннем кармане, Гашиэн протянул эльфийке свое послание — точно такой же цилиндр, запечатанный его личной печатью.

«А также — магией трех академиков», — подумал венценосец.

Эльфийка приняла послание и вновь поклонилась.

— Жди, — распорядился венценосец и склонился над цилиндром. Он коснулся большим пальцем герба Элиренатии и воск, моментально потеплевший, мелкой крошкой осыпался на пол кареты.

Неяркие рассветные лучи уже давали достаточно света для того, чтобы читать, а потому Гашиэн Третий спокойно изучил послание.

Ваше величество, выражаю вам свою искреннюю признательность и желаю

долгих лет жизни и славного правления. Довожу до вашего сведения, что известное нам обоим лицо начало действовать, пригласив на собрание — пока что первое, но далеко не последнее — некоторых наделенных властью лиц как из Исирилатии, так и соседних держав, включая даже Империю.

На момент, когда мое послание дойдет до вас, встреча уже состоится и я надеюсь, что нам получится прийти к какому-нибудь соглашению, вслед за которым последует уже серьезная работа по решению нашей общей проблемы.

Я все еще тщу себя надеждой увидеть Вас, либо Вашего представителя на следующем собрании, но даже если этого и не произойдет, успокаиваюсь от мысли о том, что мы все делаем общее дело.

Вне зависимости от того, окажетесь ли вы участником нашего следующего собрания, или нет, заклинаю ваше величество поторопиться с выполнением ваших планов — время, увы, не на нашей стороне. Если в этом году мы не сможем достичь успеха, боюсь, будет поздно.

Желаю здоровья и молюсь за успех.

Искренне Ваша, Н.

Брови Гашиэна взлетели вверх и он, задумавшись, нахмурился.

Получалось даже лучше, чем планировалось первоначально.

— Что ж, можешь передать, что я тоже начал действовать, — проговорил он. — Детали вам знать ни к чему, но, полагаю, первые результаты мы будем уже в ближайшие дни. Даже если не получится полностью избавиться от... проблемы, мы получим ценные сведения. Пусть твоя госпожа внимательно наблюдает за происходящим в Империи. Все ясно?

Эльфийка кивнула.

— Можешь быть свободна.

Еще один кивок, и гибкая тень покинула карету столь быстро и незаметно, что сам Гашиэн едва не пропустил момент ее исчезновения.

«Подумать только, и вот эти существа умудрились проиграть жалкому Черному Властелину. Все-таки в нашем мире действительно есть место чуду».

Он откинулся на мягкую спинку сидения и ухмыльнулся в бороду.

«Что бы ни задумала остроухая сука, в одном она права — нужно торопиться. Кажется, подходящий момент может настать очень скоро».

Девятый день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, полдень

Парниэла Партилаэт смогла найти подходящую рожицу лишь когда солнце стояло в зените. Из-за этого девушка была не просто в плохом, а по-настоящему в кошмарном расположении духа. С отвращением содрал с себя пропитавшийся потом плащ, она принялась расчесывать ожоги, которые сегодня зудели особенно невыносимо.

Даже эльфийская магия мало что могла сделать с проклятым Черным Пламенем. Да, каким-то чудом девушке удалось выжить, но, увы, ее безупречная красота оказалась безвозвратно утрачена, а кошмарные шрамы постоянно напоминали о себе нестерпимым зудом.

Она остановилась лишь тогда, когда ногти окрасились алым.

«Так, все, хватит... Хватит... Хватит»!!!

Парниэла с огромным трудом убрала руки от кровоточащих щек и присела под деревом, переводя дух. Еще чуть-чуть и ей вновь привидится кошмарное всепожирающее пламя, обращающее золой дом, лес... друзей...

Эльфийка тяжело задышала и постаралась взять себя в руки. Сейчас было не место и не время предаваться слабости. Она выполнила поручение матери, а значит...

Рука звездорожденной скользнула в сумку и извлекла наружу большой фиолетовый шар.

«Интересно, какие лица были у человечешек, когда матушка передала им добрый десяток этих шпуковин»? — с долей ехидства подумала Парниэла. — «Задумываются ли они о том, где мы берем их в таких количествах»?

На самом деле лишь она, да Ритиар знали, откуда у зрящей обнаружались древние сокровища.

После уничтожения Элиренатии мать не только приняла командование над уцелевшими осколками народа, но и распорядилась открыть все хранилища до единого, даже те, что были запечатаны многие сотни лет назад на самый крайний случай. Ибо случай этот наступил.

В одном из древних тайников, обустроенных на глубине в добрую сотню футов под водой, притаился укрытый чарами сундук, в котором и находились тириомали. Много тириомалей. Если говорить точнее, то почти сотня бесценных переговорных устройств, секрет изготовления которых исчез вместе с первым государством эльфов.

Мысль об этом вызвала новый приступ ярости и Парниэла продолжила расчесывать щеки. На сей раз успокоиться было не так просто, но она каким-то невероятным усилием воли погасила злобу и принялась за дело.

Она соорудила из камней, веток и земли что-то вроде столика, на который и водрузила тириомаль, затем положила на него правую руку и мысленно позвала: «Матушка»!

Прелесть этих устройств заключалась в том, что для их использования не требовалась никакая магическая сила. Чары, необходимые для связи друг с другом были заложена в них при создании и — что поразительно — не исчерпывалась с течением времени.

В результате сейчас у эльфов имелось этих переговорных устройств больше, чем у всех прочих стран вместе взятых. Включая и Империю Тьмы. А значит...

«Значит, мы будем опережать их. Все время!» — подумала Парниэла, взглядываясь в черноту тириомали.

Она дважды повторила свой призыв, и, наконец, тьма сменилась молочной белизной, из которой проступило лицо матери.

Зрящая выглядела утомленной, что, впрочем, и неудивительно — матери приходилось жонглировать не только вероятностными линиями, отслеживать все — даже самые незначительные элементы их невероятно сложного плана, но также вести работу с десятками, нет — сотнями самых разных людей, которых следовало убеждать, запугивать, подкупать, обманывать. И каждому — каждому! — требовалось уделить немного времени. Ни одной мелочи, ни одной ошибки, ни одной небрежности не могли они себе позволить, потому как даже в этом случае победа над проклятым некромантом не была гарантирована!

— Парниэла, — Найлиэна едва заметно улыбнулась. — Рада, что с тобой все в порядке.

— Благодарю, матушка, — ответила эльфийка, — как твое здоровье?

— Все хорошо, спасибо.

Со стороны могло показаться, что это — обычные банальные фразы, которые частенько говорят друг-другу родственники после того, как давно не виделись, но на самом деле эльфийки использовали код, призванный удостовериться, что поблизости нет никакой

угрозы.

— Что ты выяснила? — перешла к делу Найлиэна.

— Гашиэн с Мардашем заключили договоренность. Думаю, финансовые вопросы тебе не очень интересны. Важно другое.

— Да?

— Венценосец Аблессии обещал посодействовать Гашиэну с его... особым запросом, — последние слова эльфийка выделила особо.

— Ты уверена?

— Да. Я подслушала всю их беседу и лишь когда правитель Радении собрался домой, нанесла ему визит.

Девушка кратко пересказала матери беседу в карете, затем — более подробно — озвучила то, о чем Гашиэн попросил аблисского владыку.

— Превосходно, — на утомленном лице матери появилась белоснежная улыбка. — Все протекает в соответствии с нашим планом. Теперь главное, чтобы Ритиар выполнил все, что следует, но, думаю, проблем с этим не будет.

— Брат еще не выходил на связь?

— Нет, но у него есть время. Восток — крайне сложное место, оно требует особого подхода и изрядной гибкости. Но не волнуйся, твой брат наделен и тем и другим в должной мере.

— Как скажешь, матушка. Следует ли мне переходить к следующей части плана?

Найлиэна на несколько секунд задумчиво покрутила длинный локон на пальцах, затем отрицательно покачала головой.

— Нет, тебе нужно как можно скорее проследовать в Наиргон. Черный Властелин прибудет в него через шесть-семь дней, и ты должна лично наблюдать все, что произойдет в главном городе Саргиилии. Если нам очень повезет, проблема будет решена, но лично я полагаю, что мы получим исключительно ценные сведения. В любом случае, я не могу доверить столь важное дело кому-то из простых исполнителей. Мне нужны твои глаза и твое мнение.

— Добраться до Наиргона так быстро нелегко.

— Я знаю. Загоняй коней, используй эликсиры выносливости, убивай по пути, если кто-то посмеет мешать. Неважно. Ты должна успеть. От этого зависит слишком многое.

Найлиэна склонила голову.

— Слушаюсь матушка, я буду там.

— Вот и хорошо, — зрящая улыбнулась, на сей раз — безо всякого притворства, тепло и искренне. — До встречи, дочка. Буду ждать от тебя вестей.

Тириомаль погас, вновь превращаясь в мертвый шар и Парниэла поднялась.

Она спрятала драгоценное переговорное устройство, накинула плащ, затем — подошла к коню и, дружески похлопав того по голове, достала небольшой пузырек.

— Прости, — со вздохом произнесла эльфийка, заставляя животное выпить жидкость, пахнущую мятой и клевером, — ты станешь быстр, как ветер, но это будет наша последняя скачка, дружок.

Сказав это, она вскочила в седло и ударила животное пятками в бока, переводя его с шага в дикий галоп.

Конь яростно заржал, его глаза налились кровью, и животное устремилось вперед, точно стрела, пущенная с тетивы.

«Я успею, я обязательно успею», — пообещала себе Парниэла, припав к лошадиной шее. — «Обязана успеть»!

Пятнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Длительный переход через реку Быстротечную закончился в открытом поле. За сутки до этого Шахрион инспектировал крепость Ларнисию, затем — проверял новую речную флотилию, призванную оберегать границу провинции, и остался доволен увиденным. В первые два года на столь затратную игрушку денег не хватало, и приходилось довольствоваться тем, что осталось от Саргилэнов, добавив всего несколько кораблей, зато теперь все было именно так, как император и желал.

Увы, в результате они выехали позже, чем хотелось, а потому процессия не успела добраться до ближайшего города, и Черный Властелин дал добро на создание походного лагеря. Кареты тотчас же были составлены в круг, палатки — разбиты внутри этой импровизированной крепостной стены, а люди занялись своими обычными делами. Слуги — готовили пищу, ухаживали за лошадьми, чистили хозяйскую одежду и выполняли самые разнообразные поручения. Солдаты — распределили часы службы и заступили на посты. Благородные имперцы из свиты тратили свободное время по собственному усмотрению.

Шахрион же закрылся в шатре и принялся в очередной раз штудировать вызубренные уже наизусть книги, пытаясь в сотый раз найти в них хотя бы небольшую подсказку. Он понимал, что результат вряд ли изменится, даже если каждая из книг будет прочитана не сто, а тысячу раз, но не мог заставить себя сдать.

«Все-таки то видение появилось не просто так. Раньше его не было. Оно связано с дневником Безумного Императора?»

Раздалось тихое деликатное покашливание и Шахрион повернулся, кивая вошедшему.

Это был высокий статный мужчина, годящийся Черному Властелину в сыновья. Облаченный во все черное, с головой, укрытой капюшоном, он отдаленно смахивал на Тень, но в отличии от постоянной спутницы императора, был, наверное, самым ценным и преданным его сторонником.

— Приветствую, мой Властелин, — вошедший рухнул на колени, старательно буравя взглядом пол. — Да будут года твои долгими и безоблачными.

— И тебе доброго здравия, Первый, — поздоровался Шахрион. — Можешь подняться.

Человечек тотчас же встал и устремил на императора полный обожания собачий взгляд.

Первый был тем самым человеком, кто притащил змеиный огонь в твердыню магов света, устроив Сынам незабываемую огненную феерию. Именно он являлся главой тройки безымянных орудий, возвращенных Черным Властелином для самых сложных и деликатных дел. И именно он отвечал за работу личной тайной службы императора, о существовании которой не знала даже Тартионна. Провернуть подобное оказалось куда сложнее, чем скрыть от Лиги приготовления к войне — шпионы и доносчики жрали золото едва ли не по своему весу, а Ледяная Ведьма идеально разбиралась в вопросах финансов — но они все-таки кое-как справились, хотя время от времени нехватка средств и напоминала о себе.

— Тебе понравились книги, которые скромный слуга достал?

— Да, очень. Если получится, постарайся найти еще что-нибудь похожее.

— Как будет угодно моему Властелину.

Ответ этот был столь честным и искренним, что где-то в глубине души Шахриона

шевельнулся червячок раскаяния, которого он тотчас же безжалостно растоптал. Да, при разговоре со своими безымянными ему — человеку, преступившему ради победы все писанные и неписанные законы — изредка становилось совестно за то, что изуродовал трех ни в чем не повинных детей. А потом он вспоминал о том, что сотворят страны Лиги с возрожденной Империей, если та даст слабину, и стыд улетучивался.

Шахрион потер виски — головная боль в последние пару суток заметно усилилась, а он и так уже выпил многовато пилюль, в результате чего мозги работали не лучшим образом.

«Надо быстро разобраться с главным и идти спать», — решил император.

— Ты приехал сам. Какие-то важные вести? Что-то случилось в столице?

— Нет, владыка, в Черной Цитадели было спокойно, когда я покидал ее. Госпожа как раз собиралась на восток. Но по дороге я получил важные вести с севера.

С этими словами он протянул своему хозяину небольшой, сложенный вчетверо, листок. Шахрион развернул его, внимательно прочитал, и брови императора приподнялись.

«Ну надо же, как интересно», — подумал он. — «Да, новости, действительно, любопытные».

— Хорошо. Тогда продолжай наблюдение.

— Слушаюсь, владыка. Будут ли какие-нибудь еще распоряжения?

Шахрион задумался.

— Да, пожалуй, будут. В Исиринатии как-то все подозрительно затихло. Конечно, новому венценосцу сейчас не до внешней политики, но все же... Попробуй выяснить, что происходит.

— Я уже занимаюсь этим, владыка.

«Как всегда инициативен».

— Прекрасно, — кивнул Шахрион. — На этом все, можешь заняться делом.

Первый поклонился и бесшумно покинул шатер.

«Кажется, в этом году произойдет много интересного», — подумал император, гася свечи и укладываясь на походное ложе.

Доказательств у него не было, но чутье буквально вопило благим матом: что-то назревает, а значит — следует быть готовым к любым неожиданностям. В этот момент император ощутил острую тоску по Тартионне. Хотелось сыграть с ней партейку в шемтис и немного развеяться. А еще очень хотелось, чтобы изматывающая головная боль наконец-то отступила. Эта непрерывная мука, а также пилюли, которые ему приходилось есть едва ли не каждый день, затуманивали разум, мешая соображать. Вот и сейчас Шахриону казалось, что он упускает нечто важное в донесениях агентов, но он в упор не понимал, что же именно.

Император вздохнул и перевернул страницу.

— Мы не всегда получаем то, что хотим, не так ли? — проворчал Черный Властелин, проводя рукой по остаткам своих волос и закрывая глаза.

Семнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро.

Фанфары били по ушам так, что Шахрион с трудом сдерживал желание найти где-нибудь большую подушку и, накрыв ею голову, забиться в дальний угол. Доблестные жители Наиргона, кажется, решили перещеголять всех своих предшественников на имперском тракте, и устроили правителю самый настоящий триумф, подобный тем, которых в древние времена удостаивались самые могучие и удачливые из Черных Властелинов. И даже карета

не стала препятствием для их благородного порыва.

Выглядело это донельзя пошло и глупо, но хороший правитель не должен смеяться над верноподданническими чувствами своих людей, даже если те и перегнули палку. Особенно если они ее перегнули!

Нет, музыка оказалась хороша, городской совет не поскупился аж на пять трупп, которые и сводили Шахриона с ума. Но на достигнутом было решено не останавливаться, а поэтому подъезды к городу украшало такое количество флагов Империи Таараш, что, наверное, ими можно было снабдить целую армию. Как будто этого мало, восторженные толпы, высыпавшие ради такого случая из ворот, радостно выражали любовь к Черному Властелину, а вся верхушка провинции во главе с наместником уже заняла положенное по этикету место.

И Шахрион, даже сидя в карете, ощущал сильнейшее желание запихнуть клятые музыкальные инструменты этим напыщенным индюкам в задницы!

Император, определенно встал сегодня не с той ноги: голова болела так, что временами хотелось разбить ее о камень, лишь бы прекратить эту пытку; то и дело накатывала тошнота; и, точно всего этого недостаточно, Шахриона поминутно окутывало жаркое пламя ярости. Его бесило буквально все: и эта тупая жара, и эта тупая музыка, разносящаяся над окрестностями, и эти тупые людишки, стоящие на коленях по обе стороны дороги. Хотелось спать, пить, и чтобы мигрень закончилась, а вместо этого следовало готовиться к очередному идиотскому пиру с ограниченными посредственностями. Пиру, который, судя по всему, растянется на добрую неделю!

«Саргилэнов и их вассалов всегда бросало из крайности в крайность», — думал император, разглядывая все это безобразие из окна кареты.

Какие мы нежные, — фыркнула Тень.

В последние дни она вела себя как-то... сдержанно, что ли? Почти не язвила, редко появлялась, не действовала императору на нервы. Если бы не странный провал в памяти и головная боль, он даже счел бы, что его состояние начало улучшаться.

«Но я помню взгляд наместника Пергиона, помню тот безотчетный ужас. Что же он увидел? И как я оказался на улице?»

Сам Шахрион решительно не мог вспомнить, что же именно произошло в тот вечер. Император изнывал от скуки на праздничном ужине, ведя ничего не значащую светскую беседу с несколькими влиятельными купцами, затем — провал, чернота, без единого намека на свет, время и пространство, — и вот он уже стоит в закутке меж домов, а Пергион смотрит на своего владыку, точно на мертвеца, выбравшегося из могилы.

— Эй, может расскажешь, что это было? — поинтересовался Шахрион у Тени, но та деликатно молчала, сидя напротив Черного Властелина и направляя свое безглазое лицо в окно.

Карета остановилась, телохранитель, как и всегда, открыл дверцу и Шахрион, приказав себе не поддаваться слабости, как и всегда — собранный и энергичный — вышел наружу, в рев толпы и музыкальных инструментов, представ перед коленопреклоненными благородными и благороднейшими, собравшимися для того, чтобы продемонстрировать, как же сильно они любят своего нового правителя.

— О владыка, недостойные приветствуют тебя! — раболепно продекламировал один из них и в этот момент музыканты — все пять трупп — грянули торжественную мелодию.

Получилось на удивление сыгранно, но, великая Мать, как же громко!

Шахрион скрипнул зубами, собирая в кулак все силы, чтобы не потерять сознание от этой безумной какофонии.

— А я приветствую вас, поднимитесь! — прокричал он.

«Что ж, начнем, и чем быстрее — тем лучше. Еще пять минут, и я оглохну!»

Экскурсия по огромному Наиргиону мало чем отличалась от прочих. Знатные и богатые горожане демонстрировали достижения, рассказывали, что же стало лучше, просили о незначительных мелочах. Короче говоря, вели себя так, как и должны были.

Серьезные разговоры, конечно же, последуют, но проводиться они будут отнюдь не на улице, заполненной толпами простолюдинов, а за закрытыми дверьми, там, где нет лишних ушей и глаз.

Шахрион позволял себя водить туда-сюда, сдерживая ярость, с каждой минутой становившуюся только сильнее. Император не до конца понимал, что же именно так выводит его из себя, но всячески сдерживал раздражение и внимательно следил за выражением собственного лица. Подданные не виноваты в том, что у Черного Властелина сегодня дурное расположение духа, а значит — незачем отыгрываться на них. И вообще, издеваться над теми, кто слабее — не самая полезная для правителя привычка.

Тень в очередной раз хихикнула и Шахрион едва заметно скривился. Проклятая тварь с каждым новым днем училась выводить его из себя все лучше и лучше.

«Нужно искать способ избавиться от нее, а не бегать по балам», — мрачно подумал император, и тотчас же одернул себя. — «Но и этот праздник необходим, как воздух. Мы слишком разобщены, не едины. Должны стать пальцами, сжатыми в кулак, а не ладонью!»

За этими размышлениями он не особо слушал рассказ благороднейшего, которого наместник отрядил вместе с императором гулять по городу. Сам же испросил разрешения отправиться в особняк — готовить пиршество. Этот человек был с Шахрионом в дни тяжелых испытаний, и Черный Властелин наградил верного слугу по-императорски. Огромные земельные владения, право распоряжаться судьбой одной из важнейших провинций и баснословные доходы от торговли зерном надежно привязывали наместника к трону.

Еще надежнее с Черной Цитаделью его связывала общая ненависть местной знати, которой пришлось изрядно потесниться. Шахрион не был столь наивен, чтобы верить в человеческие качества даже самых верных своих слуг, а поэтому предпочитал в каждом отдельном месте стравливать новые и старые элиты. Пускай грызутся и интригуют за близость к трону, пускай ненавидят и подставляют друг друга, пускай даже проливают кровь с помощью наемных убийц. Это все отвлечет их от мыслей об измене.

«А если кто-нибудь и подумает», — решил Шахрион, — «то я лично объясню ему всю ошибочность подобных действий».

Некоторая странность мешала Шахриону сосредоточиться на том, что говорил провожатый. Черный Властелин нахмурился, пытаясь понять, что же именно не так. Прищурившись, он различил непонятную тень на крыше ближайшего дома. Приложив руку козырьком, чтобы прикрыть глаза от бьющего в лицо солнца, император сумел различить очертания человека, держащего в руках нечто, напоминающее арбалет. И это нечто смотрело прямо на него.

— А что... — начал Шахрион, и в этот самый миг в его сторону устремилось что-то, а буквально в следующую секунду все тело императора пронзила дикая, слепящая и лишаящая рассудка боль.

Он посмотрел вниз и расплывающимся взглядом увидел оперенный конец болта,

торчащий из груди. Там, где располагалось сердце.

Вслед за этим из переулков и домов начали выбегать вооруженные люди, которые сходу врубались в строй телохранителей Шахриона и людей наместника...

— Защищайте императора! — донеслось откуда-то издалека.

— Смерть некроманту! — послышалось в ответ.

Звенела сталь, всюду раздавались крики, а на самого Черного Властелина, как будто бы никто не обращал никакого внимания.

Еще один болт вонзился в тело Шахриона — на сей раз в живот. Но боль отсутствовала. Она пропала, уступив место чему-то новому, чему-то темному, поднимающемуся из самих глубин естества.

Вместо боли пришла дикая черная ярость, необузданная и всепожирающая.

«Они... Эти твари... Они предали меня. Предали! Смерть, смерть им всем»!!!

Шахрион закричал, и в вопле его не было страха или отчаяния, лишь жажда крови. Он широко развел руки и во все стороны хлынул поток энергии, не разбирающей, где свои, а где чужие.

Чистая сила смерти хлестала из него, но Черный Властелин не замечал этого и не обращал ни на что внимания. Он видел лишь одну цель — арбалетчика, перезарядившего уже оружие.

— Не позволю! — взревел император, ощущавший себя сгустком ярости.

Вся злоба, копившаяся в нем долгое время, наконец-то вырвалась наружу, изливаясь потоками неукротимой магической энергии.

Он и сам не понял, каким образом оказался на крыше, но факт оставался фактом. Только что Шахрион был на земле, и вот уже искаженное ненавистью и ужасом лицо стрелка оказалось прямо перед ним, только руку протяни.

— Сдохни, монстр! — закричал человек, стреляя в третий раз, и свет в левом глазу погас.

— Твоя душа будет моей! — император подскочил к нему вплотную и схватил стрелка за горло.

Свободной рукой тот потянулся к ножу, но Шахрион переломил ее, точно сухую тростинку и лишь сильнее сдавил шею своего врага.

Человек захрипел, и губы императора изогнулись в кривой ухмылке.

Затем Черный Властелин нащупал стрелу, засевшую в глазнице, и вырвал ее, вонзая окровавленный — с ошметками плоти — болт в правое плечо наемного убийцы. Тот закричал и Шахрион, ощерившись, вытянул болт из груди, им он пронзил левое плечо стрелка. Затем настал черед последнего — того, что торчал в животе.

Вытащив его, император несколько секунд как бы раздумывал, купаясь в волнах согревающей ярости, и поставил жирную точку, пробив широко открытый и искаженный мукой рот арбалетчика.

Нечто неосознанное покинуло враз обмякшее тело, и Черный Властелин глубоко вдохнул, поглощая эту субстанцию. Наслаждение, которое он испытал, было куда сильнее, нежели даже от близости с женщиной. Шахрион застонал, чувствуя, как нега разливается по телу, как отступает усталость и боль. Неожиданно глаз, пронзенный болтом, снова начал видеть, но такие мелочи уже не удивляли императора.

Ярость улеглась, но ее место тотчас же занял нестерпимый голод и жажда блаженства.

«Одной мало, я хочу еще!» — подумал император, подходя к краю крыши и глядя на

побоище внизу. Живых почти не осталось, но несколько человек все-таки стояли на ногах.

Шахрион, ощутив, как желудок скрутило от острого приступа голода, облизнулся.

«Съем. Выпью. Хочу еще, больше, больше, больше!»

Краем глаза он заметил какое-то движение и резко обернулся. Ничего, хотя — Шахрион был готов в этом поклясться — еще секунду назад на соседней крыше находился кто-то, одетый в черное.

«Неважно. Нужна еда».

Император снова перевел взгляд вниз, спрыгнул с крыши, будто и не находился на высоте трех этажей, и спокойно направился к замершим в ужасе людям. Уголки губ императора приподнялись, он шумно сглотнул слюну.

«Еще раз. Попробовать это еще раз, что бы это ни было!»

Неожиданно нога Шахриона коснулась чего-то мягкого. Он опустил взгляд вниз и увидел мертвого воина в цветах Черной Цитадели.

Мгновение император недоуменно смотрел на него, затем попытался сделать еще шаг, но что-то остановило его.

«Нет! Не смей! Это мои люди, я не буду их убивать, нет, нет, нет!»

Шахрион перевел недоуменный взгляд на немногочисленных выживших. Они открывали рты, что-то говорили, но не было слышно ни звука.

«Что происходит?»

Не важно, ешь.

«Что происходит»?!

Ешь, это же так вкусно.

«Что происходит»!!

Отведай же сего блюда, о император.

Нечто покинуло Черного Властелина, а вслед за этим испарилась и эйфория. На Шахриона навалилась боль, усталость и — звуки.

— Владыка, владыка, молим, смени гнев на милость! Молим!

Он перевел усталый взгляд на говорившего. Это был его провожатый, которого отрядил наместник. Выглядел мужчина неважно, точно постарел сразу на добрый десяток лет.

Шахрион устало выдохнул и проговорил, ощущая, как слова с трудом продираются через враз пересохшее горло.

— Все в порядке, я... — он сделал паузу, понимая, что сейчас нельзя давать слабину, — прощаю тебя. Проведите меня в дворцовые покои и начни расследование. К вечеру я рассчитываю получить исчерпывающий отчет о случившемся.

«А у меня пока будет время немного подумать и понять, что же именно приключилось... Да, что именно?»

Этот вопрос заставил императора, серьезно задуматься. Никогда прежде с ним не происходило ничего подобного. Как будто...

«Как будто нечто завладело моим телом и мыслями».

Но даже это было не самым удивительным. Шахрион коснулся сперва глаза, затем — груди, и, наконец, живота.

«Я поймал три арбалетных болта. Должен был умереть. Все-таки, я отмечен Матерью, а не Отцом. Но я жив, а все раны закрылись сами собой. Разве такое возможно?»

Нигде и никогда Шахрион не слышал о подобном использовании магии смерти, и это настораживало.

А тут еще непонятный шепот!

Слишком много непонятного, слишком много тайн и загадок, слишком все запуталось. А значит, клубок придется разматывать по одной нитке. И начнет он, пожалуй, с самого простого — с установления личностей и мотивов заговорщиков.

Семнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер

— *О великий и несравненный император, отчего же ты столь задумчив?* — глумилась Тень.

«Как будто ты не знаешь, тварь!» — зло подумал Шахрион. — «Или считаешь, что я поверю в твою непричастность к случившемуся?»

С одной стороны, конечно же, ему было грех жаловаться — несколько арбалетных болтов, выпущенных просто с изумительной точностью, скорее всего отправили бы Черного Властелина на тот свет. Лишь таинственная и непонятная сила, пробудившаяся в нем, позволила пережить страшное покушение.

«Подумать только, меня едва не убили. Так легко, так просто, так... буднично».

— *А все потому, что ты, о несравненный император, расслабился, поверил в свою непобедимость и непогрешимость, верно, о могучий из могучих?*

— Заткнись! — оборвал ее Шахрион, понимая, впрочем, что извечная спутница на сей раз права. Он не перепроверил все десять раз подряд, не одел броню, не возвел вокруг себя магический щит, и в результате едва не стал жертвой примитивного покушения.

Даже без отчета наместника Черный Властелин мог сказать, что именно произошло. Группе недовольных некто подал идею, конечно же — через третьих лиц, конечно же — в самый последний момент, так, чтобы никто ничего и не сообразил. Какая именно группа недовольных — вопрос отдельный, но, увы, малозначимый. Главное — имя заказчика останется в тени. И эти дураки радостно ухватились за подвернувшуюся возможность, добыли маршрут передвижения, и спрятали нескольких хорошо подготовленных смертников. Ну, либо сами взялись за оружие.

Император вздохнул и еще раз коснулся груди.

«Первый болт должен был сразить меня наповал. Стрелял настоящий мастер. Почему же я еще тут?»

Его размышления прервал робкий и нерешительный стук в дверь.

— Войди, — распорядился император и в помещении оказался сам наместник провинции.

Выглядел мужчина неважно: бледный, как мел, с трясущимися ногами и мелко дрожащим подбородком. И Шахрион не мог винить его за страх. Людей в Империи Тьмы казнили за куда меньшие прегрешения.

— Садись, — указал Шахрион на диван, и бедолага с благодарностью уселся на него.

— Прошу простить мою слабость, о владыка.

— Неважно, — отмахнулся Шахрион.

— *Как это неважно? Казни его, казни, казни, казни!*

— Неважно, — с нажимом повторил император. — Докладывай.

— Слушаюсь, о повелитель. Число погибших — семьдесят шесть человек. Из них двадцать шесть — сопровождающие, двенадцать — стражники, двадцать два — горожане, оказавшиеся поблизости. Остальные — нападавшие.

Шахрион кивнул, не останавливая и давая понять слуге, чтобы тот продолжал.

— Нам многое удалось узнать, несмотря на то... — он закашлялся и умолк.

«Несмотря на то, что я поубивал всех заговорщиков, а также большую часть охранников и вообще всех, кто подвернулся под руку», — закончил за него император, жестом разрешая продолжить.

— Семьи заговорщиков взяты под стражу, а в их домах проводятся обыски.

— Хорошо, подождем до утра, быть может, что-нибудь получится найти. Начните допросы, не исключено, что мы сумеем выяснить нечто важное.

Благороднейший коротко поклонился.

— Повелитель?

— Да?

— Я хотел узнать, как быть с празднеством?

Шахрион скривил губы.

— Я думал, что ответ на этот вопрос очевиден.

— Прошу простить меня, владыка.

— Прощаю. Пир придется отменить, не до него сейчас. Передай сообщение случившемуся в Черную Цитадель.

— Уже, владыка.

— Хорошо. Тогда пусть твои помощники будут работать ночью, а ты иди и отдохни, плохо выглядишь.

Наместник в очередной раз кивнул, но Шахрион прочел в его взгляде нечто, отдаленно напоминающее благодарность.

— И вот еще что, семьи погибших воинов и горожан должны получить поддержку. Составь списки и прикинь, что им потребуется. Это пока все, иди уже и отдохни.

— Слушаюсь, о владыка, — отсалютовал он и покинул комнату.

А Черный Властелин со вздохом сел за письменный стол. Поездку придется продолжить, хочется ему того или нет. Стоградье должно быть посещено в обязательном порядке, и это не обсуждалось.

«Но меры безопасности следует предпринять»...

Неожиданно все перед глазами императора начало расплываться, голова резко закружилась, и он, не успев даже понять, что происходит, устремился в тягучую пустоту, пахнущую кровью и смертью...

Где-то, когда-то.

Шахрион обнаружил, что находится возле древнего города, обнесенного деревянными стенами. Вокруг него неистовым потоком бурлила жизнь, превращаясь в свою полную противоположность. Говоря простым языком, шел бой. Вооруженные медным оружием воины, защищенные лишь большими щитами, да медными же шапками, назвать которые шлемами не повернулся бы язык, поднимались по лестницам, чтобы принять участие в кошмарной резне.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — город обречен: многочисленные пожары за спинами защитников, несколько проломов, возле которых разгорелись особенно жаркие схватки и, конечно же, вереница лестниц, по которым уже поднялось немало нападавших. Все это не оставляло ни малейших сомнений в исходе сражения, и все же, жители с упрямством обреченных защищали поселение, не отступая и не показывая врагу спин.

«Они чего-то ждут», — решил Шахрион. — «Это — не просто фатализм загнанных в

угол, это — план».

Он и сам не мог бы сказать, почему так считает, однако был совершенно точно уверен в собственной правоте. В принципе, почему бы и нет? Если какая-то сила в очередной раз затащила его в видение, почему бы ей и не дать пару подсказок относительно происходящего.

А в это самое время штурмующие решили бросить в бой резерв. Несколько плотно сбившихся в кучу отрядов — человек пятьсот по грубым прикидкам — направились к лестницам.

По всему выходило, что жить защитникам оставалось минут тридцать-сорок, не больше.

Введение в бой свежих бойцов дало незамедлительный эффект — измотанные продолжительной схваткой защитники начали один за другим падать под ударами медных мечей и топоров. Чаша весов, замершая в состоянии неустойчивого равновесия, принялась стремительно клониться.

И в это самое время с небес ударил гром!

Молния разметала один из отрядов подкрепления легко, точно люди были песчинками, а вслед за ней с небес опустилось пламя, обращая сотни воинов в дико вопящие факелы.

На этом кошмар не окончился — ослепительно яркий луч ударил туда, где находился вражеский генерал, земля задрожала и разверзлась под ногами у лучников, обстреливавших стены. Тех же из них, кто остался в живых, смыло в провал взявшейся из ниоткуда волной.

Шахрион молча смотрел, заложив руки за спину. Он знал, что сейчас последует — пять школ продемонстрировали свои возможности, осталась последняя.

Император не ошибся — убитые воины на стенах зашевелились и начали один за другим подниматься. Атакующие были достаточно далеко от Черного Властелина, а потому тот не видел их лиц, но мог представить, как те выглядят: широко распахнутые глаза, рты, раскрытые в немом вопле, бледные, без единой кровинки, лица.

Те, кто никогда не видел живых мертвецов, всегда реагируют на них одинаково.

Сражение закончилось. Началось избиение.

— В тот день мы вошли в историю... — услышал император голос, тихий, больше похожий на предсмертный шепот.

Обернувшись, он увидел рядом с собой темное пятно, клубящееся сгустками мрака.

«Тень? Нет, не она, голос мужской, да и выглядит иначе», — подумал Черный Властелин.

А собеседник, меж тем, продолжал:

— Ведомые отчаянием, мы открыли ворота, которым надлежало оставаться закрытыми. Мы впустили в мир великое зло, но тогда никто еще не понимал этого. Тогда мы лишь радовались победе...

Защитники добились остатки совершенно деморализованных врагов и высыпали за стены, глядя на приближающихся к городу шестерых всадников.

Двоих из них Шахрион узнал сразу же — юноша и девушка из его предыдущего видения. Они ехали чуть впереди, вероятно, являясь лидерами, позади от них вели своих коней четверо их ровесников.

«Так вот как выглядели шесть первых магов», — подумал Шахрион, разглядывая незнакомые лица.

Ни одной книги, ни одной картины, ни одной статуи не сохранилось с тех незапамятных времен. Даже эльфы не помнили, когда именно людской род получил дары

Шестерых.

«Неужели это действительно происходило»? — думал император. — «Или я просто схожу с ума»?

Видение, меж тем, продолжало развиваться своим чередом. Радостные защитники обступили спасителей, а затем, как по команде, упали на колени перед ними.

— То был день славы, — продолжал шептать сгусток мрака, — день великого триумфа, оплаченного, как и положено, кровью невинных. То был день начала конца.

— Кто ты? — спросил император. — Зачем показываешь мне это? Если хочешь помочь, расскажи, как избавиться от Тени!

Он сильно сомневался в том, что собеседник ответит, однако тот удивил Черного Властелина: в чернильной темноте зажглись два зеленых фонаря — два глаза, устремленных в самую душу императора, и непонятное существо произнесло:

— Еще слишком рано, Шахрион. Она еще недостаточно сильна. Скоро... Скоро ты все узнаешь, а пока — смотри и запоминай, это все, что я могу сделать для тебя сейчас.

И в следующий миг все пропало.

Император очнулся в кабинете и понял, что лежит лицом на столе.

«Сон или явь, вот в чем вопрос», — подумал он. — «Можно проверить».

— Эй, Тень, — позвал он.

Ответа не последовало.

— Ты тут?

Молчание.

— Ну, не хочешь говорить, как хочешь.

— *Что такое, о несравненный император?* — послышался из-за плеча знакомый голос. — *Неужели ты так соскучился по мне, что решил позвать? О чем поболтаем? С твоей никчемности? О том, как все твои труды обратятся в ничто? Или о том, как ты лично убьешь жену и сына, а затем — спалишь столицу дотла?*

Как ни странно, обычно выводящие его из равновесия слова на сей раз не возымели ни малейшего эффекта. Шахрион ощущал необычайное спокойствие, столь непривычное для него в последние годы. К тому же...

«К тому же она просто отбывает номер, говорит то, что должна, потому что так нужно, не хочет, чтобы я заподозрил что-то».

Да, именно так, Тень в этот миг казалась какой-то... неуверенной? Да, пожалуй, именно так.

«Она боится! Понимает, что происходит и боится!» — осознал вдруг император.

И Тень, явно уловив эту мысль, вдруг зло прошипела:

— *Зря надеешься. Он тебя не спасет. Никто уже тебя не спасет, человек.*

И вновь она потеряла самообладание.

Шахрион позволил слабой улыбке коснуться губ. Он не понимал, что происходит, и почему это так задевает его неприятную спутницу, но направление движения задано, осталось лишь докопаться до истины и тогда...

«Тогда я наконец-то избавлюсь от этой твари!» — подумал император, всеми фибрами души ощущая ярость той, что вот уже пять с лишним лет отравляла каждый его день.

Семнадцатый день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, вечер

Парниэла сидела на чердаке дома какого-то местного богатея, и дрожала, точно кошка,

попавшая под ледяной осенний дождь. Ей было страшно. Так страшно, как никогда в жизни.

Подобного ужаса девушка не испытывала даже когда небеса зарыдали черной огненной кровью, обратившей в ничто все, что она любила. И сейчас звездорожденная могла лишь молить всех богов, которые только существовали в этом мире об одном: «Пусть оно не найдет меня. Пусть оно не найдет меня! Пусть оно не найдет меня»!!!

Звездорожденная знала, что если существо, именующее себя Черным Властелином, отыщет ее, то даже смерть от собственной руки не поможет избежать участи, что гораздо хуже гибели. Потому что глазами императора Шахриона смотрело само зло. Недолго, несколько кошмарных мгновений, полных безотчетного ужаса и невыносимой безысходности, но и этого оказалось достаточно. Она до конца жизни запомнит зеленый болотный свет, идущий из-за Кромки!

Заклинание, примененное этой... этим... императором, зацепило ее краешком, совсем чуть-чуть, но даже это дорого обошлось девушке, защищенной самыми лучшими амулетами, которые только могли предложить хранилища. И Парниэла не представляла, почему большинство сопровождавших Шахриона дворян и воинов не просто выжили, но даже сохранили рассудок. Видимо, люди — существа куда менее чувствительные к тонким материям — легче переносят присутствие той неведомой твари, что на жалкие несколько секунд перехватила управление телом императора. Той твари, что не позволила Черному Властелину умереть после того, как арбалетный болт вонзился ему точно в сердце...

Время шло, минуты сменяли друг друга, паника начала ослабевать и к Парниэле наконец-то вернулся рассудок. Она больше не была зверьком, забившимся в самый дальний и темный угол, нет, она вновь обрела контроль над телом. И мыслями.

Эльфийка начала вспоминать события последних дней.

После сеанса связи с матерью, Парниэла спешила так, будто за нею гнались все некроманты Империи Тьмы. Она загнала трех коней, но каким-то чудом успела в город буквально за день до появления императорского кортежа. Этого времени эльфийке хватило не только для отдыха, но и для обустройства нескольких убежищ, а также — поиска заговорщиков.

Последнее, впрочем, оказалось не самым сложным делом. Смертные могли считать, что неплохо скрывают свои намерения, и, возможно, их талантов хватило на то, чтобы обмануть соглядатаев Ледяной Ведьмы — это было не так и сложно в городе, захваченном всего несколько лет назад — вот только до уровня ее народа эти короткоживущие обезьяны не поднимутся никогда! Люди действовали топорно, неискусно и примитивно. По крайней мере, на ее вкус. Они всегда были такими: там, где звездорожденные использовали тончайшее лезвие, эти варвары лупили боевым молотом со всего размаха!

Впрочем, в эффективности им нельзя отказать — мастерский выстрел не оставлял жертве ни единого шанса. Парниэла, притаившаяся на соседней крыше, отчетливо видела это и была готова поклясться душой в том, что императора не защищал никакой барьер или доспехи. Болт вошел ему в грудь едва ли не по оперение, а вслед за ним еще два поразили живот и мозг!

Никто не мог и не должен был выживать после такого. Однако Шахрион смог и выжил.

Девушка потянулась к тириомалю. Матушка в очередной раз оказалась права — старания венценосца Радении не увенчались успехом, однако благодаря его поспешности и глупости удалось получить важнейшую информацию, передать которую она обязана прямо сейчас, не теряя больше ни единого мгновения.

«Наши планы придется серьезнейшим образом корректировать!» — думала девушка, приводя артефакт в действие. — «Потому что обычное оружие против этого монстра бессильно»!

Восемнадцатый день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, утро.

— А потому, ваше величество, я вынужден сообщить, что поступление налогов от соляных шахт составит в этом году не более десяти тысяч золотых марок, — закончил благороднейший Парс — казначей Исиринатии. — Как результат, для выполнения ваших планов, казне потребуется еще хотя бы сто тысяч золотом.

— Благодарю за в высшей степени полный и обстоятельный доклад, — благосклонно улыбнулся Ритон, — мы обдумаем ваши слова и постараемся в самое ближайшее время найти решение, кое будет удовлетворять чаяниям наши вассалов, но, одновременно с этим, позволит осуществить столь необходимые в данный момент времени преобразования.

— Спасибо, ваше величество, — поклонился человек, пятясь из рабочего кабинета венценосца.

Ритон, конечно, мог бы принимать просителей и в тронном зале, но предпочитал не делать этого — слишком много лишних глаз и ушей, слишком много церемониала. Поговорить с нужным человеком один на один — куда полезнее и информативнее.

Вот, к примеру, из нынешней беседы он извлек следующее: выжать что-нибудь еще из личного домена не выйдет. И это огорчало.

Венценосец сложил пальцы домиком и, уперев на них подбородок, прикрыл глаза, обдумывая варианты.

«Деньги нужны как утопающему — воздух, но дед отказался ссудить мне необходимую сумму, ограничившись лишь небольшими подачками. Откровенно говоря — логично, я на его месте поступил бы схожим образом, но, к сожалению, из-за этого венец может оказаться в крайне затруднительном положении уже до конца лета. На задуманные мною преобразования требуется масса золота, которое также необходимо и на усиление армии, восстановление магических сил государства, а также — залечивание ран, нанесенных войной. Причем сто тысяч — это минимально возможная сумма, которой, определенно, не хватит на все, потому как жизнь обожает демонстрировать нам свою непредсказуемость. Следует заполучить хотя бы сто пятьдесят, а еще лучше — двести тысяч. Вот только где их отыскать?»

Нехватка золота и серебра выбивала почву из-под ног, душила любые начинания, и временами буквально ввергала правителя в черную меланхолию. Будучи всего лишь принцем, он и не подозревал, как много денег нужно для управления государством. Даже став правителем Исирии — прибрежной Исиринатии — и насмерть сцепившись с двоюродным братом за власть, он не осознавал до конца всю глубину проблемы.

Все-таки земли Исирии, защищенные горами, являлись самыми богатыми, не знавшими бунтов, войн и разрушений вот уже несколько сотен лет, да и территории от гор и до Стоградья также нельзя было назвать совсем уж пропащими, хотя их и опалило пламя войны.

Другое дело — пресловутое Стоградье и северные провинции, перешедшие к нему после победы...

Честно говоря, узнав, как там обстоят дела на самом деле, Ритон даже проникся некоторым уважением к покойному кузену, который, получив разоренную войной, частично

заполненную живыми мертвецами землю с разрушенными деревьями, сбежавшими крестьянами и рыщущими по каждой дороге бандами разбойников, сумел на равных биться с ним все эти годы, отвлекаясь лишь для того, чтобы сразиться Раденией. Впрочем, и самому Ритону пару раз пришлось надавать излишне зарвавшимся волкам по наглым зубастым пастям, из-за чего венценосец Гашиэн теперь даже говорить с ним не хочет. Не то, чтобы это было такой уж большой потерей, но все-таки, работать вместе было бы полезнее.

Впрочем, братец оказался тем еще идиотом, и плохую ситуацию за несколько лет умудрился превратить в катастрофическую. Он ничем толком не управлял и ни заботился лишь о войске, в результате чего Пиринию, а также ту часть Стоградья и Ириулэнии, которые удалось сохранить, пришлось буквально восстанавливать из пепла.

А это требовало много, прямо-таки чудовищно много денег.

Добавить к этому непрерывные траты на армию, войну со взбесившейся нежитью — большое спасибо его императорскому величеству — помощи Академии, Ордену и церквям остальной четверки, и получится безрадостная картина тотальной неплатежеспособности молодого венценосца.

Безусловно, за несколько лет Ритон сумеет наладить финансы и залечить некоторые — по крайней мере самые болезненные — раны, нанесенные войной... Но у него нет времени!

«Каждый упущенный день лишь укрепляет положение Шахриона. И это, попрошу заметить, безотносительно тех в высшей степени пугающих сведений, которые адресовал нам верховный маг Гартуан», — подумал Ритон, в очередной раз прикидывая, что хуже для Исиринатии — крепко ухвативший бразды правления император, или спятивший маг чудовищной силы.

Как ни крути, а выходило, что хоть пнем об сову, хоть совой об пень, как принято выражаться у простолюдинов. Оба варианта — одинаково губительны и не оставляют никакого простора действий.

А значит...

«Значит, с его императорским величеством следует разбираться в предельно сжатые сроки. Счет в нашем текущем положении идет на месяцы, максимум — на сезоны».

Но для того, чтобы действовать быстро нужны деньги. Достать которых неоткуда.

Замкнутый круг!

Венценосец закрипел зубами и рывком вышел из-за стола, распахнув двери на балкон и выходя подышать свежим воздухом.

Теплый ласковый бриз приятно охладил разгоряченную голову и Ритон, глубоко вдохнув приятный чуть солоноватый воздух, немного успокоился.

Море всегда приводило молодого правителя в хорошее настроение, видимо, сказывалась аблисская кровь, и этот случай не стал исключением.

Он подошел поближе к высокой резной ограде и оперся о нее, прикрыв глаза и пытаясь хотя бы немного привести в порядок разбегающиеся, точно тараканы, мысли.

«Интересно: его величество Шахриону в бытность правителем огрызка некогда могучего государства было столь же трудно, как и мне сейчас?» — подумал он и тотчас же ответил самому себе. — «Глупый вопрос. С какой стороны ни посмотри на данную проблему, мое положение все же отличается гораздо большей устойчивостью и надежностью, нежели его собственное, хотя ряд условий и выглядят схожими».

Отчего-то это самовнушение не сильно работало, а потому Ритон еще раз полной грудью вдохнул воздух, надеясь пропитаться покоем, даруемым морем.

— Ваше величество изволит любоваться видами? — послышался за спиной до боли знакомый голос Найлиэны и венценосец, прежде чем обернуться, скривился.

«Интересно, благодаря каким именно ухищрениям сия особа раз за разом умудряется подбираться ко мне на расстояние удара? Маги, стражники, ловушки, что, для нее это все — пустой звук? И не надоело ли ей постоянно демонстрировать силу?»

— Приветствую прекраснейшую Найлиэну, — коротко кивнул собеседнице венценосец.

— И я приветствую ваше величество.

Эльфийка грациозно подошла и, положив на ограду предплечья, выгнулась, как бы невзначай демонстрируя восхитительную фигуру.

Все это было проделано столь плавно, текуче и естественно, что даже Ритон, прекрасно понимавший все эти ухищрения — как-никак не один раз видел силу воздействия Найлиэны на дядю — с трудом подавил вспыхнувшее желание. Да, эта женщина смертельно опасна. Возможно даже, опаснее зрящего Ратриолы.

— Я всегда рад обществу столь невыразимо прекрасной особы, — проговорил он, улыбаясь, и прикладывая титанические усилия для того, чтобы голос не дрожал, — но все-таки не могу не спросить: какая цель привела тебя ко мне сегодня, о звездорожденная?

Эльфийка улыбнулась ему одновременно и уважительно, и многообещающе, и зовуще, и Ритон все-таки не сумел сдержаться, сглотнув густую, тягучую слюну и непроизвольно выдохнул.

— Моя цель — все та же, — мило хлопнув длинными ресницами проворковала эльфийка, — помочь его величеству в неравной борьбе с возрожденной Империей Тьмы, пока наши... союзники... готовятся к новой встрече, на которой мы будем обсуждать уже конкретные меры.

Эта самая встреча должна была состояться буквально через пару дней, и на сей раз — спасибо за тириомали — ехать никуда не придется. И — да — на ней можно, наконец, будет обсудить важные вопросы.

«Если, конечно же, я сумею отыскать где-нибудь золото. Потому как без него все прочее не имеет значения, ведь мы банально не сумеем купить ни услуги шпионов, ни клинки наемных убийц».

— Помочь? — заинтересовался венценосец. — Интересно. Слушаю тебя, о звездорожденная.

Найлиэна улыбнулась ему и, поднявшись, оперлась о перила спиной, чуть откинувшись назад и демонстрируя внушительных размеров грудь, туго обтянутую платьем.

Она не соблазняла, она — играла, это Ритон понимал прекрасно.

«Если зрящая захочет затащить меня в постель, то сделает это куда грациознее и изящнее, да что уж там, заставит умолять и обещать все на свете, как это было с дядей», — зло подумал он, но в очередной раз восхитился талантам своей собеседницы и порадовался тому, что они пока еще на одной стороне.

— Насколько мне известно, — продолжала Найлиэна, — вы испытываете... некоторые финансовые трудности, не так ли?

Ритон скривился — тема была слишком болезненной для того, чтобы пытаться отшутиться или сделать вид, что это его не волнует.

— С прискорбием вынужден признать вашу правоту. Увы, но государство, разрушенное войной, практически полностью исчерпало все свои внутренние резервы. Внешних же заимствований найти негде.

— А что вы скажете на беспроцентный кредит, скажем, в один миллион золотых аблиссских марок? — мило улыбнулась эльфийка.

Ритон был готов к чему угодно, но все-таки не сумел сохранить невозмутимость на лице.

— Сколько? — воскликнул он, тотчас же обругав себя последними словами и немедленно успокаиваясь. — Что ж, подобный кредит, действительно сумел бы решить немалую часть наших текущих проблем, правда, многое зависит от срока его погашения и процентов, о звездорожденная.

Эльфийка усмехнулась.

— Десять лет, два процента годовых.

И Ритон понял, что попался.

Венценосец не знал, где именно эльфы взяли деньги, не представлял, чем ему придется расплачиваться. Здесь и сейчас ничто не имело значение кроме суммы.

«Один миллион. Золотом»...

— В каком документе мне следует расписаться кровью? — только и мог уточнить он.

— Я покажу, — улыбнулась эльфийка. — А пока я хотела бы сообщить вам одну крайне интересную новость.

Девятнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

— О мой повелитель, как ты себя чувствуешь? — приторно-сладкий, точно медовая коврижка, голос Дарлионны вырвал Шахриона из паутины тягостных раздумий и бредовых видений, навеянных то ли Тенью, то ли новым таинственным игроком.

— Благодарю, о извечная, сегодня мне немного лучше, — соврал Шахрион, стараясь не обращать внимание красавицу, демонстрировавшую прямо-таки материнскую заботу к захворавшему императору.

Они покинули Наиргион на рассвете, оставив отряд численностью в сотню латников, десяток рыцарей смерти и двух магов следить за порядком и разбираться с последствиями.

Ни о каком праздновании после покушения, конечно же, не могло быть и речи. Город гудел, точно растревоженный улей, жители попрятались по домам, а улицы заполнили вооруженные люди. Сутки Шахрион отлеживался в выделенных ему покоях, приходил в себя, размышлял, вяло переругивался с Тенью, глуша головную боль пиллюлями. За это время удалось отыскать нескольких участников заговора и еще три дюжины подозреваемых отправились в городскую тюрьму. Черный Властелин настрого запретил делать с ними хоть что-нибудь и приказал ждать дознавателей из столицы — с женой, успевшей уже вернуться из Жемчужины Востока, он связался в первую очередь.

Тартионна предложила бросить все и вернуться, но Шахрион отклонил эту ее идею. Он считал, что если остановится, то лишь продемонстрирует врагам слабость, а поступать так сейчас было равносильно самоубийству.

А потому — путешествие продолжилось.

Правда, при этом в карету императора напросилась Дарлионна, причем сделала она эта столь изящно и умно, мотивируя все своей заботой о здоровье господина, что даже и отказаться не получилось. В результате, внутри помимо него теперь находились Дарлионна и одна из ее служанок — средних лет женщина, прилагавшая все усилия для того, чтобы слиться с фоном и не отсвечивать.

«Ну да, наверное, предложи ей сейчас на выбор: ехать дальше в карете, или оказаться

посреди лиосской пустыни, эта женщина очень серьезно задумалась бы. И не факт, что в итоге осталась бы с нами».

Страх неприятный, но, откровенно говоря, заслуженный, ведь народная молва за считанные часы разнесла слухи о бойне по всему городу, и Шахрион ни капли не сомневался — спустя пару недель о произошедшем будут знать едва ли не все жители Империи Тьмы.

В разговоре с Тартионной свою чрезмерную жестокость он списал на панику, вызванную внезапным нападением. Про три попадания из арбалета тактично промолчал, не особо, впрочем, надеясь на то, что Тартионна не узнает об этом. Не факт, конечно, что Госпожа поверила своему Властелину, но она по крайней мере пообещала направить слухи в нужное русло.

Даже собственную агонию готов пустить на благо народа, — хихикнула из-за спины Тень, и у Шахриона непроизвольно дернулась щека.

«Проклятая тварь»!

Еще один тихий смешок.

«Что б ты сдохла»!

Не дождешься, о могучий император. Но даже меня поражает твоя забота о народе. Вместо того, чтобы спешно возвращаться к сыну, ты продолжаешь путешествие вперед, туда, где все началось. Да еще в таком состоянии... поразительное мужество и не менее поразительная глупость.

Откровенно говоря, Шахрион считал точно также, однако отменить назначенные мероприятия не мог. Просто не имел права!

— Слишком многое поставлено на карту, чтобы потакать своим слабостям, — прошептал он.

— Что, простите? — откуда-то издалека, будто из тумана, до него донесся взволнованный голос Дарлионны и император едва не хлопнул себя по лбу от досады.

«Идиот! Разболтался сам с собой прямо в карете»!

Он вымученно улыбнулся и развел руками.

— Прошу простить мою рассеянность — мысли вслух. Слишком уж последние дни оказались напряженными.

— И не говорите! — всплеснула изящными ручками красавица. При этом ее губы сложились буквой «о», и она резко стала похожа на маленькую нахохлившуюся синичку. Чрезвычайно привлекательную синичку, между прочим.

Шахрион мотнул головой, не понимая, что за муха его укусила.

Тихие гнусные смешки за спиной четко дали понять — что именно за муха.

И снова накатила волна ярости, бороться с которой приходилось теперь ежечасно. Но и на сей раз император вышел победителем из противостояния с собственным безумием, а потому Дарлионна получила не сокрушительный магический удар в лицо, а вежливый ответ.

— К сожалению, у нас слишком много врагов, о извечная. Как внешних, так и внутренних.

Он выразительно посмотрел на свою собеседницу, как бы намекая: «ты ведь не из них»?

Наградой ему стал еще один вздох, полный горя столь искреннего, что даже император поверил в правдивость Дарлионны.

— Но владыка, не значит ли это, что нам следует объявить войну остаткам Лиги и покончить с этой заразой раз и навсегда? — мило хлопая ресницами уточнила его собеседница.

Она так хорошо играла набитую дуру, что в некоторые моменты хотелось поаплодировать актерским талантам юной красавицы.

«Зато в другие моменты очень хочется содрать с нее кожу и оттрахать то, что останется»!!! — яростно подумал Шахрион и сжал костяшки пальцев так, что ногти впились в ладони.

В очередной раз загнав своего зверя внутрь, Шахрион пристально заглянул в безразмерные глаза Дарлионны, которая кокетливо моргнула и одарила своего повелителя теплой улыбкой.

«Что, папа волнуется, не придется ли исполнять вассальный долг раньше времени»? — успокоившись, подумал император. — «Справедливые опасения, девочка».

— Война, извечная, на самом деле не несет ничего хорошего ее участникам, — назидательно произнес он. — Война — это слезы жен и матерей, обездоленные люди, смерть, разрушения...

«И, что куда страшнее, кошмарные затраты, бюджетный дефицит и прекращение торговли».

— Именно поэтому, — продолжил он, — я приложу все силы для того, чтобы новая война не началась.

«Если, конечно, от меня будет что-нибудь зависеть».

— Думаю, что недавнее покушение не было результатом деятельности врагов, — продолжил император. — Скорее, какие-то обозленные на меня безумцы попытались свести счеты, только и всего.

«И нельзя сказать, что они были далеки от успеха».

— Ты должен беречь себя, мой Властелин! — горячо воскликнула Дарлионна. — Потеря столь гениального ума, величайшего, наверное, со времен Первого Некроманта, погубит всю Империю!

И снова — ни звуком, ни интонацией, ни мимикой, извечная не выдала притворства.

«Какая поразительная актриса», — в очередной раз восхитился Шахрион. — «Повезет тому кольценосцу, которого она охмурит. Жаль, только, что лесть насчет гениального ума слегка не соответствует действительности».

Слегка? — тут же вернулась Тень.

Шахрион хотел было шикнуть на нее, но не успел — именно в этот момент кортеж пересек границу Стограда, а точнее — земли, попавшей под действие Безымянного Заклинания.

Шахриона скрутило!

Тысячи голосов обрушились на него со всех сторон, завывая от боли, моля о снисхождении, прося помочь, даровать покой, убить, убить, убить наконец!

Ни в один из прошлых визитов не случилось ничего похожего, и, надо сказать, ощущения были просто кошмарными.

На лбу выступила испарина, сердце бешено заколотилось, легкие сдавило, и Черный Властелин вдруг понял, что не может вдохнуть. Как будто этого было мало, внутри черепной коробки точно взорвался огненный шар, опалив глаза изнутри, и император со стоном завалился на бок. Он дернул рукой, намереваясь выхватить коробочку с лекарством, но не успел.

Сознание стремительно ускользало, и тускнеющим взором Шахрион успел различить только полное ужаса лицо Дарлионны.

«Наконец-то... не... играет», — с трудом подумал он, после чего погрузился в пучины беспомыслия.

Где-то, когда-то.

Люди завывали, отплясывая сумасшедший танец вокруг огромного помоста, на котором возвышались шесть исполинских фигур из дерева.

Костры вздымались к небесам, разгоняя ночную хмарь, и благодаря ним было видно, как днем.

Сотни, тысячи полуголых и потных мужчин и женщин, чьи лица, руки и плечи были разрисованы разноцветными красками, точно сошли с ума, воя одним им известную песню на непонятном языке. А еще сотни и тысячи мужчин, женщин, детей и стариков наблюдали за безумным действием и подпевали, а их глаза блестели, яростным фанатичным огнем неопитов, только-только открывших для себя новую веру.

На помосте — под немигающими взорами деревянных идиолов — восседали шестеро: трое мужчин и трое женщин. Двоих из них император узнал сразу — повзрослевшие юноша и девушка, принесшие своего ребенка в жертву непонятным силам. Четверых — спустя пару секунд.

«Это те, кто сопровождал некроманта и чародейку света при штурме города», — сообразил он.

Шахрион вздохнул. Там — в реальном мире — его настоящее тело, скорее всего, умирало от удушья, и, конечно, хотелось бы поскорее вернуться туда... Вот только он понимал, что еще раз это видение ему никто не покажет, а ведь именно таинственные сны наяву дарили надежду на спасение. Призрачную, но лучше уж такая, чем никакой.

А потому Черный Властелин, затаив дыхание, старался запечатлеть в памяти каждую, пусть даже самую незначительную деталь.

Первым из кресла поднялся некромант.

Он, перекивая многоголосую песню, не заговорил, заорал:

— Да будут славны Шестеро!

— Слава, слава, слава!!! — в тон ему ответили тысячи людей.

— Да будет доброта их восславлена верными!

— Да будет, да будет, да будет!!!

— И да получат наши владыки достойные жертвы!

— Жертвы! Жертвы!! Жертвы!!!

Последнее слово начали скандировать буквально все участники мистерии, причем оно не затухало, а напротив, разгоралось, подобно лесному пожару, становилось громче и четче, безумным крещендо разлетаясь по окрестностям. И, точно в тон ему, откуда-то из темноты донесся рев десятков рогов.

И толпа пришла в неистовство. Вопли стали еще громче, музыка ускорила до предела, а танец превратился в странную мешанину рук, ног и извивающихся тел. Казалось, что люди исчезли, и на их месте образовалось разноцветное многорукое и многоногое существо. И тысячи пастей этого существа произносили лишь одно слово: «жертва».

Звуки рога стали громче и спустя пару мгновений Шахрион различил вдалеке огненную змею, приближавшуюся к — теперь император был в этом уверен — капищу.

И Черный Властелин отлично понимал, что именно произойдет дальше.

Он не ошибся — пехотинцы с копьями и факелами, в медных доспехах и с большими щитами, закинутыми за спины, конвоировали тех, кого следовало принести в жертву богам.

И одного взгляда на пленников хватило Шахриону для того, чтобы узнать их. Ненавистные лишенные каких бы то ни было природных изъянов тела и лица сейчас были покрыты коркой из засохшей грязи и крови, прекрасные длинные локоны — запутались и растрепались, многие пленники получили раны, одежда их превратилась в лохмотья. И все равно, спутать эльфов с кем-то еще было невозможно.

«Но ведь даже в летописях звездорожденных нет сведений о тех временах», — удивился Шахрион. — «Или эти летописи лгут?»

Пленники, сопровождаемые безумным пением фанатиков, взошли на помост, их поставили на колени перед шестью статуями и подле некроманта встала его жена. Она извлекла из чехла обсидиановый серп и спокойно подошла к первому из пленных.

Эльф старался выглядеть мужественно, но видно было как сильно он боится. Впрочем, остальные жертвы не были в состоянии даже на такое — почти все они тряслись от ужаса, стонали и рыдали, размазывая сопли по грязным лицам, и, конечно же, все как один — обоссались.

«Впрочем, не могу осуждать их за это», — подумал Шахрион, наблюдая за беснующейся толпой. — «Сам бы обделался, оказавшись тут в роли жертвы».

— Верные! — не закричала — завизжала жена некроманта. — Вот свежая кровь для наших благодетелей!

— Кровь! Кровь!! Кровь!!!

— Вот потроха, мясо и кости, которые мы предложим в качестве подношения.

— Да! Мясо! Потроха! Кости! Подношение! Подношение!! Подношение!!! — вопила толпа: безликий, единый организм, разверстые пасти, безумные глаза, и дикая, звериная жажда крови.

Чародейка усмехнулась и наклонилась к первому пленнику.

— Есть что сказать напоследок, падаль?

— Катись к демонам, — собрав остатки мужества, эльф плюнул в лицо своей мучительнице, но та и не подумала оскорбиться.

Спокойно стерев плевок с лица, она резко воздела свой серп вверх и отточенным ударом обезглавила эльфа.

Тугая струя взметнулась вверх, забрызгав женщину, чей рот был разъявлен в безумной ухмылке. Она высоко подняла отрубленную голову и, повернувшись к все еще сидевшим товарищам, кивнула им.

Четверо тотчас же поднялись и, выхватив клинки, бросились к обезглавленному телу. Точно мясники на бойне они рубили и кромсали, отделяя конечности с таким упоением, будто от этого зависела их жизнь. Пара минут, и вот от эльфа остался жалкий обрубок, заливающий кровью постамент, а толпа взорвалась ликующими возгласами.

Каждый маг отнес трофей к своему божеству, а тушу — у Шахриона язык не поворачивался называть то, что осталось, телом, — эльфа, положили подле статуи, изображающей красивую женщину средних лет с правильными, но слегка резкими чертами лица.

А затем настал черед остальных пленных. Им, увы, повезло сильно меньше.

По знаку некроманта два здоровенных рыцаря смерти принесли на постамент колоду, обсидиановый жизнежор вроде тех, что висели у Шахриона на стене, и здоровенный бронзовый топор. Они же схватили второго пленника и придавили его руку к дереву. Тот пытался дергаться, но безрезультатно. Он скулил от ужаса и вопил, умолял и плакал, еще раз

обделался, причем по-крупному, но это не могло остановить неизбежное.

Сперва ему прямо в сердце вонзился обсидиановый кинжал. Эльф изогнулся дугой, но в следующий момент понял, что по какой-то странной причине еще жив, и на его лице даже проступило удивление. Увы, очень скоро оно сменилось другими эмоциями.

Некромант взял топор, высоко поднял его над головой и с силой опустил пленнику на локоть. Несчастный жутко заорал и задергался, но немертвые, державшие его в своих нерушимых объятьях, и не думали проявлять милосердия. Первым ударом отделить руку от тела не вышло и некроманту понадобилось еще два раза приложиться примерно по тому же месту, прежде чем конечность оказалась отсечена.

Пленник уже не орал, он выл, точно стая волков, но не терял сознания. Жизнежор просто не давал ему это сделать! Насколько Шахрион знал, агония жертвы, в сердце которой воткнут этот артефакт, может растянуться на несколько дней, и требуется опытный чародей для того, чтобы извлечь кинжал из раны.

Рыцари смерти положили на колоду вторую руку бедолаги, а некромант продолжил свой мясницкий труд. На этот раз ему понадобилось всего два удара.

Взмах. Чавк! Дикий, непередаваемый вопль.

Взмах. Чавк! Вопль.

Эльф все никак не впадал в беспамятство, а когда его переворачивали, чтобы положить на колоду ноги, дергал обрубками, из которых хлестала кровь.

«Жизнежор не дает ему забыться», — подумал Шахрион. — «Ведь каждая капля крови и каждая секунда боли должны быть потрачены с пользой».

На первую ногу чародею потребовалось целых четыре удара, а вот вторую он отделил с двух попыток.

Но и это был не конец! К отчаянно извивающемуся телу, изо всех отверстий которого лилась кровь, а зубы были обломаны — так сильно пытаемый сжал их — подошла жрица Отца, легко и непринужденно вспорола эльфу живот и запустила руки в сизые внутренности, выдергивая кишки наружу.

Она тянула и тянула, скручивала и маяла, и кровь, смешанная с содержимым кишечника, текла по ее рукам.

И все это время эльф находился в сознании!

Наконец последовал милосердный удар топора по голове, расколовший череп и обнаживший мозг, который сразу же подхватил один из оставшихся четверых, и бегом понес его к статуе Матери, а рыцари смерти уже раскладывали на колоде следующую жертву.

И все это — под оглушительные вопли, и не менее бешеную музыку, в пространстве, ограниченном множеством огромных костров, забитом тысячами и тысячами людей.

Шахрион ощутил дурноту.

Да, ему приходилось участвовать в отвратительных ритуалах, но это... Даже они с Гартрианом не заходили так далеко.

Однако важным тут было иное.

«Одаренные Пятеркой принимают участие в откровенном темном жертвоприношении, и снабжают энергией боли и смерти даже самого Отца Света? Как такое может быть? Ведь Отец — полная противоположность Матери Тишины, да и остальные не должны одобрять подобное», — не смог не задаться он вопросом.

— Ты ошибаешься, — раздался над ухом знакомый уже голос.

Шахрион от неожиданности дернулся и посмотрел на говорившего.

Все тот же черный клубящийся туман, скрывающий очертания человека. Или не человека, кто знает? Кто может сказать, что за тварь насылает ему эти видения.

— Ошибаюсь в чем? — уточнил он.

— Думая, что пятеро отличаются от шестой.

— Кто... Нет, что они такое? — спросил Шахрион, бросив короткий взгляд на расправу над третьим пленником. В его случае мучители начали со вспарывания живота и вытаскивания наружу потрохов.

— Боги, — невесело усмехнулся собеседник. — Что, не нравится их лик?

— Не слишком, — признался император. — Я никогда не слышал ни о подобных ритуалах, ни о столь дикой жестокости кого бы то ни было из Пятерки.

— Правда? — в голосе собеседника проступили саркастические нотки. — Стало быть, истребление всех жителей Ривитена во славу Отца — сильно отличается от того, что ты зришь в видении, созданным силой моей памяти?

— Памяти? Ты утверждаешь, что это — прошлое?

— Истинно так.

— И какие же это времена?

— Столь далекие, что о них не сохранилось никаких записей даже у эльфов. Времена, когда одно людское племя обрело могущество. Времена где-то за сотню лет до создания Империи Тьмы.

У Шахриона челюсть отвисла от услышанного.

— Не может этого быть! — воскликнул он. — Ведь всем известно, что некромантию принес людям мой предок — Шахрион Первый! Но даже одаренный, отмеченный Матерью не может жить так долго!

— Так вот же он, Шахрион Первый, — из облака вытянулась рука в черной перчатке и указательный палец показал на некроманта на постаменте, — вот он, увлеченно вырывает зубы очередной жертве своих новых хозяев. Ему и его подельникам потребовалось немало времени на то, чтобы создать Империю Тьмы, это да. В те времена не только у этого народа были... могучие покровители, скажем так.

— Но как?

— Я бы очень хотел рассказать тебе обо всем прямо сейчас, но не могу, не проси.

Шахрион вздохнул.

— Тогда расскажи то, что можешь.

— Хорошо. Спрашивай.

— Что это за ритуал?

— Обычное жертвоприношение.

— Обычное? — Шахрион неверящим взглядом охватил безумную кровавую вакханалию и понял, что в прошлом представление об обыденном, кажется, заметно отличалось от того, что было принято считать обычным в его время.

«Интересно, а будут ли потомки с таким же ужасом взирать на мои деяния и считать меня диким варваром, преисполненным безумия и ярости?» — подумал он.

— Обязательно будут, — таинственный собеседник в очередной раз прочел мысли императора, — такова наша жизнь. Времена меняются, меняются и нравы.

— И я несказанно рад этому, — пробормотал император, оборачиваясь к своему туманному собеседнику. — Для чего люди приносят такие кошмарные дары Шестерым?

— Потому что те требуют их, разве не очевидно?

— Отец Света очень любит эльфийские мозги, кишки и конечности?

— И не только эльфийские. Эти... твари... питаются всем, что можно сожрать: верой, обожанием, поклонением, болью, страданием, горем. Им плевать на смертных, всегда было плевать. Важно лишь жрать. И поверь — они ненасытны, точно пламя: сколько ни дай, всё будет мало.

Туман на миг принял человеческие очертания и стал походить на мужчину в черном балахоне. К сожалению, из-за капюшона нельзя было разглядеть его лица.

— Тень имеет к ним отношение?

— Пока что я не могу ответить на этот вопрос.

— Что вообще происходит?! — не выдержал Шахрион.

— И на этот — тоже.

Император тяжело вздохнул.

— Тогда скажи хотя бы: есть ли у меня шанс на спасение?

— Твое время подходит к концу, император, — неожиданно промолвил мужчина, — и лишь от тебя будет зависеть, спасешься ли ты, или падешь в бездну. А теперь — прощай. Мы еще увидимся.

И, как и в прошлый раз, видение начало тускнеть, рассыпаться осколками и обращаться в непроглядную тьму.

«Шанс все-таки есть», — подумал Черный Властелин за миг до того, как потерял сознание. — «Он есть»!

Девятнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Пробуждение оказалось тяжким. Голова раскалывалась так, будто внутри обитали два маленьких человека-кузнеца, решивших, что сегодня — лучший день, для удовлетворения годовой потребности родного цеха в мечах.

Тело не отставало, намекая своему хозяину на то, что тот неправ. В чем именно, Шахрион не был уверен. Вероятно, в том, что вообще родился. Каждая мышца отдавалась ноющей болью, причем о существовании некоторых из них он до сего дня и не подозревал.

— Что... что случилось? — прохрипел император, с трудом разлепляя глаза.

Грубая ошибка! Свет резанул по ним так, что захотелось взвыть, и Черный Властелин — сильнейший маг континента и непобедимый полководец, мастер подковерных интриг и тайных операций, зажмурился, чувствуя, как из глаз начинают литься слезы.

— Он пришел в себя! — раздался над ухом радостный голос и тотчас же в нос дохнул аромат духов извечной.

«Дарлионна», — подумал император, — «ну да, а кто же еще».

Он чуть-чуть приоткрыл глаза и сквозь щелки, заполненные слезами, различил смутный силуэт девушки, а рядом — еще нескольких людей.

— Мой владыка, — послышался незнакомый голос, — тебе стало плохо и благороднейшая... извечная, — тут же поправился говоривший, — остановила кортеж и послала за мной.

— Лекарь?

— Да, мой владыка.

— И что скажешь?

— Переутомление, я полагаю, — ответил его собеседник. — Тебе надлежит отворить дурную кровь и провести в постели хотя бы день...

— Что невыполнимо, — перебил его Шахрион. — Где мы?

Лекарь вздохнул, причем в этом вздохе слышался такой фатализм и такая обреченность, что император тут же понял — он не первый у него пациент, плюющий на врачебные предписания.

— В Айсре, — вместо лекаря ответила Дарлионна.

Шахрион напряг память и вспомнил небольшой городок в полумиле от имперского тракта практически на самой границе Стоградья и Саргилии.

«Стало быть, я на проклятых землях, но крики затихли. Это хорошо. Да и Тень что-то не спешит испортить настроение»... — он припомнил видение. — «Это, по всей видимости, плохо».

Пока император думал, голова слегка пришла в норму, а резь в глазах сократилась до приемлемого уровня. Шахрион со стоном поднялся и ткнул указательным пальцем в Дарлионну.

— Мне неловко просить тебя об одолжении, о извечная, но не могла бы ты проверить, не разбежалась ли моя свита? Мы скоро продолжим путь.

— Как тебе будет угодно, о Владыка, — женщина присела в глубоком реверансе.

— Вот и хорошо, еще раз благодарю за заботу, — Шахрион кивнул лекарю и вышел

наружу.

Как он и предполагал, рыцари смерти, не получившие команду располагаться на ночлег, и не думали распрягать лошадей.

«Все-таки у высшей нежити есть серьезные преимущества перед живыми. Немертвые, по крайней мере, четко выполняют приказы и не занимаются самодеятельностью».

— Десять минут на сборы и выдвигаемся, — бросил он резкую команду, направляясь к своей карете, — мы и так потеряли слишком много времени из-за моего недомогания. Наверстаем его ночным переходом.

Да, это не слишком гуманно по отношению к людям и, что куда важнее, лошадям — последние в глазах Шахриона были куда важнее большей части свиты — но он действительно не мог терять время понапрасну.

Неустойчивое состояние равновесия в их с Тенью отношениях стремительно распадалось. Надвигалось нечто страшное и грандиозное одновременно, а значит, нужно как можно скорее покончить со всеми второстепенными делами и возвращаться в Черную Цитадель. Когда новые видения укажут, как надлежит поступать — а в том, что подобное произойдет, некромант больше не сомневался — действовать придется очень, очень быстро. От этого однозначно будет зависеть жизнь. А значит, старый Кар всегда должен находиться под рукой.

«Главное, чтобы Гартан не прикончил его во время своего инспекционного полета».

Перед самым отправлением императора из Черной Цитадели, лич запросил разрешение взять старого грифона, чтобы слетать по делам на север страны и проверить качество магической защиты новых крепостей. Война с Раденией была вполне вероятной вещью, а могучему Расту Айлиэну мертвяк не доверял ни на грош. Ссориться с верховным некромантом из-за такой ерунды было бы, откровенно говоря, глупостью, а потому лично Шахрион не возражал. И теперь оставалось только надеяться, что полоумный мертвяк ничего не сделает старому другу, от мощи крыльев которого, возможно, уже в ближайшие месяцы будет зависеть будущее империи.

Забравшись внутрь, он распорядился никого в карету не пускать и погрузился в невеселые размышления о бренности всего сущего, о видениях, ну и, конечно же, о своем нарастающем безумии.

С некоторых пор последняя тема особенно занимала его внимание.

Девятнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Когда за императором закрылась дверь, Дарлионна раздав нужные команды и оставшись одна, позволила себе немного расслабиться.

Все последние дни девушка провела как на иголках, буквально кожей ощущая ненависть, изливаемую на нее Госпожой Тартионной.

«Ну, удивляться тут нечему», — с самодовольством подумала красавица, проведя пальцами по изящной талии. — «У этой страхолюдины нет и десятой доли моего очарования».

Зато у нее в наличии имелся сокрушительный магический дар и вся имперская сеть шпионов, о чем ни на единый миг не следовало забывать ради собственной безопасности.

Яда в вине, конечно, пока можно было не опасаться — эта уродливая сука ни за что не пойдет на шаг, чреватый разрывом всех отношений с бабушкой, который, как ни крути, жизненно необходим императору... Но это пока. Как только Ледяная Ведьма почувствует

хотя бы малейшую угрозу собственному положению, все изменится в один момент!

«А значит, будь хорошей девочкой и не попадайся», — улыбнулась красавица, задумчиво прикусив пухлую губу.

Она была почти уверена, что император — этот странный тип, который, казалось, вообще не имеет слабостей, начал видеть в ней женщину. Ну, или понял, что у очередного собеседника, которого можно в пух и прах разбить в шемтис, растут сиськи!

Впрочем, насчет слабостей это она погорячилась... Подумать только — упасть в обморок от усталости! Нет, некоторые, определенно, не умеют наслаждаться жизнью. Спрашивается, зачем нужно забираться на самые вершины власти, совершать настоящее чудо, возвращая к жизни давно умершее государство, железными иглами с алыми от крови нитями сшивать разрозненные лоскуты полунезависимых провинций в единое полотно, и при этом — не пользоваться всеми благами своих побед?!

«Этого человека просто нельзя понять!»! — подумала она. — «Ну да ничего, когда я стану новой Госпожой, мы поработаем над вкусами и пристрастиями Черного Властелина. Кто-кто, а я не потерплю глупой аскетичности!»!

В том, что Ледяной Ведьме придется убрать свою тощую задницу — и как она смогла ребенка родить с такими-то бедрами — с трона, Дарлионна не сомневалась. Девушку с самого детства готовили к чему-то подобному, правда, рассчитывая скорее на наследника венценосца Радении, но император, пожалуй, даже лучше.

Главное сейчас — посеять семена дружбы, примелькаться при дворе, стать незаменимой помощницей как в библиотеке, так и во время ученых диспутов. Занять место советницы, ну, или по крайней мере, стать подругой до того момента, когда Госпожа выпьет свой последний в жизни бокал вина.

Великие чародейки умирают от яда точно также, как самые последние крестьянки. Статус тут не играет никакой роли. А уж когда Ледяная Ведьма отправится на свидание с Матерью...

«Что ж, тогда я найду чем утешить дражайшего Властелина».

Главной проблемой в задуманном плане извечная считала наследника. От щенка придется избавляться, и быстро — она не для того собиралась ложиться под императора, чтобы тронем завладел его первенец — но повернуть подобное будет не так уж и легко. Гартан — этот ужасающий лич — ни на секунду не ослаблял внимания, оберегая мальчишку от любых угроз, словно цепной пес. Впрочем, эту проблему можно будет решить позже. Сейчас же значение имело лишь становление новой Госпожой...

Размышления Дарлионны прервал робкий стук в дверь.

— Войдите, — резко бросила женщина, оборачиваясь и устремляя взгляд на вошедшую.

— Госпожа, — пролепетала служанка, — владыка приказал всем готовиться к отбытию. Мы наверстаем упущенное время ночью.

«Да чтоб его в задницу драли алебардами!»! — мысленно выругалась Дарлионна, сохраняя на лице приветливо-подобострастную маску. — «Вот есть же такие любители поработать! Он не в курсе, что от плохого сна у женщин бывают морщины?»

— Желание владыки — закон, — отчеканила она. — Готовы ли мои вещи?

— Да, о извечная, — девушка склонилась в глубоком поклоне и Дарлионна улыбнулась ей. Все-таки, приблизить к себе эту простушку стало правильным выбором. Безусловно, девчонка докладывала о любых ее действиях Ледяной Ведьме, это очевидно, но зато работала быстро и расторопно и отменно командовала ее собственными служанками,

благодаря чему извечная за все дни пребывания при дворе ни с чем не знала проблем.

«Когда твоя хозяйка умрет, я тебя возвышу, девочка», — пообещала она служанке и грациозно покинула помещение.

— Что ж, не будем заставлять владыку ждать, — проговорила извечная, направившись напрямиком к своей карете.

Одно дело — мило щебетать с императором днем, и совсем другое — ехать с ним в одной карете ночью. Есть некоторые границы, переступить за которые порядочная девушка не имеет права, даже если собирается в один прекрасный день раздвинуть ноги перед своим обожаемым господином, а перед этим — отравить его законную супругу.

Особенно, если она планирует провернуть нечто подобное!

Девятнадцатый день второго месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), ночь.

И снова ночь, снова стук копыт по древним, как сама Империя, булыжникам, снова факелы, разгоняющие мглу, снова размышления.

Одно отличие — сейчас они ехали по земле, зараженной смертью и император ощущал ее тленный запах при каждом вздохе. Хорошо хоть голову больше не разрывают на куски голоса! Иначе было бы совсем грустно. Впрочем, и так радоваться особо нечему.

Стоградье ночью представляло собой еще более жалкое и страшное зрелище, чем днем: остовы сожженных домов, чьи печные трубы немymi перстами устремлялись в небеса, упрекая те за бездействие; огромные проплешины, выхватываемые в темноте факелами — там кремировали покойников; сотни пней на месте немногочисленных лесов — вокруг поселений срочно пришлось возводить частоколы, а десятки тысяч мертвых — развеивать по ветру; а до недавних пор — еще и живые мертвецы, жаждущие человеческой плоти и крови.

«Хотя бы с последней проблемой разобрались», — подумал император, вглядываясь в ночную мглу. — «Правда, хоронить людей на этой земле будут нескоро. Впрочем, о чем это я... Страны Лиги Света уже вернулись к старым обычаям, да и многие подданные тайком стараются сжигать своих мертвых. И все же, в Стоградье мы будем терять немалое количество полезного материала. Ну, что поделать, такова жизнь».

Некромант прошептал заклинание, и тьма отступила, открывая его взору унылый пейзаж: несколько разрушенных селений неподалеку, огромное пшеничное поле, и, конечно же, черную проплешину, прямо-таки кипящую от остатков энергии смерти.

«Эта картина надолго станет единственной для некогда процветающей земли», — вздохнув, подумал император. После этого он поудобнее устроился у окна и погрузился в собственные размышления...

— Владыка? Владыка? Владыка?

Тихий, но настойчивый голос заставил Шахриона моргнуть и непонимающе распахнуть глаза. Еще секунду назад была глубокая ночь, и вот, на тебе — почти рассвело.

«Проклятье, опять, да как долго!» — подумал Черный Властелин, мысленно выругавшись. — «С каждым разом — все дольше и дольше».

Паника вновь пощекотала его нервы своими острыми коготками, но император не был бы собой, если бы не сумел обуздать расшалившиеся нервы.

— Владыка? — вновь раздался тихий голос и Шахрион вдруг понял — он в карете не один.

Некромант обернулся и встретился взглядом с человеком, закутанным в черное. И на этот раз его посетил не Первый, что, в общем-то, было логично — император загрузил его

работой сверх всякой меры.

— Прости, Второй, я задумался, — соврал он, искренне благодаря Мать за то, что Тень решила пока что не появляться.

— Владыка, тебе не за что извиняться перед своим ничтожным рабом.

Шахрион улыбнулся уголками губ и проговорил.

— Второй, ты ошибаешься, столь преданные слуги, как ты, Первый и Третья, заслуживают моей искренней любви и уважения.

Тут он почти не кривил душой — эти трое оказались благословением небес: мастера скрытного проникновения, они были способны добраться куда угодно, выкрасть что угодно и убить кого угодно. Уничтожение Парнира — штаб-квартиры Ордена — при помощи лиосского огня определило исход всей войны, и именно Первый и Второй были теми, кто совершил это выдающееся деяние, а заодно и вернул в Черную Цитадель несколько редких и опасных книг. Мемуары Безумца — в том числе.

Усилия же Третьей в те годы позволили добиться нейтралитета Аблиссии, чей венценосец почти был готов прийти на помощь разгромленной, но не сломленной Радении. Именно ее дипломатический талант вкупе с некоторыми... иными умениями позволил склонить чашу весов в нужную сторону.

Все трое были награждены после войны, но, при этом, пролившийся из императорских рук дождь из милостей ни в коей мере не повлиял на фанатичную преданность самых верных и полезных орудий Империи.

А еще — всем им очень нравилось слушать слова благодарности от обожаемого владыки, так почему бы не одарить своих преданных последователей? Похвалы можно расточать без счета.

Как и всегда, лицо хмурого убийцы расцвело, едва только император даровал похвалу, и он склонил голову в поклоне.

— Владыка, у меня есть важные сведения для тебя.

— Из числа тех, что можно доверить бумаге?

— Нет.

— Понятно.

«Судя по всему, сведения действительно важные», — подумал император.

— Они — от Первого? — уточнил он на всякий случай.

— Да, о владыка.

— Говори.

— Крысы зашевелились.

Шахрион тотчас же нахмурился.

— Уточни, какие именно.

— Все сразу.

— Вот как? — задумчиво почесал подбородок чародей. — Ну надо же. Подробности?

— Их Первый не доверяет не только бумаге, но и слову.

Имелось в виду, что тот мог сообщить их лишь при личной встрече.

«Видимо, все куда серьезнее, чем я полагал», — с грустью подумал император. — «Проклятье, как же неудачно в этом году я отправился в поездку по Империи».

— Есть ли что-нибудь, что можно было доверить бумаге?

— Да, — слуга с поклоном извлек из-под плаща свернутый и запечатанный свиток.

— Благодарю, можешь быть свободен.

— У владыки будут распоряжения для меня?

Шахрион задумался. По-хорошему, он должен реагировать уже сейчас, но головная боль

— эта сводящая с ума спутница — в очередной раз путала мысли.

«Ладно, несколько дней ничего не изменят, особенно после неудачного покушения.

Обдумаю все чуть позже», — решил он. — «Да, так и сделаю».

— Пожалуй... нет. Действуй согласно предыдущим указаниям.

— Будет исполнено, — вновь поклонился мужчина и, чуть-чуть приоткрыв дверцу кареты, растворился в темноте.

Император устало покачал головой.

— Все-таки вера — плохой маяк. Он может завести в услужение к самым настоящим злодеям.

— *Приятно, что ты смотришь в лицо действительности,* — раздался над ухом до боли знакомый голос и император устало отмахнулся от Тени.

— А я-то думал, куда ты запропастилась.

— *Решила немножко пожалеть тебя и дать небольшую передышку от своего замечательного общества.*

— Как великодушно с твоей стороны, — фыркнул он.

— *Да, я такая.*

Было время, когда Шахрион считал, что сходит с ума, что все происходящее — игра больного разума, что его собеседница — разыгравшееся воображение или персонификация совести, а может, отдача Безымянного Заклинания, сорвавшая какие-то запоры в голове чародея.

Увы, те благословенные времена прошли. Теперь — после видений — Шахрион знал наверняка: Тень реальна, и она — зло, что рвется в мир.

Он в очередной раз извлек записи Безумного Императора и принялся перечитывать самые последние страницы. Горячечный бред, да, но не только. Теперь некоторые слова начинали обретать смысл. Безумец боролся, да, он боролся за свою жизнь, за свою душу, за само свое естество. И он что-то нашел, но не успел воспользоваться по причинам, неизвестным Шахриону.

«А раз так, то буду бороться и я!» — решительно подумал император, получив в ответ усмешку бестелесной твари и ее многозначительное обещание.

— *Посмотрим, о мой дорогой император, поглядим.*

Двадцать первый день второго месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, вечер.

Ритон Ириулэн с интересом вглядывался в молочные глубины тириомалия, ожидая, как в них начнут проявляться лица собеседников.

Этим вечером, наконец-то должна была состояться вторая встреча заговорщиков, на которой предполагалось обсуждать уже конкретные меры против Черного Властелина. И пусть с прошлого раза он не общался ни с кем, кроме вездесущей эльфийки, венценосец возлагал на это собрание определенные — и далеко не беспочвенные — надежды.

Резня на юге начала утихать. Медленно, неуверенно, но все же. Со стороны, конечно же, это было сложно заметить: армии все так же маршировали, деревни — горели, а целых два города оказались в осаде, но...

«Все самое главное в нашей жизни, несомненно, сокрыто в мелочах», — подумал Ритон.

Да, мелочи решали все. И вот эти самые мелочи однозначно говорили о том, что и

дварфы, и прегипшты если и не сели за стол переговоров, то немного ослабили градус напряженности. Ни одного серьезного сражения, ни одной мало-мальски значимой стычки, ни одного штурма, ни одной попытки помочь осажденным. Да что там, шпионы доносили о пропущенных в заблокированные крепости караванах с продовольствием!

Обе противоборствующие стороны выглядели, как два мечника, измотавших друг друга в поединке, и теперь замерших каждый в своем углу, тяжела дыша и не сводя взгляда с оппонента.

Возможно, силы южан попросту закончились. Возможно же, посланники смогли достучаться до своих обличенных властью родителей. Лично Ритон склонялся именно ко второму.

Помимо приятных новостей с юга, радовал и восток. С некоторых пор Ритон старался следить за происходящим в халифате — его люди регулярно беседовали с вернувшимися оттуда купцами. Именно поэтому предстоящий разговор с послом ящеров казался столь перспективным и сулил так много выгод.

Короче говоря, оставалось дождаться новостей, которые — в этом не оставалось сомнений — должны были оказаться радостными.

Еще несколько секунд, и в тириомале наконец проявилось лицо Найлиэны, затем оно резко уменьшилось и как бы сдвинулось в сторону, уступая немного места следующему участнику — могучему Арану, затем — Эйсену Стейну, затем — могучей Олте...

Один за другим все заговорщики — даже Мирол, находившийся сейчас на инспекции северной границы — получили кусочек пространства в волшебном шаре, отчего тот стал напоминать глаз стрекозы. Лично Ритон и не представлял, что тириомаль можно использовать подобным образом, впрочем, причиной незнания было катастрофически малое количество этих бесценных артефактов.

«Интересно было бы выяснить, сколько именно тириомалей во владении наших звездорожденных друзей», — подумал венценосец. — «Ведь факт передачи в безвозмездное пользование почти десятка сих бесценных сокровищ со столь поразительной легкостью и пугающим равнодушием должен свидетельствовать о том, что зрящая не считает их чем-то особенным».

Кажется, прочие участники собрания испытывали схожие ощущения. На лицах многих из них прямо-таки читалось удивление вперемешку с недоверием. Невозмутимым оставался разве что лич, но по этому ходячему костяку понять что-либо было решительно невозможно.

— Приветствую всех собравшихся, — взяла слово Найлиэна Партилаэт.

Голос эльфийской девы звучал — как и всегда — спокойно и доброжелательно, но что-то в нем насторожило Ритона. Какие-то странные, едва заметные нотки, которых — в этом венценосец был совершенно уверен — никогда не позволил бы себе ее отец.

«Страх? Неуверенность? Непонятно. Нужно больше информации».

Они все поздоровались — даже Гартан на сей раз вел себя куда учтивей, чем в прошлый раз, и это настораживало даже больше.

— Полагаю, уважаемые, — произнес венценосец, решивший взять нить разговора в свои руки, — что нам нет нужды тратить много времени на разговоры, ведь время в настоящий момент ценится на вес золота. Прежде чем мы начнем обсуждение, я хочу получить четкий и исчерпывающий ответ на один вопрос: готовы ли вы?

Он не стал уточнять, к чему именно — все и так было понятно — он просто ждал ответ.

И все — один за другим — начали говорить лишь одно слово: «Да». Когда последний —

Гартиан — подтвердил тот факт, что пути назад не будет, венценосец сдержал облегченный вздох. До самого последнего момента он не был уверен в том, что никто не пойдет на попятную.

— Уважаемый Эйсен, — обратился он к дварфу, — можно ли считать, что конфликт между подгорным народом и прегиштами идет к своему логическому завершению?

Дварф буркнул нечто неопределенное, но затем, поняв, что от него не отстанут, проговорил:

— Поживем — увидим, о мире пока говорить рано, но батюшка... нашел общий язык с венценосцем. Ближе к осени они планируют встретиться где-нибудь, где можно будет обсудить наши... взаимоотношения.

— Подтверждаю слова его высочества, — тут же подала голос Пирри Элатириан.

Дочка прегиштанского венценосца попросту не могла позволить себе не прокомментировать реплику коротышки. Более того, она еще и решила добавить пару уточнений от себя:

— Полагаю, на этой встрече будет решен вопрос контрибуций.

— О да, — тотчас же перебил ее дварф, — еще как будет решен.

— Я понял вас, уважаемые, — Ритон поспешил прервать готовый вспыхнуть спор, — главное, что ваши глубокоуважаемые родители смогут помочь нашему важному делу. Остальное — потом.

На первый взгляд казалось, что разоренные войной прегиштанцы и дварфы совершенно бесполезны, но это было глубокой ошибкой. Подгорные жители могли предоставить отличнейшие доспехи и высококачественное оружие. Прегиштанцы — золото, зерно, лошадей, и многое другое. И, самое главное, в случае чего можно попытаться свалить всю вину на них — Ритон уже принял некоторые меры для этого.

— Прежде чем мы начнем обсуждать детали, — продолжил он, — я хотел бы задать вопрос могучему Гартиану.

Алые огни в пустых глазницах верховного мага Империи Тьмы блеснули.

— *Что, хочешь узнать про то, что произошло в Наиргионе, венценосец?*

Нет, пожалуй, мысли Ритона о том, что лич стал вежливее, оказались преждевременными. Умертвие продолжало хамить и тыкать венценосцу, как и прежде. Зато — интересный факт — его мысленная речь проецировалась посредством тириомалья прямо в голову собеседника.

— Было бы неплохо, — кивнул венценосец.

— Про это, пожалуй, смогу поведать я, — неожиданно взяла слово эльфийка. — Можно сказать, что практически на правах свидетеля. Один из моих соглядатаев как раз оказался в Наиргионе в момент нападения.

— Какое удачное совпадение, — желчно заметил могучий Аран и на сей раз венценосец был полностью согласен с главой Академии.

Действительно: на императора совершается покушение, а длинные и острые уши тут как тут. Ничего подозрительного, просто так совпало.

В этот момент Ритон был даже рад, что они общаются через тириомаль, потому как из-за малого размера шара было очень непросто разобрать выражение лиц, а на его лице сейчас отражались весьма конкретные эмоции.

Впрочем, он не собирался говорить ничего лишнего. Так или иначе, но остроухая ведьма должна сообщить крайне важные сведения, а потому не стоит ей мешать.

— Все в порядке, могучий, — проговорил он, — в нашей жизни полно места для удачных и в высшей степени своевременных совпадений. Главное, что человек... эльф нашей глубокоуважаемой зрящей сумел запечатлеть момент покушения и в деталях раскрыл подробности своей госпоже. Я ведь прав?

На словах «в деталях» он сделал особое ударение. Остроухая должна была понять, что недомолвок собравшиеся не потерпят. Да, эльфы могут сколько угодно вести свою игру, но уж в том, что касается дела уничтожения Черного Властелина, им придется быть честными.

«Если, конечно же, сии долгоживущие мерзавцы в принципе знают о том, что существует столь важное понятие, как честность».

— Именно так, — заверила венценосца эльфийка, — я расскажу вашему величеству все, что знаю.

Произнесено это было столь честным и порядочным голосом, что у Ритона едва зубы не свело от раздражения.

— Мы с нетерпением ждем твоих откровений, о звездорожденная, — произнес он.

Эльфийка на миг затихла, по-видимому, собираясь с мыслями — или делая вид, что ей нужно это, — после чего заговорила.

— Покушение было организовано на удивление профессионально. Насколько мне удалось понять, готовиться к нему начали за пару месяцев до прибытия императора.

— Кто заказчик? — весьма невежливо перебил эльфийку настоятель Корн.

— Увы, это мне неизвестно, — без запинки ответила Найлиэна, — но могу с уверенностью сказать, что непосредственных исполнителей подбирали среди благородных Саргилии и их воинов.

— Что, пороссятам не понравилось быть имперской провинцией? — хмыкнула могучая Олта. — Интересно, почему бы это?

Эльфийка проигнорировала ее вопрос и продолжила, как ни в чем не бывало:

— Так вот, переходя непосредственно к покушению. В императора стрелял опытейший арбалетчик, настоящий мастер своего дела. Один болт вошел Черному Властелину в сердце, другой — в живот, третий — в глаз.

Повисло тяжелое молчание. Каждая из подобных ран была смертельной даже для человека, не отмеченного Отцом.

— Ты уверена, звездорожденная? — после небольшой паузы спросил Мирол, выразив общее мнение.

— Совершенно! — с нажимом ответила эльфийка. — Император должен был пасть уже после первого попадания — он не использовал никакой магической защиты и не носил брони. Но Черный Властелин не просто выжил, он в один прыжок забрался на крышу, затем — просто вырвал болты из тела и ими прикончил своего противника. Все это сопровождалось кошмарным выбросом силы, который прикончил едва ли не сотню человек из числа тех, кто оказался неподалеку, а остальным изрядно попортил здоровье. После этого прямо на глазах моего наблюдателя император залечил свои раны и спрыгнул вниз, явно намереваясь перебить вообще всех поблизости, а затем... Что-то изменилось. Он вновь стал собой, понимаете?

— Некромантия не дарует исцеление, — с ноткой страха в голосе произнесла могучая Олта.

— *И не позволяет пережить выстрел в голову, — раздраженно произнес лич. — Но императору, кажется, нет дела до таких условностей. Надеюсь, никто больше не*

сомневается в том, что он одержим?

— Верховный, думаешь, некая сущность перехватила контроль над телом в момент, когда стрела поразила сердце? — задал вопрос могучий Аран и в голосе его читался явный профессиональный интерес.

— *Скорее всего. То, что пробралось в него, не желает гибели собственного будущего сосуда, а потому — обычные способы убийства не сработают.*

Намек был достаточно прозрачен, и венценосец решил подыграть личу.

— Стало быть, остаются необычные. И, позволю себе задать вопрос, какие?

— Яд, — ответила эльфийка вместо верховного некроманта, — и магия.

— Как будто император будет стоять и ждать, пока мы напоим его отравой, — фыркнул настоятель Корн.

— Ждать он не будет, — кивнула Найлиэна Партилаэт, — однако у нас есть... некоторые интересные возможности, не правда ли, уважаемый Тарришшаат Умный?

Посол Бича Пустыни встрепенулся и кивнул.

— Да-а, о звез-здорож-жденная, — прошипел он, — то, что ты предлагаешь — воз-возмо-жно.

«Ну конечно, эльфы, плетушие интриги за спинами союзников, что может быть естественнее»? — подумал Ритон.

— О чем идет речь, звездорожденная? — подал голос дварф.

— На востоке знают толк в разных веществах, — загадочным голосом произнесла эльфийка, — зелье, что пылает даже в воде и взрывается, разнося на куски целые крепости; эликсиры, позволяющие скрывать собственное присутствие; яды, по мощи превосходящие наш Крепкий сон и имперскую Концентрированную смерть...

На этой многозначительной паузе она умолкла, давая собеседникам и собеседницам уловить смысл сказанного, и, как показалось Ритону, пристально посмотрела на него, явно намекая на источник отравы, прикончившей дядю венценосца. Несколько мгновений стояла напряженная тишина, а затем все загомонили одновременно.

Громче всех говорил, конечно же, дварф:

— Вы хотите сказать, что мы можем получить змеиный огонь?

— Нет! — резко ответил ему посол. — Лиос-ское пламя не будет продано никому из-з варваров, не з-знающ-щих с-слов ис-стины! Это не обс-суждае-ся...

Столь резкий и недипломатичный ответ заставил дварфа умолкнуть и сурово воззриться на ящера, зато это позволило Пирри Элатириан вставить свое слово:

— Если не пламя, то — яды?

— Да, — кивнул посол. — Отрава, одной капли которой дос-статочно, чтобы убить любого, даже с-самого сильного чародея.

— Интересно, а почему Империя не использовала такую хорошую отраву во время прошлой войны? — поинтересовалась могучая Олта.

— *Не было нужды, у нас имелись не менее действенные вещества,* — ответил ей лич, демонстрируя прекрасную осведомленность о предмете разговора, — *полагаю, речь идет о Поцелуе пустыни?*

— Да-а, — согласился ящер.

Мертвый маг некоторое время размышлял, затем довольно хмыкнул.

— *Может сработать. Насколько я помню, эта отрава разрабатывалась специально для борьбы с Певцами песка, а значит, должна успешно справляться практически с любыми*

колдовскими защитами. Более того, если ничего не путаю, пару сотен лет назад именно с ее помощью был убит тогдашний глава Ордена настоятель Милт — не просто чудовищно могучий маг света, но еще и человек, отмеченный Отцом. Так что, если это не сработает, нам останется только одно...

— И что же? — уточнил Ритон.

— *Прямой удар и навязывание императору магической дуэли с лучшими волшебниками, которых вы сможете предоставить.*

От этих слов повеяло могильным холодом, а некромант, точно и не замечая, продолжал:

— *Вся проблема в том, что и в первом, и во втором случаях ничего не выйдет, если мы не ослабим оборону Черной Цитадели. Гвардия и первый Железный легион чересчур многочисленны и сильны.*

— Не волнуйся, верховный, — медовым голосом проворковала эльфийка, — наши союзники с востока помогут и с этой бедой, нужно лишь немного подождать. Ну а пока мы можем подыскать исполнителей и обсудить план на случай провала второго покушения.

Двадцать второй день второго месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, рассвет.

Гайшшар молился. Он восхвалял Великих Древних каждое утро с того самого дня, как отец научил его заветным словам, которые поведать мальчику может лишь мужчина. Словам правды, словам веры, словам, оставленным Первыми!

А что может быть важнее восхваления тех, кто принес жизнь в этот мир? Верно, ничего.

Лиоссец в очередной раз склонился в поклоне, ощущая, как одеревеневшие от ночного холода мышцы начинают медленно приходить в себя, а кровь — течь по жилам все быстрее и быстрее.

Сегодня его молитва была куда искреннее и яростнее, чем обычно, хотя, казалось бы, подобное просто невозможно — даже среди верных немного встречалось столь же истовых верующих, как он. И — нет — вера Гайшшара не была напускной, она не рядилась в лицемерные одежды показного благочестия, призванного скрыть убожество и внутреннее уродство. Ящер действительно верил словам, которые отец поведал ему в детстве, и которые сам он передал сыновьям.

Скосив глаз, лиоссец заметил трех молодых воинов, склонившихся за его спиной в молитве, и сердце воина вспыхнуло от гордости! Сыновья — вот истинное благословение мужчины, если, конечно, он воспитал их правильно, если они понимают, что такое добро, а что — зло, если умеют отвечать за свои поступки и, самое главное, если знают сокровенные слова и восхваляют Великих Древних, как те того заслуживают.

Слова молитвы сами собой слетали с губ. Такие простые и такие мудрые. Каждый раз он находил в них что-то новое. В тяжкие дни — утешение, в дни, наполненные болью и кровью — покой, а вот сегодня — предостережение. Ибо гордыня есть страшный грех, сгубивший не одного и не двух достойных вне зависимости от того, были ли они лиоссцами, эльфами, дварфами или людьми.

При мыслях о неверных, Гайшшар подавил раздражение и, начав скороговоркой произносить новую молитву, мысленно вернулся к сообщению от Тарришшаата Умного. Посол пока что блестяще выполнял возложенные на него обязанности и принес хорошие вести. Помощь бывшей Лиги будет очень кстати сейчас, когда судьба всего халифата подобна качающимся весам. Кто знает, быть может, гирька, брошенная новыми союзниками, окажется именно тем мериллом, что перетянет чашу его судьбы на нужную сторону. Впрочем, даже без этого Гайшшара подготовил все необходимое, ведь кем бы он был, если бы ставил

свои планы в зависимость от прихоти варваров, не знающих ни одного слова истины?

О нет! Последние месяцы были наполнены лихорадочной деятельностью, которая по большей части увенчалась успехом, даровав неожиданных союзников, большой приток новобранцев и, самое главное, изрядное количество золота. Общение с остроухой и ее ручным венценосцем Ритоном Ириулэном стало приятным дополнением, не больше, но — нужно быть честным с самим собой — и не меньше.

К тому же, сотрудничество сулило выгоды не только верным, но также и обитателям западных земель, ведь он обязался предоставить заговорщикам некоторую помощь, которую тем не получится достать иным способом. Сейчас они, как говорится, пили воду в одном оазисе. Если эльфийка добьется своего, это заметно облегчит жизнь Гайшшара и тех, кто поверил ему. А последних оказалось на удивление много и в том лиоссец видел лишь замысел Великих Древних, их благословение на самое праведное дело из всех возможных — объединение истерзанных земель в единый Халифат.

Однако Бич Пустыни не был наивен. Он прекрасно понимал, что возродившейся из праха Империи Тьмы совершенно не нужен на восточной границе сильный и амбициозный противник, а потому, как только успехи Гайшшара станут еще серьезнее, некроманты обязательно поддержат это ничтожество — халифа Шшиира, точно в насмешку прозванного Могучим. И потому, следует искать друзей среди врагов, как говаривал Великий Древний Амаррашша — отец мудрости и хранитель знаний.

Этим Бич Пустыни занялся почти два года назад, и вот друзья нашлись!

Все складывалось невероятно удачно, и было бы попросту глупо не воспользоваться возможностями, которые Великие Древние предоставили своему верному и смиренному почитателю.

«Вот только — не возгордись, червь», — тут же одернул он себя. — «Не смей гордиться своими жалкими успехами, покуда дело не доделано»!

Да, верно рек Великий Древний Ришшиаш — надзиратель над воинами: «Ибо гордыня подобна яду, что проникает в сердце и разъедает его. Сколь бы силен и могуч ни был воин, сколь бы ни были тверды его руки и верен глаз, стоит возгордиться один раз, и найдет он свою погибель».

Как и всегда, заветные слова даровали покой и избавили от сомнений, позволив Гайшшару успокоить мятущийся разум. Как и всегда, они — простые и мудрые — указали правильный путь, коим и должен следовать мужчина.

Гайшшар поднялся и, обернувшись, окинул взглядом коленопреклоненных воинов. Сотни, тысячи, десятки тысяч! Фигуры, закованные в доспехи, устлали буквально все склоны, насколько хватало глаз. О Великие Древние, сколько же их здесь! Сколько жизней, доверенных ему, какая ответственность. И он не подведет. Не подведет!

Гайшшар выхватил клинок, доставшийся ему от отца, и рев воина пустыни разнесся над округой.

— За веру и честь!

— За веру и честь! — вторили ему десятки тысяч глоток.

— За наших детей!

— За наших детей!!!

— За Великих Древних!

— За Великих Древних!!!

И все проблемы, все заботы и дела остались где-то позади. И Империя Тьмы с ее

ужасным Черным Властелином; и ненадежные варвары-союзники; и долговые расписки, которые рано или поздно придется оплачивать. Все это — не имело значения здесь и сейчас.

В этот миг мир сузился до коня, которого ему подвел расторопный слуга, до знакомой тугой тяжести тетивы с наложенной на нее стрелой, до стремительно приближавшегося вражеского лагеря — еще сонного, неготового к отражению атаки.

Губы Гайшшара едва не скривились в презрительной усмешке — подумать только, враг и не думал озаботиться надлежащей защитой, — но тут же одернул себя. Очень даже может быть, он скачет напрямиком в ловушку.

Что ж, в этом случае очень скоро он предстанет пред ликом предков, но будет глядеть им в глаза гордо, как и полагается вождю!

И — нет — они не ждали. Ловушки не было.

Когда передовые сотни, возглавляемые Гайшшаром, перевалили бархан и устремились к одному из входов в лагерь, стражники — сонные и медлительные в эти предутренние часы — уже били тревогу, но поздно, слишком поздно.

Ни стен, ни ворот, ни даже захудалого рва.

Люди Гайшшара ворвались в лагерь подобно острому ножу, разрезающему масло.

«Глупцы! Они думали, что мы не осмелимся совершить два ночных перехода подряд», — несмотря на все свои старания, Гайшшар все-таки дал волю высокомерию и гордыне, не забывая при этом пускать стрелу за стрелой в разбегающихся во все стороны врагов. — «Тупые, ожиревшие, неспособные услышать слов истины! Вы все поплатитесь за свои грехи. Здесь и сейчас»!

Конь перемахнул через небольшой костерок, и Гайшшар, держась одними лишь ногами, полуобернулся и пустил стрелу точно в лицо выбежавшему из палатки лиосцу с ятаганом наголо. Боец халифа нелепо взмахнул руками и упал, а пальцы сами-собой потянулись во второй колчан, до отказа набитый стрелами с широкими зазубренными наконечниками, предназначенными для бездоспешных противников.

Вновь тренькнула стрела и еще один отступник рухнул, обливаясь кровью.

— Йалла! — взревел Гайшшар, переполненный радостью.

Кровь бурлила, сердце бешено колотилось, и лишь одна мысль билась внутри черепной коробки подобно птичке, запертой в тесной клетке: «Найти Шшиира, этот жирный червь не должен уцелеть»!

Ему заступил путь какой-то тяжеловооруженный латник с алебардой, он замахнулся на коня, но не успел нанести удар — дротик вонзился ему в лицо, и враг пал.

— Спасибо Амбраашш, — Гайшшар улыбнулся своему старшему сыну.

— Это мой долг, отец, — серьезно ответил юноша, поравнявшись с родителем и господином и прикрывая его слева. — Тебе следовало остаться в тылу и позволить нам рисковать своими головами.

— Каким бы я тогда был отцом?

— Каким же ты сейчас являешься правителем? — саркастически заметил Миришшасс.

Средний сын больше походил на мать, чем на отца, причем не только характером и острым языком, но и любовью к ученым книгам. Полезное увлечение, если так разобраться, но разговаривать с ним из-за этого временами было тяжело.

— Справедливо, — вздохнул Гайшшар. — Но начатое я обязан закончить лично.

Сказав это, он одну за другой выпустил четыре стрелы, причем, когда первая поразила плечо лучника, остальные три продолжали еще лететь к своим целям.

— Тогда хотя бы жди своих воинов! — из-за спины донесся голос Лайшшата.

Младший сын, не просто любил отца, он боготворил его, из-за чего постоянно беспокоился, точно Гайшшар — согбенный старец, а не первый лук и меч своего народа!

Правитель верных ухмыльнулся.

— Вам, дети мои, нужен был правильный стимул.

— О да, твоя смерть, определенно, стала бы отличным стимулом, — фыркнул Миришшасс.

— Не преувеличивай. Сегодня мне, скорее всего, не суждено отправиться к предкам. Мы уже победили.

И тут он не кривил душой — лагерь полыхал и пребывал даже не в хаосе. Лично у Гайшшара не хватало словарного запаса для того, чтобы описать происходящее.

«Разгром? Нет, слишком просто. Избиение? Чересчур напыщенно. Крах? Хм-м, неплохое слово, да. Подойдет».

Лагерь врага находился не на пороге краха, нет, он его уже преступил, и теперь вопрос заключался не в том, когда верные победят, а в том, какой ценой достанется им эта победа.

Именно поэтому Гайшшар так торопился вперед, к центру, туда, где был установлен шатер ненавистного Шшиира, туда, где уже формировалось нечто наподобие баррикад и туда, куда стекались разрозненные пока что отряды врагов.

Их следовало остановить, заставить сдаться или перебить до того, как подле Шшиира окажется достаточно воинов для прорыва. Конечно, шанс спастись у врагов призрачен, но он все же нельзя его отменить, а Гайшшар на собственном опыте знал, что чудеса иногда случаются.

Потому он пришпорил коня и, опустошая оба колчана — все больше стрел теперь приходилось брать из первого, предназначенного для защищенных броней целей — устремился вперед.

Стрелы закончились практически перед самым центром вражеского лагеря, где уже успело скопиться изрядно вражеских латников в полном вооружении.

Тихо выругавшись, Гайшшар запустил лук в саадак и выхватил саблю.

— Отец, не смей! — взвизгнул Лайшшат, но Гайшшар и не подумал остановиться.

— Йалла! — взревел он и все воины, успевшие вместе со своим господином прорваться досюда, подхватили его клич и устремились вперед — на баррикады, на копыта, на врагов.

Гайшшар заставил измученного коня перейти на галоп и, когда животное, чьи глаза были предусмотрительно прикрыты шорами, практически столкнулось с остриями копий и алебард, высвободил ноги из стремян и, точно в молодости, отправился в полет через жиденький строй вражеских воинов.

Приземлившись и перекувырнувшись, чтобы погасить силу падения, он наотмашь рубанул ближайшего врага по шее, затем — пнул под коленку еще одного и прошелся саблей по удивленному лицу третьего. Четвертому он вогнал в бедренную артерию кинжал, а пятому, не успевшему полностью облачиться в доспехи, начисто снес голову, могучим ударом перерубив шею.

Миг, всего один жалкий миг, который в обычной жизни не стоит и ломаного гроша, а во вражеских рядах уже образовалась прореха, которой тотчас же воспользовались сыновья, влетевшие внутрь и принявшиеся колоть, рубить и резать, за ними последовали другие, еще и еще, еще и еще!

Еще миг, и вот строй распался, а вокруг закружился привычный хаос битвы.

Гайшшар, взыв от восторга, устремился вперед.

Как же он любил это! О Великие Древние, как любил!

Этот сладостный миг, который определяет победителя и проигравшего. Эти секунды, когда жизнь ощущается так ярко, так полно, когда кровь кипит у везучих, а у невезучих орошает песок.

Он понимал, что неправильно так воспевать войну, но ничего не мог с собой поделаться. Гайшшар родился воином, вырос воином. Воином он и умрет!

Сразу два вооруженных мечами и щитами врага набросились на него, и предводитель верных рассмеялся от радости, бросаясь в сладкую и упоительную битву.

Он уклонился от выпада одного из них, парировал меч второго небрежным взмахом своего клинка, пнул первого противника под колено и всадил ему в глаз кинжал, парировал еще одну атаку второго и, не останавливаясь чиркнул того по неправильно выставленной ноге, задев едва заметный незащищенный участок на внутренней стороне бедра.

Противник заорал, из перерубленной артерии хлестала кровь, но Гайшшару не было до этого ни малейшего дела! Он оттолкнул врага мощным пинком, поднырнул под трясущимися руками копейщика и вогнал короткий засапожный нож тому в подбородок, затем выхватил из ослабевших рук падающее оружие и запустил его в лучинка, который метил куда-то за спину.

Вокруг него, как и всегда, послышались вопли паники: «Он слишком быстр», «демон во плоти», «чудовище», и так далее и тому подобное.

«Это не я быстр, это вы медленны, точно сонные мухи». — Парирование, подсечка, короткий укол подмышку идиота, не надевшего кольчугу под пластинчатый доспех. — «Сонные, разожравшиеся, забывшие слова истины мухи». — Принять удар на щит, ткнуть саблей в ответ, второму — по зубам, перехватить руку с топором, этим же топором — ему по шлему. — «Ну да ничего, я заставлю вас вспомнить, что такое — быть лиосцем»!

Топор — в спину убежавшего, ибо показать спину на поле боя — преступление перед живыми и мертвыми, еще одному — подсечь ноги, затем — отскочить в сторону, пнуть его приятеля в пах.

«Да, сражайтесь, бейтесь во славу своего господина, дайте мне достойную схватку»! — Уклониться еще от одной атаки. — «Ха, слишком сильно вытянул руку вперед — видимо, она тебе не нужна». — Свист сабли, разрубающей воздух, плоть, сухожилия и кость, сладостный вопль покалеченного врага.

Шаг вперед — и острое сабли вонзается в лицо первого противника.

«Вперед, вперед, вперед»!

Гайшшар ликовал, и очень хотел, чтобы окружающие также разделяли его радость, пусть даже и в последний раз в своей жизни. Он хохотал и пел, с ног до головы залитый кровью, он рубил и колол, отражал атаки, уклонялся, бил и пинал, кусал и рвал зубами. И он был счастлив.

О Великие Древние, как же он был счастлив в этот миг!

А затем все неожиданно кончилось. Гайшшар, сжимая окровавленную саблю, перешагнул через очередного противника и вдруг понял, что врагов больше нет. Перед ним находился роскошный шатер, возле которого по какой-то странной причине не осталось ни одного телохранителя.

«И как это понимать»? — в его утомленном мозгу промелькнула короткая, но недобрая мысль. — «Куда все делись»?

Он оглянулся на просеку из трупов, оставленную позади. На многочисленных бойцов в одеждах его цветов, схлестнувшихся с последними защитниками своего противника. На хаос битвы, в которой потерялось какое-либо подобие строя, управления и здравого смысла вообще, и только теперь понял — у врага не осталось телохранителей, потому что он уже всех их убил.

Ослабившись, Гайшшар поднял с тела одного из ближайших мертвецов кинжал, который при случае можно будет метнуть — мало ли что — и, откинув полог шатра острием сабли, вошел внутрь. Туда, где в темноте съежилась тучная, ненавистная до кончиков пальцев, и до боли знакомая фигура.

Он вошел творить историю.

Первый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро.

Шахрион одновременно старался не заснуть, не испепелить кого-нибудь особенно болтливого, и не начать творить безумства. Последние десять минут, например, ему очень хотелось танцевать на столе.

Этот день выдался на удивление тяжелым и паскудным — императора обуревали самые разнообразные чувства, в голове туманилось и постоянно лезли непрошенные мысли. Очень хотелось кого-нибудь убить и запытать, причем именно в такой последовательности.

Короче говоря, сегодня Тень разошлась не на шутку и Шахрион искренне боялся, как бы не повторилась Наиргонская трагедия. Конечно, в Найрате — последней точке путешествия на запад, которую он достиг только прошлым утром — были приняты прямо-таки беспрецедентные меры безопасности, но император понимал — одного маленького эксцесса хватит, чтобы все на мили вокруг окрасилось алым.

«Алые стены»... — невпопад подумал он, пропуская мимо ушей очередную здравницу в его честь, — «это очень красиво. И назидательно. Да, очень красиво и назидательно! Просто отлично»!

А бубнеж продолжался и продолжался, продолжался и продолжался, продолжался и...

Сознание начало медленно ускользать, и император с ужасом понял: еще пара секунд, и он потеряет контроль над телом. И хорошо, если просто замрет, уставившись стеклянным взором куда-то вдаль. А если нет? Что будет, если он захочет убить и сожрать всех присутствующих в зале?

Черный Властелин начал бороться, но вдруг осознал, что безнадежно проигрывает. Шахрион не мог сказать, чем же именно этот день так отличался от предыдущих, но Тень сегодня была поразительно активна. Да, она не приставала с болтовней, но этого теперь ей и не требовалось. Проклятая тварь с каждым разом все сильнее и сильнее пробовала на вкус его волю и, кажется, решила выйти на свет в самый неподходящий момент.

Неожиданно двери распахнулись и Шахрион, увидев вошедшего, а точнее — вошедшую, испытал самое настоящее облегчение. В зал вступила Тартионна, одетая в дорожное платье.

С какой целью жена взяла грифона — а иного способа быстро попасть на западную границу Империи не существовало — Шахрион не представлял, потому как буквально вчера общался с супругой посредством тириомалю, и та не сообщала о желании навестить мужа. А потому, ее появление могло означать лишь одно: произошло нечто из ряда вон выходящее, более важное даже, чем недавнее покушение.

Впрочем, Тартионна, что бы ни привело ее сюда, спасла окружающих от серьезных неприятностей. По какой-то неясной причине одного взгляда на супругу хватило Шахриону, чтобы вырвать бразды правления из бестелесных лап Тени и, задвинув на задворки сознания всю накопившуюся усталость, вскочить с почетного кресла во главе стола.

— Госпожа моя, — склонил он голову, как того требовали традиции.

— Владыка мой, — в тон ему отозвалась Тартионна, поклонившись.

— Что привело тебя на границу Империи?

— Нужда, — коротко бросила она и, обведя взглядом всех присутствующих, сказала, — я прошу простить меня, но владыка срочно нужен в Черной Цитадели.

Естественно, возражающих не нашлось. Лично Шахриону казалось, что обитатели города и сами горели желанием сбегать императора подобру-поздорову, причем, как можно быстрее. Складывалось ощущение, что в последнее время он начал одним своим видом внушать людям страх.

Впрочем, нашелся смельчак, задавший терзавший любопытство всех собравшихся вопрос:

— Госпожа, в чем причина подобной спешки?

Шахрион думал, что Тартионна не ответит, но так, как ни странно, и не думала ничего скрывать. Первая помощница вперила в говорившего свои пронзительные голубые глаза и, четко разделяя слова, ответила:

— Беда на востоке.

Второй день третьего месяца весны 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), ночь.

Малый Совет собрался через каких-то полчаса после возвращения Шахриона и Тартионны.

Император даже не успел переодеться и обнять сына — государственные дела не терпели отлагательств.

Зря-зря, — тихонько хихикала Тень, появившаяся сразу после того, как Черный Властелин покинул Найрат, и изводившая его всю дорогу до столицы. — Свои последние деньки следует проводить с семьей. Хотя... учитывая, с какой скоростью ты сходишь с ума, возможно, мальчику действительно будет лучше находиться на расстоянии от тебя, о великий император.

Шахриона привычно потрянуло от едва сдерживаемой ярости и привычно же он подавил свои чувства, но, видит Мать, контролировать эту клокочущую стихию с каждым разом становилось все труднее и труднее. Недалек тот день, когда он сорвется, и тогда окружающим придется действительно плохо.

— Докладывай, — резко бросил Черный Властелин, когда все члены Малого Совета, находившиеся сейчас в Черной Цитадели — Тартионна, Гартриан и Иритион — заняли свои места. Китарион все также возился с провинцией, Раст инспектировал очередную крепость, Тириксис — глава темных dwarфов, обласканный императором несмотря на свои связи с эльфами — в принципе не любил подобные сборища, и император прощал ему нелюдимость, уж очень ценным приобретением оказался мастер.

Жена вкратце изложила суть проблемы еще в пути, но, как известно, самое важное кроется в деталях, и теперь Шахрион желал знать их все.

— Насколько нам удалось выяснить, — начала Тартионна, — около двух недель назад севернее оазиса Наршшисс, что в восточной части Лиосского халифата, состоялось генеральное сражение. Гайшшар, Бич Пустыни, сошелся в бою с твоим старым другом, — жена приподняла уголки губ в саркастической усмешке и Шахрион вернул ее, — Харшшааном Могучим, и наголову разбил его армию.

— Это ты говорила.

— Да, но не рассказывала, как подобное стало возможным.

— Внимательно слушаю.

— Как ты знаешь, лиосцы не слишком любят ночной холод. Будучи хладнокровными, при свете луны они становятся вялыми, замедленными и не представляют особой угрозы.

— Это общеизвестно, — согласился Шахрион.

— А ты в курсе, что подобную проблему можно побороть, по крайней мере, отчасти?

— Теперь — да. Как именно?

Тартионна торжественно — будто идея принадлежала ей самой — усмехнулась и ответила:

— С помощью зимней одежды. Дай лиосцу шерстяной плащ, отороченный мехом камзол, сапоги из волчьей шкуры, толстые штаны и медвежьё шапку, и холод потеряет свою власть. Не до конца, конечно же, но достаточно для того, чтобы воины, ведомые уважаемым и беспощадным командиром, смогли маршировать ночь напролет. Или две ночи.

— А-а-а, — протянул Шахрион. — Дай угадаю: мой дорогой, ныне покойный, друг Харшшаан не предвидел ничего подобного, его старые разведчики доносили, что враги — в нескольких переходах от лагеря, а новые слегка задерживались, по каким-то вполне объективным причинам, такое ведь бывает... Так вот, будучи уверенным в безопасности, он расслабился и не подготовил лагерь в соответствии с правилами военной науки, а потому, когда враги атаковали... скажем, на самом рассвете, облачившись в плащи, его вялое ото сна воинство не смогло оказать достойного сопротивления и было разгромлено. Я ничего не пугаю?

— Все именно так, как ты и сказал, муж мой, — последние слова Тартионна выделила, но Шахрион не понял, с чем именно это связано, — и это — далеко не самая большая проблема.

— Айшшир в осаде?

— Да.

— Что с наследником и его сестрой?

— Укрылись в городе. Пытаются организовать оборону.

— И как? — приподнял бровь император.

— С переменным успехом, — честно призналась Тартионна. — Впрочем, кое-что получается благодаря нашим... специалистам.

— Полагаю, у ящеров Бича Пустыни ощущается острая нехватка магов света, — усмехнулся император.

— О да, — Тартионна вернула мужу улыбку, как тот несколькими минутами ранее. — Но ты не хуже меня понимаешь, что пара магов и несколько сотен бойцов не решат проблему. Тем более, когда приходится противостоять Певцам песка.

— Ну, с ними наши некроманты, полагаю, не дерутся, иначе их бы уже вернули домой по кусочкам. К тому же, имперских магов отправляли туда с несколько иными целями, — согласился Шахрион со вздохом.

«Проклятье, как же не вовремя, как несвоевременно»!

А может, тогда стоит отправиться туда и УБИТЬ ВСЕХ ВООБЩЕ! — заорала ему на ухо Тень, злобно расхохотавшись и принявшись кружиться вокруг императора.

Шахрион до хруста сжал пальцы, стараясь не демонстрировать своего бешенства.

«О Мать, как же мне хочется кого-нибудь прикончить»! — подумал он, прикидывая, не получится ли размазать по стенке какого-нибудь преступника, осужденного к смертной казни.

Чужой крови хотелось просто невыносимо, и он тихо застонал, спрятав лицо в ладонях и надеясь, что эти его действия примут за обыкновенную усталость.

— Мой владыка, — подал голос Иритион, — я понимаю твои чувства, но нам нужно решение.

«Сбросить тебя с крепостной стены, вот отличное решение!» — яростно подумал император, поднимая голову и вперяя свой пылающий яростью взгляд в верного полководца.

Неожиданно он поймал на себе заинтересованный взгляд и, резко повернувшись, заглянул точнехонько в пылающие глазницы Гартяна. Верховный некромант смотрел на своего Властелина, точно на собаку, которая заразилась неизвестной болезнью и теперь бегаёт за добропорядочными горожанами, кусая то одного, то другого.

Лич как будто говорил: «я знаю, что с тобой не все в порядке, знаю».

«Ну молодец, знаешь, и радуйся тихонько!» — злобно подумал Шахрион, у которого чесались уже руки проверить, кто же сейчас сильнее в магическом плане: он, или древняя и злобная нежить.

Наваждение, как и всегда, схлынуло неожиданно и император едва не закричал от радости. Это можно было сравнить разве что с ощущениями тяжело отравившегося человека, которого только что вырвало, и который испытывает невероятное облегчение... Увы, как и в случае с отравлением, за одним приступом обязательно последует другой.

Но здесь и сейчас Шахрион временно мог рассуждать здраво.

Ты, и здраво, — хихикнула Тень, но он почти без усилий подавил легкую вспышку злости, и, наконец, смог говорить по делу.

— Иритион, ты прав. Решать придется, причем мы все, — Черный Властелин по очереди обвел каждого из своих людей взглядом, — прекрасно знаем, что нужно делать.

— Интересы Империи требуют поражения Бича Пустыни, — без раздумий проговорила Тартионна, и Гартян с Иритионом согласно склонили головы.

— Именно так, — вздохнул император. — А значит, нам придется отправить армию на подмогу верному союзнику, точнее — его наследнику, хочется этого, или нет.

— И кто возглавит армию? — тут же спросил Иритион.

— У меня есть один кандидат на примете, — улыбнулся Шахрион. — Послание достигнет его уже сегодня.

— Как пожелает владыка, — склонил голову генерал, но в его голосе слышались плохо скрываемые нотки зависти.

«Иритион», — с грустью подумал Шахрион. — «Уж от кого я такого не ожидал, так это от тебя. Поразительно, как все-таки меняют людей власть и богатство. Завидовать товарищам по оружию!»

Он помолчал, жуя губу, и вдруг задал вопрос.

— Остается непонятным лишь одно.

— Что именно? — тотчас же подала голос Тартионна, определенно заметившая недовольство своего мужа.

— Сколько тысяч участвовало в сражении под рукой Гайшшара?

— Не менее тридцати. Точнее пока сказать не могу.

— Точнее и не требуется, — Шахрион прищурился и обвел окружающих долгим тяжелым взглядом. — Скажите, а вы представляете, сколько могут стоять тридцать тысяч комплектов зимней одежды, ладно, пускай только плащей и даже не на меху, а из плотной овечьей шерсти?

Повисло тягостное молчание. Судя по всему, не ему одному этот вопрос приходил в голову, но отвечать на него не желал никто.

— И еще, — продолжал Шахрион, — сколько времени такое дикое количество одежды должно было изготавливаться, и сколько шерсти — раз уж вариант мехов мы для простоты

не станем рассматривать — на нее пошло?

Молчание стало еще тягостнее и даже осязаемей. Казалось, еще чуть-чуть, и его можно будет схватить и потянуть. Дураков в этой комнате не держали, каждый из присутствующих понимал, что передача такого гигантского количества одежды — сложное мероприятие, требующее просто кошмарных расходов и наличия немалого числа отличных исполнителей.

Значить подобное могло лишь одно.

— Кто-то очень хочет, чтобы восточная граница Империи запылала, — сообщила очевидное Тартионна.

Шахрион кивнул.

— И это вынуждает нас действовать еще быстрее. — Он взмахнул рукой, отпуская Малый Совет. — Можете идти, Тартионна, к тебе и сыну я подойду немного позже.

Жена возвела очи горе, но кивнула, демонстрируя понимание, и подала пример, первой покинув помещение Малого Совета. Как только дверь за ними закрылось, Шахрион активировал сложное заклинание, защищающее от подслушивания и подглядывания и достал из внутреннего кармана тириомаль.

С некоторых пор у него появилась привычка всегда таскать бесценный древний артефакт с собой, и вызвало ее в первую очередь невообразимо возросшее могущество Черного Властелина. Зачем придумывать что-то, запирается в одиноких башнях, к которым точно не подберется никакой шпион, если можно просто накрыть комнату непроницаемым пологом, а во все стороны выпустить щупальца поисковых заклятий, которые гарантированно обнаружат любого.

«Жаль только, что за подобную силу пришлось заплатить такую непомерную цену», — грустно улыбнулся он, активируя магическое переговорное устройство. — «Ладно, шансы еще есть, мы еще поборемся. А сейчас — пора связаться со счастливым командиром новой Восточной армии и»... — идея пришла императору в голову неожиданно, но она была действительно здоровой, а потому он тотчас же принял решение немного изменить первоначальный план, — «двумя его не менее везучими советниками».

Второй день третьего месяца весны 41-го года со дня окончания последней войны, ночь.

Найлиэна Партилаэт задумчиво смотрела в тускнеющий тириомаль. Только что она окончила долгий и обстоятельный разговор с дочерью — та как раз вернулась в Радению и продолжала работу по подготовке новой акции венценосца Гашиэна. Действовала девушка, конечно же, тайно — ни к чему человеку знать, что им управляют, точно бараном в стаде, — но крайне эффективно.

Все шло по плану, а значит, правитель Радении нанесет очередной удар спустя несколько суток после атаки Ритона Ириулэна. Конечно же, до этого еще осталось время, но вероятность успеха каждой акции превышала пятьдесят процентов, что весьма неплохо в текущих реалиях.

Эльфийка грустно улыбнулась, подавив острое желание вновь отправиться по волнам вероятностного транса. Смысла в этом не было. До получения новых сведений она не сумеет внести в уже выстроенную модель никаких коррективов. А даже если и получится накинуть пару процентов... План отца должен был увенчаться ошеломительным успехом с вероятностью в девяносто восемь целых сорок пять сотых, а толку? Где сейчас отец? Где кровавый хаос на землях людей? Где разрушенная Империя? И где возвышающаяся над руинами Элиренатия?

«Все пошло прахом, причем — буквально», — горько подумала эльфийка. — «И нам остается лишь собирать жирные хлопья, падающие с неба, надеясь выстроить из них крепость».

Увы, но зрящие — что бы там ни думали примитивные людишки — не были способны видеть будущее с точностью до мельчайших деталей. Они плыли вперед по волнам транса, перескакивая с одной вероятности на другую, оценивая, на основе имеющихся сведений, составляя модель развития ситуации, и лишь немного прорицая. Неверная информация или ее недостаток, и вот, успех, гарантированный почти на сто процентов, оборачивается гибелью всего...

Найлиэна тяжело вздохнула и потянулась, оглядываясь вокруг. Это ее убежище было небольшим, но весьма уютным, и располагалось оно неподалеку от замка венценосца. Кроме мягкой и удобной кровати в нем находилось несколько шкафов, забитых всевозможными книгами и свитками, сундук, заполненный золотыми монетами и стол с десятком тириомалей. А еще древняя магия защищала его от любопытных глаз и ушей, что позволяло сохранять ауру загадочности и таинственности, от которой, как ни странно, многое сейчас зависело.

Венценосец не должен знать, куда исчезает и откуда появляется его временная союзница, потому как неведение порождает страх. А Найлиэне было нужно, чтобы Ритон Ириулэн опасался ее, особенно сейчас, когда события начали развиваться быстрее и быстрее. Очень скоро все подготовленные заранее механизмы придут в действие. Да, вероятность уничтожить Черного Властелина недостаточно велика, однако...

«Пока что мы обсудили лишь одну — ближайшую... акцию. Если она провалится, перейдем ко второй», — она позволила себе нехорошую улыбку. — «Вот только о том, что я планирую делать в случае провала всей операции им знать не следует. Так или иначе, но остатки моего народа уцелеют, а люди... Что ж, пускай выкручиваются, как хотят».

Эти ее мысли оказались прерваны сигналом тириомалея — Ритиар выходил на связь.

Когда в шаре показалось лицо сына, Найлиэна позволила себе легкую улыбку.

— Как твое здоровье? — ласково улыбнулась она.

— Благодарю, матушка, все хорошо. Разве что, жарковато.

— Что поделать, в пустынях всегда так... Все ли прошло хорошо?

— Да, — односложно ответил Ритиар.

Он никогда не отличался излишней говорливостью, а уж после гибели родины, вообще замкнулся в себе, взращивая и пестуя ненависть к Империи Тьмы.

— Ты сделал все, что было необходимо?

— Да.

— Раздал тириомали всем, кому требовалось?

— Да.

— Они не подведут нас?

На сей раз перед ответом юноша несколько секунд молчал, обдумывая вопрос, затем, наконец, произнес.

— Нет. Полагаю.

— Что ж, хорошо. Доска для шемтиса подготовлена, осталось только добавить на нее имперские фигуры, — улыбнулась Найлиэна. — И скоро они придут в движение. Ты знаешь, что нужно делать, планы не изменились.

— Выполню все в точности, матушка.

— Вот и прекрасно. Я буду ждать твоего отчета через четыре дня, а пока... Пока нужно удостовериться, что приготовления к завершающей фазе нашей операции идут в соответствии с планами. До встречи сын.

— До встречи, матушка.

Когда тириомаль превратился в обычный фиолетовый шар, зрящая поднялась со своего места и аккуратно убрала сокровище, в очередной раз поразившись дальновидности предков. Если бы те не припрятали в одном из хранилищ почти две сотни этих бесценных игрушек, ее нынешняя затея была бы обречена на провал, потому как все рабочие тириомали сгорели в Черном Пламени вместе с Элиренатией.

Тяжело вздохнув, Найлиэна отогнала прочь тягостные мысли и двинулась прочь из убежища. Нужно проверить, как идут дела в Марейнии. Имперскому генералу пора бы уже получить послание своего владыки.

Третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро.

Китарион, широко улыбаясь, раздавал команды плотникам, споро возводящим новый дом. Пахло стружкой, смолой и утренней свежестью. А, ну и еще, конечно же, хлебом. О этот запах свежего, только что испеченного хлеба! Что может с ним сравниться!

Кольценосец вдохнул полной грудью и, поймав за руку бригадира, уточнил:

— Вон тот дом должен быть трехэтажным, не перепутай.

— Кончено, извечный, — поклонился тот, и побежал к своим людям, наверняка мысленно костеря тупого дворянина, лезущего с idiotскими советами туда, куда не следует.

Но поделаться с собой Китарион не мог ничего — его буквально распирало от радости и счастья. Впрочем, в последние годы это было его обычным состоянием. Молодой кольценосец, получив в полное распоряжение очищенную от поганых предателей Марейнию, развивал этот край, не теряя не то, что дня, а даже единой минуты понапрасну!

А потому едва ли не каждая новая стройка, каждое новое поле, что удалось распахать и засеять, каждый новый табун, инспектировались им лично, и бывшему капитану гвардии было наплевать на мнение окружающих. Созидать ему нравилось куда больше, нежели разрушать, предавать огню и резать, и, откровенно говоря, получалось это у кольценосца куда лучше.

А простор для созидания в Марейнии был огромен. Ярость императора, обрушившаяся на эту землю подобно клинку, острием которого оказался именно он — Китарион — оставила после себя лишь выжженную пустыню. Все города и деревни предали огню. Все ценное — вывезли. Все жители либо погибли, либо оказались переселены в другие провинции стремительно расширявшейся Империи.

В результате, перед Китарионом, точно перед художником, предстал чистый холст, на котором предстояло нарисовать картину будущего благополучия.

Для начала он затребовал людей, материалы и, конечно же, деньги из казны. В первом недостатка не ощущалось — война заставила множество семей сорваться с насиженных мест в поисках лучшей доли. Со вторым дела обстояли плачевнее.

Марейния — страна лугов и степей — была бедна как лесом, так и камнем. Все это приходилось доставлять из центральной части Империи Тьмы — из Леса Смерти и Гор Ужаса, а потому каждую подводу, груженую стройматериалами, приходилось вырывать буквально с боем.

Ну а про деньги и говорить не хотелось... Китарион с содроганием вспоминал тягостные стоны чиновников, которым он приносил подписанные лично Черным Властелином документы, требующие выделить подателю необходимые средства.

Да, если бы он — Китарион — не являлся одним из творцов Реставрации, не видать бы ему столь необходимых ресурсов, как своих ушей. И причиной тому стала отнюдь не людская злоба и жадность, нет, все куда проще. Стремительно разросшаяся во все стороны Империя требовала прямо-таки колоссального количества средств. Именно золото — как в форме монет, так и в виде разнообразных налоговых льгот — стало той нитью, что грубо, плохонько, но стянула в единое полотно десятки разрозненных кусков, забывших, что такое — быть целым.

Конечно, многочисленные мануфактуры, начавшие сбывать свою продукцию по всем городам, городкам, деревням и хуторам возрожденной Империи Тьмы, уже на следующий год после войны стали выплачивать в казну прямо-таки сумасшедшие налоги — это Китарион знал от приятеля, успевшего в свое время вложить изрядную часть фамильных накоплений в промышленность. Конечно, никуда не делись и крестьяне, вырастившие на второй год со дня Реставрации просто огромный урожай, немалая часть которого была продана императорским скупщикам по фиксированным ценам. Конечно, купцы, наполняли сундуки императорской казны. Все так, но...

Но золото утекало из сокровищницы, наверное, едва ли не быстрее, чем поступало в нее.

Так что протекция императора оказалась очень кстати. Но именно из-за нее Китарион надрывался сверх всякой меры. Он просто не мог вообразить, что бесценные ресурсы будут потрачены просто так — безо всякой отдачи, а потому работал, работал и еще раз работал, не жалея ни себя, ни окружающих.

И, спустя четыре года непрерывных тяжелых трудов, он, определенно, мог наслаждаться успехом. По всей Марейнии, точно грибы, росли новые деревни и города. Запущенные пашни вновь расчищались и засеивались, на лугах паслись пока что скромные, но с каждым новым приплодом все более внушительные стада, а на новых местах, зачастую — неподалеку от посыпанных солью пепелищ, селились люди, коим и надлежало превратить этот край в цветущий сад.

А потому, Китарион и не думал сбавлять оборотов!

И вот сегодня судьба занесла его на самый юг Марейнии, а точнее, той ее части, что вошла в состав Империи. Почти четверть провинции, как император и обещал, была передана зеленокожим союзникам — гоблинам, ведомым великим шаманом Инуче.

Коротышки быстро обжились на новом месте, причем, насколько мог судить несколько раз побывавший в их владениях кольценосец, расселялись они с умыслом оттяпать себе в будущем часть земель Прегеиштании, так и не прекратившей своей свары с дварфами.

Лично на взгляд Китариона, эти планы были несколько... амбициозными. С другой же стороны, с остатками Лиги в обозримом будущем придется что-то делать. Иллюзий на сей счет он не питал.

«И тогда я вновь сменю плуг и молоток, перо и чернильницу, на меч и арбалет», — безо всякого энтузиазма подумал Китарион. — «Надеюсь, что этот миг наступит нескоро».

Откровенно говоря, кольценосец по горло наелся войной, но жизнь — жестокая штука, она никогда не спрашивает наших желаний. Лишь тычет носом — точно слепых новорожденных котят — в суровые обстоятельства.

«И хорошо, если просто тычет, а не сажает в мешок и тащит к ближайшему водоему».

Эти невеселые размышления на миг омрачили радостный настрой Китариона, но уже спустя пару секунд он вновь преисполнился оптимистичных чаяний и принялся раздавать очередные ценные указания очередным несчастным работягам. Те кивали, кланялись, соглашались, и — возвращались к труду.

Китарион не обижался на них, прекрасно понимая, что в глазах настоящих мастеров — а эти парни выстроили в имперской Марейнии не один город — смотрится жалким клоуном, но его это не волновало.

«Ничего, пускай думают, что хотят, зато благодаря мне и владыке у них есть работа и кусок хлеба, причем с толстым слоем масла».

Он подошел к самому краю стройки, туда, где штабелем были сложены толстые

сосновые балки, и вгляделся вдаль — на владения гоблинов. Китарион прищурился — ему вдруг показалось, что с той стороны границы поднимается пыль. Он пригляделся.

Нет, не показалось, так и есть!

«Надо же, стоило только подумать о зеленокожих, а они уже тут как тут», — подумал он. — Интересно, это — ко мне?

Мысль несколько безумная. С чего бы это вдруг слугам Инуче искать именно наместника императора в Марейнии? С таким же успехом это могли быть обычные посланники, купцы или путешественники. С другой стороны, кольценосец привык доверять своим чувствам, а те говорили: за тобой пришли.

— Ну надо же, — раздался за спиной знакомый неприятный голос. — Кажется, недомерки тоже были посланы на поиски нашего любимого наместника.

Китарион резко улыбнулся, расплываясь в широкой и дружелюбной улыбке.

— Кшпиритион, какими судьбами? — спросил он у хмурого некроманта, стоявшего позади него и со скучающим видом опиравшегося на посох.

«И как он все время умудряется подкрадываться к людям столь незаметно»? — подумал кольценосец. — «И я не совсем понял, о чем идет речь».

— Да так, решил выбраться посреди ночи из постели для того, чтобы через пол клятой Марейнии отправиться на твои поиски. Поболтать захотелось, знаешь ли.

Сегодня главный некромант провинции, определенно, был злее, чем обычно, и это не предвещало ничего хорошего.

— Какие-то важные новости?

— Да, мать их! И если бы ты оставался в столице провинции, то императору не пришлось бы поднимать на ноги всех своих слуг на расстоянии в сотню миль от этой Матерью забытой дыры!

Некромант с раздражением обвел рукой окружающее пространство.

— Владыка? — у Китариона отвисла челюсть. — Но для чего я нужен ему?

— Понятия не имею, однако тебе предписано в кратчайшие сроки вернуться в Черную Цитадель, а вместе с тобой — мне и одному зеленому недоразумению. — Кшпиритион указал в сторону ставших уже заметными всадников гоблинов, которые нахлестывали своих пони. — И, кажется, это самое недоразумение прикладывает все мыслимые усилия для того, чтобы выполнить приказ Властелина. Мудрое решение.

Некромант оказался прав. Буквально через десять минут с ними поравнялся маленький отряд гоблинов, возглавляемый незабвенным Инуче.

Этот недомерок, больше всего похожий на сливу, сорванную с дерева зеленой, и высушенную ярким летним солнцем, жизнерадостно хлопал длинными ушами и скалился всеми своими клыками, которых, несмотря на возраст, у шамана сохранилась полная пасть.

— Недостойный Инуче приветствует могучих носителей кольца, да, да, — провозгласил он.

— Мои приветствия верховному шаману, — почтительно склонил голову Кшпиритион, словно не он только что называл этого великого чародея зеленым недоразумением.

— Доброго дня, Инуче, — расплылся в широкой улыбке Китарион. — Какими судьбами?

— Разве может недостойный Инуче не поспешить выполнить поручение великого Черного Властелина, да, да? Он велик и могуч, силен, точно войско, и мудр, как боги! Исполнять его повеление — счастье и радость для столь недостойного червя, как старый и

слабый Инуче.

Гоблин, как и всегда, оставался верен себе. Смысл сказанного шаманом терялся в потоке витиеватых фраз, полных самоуничужения и выпячивания собственной ничтожности. И кто-нибудь иной действительно мог бы поверить в то, что зеленокожий коротышка — жалкое и ничтожное создание, привыкшее пресмыкаться перед сильными мира сего. Вот только Китарион не был «кем-нибудь», он видел армию големов, сотворенную этим «ничтожеством», а потому знал: Инуче — не из тех, кого хочется злить!

А что же касалось его странной манеры изъясняться... Мы все носим маски, и в определенный момент они начинают прирастать к коже.

— Кшпиритион сообщил, что владыка требует нас троих в Черную Цитадель, причем как можно скорее, это так?

— Верно, верно, о могучий из могучих, — склонил голову гоблин. — Владыка кольца прав, нам надлежит лететь, точно на крыльях ветра, будто за нами гонятся все демоны нижних миров, словно от этого зависит судьба мира!

Кшпиритион неодобрительно зыркнул на гоблина, что вызвало легкую улыбку у Китариона. Друг, что бы он там ни говорил, все еще не мог привыкнуть к статусу кольценосца, хотя лично на взгляд Китариона ничего удивительного в этом не было. Кшпиритион, как ни крути, являлся одним из сильнейших чародеев Империи и мог на равных противостоять самой Госпоже Тартионне, которую прозвали Ледяной Ведьмой отнюдь не за характер. Не только за характер.

— А тебе известна причина?

Китарион задавал этот вопрос не просто так. Он — один из немногих — был в курсе, сколь умело гоблины собирали информацию и насколько выгодно продавали ее.

Владыка гоблинов недвусмысленно огляделся по сторонам, туда, где притаились испарившиеся еще при появлении некроманта мастеровые.

— А, ну да, — хлопнул себя по лбу Китарион. — Ладно, тогда предлагаю выехать прямо сейчас. Детали расскажете по дороге.

— Мудрое решение, о достойнейший из достойных, — кивнул ему гоблин, но отчего-то в голосе старого шамана в этот раз не слышалась радость.

«Что-то приближается», — подумал Китарион, принимая поводья из рук слуги и кивком разрешая своим телохранителям собираться. — «Что-то, что не понравится мне, совершенно не понравится».

Десятый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень

Китарион переглянулся с Кшпиритионом и Инуче. Он ожидал чего угодно, но не столь оперативной работы дворцовых служб. Безусловно, император ждал их, но, чтобы все происходило с такой скоростью...

Его товарищи по несчастью — или все-таки везению? — выглядели точно так же сбитыми с толку, как и он сам. И им было от чего недоумевать.

Едва только небольшой отряд, измотанный чудовищной скачкой, растянувшейся на добрую неделю, оказался у пригородов стремительно раздававшейся во все стороны Черной Цитадели, как их уже встретили гвардейцы во главе с нынешним капитаном гвардии — бывшим исиринагийским генералом Биртом. Преемник Китариона бесстрастно поздоровался со своим бывшим оппонентом и, склонив голову, произнес:

— Извечный, нужно спешить. Все ждут только вас троих.

— Все? — удивился Китарион.

— Ты все узнаешь сам, — ответил рыцарь смерти и от этих слов у Китариона неприятно засосало под ложечкой.

«Проклятье, очередная война. Как же не хочется»...

Впрочем, война или нет, но то, что их уже ждали, удивляло само по себе. А уж когда Китарион понял, кто именно, то его удивление стало еще больше.

Их провели в зал Малого Совета, где уже разместились Тартионна, Иритион, Гартриан, Раст и Тириксис. Не хватало только императора, но, как полагал бывший капитан гвардии, его появление не за горами.

Тепло поприветствовав друзей и новых членов совета, Китарион занял предложенное ему место. Кшпиритион проделал то же самое, при этом на его вечно хмуром лице не дрогнул ни единый мускул. Некромант уселся в кресло члена Малого Совета, точно так и должно было быть.

А вот Инуче устроил настоящее представление, основная часть которого сводилась к невозможности столь презренному существу, как он, находиться в одном помещении с величайшими из великих. К этой игре быстро присоединилась Тартионна, скорее всего потому, что подобная клоунада изрядно бесила Гартриана, а затем и остальные. Конечно, за исключением бешеного лича и, конечно же, Кшпиритиона, демонстрировавшего полнейшую солидарность с наставником.

Хотя, лично Китарион не исключал, что за неделю пути болтливый гоблин так вывел некрманта из себя, что тот мечтал лишь об одном — оказаться подальше от зеленого недомерка.

Члены совета и дальше бы развлекались так, но вот открылась неприметная дверка, и в помещение вошел император.

За последние месяцы — Китарион просто не мог не заметить этого — владыка здорово сдал: он похудел, волос на голове стало еще меньше, мешки под глазами, кажется, разрослись в пол лица каждый, а сами глаза потускнели и время от времени в них можно было различить искорки какого-то безумного веселья. Вот уже четыре года с императором творилось что-то неладное, но столь разительных перемен раньше не наблюдалось.

«О великая Мать, что же происходит с ним»? — подумал кольценосец. — «И ведь не спросить ни у кого»!

Он искренне беспокоился за своего господина и не знал, что делать, а когда Китарион чего-то не знал, он просто верил во Владыку. Раньше это никогда его не подводило. Остается надеяться, что и сейчас все будет хорошо.

— Долгих лет жизни тебе, о владыка, — поклонился он императору.

Гоблин, мигом растерявший всю свою веселость, а также Кшпиритион синхронно повторили его слова и действия.

— И вам того же, — тихо проговорил Шахрион, занимая место во главе стола. — Китарион, ты знаешь, зачем я вызвал вас троих в Черную Цитадель?

Инуче успел в общих чертах обрисовать проблемы, появившиеся на востоке, а потому кольценосец ответил прямо, как и всегда:

— Нашим союзникам требуется срочная помощь. Бич Пустыни стер их армию в порошок и теперь осаждаст столицу. Как только она падет, мы столкнемся с новым — очень опасным соседом, а значит, сын покойного халифа должен получить всю необходимую помощь.

— Исчерпывающий ответ, — улыбнулся император. — И я считаю, что ты — лучший человек, которому можно поручить столь ответственное задание.

Китарион поблагодарил императора, хотя в мыслях радости было немного.

«Ну почему нельзя отправить кого-нибудь другого? Хотя бы того же Бирта! Этот рыцарь смерти не потерял своих талантов и все такой же блестящий тактик»!

Естественно, вслух он этого вопроса не задавал, не желая подводить господина. Все-таки, тот доверял бывшему капитану гвардии не просто ответственное, а чудовищно важное дело. Умом Китарион прекрасно понимал, что помочь союзникам нужно, причем в обязательном порядке... Но то — ум. Сердце же его рвалось обратно, в Марейнию, землю бескрайних степей и лугов, полностью завладевшую всем естеством кольценосца.

— У тебя есть выбор, — неожиданно мягко произнес император и Китарион удивленно вскинул брови.

— Выбор, о владыка?

— Да. Я знаю, что в последние годы ты предпочитал скорее созидать, нежели разрушать, и ценю это. Видит Мать, война — последнее занятие, которое я бы стал восхвалять. А потому, если не желаешь, никто не обяжет тебя принимать командование. Даже я. Более того, я не сочту подобное малодушием или предательством, — император фыркнул. — Лишь кровожадные глупцы считают, что доблесть можно сосчитать, сложив отрубленные головы в кучу. Мы с тобой пролили слишком много крови для того, чтобы не понимать, как оно обстоит на самом деле. А потому — решай сам.

Император умолк, и взгляды всех присутствующих скрестились на Китарионе, которого неожиданно бросило в жар. Он вспомнил, с каким трепетом принимал назначение в капитаны гвардии, вспомнил, бессонные ночи, когда они с императором, склонившись над картами, выдумывали разные ситуации и отрабатывали возможные действия противников. Китарион вспомнил, с каким трепетом отрабатывал новые боевые построения на секретном плацу, как с окровавленным клинком гонял по лесам леопардов и поросят...

И он понял, что просто не сумеет отказать своему господину.

— Когда я должен выступить и какими силами могу распоряжаться? — хрипло спросил он.

— Под твое командование перейдут гвардия и первый легион.

— Железный? — пораженно воскликнул кольценосец.

— Все верно, генерал Китарион. Первый Железный легион.

«Первый легион и старая добрая гвардия. Элита элит, лучшие из лучших. Самые опытные бойцы и лучшие стрелки, половина всех рыцарей смерти Империи, самые хорошо защищенные замершие. Сила, способная сокрушать целые страны»!

И тут он не лукавил. Всего, по прикидкам Китариона, под его начало должны были поступить по крайней мере двадцать тысяч отменно подготовленных воинов, как минимум три тысячи рыцарей смерти и не меньше сотни магов.

«Так... магов»? — он перевел взгляд на Инуче и Кштиритиона.

— Все верно, — угадал его мысли император. — Извечный Кштиритион возглавит магов поддержки.

— А уважаемый Инуче?

Шахрион улыбнулся одними губами.

— Верховный шаман — мастер чар, недоступных людям. У меня есть сведения о том, что наш противник может располагать некоторым количеством... нетипичных магов, а

потому, его помощь оказалась бы... весьма полезной.

— У них тоже есть выбор?

— Нет, — каркнул молчавший все это время Гартан, прекращая дискуссию в зародыше.

Других ответов не потребовалось, а все, кто собрался в Малом зале — за исключением императора и Тартионны — постарались отвернуться, не желая встречаться взглядом с алыми буркалами высшей нежити. Даже Инуче, который, как всегда казалось Китариону, мог бы посоперничать в могуществе с личем, не проронил ни звука. Правда, и веселья на его морде больше не оставалось.

«Кажется, владыка чего-то не договаривает», — подумал Китарион. — «Впрочем, разве так не было всегда? Его дело — строить планы, мое — претворять их в жизнь».

— Что же касается выступления... — задумчиво проговорил император, — то правильный ответ: «вчера». Весь Железный Легион и три четверти гвардейцев уже закончили переброску на другую сторону Гор Ужаса. Если выедете сегодня, думаю, догоните их как раз возле Жемчужины Востока. Именно Зантриан станет базой, из которой вы и начнете свое продвижение вглубь вражеских территорий. Все необходимые карты, книги и справочные материалы уже ждут вас, равно как и свежие кони, а также — все необходимое для путешествия. Еще вопросы?

— Кто будет защищать столицу в отсутствие Железного и большей части гвардии?

— Маршал вызвался оттянуть свободные силы из Белого города. Его пятый легион если и уступает в чем-то первому, то не сильно.

«Пятый — это хорошо, они умеют обороняться», — успокоившись, подумал кольценосец. — «Хотя, конечно, можно было найти кого поближе. Впрочем, свободных войск сейчас меньше, чем хотелось бы, да. Ладно, это было главное, остальное выясню по дороге».

Китарион переглянулся с товарищами по несчастью и, поднявшись, поклонился императору.

— Тогда я хотел бы приступить к выполнению твоего приказа прямо сейчас, о владыка. Не желаю терять время.

— Так тому и быть, — улыбнулся Шахрион и на миг Китариону показалось, что они не было этих четырех лет, не было кровавой войны, что они — все такие же молодые и полные надежд мечтатели, жаждущие вернуть Империи ее былой блеск.

«Что же стало со мной»? — подумал он, выходя прочь из зала Малого Совета. — «Что же стало с нами всеми»?

* * *

Когда за Китарионом закрылась дверь, Шахрион с большим трудом подавил горестный вздох. Он ни на секунду не лукавил, говоря своему верному слуге о том, что не хочет заставлять того принимать командование. Китарион за последние годы изрядно охладел к военным забавам и не императору было осуждать его за это. Насмотревшись на ужасы войны, и — особенно — на кошмар Стоградья, в одночасье превращенного в землю мертвых, бывший капитан гвардии сильно изменил взгляды на жизнь.

Собственно говоря, именно поэтому Шахрион и не возражал, когда тот запросил Марейнию в награду за заслуги, именно поэтому он назначил Бирта — всего лишь рыцаря смерти, пусть и генерала при жизни — на место верного Китариона.

Однако, кто бы что ни говорил, но Китарион оставался едва ли не самым одаренным

полководцем Империи после самого Шахриона, и никому кроме него император не мог доверить столь важное и щекотливое задание. Конечно, за ним потребуется присмотр, именно поэтому старая команда кольценосца — склочный некромант Кштиритион и хитроумный шаман Инуче отправятся в поход вместе с генералом. Именно поэтому у Инуче — свое задание, за которое гоблин, конечно же, запросил изрядную цену, устроившую, впрочем, императора.

Но именно поэтому Шахрион не мог просто взять и приказать. Ему пришлось манипулировать, взывая к совести своего верного слуги.

«Воистину совесть — это бич людской», — с горечью подумал император.

Как будто у тебя она была, — тотчас же подключилась Тень.

— Кому, как не тебе знать, была, или же нет, — тихо прошептал император — сегодня невидимая для окружающих гостья была на редкость добродушна и ее подколки не выводили императора из равновесия.

Он кивнул выходящим из комнаты кольценосцам, затем перевел взгляд на Тартионну, которая и не думала покидать зал Малого Совета. Шахрион вздохнул.

— Слушаю.

— Не уверена, что отправлять почти всю гвардию на восток было мудрой идеей, — не теряя ни мгновения, проговорила та.

— Опасаешься вторжения?

Советница хмуро взглянула на мужа и поморщилась.

— Шахрион, не говори глупости, мы оба прекрасно знаем, что есть угрозы пострашнее вторжений.

— У меня три дегустатора, — напомнил император, — как же не знать. Даже одаренные Матерью могут погибнуть от яда.

— Сомневаюсь, что маг твоей нынешней силы не сумеет нейтрализовать отраву, — отмахнулась жена.

— Всякое бывает, — пожал плечами Шахрион, затем чуть заметно улыбнулся, и спросил. — Слушай, а раз уж нам предстоит серьезный разговор, может — партию в шемтис? Когда мы в последний раз играли в него?

— Думаю, больше года назад, — с ностальгией проговорила его Госпожа. — Или даже двух. Великая Мать, я и помыслить не могла, что управление по-настоящему большой страной отнимает столько сил и времени!

Она прикрыла глаза, и уже спустя пару минут в комнату вошел рыцарь смерти, в руках которого стояла полностью готовая доска с расставленными фигурами. Мертвец осторожно поместил свою ношу между императором и его женой и удалился.

Шахрион воззрился на супругу, приподняв обе брови.

— А что такого? — невинно поинтересовалась та. — Эта доска стоит в моих покоях с нашей последней партии, полностью готовая к игре. Ты бы знал это, если бы заходил почаще.

В ее голосе император уловил явный упрек, и, говоря начистоту, возразить ему было нечего. В последнее время они действительно здорово отделились друг от друга.

«Когда она была всего лишь советницей, мы общались куда чаще, чем теперь, когда Тартионна — моя Госпожа», — с грустью, сменившейся внезапной вспышкой раздражения, подумал император.

На удивление — Тень молчала. Впрочем, она вполне могла себе это позволить. Его

настроение в последние месяцы менялось чаще и резче, чем у беременной.

— Прошу простить меня за это, — с грустью ответил он, бросая кубик для того, чтобы определить, кто будет ходить первым. Выпала единица. — Управление Империей, и правда, тяжкая ноша.

— Мне кажется, что тебя гнетет что-то еще, — Тартионна пристально уставилась на мужа. — Скажи, ты уверен, что за время, прошедшее с того проклятого дня, когда вы на пару с Гартрианом выпустили на волю Безымьянное Заклинание, оно никак не ударило по тебе?

— Нет, конечно же, — соврал Шахрион. — Разве что, сделало сильнее.

Госпожа, кажется, не поверила словам своего Властелина, но не стала ничего говорить, вместо этого — бросила кубик. У нее выпало шесть.

— Предлагаю вернуться к разговору о разумности отправки почти всей гвардии на восток, — предложил Шахрион, прикидывая, какую комбинацию супруга попробует разыграть в дебюте.

Ледяная Ведьма выдвинула вперед одного за другим двух копыеносцев и произнесла:

— Враги затаились и до меня доходят нехорошие слухи. Кажется, что-то грядет, и, кстати говоря, неожиданный успех Бича Пустыни явно имеет какое-то отношение к планам остатков Лиги. Как бы ты, выведя из столицы лишние войска, не сыграл им на руку.

Шахрион кивнул, бросая кубик и открывая путь рыцарю.

— Понимаю твое беспокойство, но давай будем смотреть правде в лицо: при всем желании я не мог отправить туда никого больше. Свободных войск прямо сейчас у нас практически нет. Треть легионов защищают границы, треть — поддерживают спокойствие внутри провинций, которые, как ты знаешь и без меня, все еще слишком рыхлые.

— Оставшаяся треть же недостаточно хорошо подготовлена для того, чтобы противостоять закаленным в боях лиосским тысячам, — закончила за него Тартионна, делая свой ход.

— Это, во-первых, — назидательно поднял палец Шахрион.

В этот самый миг император очень гордился собой и лишь спустя пару секунд понял, настроение, подобное флюгеру на ветру, вновь играет с ним злую шутку. Осознание этой мысли окутало его покрывалом неудержимой ярости, и Черный Властелин ущипнул себя за ногу под столом, чтобы хоть как-то унять рвущееся наружу бешенство.

Надеясь, что жена не заметила этой вспышки он походил, не сильно задумываясь над своими действиями, после чего, продолжил говорить:

— Второй немаловажный аспект — время. Допустим, я сумел бы сколотить ударные группы из двенадцатого и пятнадцатого легионов, дополнил бы их парой тысяч всадников и усилил лишней сотней магов. Но сколько бы времени это заняло? А Железный Легион и гвардия — они тут, под рукой, всегда готовы к бою. Уже через неделю они, ведомые, одним из лучших полководцев Империи Тьмы и сопровождаемые одним из сильнейших чародеев мира же вступят в пустыню, а значит, у нас сохранится реальный шанс оказать помощь союзнику.

— Ты уже связывался с Харшшааном? — поинтересовалась Тартионна, выводя своего мага из-под защиты крепости.

— Пока что нет, — Шахрион внимательно взгляделся в доску, пытаясь понять, какую же хитрую каверзу устроила ему жена этим хитрым ходом.

«Если подумать, серьезной угрозы нет, однако, если Тартионна выбросит больше десятки в два хода... Неужели она хочет рискнуть?»

— Но свяжешься? — супруга взглядом подгоняла его, заставляя нервничать.

— Обязательно, причем сегодня.

Шахрион, наконец, решился, и обозначил атаку в направлении мага. Ему было даже интересно, какой из трех предположенных вариантов действий выберет Тартионна.

Та чуть заметно улыбнулась и кинула кубики.

Кости медленно покатались по столу, стуча, точно отмеряя последние дни его жизни. Они остановились, глядя в потолок тремя парами глаз каждое.

Улыбка Госпожи стала еще шире, в ней появилось торжество.

— Готов терять венценосца? — осведомилась она, нанося магический удар по двум копыеносцам и лучнику, прикрывавшим главную фигуру мужа.

— Пока что нет, — отозвался тот, бросив кубики и надеясь на удачу. — А что б его!

«Две единицы, ну надо же»!

— Кажется, сегодня не мой день, — вздохнул Шахрион, кладя венценосца на бок. — А насчет твоего вопроса о врагах, думаю, тысячи гвардейцев вкупе с городской стражей будет достаточно для того, обезопасить нас от неожиданностей... Но все-таки, утрой бдительность.

— Как пожелает мой владыка, — улыбнулась чародейка, томно и призывно, как в былые времена. — А теперь... быть может, еще одну партию?

Они сыграли еще три, и лишь после этого супруга отправилась по делам, а он, оставшись в гордом одиночестве, извлек тириомаль. По уму, связаться с новым халифом следовало тогда же, когда он вызвал в столицу Китариона, но по какой-то неведомой причине Шахрион оттягивал этот момент.

Возможно, подступающая собственная гибель занимала несколько большее место в его размышлениях, нежели политика, возможно, мешали постоянные перепады настроения, возможно — что-то еще. Но, так или иначе, этот вопрос император отложил на потом, и вот, сейчас к нему придется вернуться.

Активируя магический шар, он невпопад подумал: «Интересно, как там моя свита, сильно ли бесятся из-за того, что я бросил их на самом краю Империи и улетел, что называется в закат»?

Ответ пришел с третьего раза. Изображение разглядилось и на императора уставился молодой лиоссец с очень, очень напуганными глазами.

— Приветствую тебя, халиф Харшшаан Могучий сын Шшиира. Желаю процветания, счастья и доброго здоровья, насколько подобное вообще возможно в сложившихся обстоятельствах — поздоровался Шахрион.

— И я приветствую Черного Властелина, да будет Империя Таараш стоять еще тысячу лет. Здоровье мое пока что доброе, однако не уверен, сколь долго это продлится.

— Стены уже взяты? — удивился император.

— Хвала Великим Древним, нет! — горячо отозвался лиоссец. — Но, буду честен, шансов победить у нас немного.

Произнеся это, он вопросительно уставился на Шахриона.

Мальчик не был дураком, он все прекрасно понимал, причем лучше многих, а потому — не просил и не умолял, а лишь сообщил правду.

«Умница»! — одобрил Шахрион. — «Догадываешься, зачем я связался с тобой и что хочу предложить, но не представляешь, какой будет цена. Что ж, не волнуйся, мальчик, я не собираюсь обдирать тебя, как липку. Впрочем, интересов Империи не забуду».

— С глубокой скорбью и тревогой я услышал о гибели твоего достойного отца, — подпустив в голос немного горечи, проговорил император. — Это печалит меня сверх всякой меры, но, как мы все знаем, Мать не делает исключений, и забирает в свои чертоги даже лучших».

На лице юноши также появилось выражение печали, причем довольно искренней. Покойный халиф, возможно, не был гением политики и военных дел, но сына он действительно любил и заботился о его благополучии.

«Хотя бы что-то хорошее можно найти даже в самых плохих из нас», — подумал Шахрион перед тем, как высказать свое предложение.

— Империя Таараш крайне обеспокоена перспективой потери верного и надежного союзника, а потому предлагает посильную помощь в деле борьбы с врагами как внешними, так и внутренними, — произнес он.

— Я с готовностью приму любую помощь, которую ты, о владыка, пожелаешь мне предоставить.

— Однако ты должен понимать, Халиф, что война в пустыне — занятие опасное и затратное.

— Конечно же, — смиренно ответил юноша, однако глаза его тут же заблестели. — Но я сразу должен предупредить: я не отдам ни пяди родной земли, и не раскрою тайну лиосского огня.

Шахрион и так прекрасно понимал это, но все-таки не отказал себе в удовольствии уточнить:

— И почему же, позволь спросить?

— Есть вещи, на которые мужчина просто не имеет права пойти даже под угрозой неминуемой гибели, — твердо ответил юноша.

«А ведь ему страшно, очень, очень страшно! Молодой, вся жизнь впереди, казалось бы — поступишь малым, и сможешь править, но нет, рискует навлечь на себя гнев могущественного соседа и лишиться его помощи, но не предать свой народ».

А потому, Шахрион решил немного подбодрить собеседника.

— Не волнуйся, — добродушно улыбнувшись, ответил он, — мне не нужны ни чужие владения, ни чужие тайны.

«Первые я и так возьму, если того пожелаю... И если не сойду с ума в ближайшие пару месяцев. Ну а второе... Что ж, мои алхимики рано или поздно раскроют секрет лиосского огня, а если даже у них и не выйдет сделать это, я всегда смогу купить несколько бочонков. Конечно, лиосцы не продают его чужакам, но один раз уже сделали исключение, а где один — там и второй».

— Тогда чего же ты хочешь?

Юноша, кажется, был действительно удивлен.

— Имперские торговцы на два года будут освобождены от всяческих пошлин и смогут свободно торговать во всех принадлежащих тебе городах и деревнях, — резко, не оставляя ни малейшего пространства для торга, ответил император.

Конечно, его так и подмывало увеличить срок беспошлинной торговли, но все-таки наглеть не стоило. В этой ситуации главное было — закрепиться на рынках халифата, поднять под себя его слабые банки и полуразорившихся купцов. Двух лет для решения этой задачи будет более чем достаточно, а потом... А потом будет видно!

— Я согласен.

Поспешность, с которой юный халиф принял условия Черного Властелина, говорила красноречивее тысячи слов.

— Я рад, что мы нашли общий язык столь быстро. Помощь скоро придет, поэтому — держитесь, — проговорил император. — До встречи, уверен, она состоится.

Сказав это, Шахрион деактивировал тириомаль.

«Что ж, еще одно дело сделано, а теперь»... — император поднялся...

Десятый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер

Шахрион моргнул.

Пару лет назад в небольшом дворике внутри дворца он приказал посадить несколько кустов, пяток деревьев и немного цветов. Получился маленький, но достаточно симпатичный сад. Время от времени император отдыхал в нем, играл с сыном, иногда — проводил время вместе с женой. И вот, теперь он оказался прямо посреди небольшой площадки — сидел на изящной лавочке перед кустом бесценных белых роз, привезенных с юга.

Бросив короткий взгляд на небо, Шахрион понял, что пропустил добрых два часа, а то и все три. Император захотел выругаться, но бранные слова не успели сорваться с его губ — прямо в этот момент со всей силы навалилась старая знакомая: головная боль.

Внутри черепа будто заработал кузнечный пресс, который принялся молотить по заготовке с частотой и силой, достойными лучшего применения.

Шахрион упал на колени и, обхватив голову руками, застонал. Очень хотелось орать, но император все-таки сумел сдержаться, хотя, надо заметить, получилось это у него с трудом.

Несколько секунд невыносимой агонии, и немного отпустило, впрочем, не слишком.

Трясущимися руками Шахрион потянулся к потайному карману, туда, где хранились заветные пилюли.

«Скорее... проглотить... раскусить... как же больно!» — обрывки мыслей прыгали, сбиваясь с шага и натываясь друг на друга.

Но даже в таком состоянии Черный Властелин заметил неладное — едва различимый солнечный зайчик, которому тут однозначно не было места.

Не думая, не обращаясь к рассудку, на одних лишь рефлексах, император воздвиг вокруг себя водную стену, и точно в этот самый миг в нее врезались два арбалетных болта. Черный Властелин не видел, кто стрелял по нему, но, опять же, не раздумывая, метнул две сосульки в направлении выстрела и постарался подняться.

Не вышло — ноги повело в сторону, а невидимые молотки застучали с новой силой. Он упал на бок, накрылся Водяным Куполом — мощным защитным заклинанием, способным отразить средней силы молнию или огненный шар — и потянулся к заветному потайному кармашку.

Неловко Шахрион запустил в него пальцы и рассыпал драгоценные пилюли, которые полетели на землю.

— Да...! — в сердцах выругался Черный Властелин, и, наплевав на всякое достоинство, стал есть их прямо с земли, давясь песком и глотая его вместе с горьковатыми лекарствами.

Внезапно гроыхнуло, причем так, что и без того не самое лучшее состояние императора стало еще хуже: он ослеп, оглох, а голова едва не взорвалась изнутри, столь сильной оказалась боль. А затем правый бок обожгло и Шахрион, не раздумывая, ударил вокруг себя Кольцом Тлена — страшным заклинанием, буквально выпивающим жизнь из

пространства вокруг некроманта.

Раньше он даже помыслить не мог о том, чтобы сотворить подобную волшбу, лишь читал о ней в магических книгах. Сейчас же она получилась легко и непринужденно, и это при том, что заклинание Шахрион не тренировал ни единого раза.

Не останавливаясь, он обрушил на пространство вокруг себя еще три магических атаки, используя сперва воду, затем — молнии, а после — пламя.

Одновременно с этим он переключился на магическое зрение и, не обращая внимания на мигрень и боль в раненом боку — бросив короткий взгляд он заметил торчащий из раны камень, который, видимо, попал туда из-за взрыва — внимательно обшаривал окружающую территорию, погруженную в туман. Черный Властелин не знал, что именно использовал убийца для того, чтобы уничтожить его Водяной Купол, но был уверен — этот гаденыш еще дышит.

И он не ошибся — едва заметное биение жизни, тихий ветерок за спиной, и вот холодная сталь уже несется навстречу плоти.

Несется лишь для того, чтобы завязнуть в плотном песке — Песчаный Двойник — также был освоен императором всего лишь после прочтения одной книги.

Другой маг, наверное, за такие способности продал бы душу, но лично Шахрион готов был с легкостью обменять их всего лишь на то, чтобы избавиться от Тени, приступов ярости, провалов памяти, подступающего безумия и, конечно же, от этой треклятой боли!

Он взревел, и волна ярости, захлестнувшая императора, смыла боль и неуверенность очистила разум, и он сумел разглядеть своего противника. Это был невысокий жилистый человек или эльф — маска, скрывавшая лицо, не позволяла понять наверняка, — облаченный в черную облегающую одежду, и вооруженный двумя слабо светящимися кинжалами.

Шахрион сразу же почуял от оружия эльфийскую магию и тихо выругался. Даже если остроухие недобитки и не стояли за покушением, у врагов отыскались их артефакты, причем — весьма и весьма мощные.

Впрочем, эти игрушки подарят убийце лишь пару дополнительных секунд жизни!

Шахрион понимал это. Его враг — тоже.

Именно поэтому он, не теряя больше ни единого мгновения, метнулся на императора, в самую последнюю секунду меняя траекторию движения и явно намереваясь попасть своему противнику в шею.

— Умри! — заорал Черный Властелин, нанося сразу две атаки.

Первой он попытался остановить сердце врага, а второй — Плетью Тлена — рубанул того поперек груди.

Защитные чары, а точнее — их остатки, каким-то чудом сумели спасти сердце хозяина кинжалов, но при этом полностью иссякли и свечение покинуло оружие, в котором больше не осталось магии. От плети же убийца уклонился. Точнее — попытался. Самый кончик, сотканный из мрака, задел левое плечо противника, и рука его тотчас же сохлась подобно ветви, с которой кто-то срезал кору.

Как ни странно, враг не издал ни единого звука, не упал, не остановился и даже не замер. Вместо этого он лишь ускорился, и со всего размаха налетел на Шахриона, который лишь в самый последний момент успел выставить очередной щит.

Оттолкнувшись от него, точно от стены убийца перекувырнулся в воздухе и, приземлившись за спиной чародея, ударил того кинжалом, метя в бок.

— Да сдохни уже! — заорал Шахрион не только останавливая противнику сердце, но еще и направляя на него струю огня.

На этот раз сработало — тот огромным факелом повалился на землю, однако за миг до того, как упасть, враг судорожно дернул горячей рукой и кинжал, пущенный в полет ослабевшими пальцами, направился прямо в сторону Шахриона.

Берегись! — яростный вопль Тени заставил императора дернуться в сторону, но было уже поздно — лезвие угодило точно в бедро. Оно засело неглубоко и даже не достало до артерии, но ноги Шахриона отчего-то вмиг стали ватными и он — в третий раз за несколько минут — повалился на землю.

«Это... становится... дурной... привычкой», — подумал император. — «Ну ладно... зато... голова... не болит... так... сильно»...

Боль действительно притупилась, вслед за нею пропал слух, обоняние, осязание, и, наконец, зрение.

Оставшись в полной черноте Шахрион успел еще подумать: «надо же, какой сильный яд», а затем сознание наконец-то покинуло императора.

Где-то, когда-то.

Черный Властелин не мог понять, где находится. Вроде бы, стоит на земле. Да, кажется, на земле. А может и нет. Сказать наверняка не получалось при всем желании — непроглядная темень мешала разобраться в происходящем. Все очень походило на ту ночь, когда он вместе с Гартрианом призвал в мир Тень. Тогда императора окружал такой же чернильный мрак.

— Есть кто? — на всякий случай спросил Шахрион.

Ответа не последовало.

«Видимо, нет», — подумал он. — «Даже Тень убежала куда-то. Ну, по ней-то я точно скучать не стану».

Тень... Неожиданно Шахрион вспомнил, как сводящая с ума спутница в последнюю секунду предупредила об опасности.

«Надо же, заботливая какая... Скорее всего, я нужен ей в более-менее нормальном состоянии», — невесело усмехнулся Шахрион. — «Ну да, умру я — сдохнет и она. Или нет?»

Сложный вопрос даже для повелителя смерти.

— А ладно, будь оно все проклято! — ругнулся император и двинулся вперед.

Или все-таки назад. В темноте не разобрать.

Сперва он шел медленно и осторожно, опасаясь наступить на что-нибудь или запнуться о какую-нибудь невидимую кочку, но затем ускорился и продолжил странное путешествие.

Какое-то время лишь его собственный голос нарушал тишину — император, чтобы немного унять волнение, разговаривал сам с собой, но это быстро наскучило Черному Властелину, после чего он продолжил движение молча.

Неожиданно обострившегося слуха коснулся какой-то звук. Тонкий и едва различимый, с каждой секундой он становился все отчетливее и отчетливее, пока, наконец, Шахрион не сумел разобрать слова:

— Больно... мне больно... — шептал тихий голос.

Спустя миг к нему присоединился еще один:

— За что? Чем я заслужил это?

Третий:

— Молю, даруй мне покой.

Четвертый:

— Будь ты проклят!

Пятый, шестой, седьмой...

Голосов становилось все больше и больше, и они звучали все громче и громче.

Неожиданно в темноте почудилось движение, и Черный Властелин остановился.

Определенно, это очень напоминало ночь Безымянного заклинания, хотя и с некоторыми нюансами. А значит, ничего хорошего от встречи ожидать не следовало.

Голоса стали еще громче.

— Убийца!

— Проклятый!

— Сгинь!

— Умри!

— Страдай!

Тени метались вокруг все быстрее и быстрее, изрыгая проклятья, стена, угрожая, моля.

«Я заслужил эту ненависть», — подумал Шахрион. — «Но все-таки, хотелось бы понять — действительно ли все это происходит взаправду, или мне ниспослано очередное видение?»

Ответа у него не было, как не было выхода из тьмы, наполненной мстительными духами. К счастью, те пока не нападали, а только кружились рядом, взывая к человеку, осмелившемуся заглянуть в их мрачную обитель.

Серьезным отличием от прошлого раза стало отсутствие глумливой собеседницы, вероятно, царствовавшей здесь.

«Ну, это легко объяснить», — подумал Черный Властелин. — «Она просто отправилась в реальный мир вместе со мной.

Новость не самая приятная, но вполне ожидаемая.

«Интересно, а как бы выбраться отсюда? Может быть, продолжить идти?»

Этот вариант действий был не хуже прочих, а потому Шахрион сделал шаг вперед, ожидая удара. Затем — еще один. После — еще.

Ничего не происходило.

Тени все также метались вокруг, стена тысячами голосов, но не причиняя никакого вреда.

«Ну что ж, тогда — вперед!» — решительно подумал Черный Властелин и зашагал дальше.

Спустя несколько минут ему показалось, что стало чуть-чуть — самую каплю — светлее и Шахрион, ободренный этим, ускорил шаг.

Он не ошибся — непроглядный мрак, действительно, чуть-чуть отступил, а впереди забрезжил далекий свет. Тоненький и робкий, точно росток, вылезший из-под снега в самые первые дни весенней оттепели, он с каждым шагом становился заметнее, набирая силу и разгоняя тьму в стороны.

Тени прекратили преследование, оставшись где-то позади, и лишь их слабые голоса долетали до ушей Шахриона, который, наплевав на всяческое императорское достоинство, бежал на свет, точно умалишенный.

Он несся так, как никогда в жизни, купаясь в лучах тепла, жмурясь и прикрывая глаза ладонью, кажется, даже, радостно хохоча.

С каждой секундой свет становился все сильнее и сильнее, и где-то в нем слышались голоса, возможно, знакомые, возможно, нет. Шахрион уже едва ли не летел, столь быстрым был его бег. И вот, свет полностью накрыл императора, окутал его, принял в свои объятия, он растворился в белизне, сделал еще один шаг и...

Одиннадцатый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень

Когда Дарлионна въехала в Черную Цитадель, столица Империи больше всего походила на муравейник, в который хорошенько потыкали палкой. Всюду — стража, причем усиленная, всюду — встревоженные лица и перешептывания, всюду — аура страха и неопределенности, так хорошо знакомая благороднейшей дочери правителя Кинории.

«Что-то не в порядке. Что-то сильно не в порядке», — подумала Дарлионна, отправив свою служанку выяснять ситуацию — пусть шпионка поработает на благо.

Честно говоря, за дни пути от Найрата до столицы она успела известись так, что едва

находила себе место от злости и нетерпения. Ее — ее! — бросили, точно какую-то низкородную девку из свиты. А всего-то прилетела эта уродина на старом грифоне, и император, плюнув на все, помчался вместе с ней в столицу, разрушив столь тщательно и аккуратно состряпанный план.

А самым раздражающим было то, что никто не удосужился объяснить ей происходящее!

«Ну ничего, мое время еще придет!» — подумала Дарлионна, которую даже сейчас трясло от ярости, стоило только вспомнить это унижение. — «Я еще отыграюсь»!

Впрочем, для этого придется подождать, причем непонятно сколько.

«Подумать только! Целая вечность в пути практически наедине с императором! Такая возможность посеять семена дружбы, узнать его получше, привлечь своей красотой, наконец! И что? А ничего, демоны все это побери! О Мать Тишины, ну за что мне это?»

Впрочем, никто и не говорил, что обретение власти — легкая забава. К тому же, Дарлионне удалось подобраться к ряду сановников из свиты, которые, чего уж там, могут оказаться полезны в будущем, так что поездка окупилась хотя бы этим.

Мужчины, как молодые, так и старые, прямо-таки млели, стоило только бросить на них томный взгляд из-под полуприкрытых ресниц, или как бы невзначай наклониться, демонстрируя декольтированную грудь.

Тупые болваны! Животные, думающие отростками в штанах!

«Хотя владыка не такой», — с некоторым неудовольствием вынуждена была признать красавица. — «Он сильно отличается от этих. Он — точно гора, в то время как они — жалкие булыжники. Что ж, тем слаще будет победа»!

Время есть. Она — та, в чьих жилах течет кровь одного из древнейших родов Империи Таараш, одаренная Матерью, — очень нескоро растеряет очарование молодости. Привлекательность будет ее спутницей долгие десятилетия, так что нет смысла огорчаться...

Но как же хочется получить все и сразу!

Ее размышления прервала служанка, юркнувшая в карету.

— Докладывай! — резко бросила Дарлионна, отвлекаясь от своих мыслей и бросая короткий взгляд на улицу, запруженную людьми.

— Беда, о извечная! — служанка едва не плакала и, кажется, она не играла.

— Что случилось?

— Владыка... Владыка...

Дарлионна похолодела, ощущая, как земля уходит из-под ног.

— Что с ним?

— Он... он...

— Мертв? Пропал? Сожран волками? Отвечай же!

— Ранен! — выпалила служанка и разрыдалась в голос. — Владыка ранен, о извечная и тяжело! Он не приходит в сознание с ночи!!!

Дарлионна побледнела, точно полотно и прошептала:

— Во дворец, немедленно.

К императорским покоям она пробилась с большим трудом. Если город походил на растревоженный муравейник, то дворец больше всего напоминал сумасшедший дом, в котором уже начался пожар. Разъярённые, испуганные и сбитые с толку люди сновали взад-вперед, ругались, плакали, отдавали самые разнообразные приказы и вообще вели себя на удивление хаотично, что, в принципе, и ожидалось после подобного эксцесса, вот только среди них, будто скалы посреди бурного моря, тут и там возникали островки спокойствия.

В первую очередь их создавали гвардейцы, что и неудивительно. Было бы крайне неожиданно, если бы немногочисленные рыцари смерти волновались.

Но то, что помимо них не теряли рассудок и живые, вызывало уважение.

Облаченные в полное вооружение бойцы личной стражи Госпожи, маги Гартiana, офицеры, а также — это Дарлионна отметила особенно — неприметные, ничем особым не выдающие себя люди с обычной внешностью, обычной одеждой и обычными делами. Служанки и носильщики, мастера и клерки, священники и купцы. Все оказались во дворце либо по делам, либо работая в нем. Они не привлекали внимания. Почти не привлекали. Они слушали, записывали, следили.

И их было гораздо больше, чем еще месяц назад! Судя по всему, Ледяная Ведьма вывела на работу вообще все свои глаза и уши. В город, чтобы следить за настроениями простых смертных. Во дворец... Тут Дарлионна улыбнулась, прикрывая рот ладонью.

«А во дворец эта уродина притащила их для того, чтобы верные и лояльные подданные возродившейся Империи не успели в случае чего задуматься — а не пора ли возвращаться под власть венца. Не сомневаюсь, что уже к вечеру полетят головы тех, кто слишком много болтал. Ну, или, наоборот — слишком мало».

Наконец, она оказалась перед дверьми императорских покоев, наглухо закрытыми и охраняемыми сразу десятью рыцарями смерти в полном облачении.

— С дороги, — обратилась Дарлионна к мертвякам. — Извечная Дарлионна желает увидеть владыку.

Мертвецы не сдвинулись ни на пядь, зато почти сразу же к кольценосице подошел мрачный некромант, на чьем бледном лице застыло странное неприязненное выражение.

— К владыке нельзя, о извечная, — чуть склонив голову, произнес он. — Распоряжение Госпожи Тартионны.

«Ну конечно, чье же еще. Ледяная Ведьма, я погляжу, не теряла времени даром».

— Я — Дарлионна, дочь извечного Арлиана — владыки и наместника Кинории, — высокомерно ответила она. — Подумай, некромант, точно ли ты хочешь заграждать мне дорогу.

Ни единый мускул не дрогнул на лице чародея, вместо этого он, точно мертвяк, ответил:

— Жизнь владыки в безопасности, однако до тех пор, пока он не проснется, никто не войдет в его покои без соизволения Госпожи, о извечная.

Дарлионна едва заметно скрипнула зубами.

— Ты смеешь перечить мне? — начала она было, но тут резкий неприятный голос остановил зарождающийся спор.

— Смеет, потому что так приказала я!

Дарлионна резко обернулась и встретилась взглядом с Тартионной.

Жена императора шла в сопровождении маршала Иритиона.

— Моя госпожа, — Дарлионна поклонилась, как того требовал этикет.

— Извечная, — Тартионна небрежно кивнула собеседнице.

— Я хотела бы взглянуть на владыку, — решила сменить тактику Дарлионна.

— В настоящий момент это невозможно, — безапелляционным тоном заявила жена императора. — К тому же, ты, должно быть, устала с дороги, так что отдохни, прими ванну, а потом — хорошо выпись. Столь юным и прелестным особам следует заботиться о своей внешности.

Дарлионна дернулась, будто от пощечины, но лишь покорно склонила голову и, круто развернувшись на каблуках, заскользила к своим покоям.

Щеки ее пылали от ярости. Такое унижение!

Извечная не могла сказать точно, что именно бесило больше — приказной тон, запрет делать то, что ей хочется, или мерзкий намек на то, что она — всего лишь смазливая кукла, которой нечего лезть, куда не следует.

«Я бы додавила этого труповода, не появись тут Ледяная Ведьма», — злобно подумала она. — «И откуда узнала, страхолюдина? А, ну да».

Пока она пробивалась к императорским покоям, служанка затерялась где-то в замковых переходах. Видимо, побежала докладывать хозяйке... Ну ничего, она ей устроит!

Скрипнув зубами от ярости, Дарлионна распахнула дверь в свои покои... И застыла, вытаращив глаза от удивления.

— Госпожа, удалось ли тебе увидеть владыку?

Служанка, чьего имени Дарлионна так и не запомнила, ждала ее. Посреди комнаты стояла огромная ванна, до краев наполненная исходящей паром водой, на обеденном столе томился плотный, но изысканный обед, а на кровати лежали сразу три платья.

Ярость Дарлионны улетучилась, будто ее и не бывало, но для острастки она все-таки резко спросила:

— Где ты была?

— Когда ты умчалась вперед, о госпожа моя, я подумала, что будет неплохо заранее подготовить тебе ванну с дороги, а также — найти что-нибудь пожевать.

— Что-нибудь? — изящная бровь Дарлионны взлетела вверх, когда та подошла к столу и внимательно изучила перечень блюд.

«Проклятье, как этой девчонке удалось добыть все это столь быстро? А она действительно хороша»!

Служанка чуть покраснела от похвалы и вновь поклонилась.

Быстро раздевшись, Дарлионна погрузилась в приятное, пропитанное ароматами хвои, тепло горячей ванны и блаженно зажмурилась. На какое-то мгновение неудачная встреча с Ледяной Ведьмой отступила назад, ушла куда-то вглубь, отгоняемая неземным блаженством, даруемым уставшему телу чистой и теплой водой.

— М-м-м, — простионала кольценосица, — ты просто волшебница.

И тут красавица вдруг подумала: «Нечестно, что столь хорошие исполнители служат этой уродине! Такая, как она, должна служить мне! Хм-м... А это мысль»!

Дарлионна посмотрела на служанку, и ее губы разошлись в улыбке.

«А, ведь, действительно, почему бы и нет. Конечно, действовать придется аккуратно, но, думаю, все возможно».

— Ты молодец, можешь отдыхать, — похвалила свою служанку Дарлионна. — Дальше я справлюсь сама... Только одна просьба.

— Да, госпожа?

— Постарайся добыть для меня какие-нибудь свежие новости о владыке.

* * *

— Проснись, молю, — Тартионна склонилась перед постелью, на которой, бледный и недвижимый, лежал муж.

В этот момент он казался таким слабым и ранимым, что сердце женщины, которую некоторые считали непробиваемой, сжалось от мучительной боли.

«Как такое могло произойти? Как несколько жалких убийц сумели ранить тебя? Как они вообще проникли во дворец?»

Ни на один из этих вопросов у Тартионны не было ответа, отчего становилось лишь горше.

Когда гвардейцы, прибежавшие на шум схватки, нашли императора, рядом с ним валялся обугленный до неузнаваемости труп, увешанный таким количеством артефактов, что, продав их, можно было бы купить целый замок. Останки еще трех убийц валялись неподалеку — в разных углах сада.

Сила, которую на противников обрушил Властелин, была столь велика, что никакой возможности допросить трупы попросту не оставалось, хотя Гартин, забравший покойников, и пытался сделать все, что только возможно. Ну, этого и следовало ожидать, честно говоря, но от осознания как-то не становилось легче.

Тартионна издала тяжкий протяжный вздох и вновь посмотрела на императора. Мужчину, которого она любила всем сердцем. Отца ее ребенка. Величайшего мыслителя и стратега своего времени...

Какой же он сейчас беззащитный и ранимый!

Она наклонилась над спящим и поцеловала того в лоб.

— Пожалуйста, проснись, — прошептала она. — Мне тяжело одной.

Ответа не последовало и Тартионна повторно вздохнула.

«И что мне делать»? — подумала она. — «Как быть, если ты не проснешься?»

Этого вопроса императрица боялась, она бежала от него, как от огня, но прекрасно понимала — ответить на него придется, и чем быстрее, тем лучше. Да, на людях она, заковав сердце в лед, оставалась непоколебимой и несокрушимой; да, она наводнила город и окрестности шпионами; да, она приложила все силы для того, чтобы вести о ранении императора не вышли за пределы Черной Цитадели; да, она начала подготовку к истреблению всех недовольных, если потребуется, но...

Но лишь здесь, наедине с бессознательным мужем, чародейка могла быть самой собой — слабой женщиной, жаждущей опереться на крепкое плечо.

— Я не справлюсь без тебя, — тихо, одними губами, прошептала Госпожа Империи Таараш. — Пожалуйста, приди в себя. Ради страны, ради меня. Ради нашего сына...

На какой-то миг ей показалось, что брови императора дернулись, и чародейка затаила дыхание, вглядываясь в дорогие черты, но...

Секунды шли, складываясь в минуты, а ничего не менялось. Император все так же обитал в мире грез.

— Мне пора, — Тартионна поднялась и вымученно улыбнулась. — Дела ждут. Нужно продержаться до твоего пробуждения. Пожалуйста, возвращайся скорее.

Коснувшись плеча своего мужа, Ледяная Ведьма покинула покои больного.

Последней ее мыслью до того, как дверь закрылась, была: «И, когда проснешься, я прослежу, чтобы эта сука Дарлионна не подобралась к тебе на арбалетный выстрел!»

Где-то, когда-то.

Шахрион со вздохом огляделся.

Это место было ему знакомо — деревья Леса Смерти и возвышающиеся вдалеке Горы Ужаса сложно было спутать с чем-нибудь еще.

Он стоял на небольшом холмике, а чуть поодаль маршировала армия. Огромная армия.

Тысячи воинов, облаченных в ярко отполированные медные доспехи и снабженные

ростовыми щитами, всадники на конях без стремян, лучники в туниках до колен.

«Старые легионы», — понял император. — «Видение опять вернуло меня ко временам основания Империи? Выходит, что так».

Он огляделся по сторонам, надеясь найти ту странную сущность, с которой беседовал уже несколько раз, но никого не было.

Постояв немного и поглядев на солдат, император пожал плечами и пошел рядом с ними, обгоняя едва плетущихся людей.

Ради интереса он коснулся одного из них, и рука прошла насквозь, не встретив сопротивления.

«Всего лишь иллюзия, как и все тут», — подумал Шахрион. — «Проклятая иллюзия, которую, вполне может быть, мне демонстрирует Тень, чтобы подарить призрачную надежду, а затем — безжалостно растоптать ее».

Но, в любом случае, выбора у него не осталось, а потому, император продолжил идти.

Он не мог сказать точно, как долго продолжалось это путешествие, но, наконец, Шахрион оказался посреди большого лагеря, выстроенного в лесу. Точнее, прямо посреди огромной, расчищаемой буквально на глазах, просеки.

«Это же»... — подумал император, вспоминая, где именно видел похожие места, — «неподалеку от гнезда тирихариев не иначе».

Для надежности он взглянул на горы, торчащие на востоке, и кивнул своим мыслям.

«Я вижу, как первый некромант закладывал новое поселение? Или что? Но зачем тогда ему столько солдат?»

Шахрион напряг память, пытаясь вспомнить, когда этот город был возведен, но не смог. Ранняя история Империи Таараш вообще являлась штукой достаточно расплывчатой. Было доподлинно известно, что его тезка — Шахрион Первый — объединил под своей властью практически все человеческие земли, лишь непокорные исирины на западе, да далекие аблиссцы на севере не покорились власти этого могучего императора.

Он создал Империю, управлял которой, как рассказывали легенды, больше пяти сотен лет, и все это время никто не смел перечить избранному.

Впрочем, подобные рассказы очень уж напоминали разговоры о золотом веке, безвозвратно утраченном из-за пороков современников, а потому Шахрион не верил им ни на грош.

Он огляделся по сторонам и заметил невдалеке группу хорошо одетых людей, плотным кольцом окруживших кого-то. Подойдя поближе, Черный Властелин узнал своего старого знакомого.

— Постарайтесь как можно быстрее укрепить лагерь, — командовал тот, — после чего — отправляйте третий легион в предгорья. Нужно помочь работникам возвести крепость.

— Да, владыка, — хором отозвались сразу трое.

— Убедитесь, что получаете достаточно продовольствия, — продолжал командовать мужчина.

— Да, владыка, — ответили еще двое.

— И ради Матери, не вздумайте вступать в бой раньше времени!

— Будет исполнено! — рывкнули они одновременно и тотчас же убежали прочь, выполнять распоряжения.

Теперь Шахрион мог разглядеть говорившего лучше. Он был уже немолод — выглядел лет на тридцать пять-сорок. Впрочем, отмеченные Матерью старели медленнее простых

смертных, а потому, ему с таким же успехом могло быть и больше века, но отчего-то Шахриону казалось, что это не так.

Подле мужчины стояли два юноши, на чьих подбородках еще не начала расти настоящая щетина.

— Отец, — обратился один из них, — ты уверен в том, что мы поступаем правильно?

— Нет, — после непродолжительного молчания ответил император. — Но у нас нет выбора. С ней произошло то же, что и с остальными. Мы должны остановить это безумие раз и навсегда.

Говорил он тихо, с грустью в голосе, но уверенно и непоколебимо.

— Четверо мертвы, — продолжал император. — Остались лишь я и она. И я буду тем, кто закончит все это, даю слово, дети мои!

Юноши опечаленно поклонились.

— И вот еще что... — проговорил вдруг первый некромант.

— Да? — наострились уши его сыновья.

— Через пару дней вы получите два письма. Содержимое каждого будет одинаковым — место моего погребения в Горах Ужаса, а также — ритуалы, которые должно свершить. Когда час придет, вы будете обязаны исполнить все в точности. Поклянитесь мне.

— Клянемся, — не раздумывая ответили юноши, преклонив колени перед своим отцом и правителем.

— Очень хорошо, — император улыбнулся им. — Я верю, сыновья, что вы вырастите достойными наследниками.

Он говорил, а Шахрион стоял, точно громом пораженный. Место захоронения Первого Некроманта... Самая главная загадка, оставленная создателем Империи потомкам.

Никто, ни одна живая душа, не знала, где именно покоятся останки великого человека, и если действительно получится их отыскать...

Черный Властелин сглотнул.

Да, найти эту могилу было бы...

«Так, стоп? Было бы — что? Как мне она поможет? Что поведает?»

— Ты зря думаешь, что это — просто могила, — послышался вдруг голос за спиной.

Шахрион вздохнул и обернулся... после чего замер, потеряв дар речи.

На сей раз сгусток тумана принял форму. Высокий седовласый человек в черных доспехах, с черным же плащом за спиной. Суровое волевое лицо, карие глаза, морщины на лбу и под глазами... Но не узнать этот нос, эти скулы, этот подбородок было невозможно.

Шахрион уже видел его, причем не один раз. И все время — тут, в странном мире видений и грез.

Именно этот человек, будучи еще юношей принес в жертву своего ребенка. Именно он штурмовал замок с деревянным частоколом. Он первым пронзил сердце жертвы. И он отдавал приказы своим сыновьям. А еще — именно он поднимал из могилы чудовищного рыцаря смерти в видении, которое пришло к Черному Властелину пять лет назад. Теперь он вспомнил это и узнал своего собеседника.

Шахрион Первый. Самый сильный, самый могущественный и самый таинственный чародей в истории.

Черный Властелин опустил на одно колено и склонил голову в знак уважения.

— Поднимись, — приказал первый некромант. — Поднимись и слушай, у тебя осталось очень мало времени.

— Как будет угодно владыке, — ответил император, поднимаясь и смотря в глаза собеседнику. — Но почему ты показался мне только сейчас? Для чего прятался в образе тумана? И что ты такое? Дух? Видение? Послание из глубин времен? Или просто мое безумие?

Император грустно покачал головой.

— Я не могу ответить на все твои вопросы.

— Почему? Что в этом сложного?

— Она... Она еще недостаточно сильна. А значит, недостаточно силен и я... Это сложно объяснить. Я — тень, отражение даже не себя, а моей тени.

— Слишком много Тени в одном предложении, — проворчал Шахрион.

— Не надо было выпускать ее на свободу, — неожиданно резко ответил основатель Империи Тьмы. — Ты сам виноват в тех бедах, что уже обрушились на мир, и обрушатся в будущем...

Он резко дернулся.

— Скоро ты проснешься, я не могу рассказать всего, что знаю, но мы еще встретимся, и чем ближе будет момент истины, тем больше начнет открываться тебе. Таковы условия, и я не в силах их нарушить. Пока скажу лишь одно: твое время на исходе, осталось от силы несколько месяцев. Ищи мой склеп.

— Но где?! — в отчаянии воскликнул Шахрион. — Где мне искать его?

— Ты знаешь, — ответил император.

А в следующий миг видение начало истаивать. С каждой секундой оно становилось все более расплывчатым, неясным, все больше и больше походило на марево, мираж, навеянный жарким солнцем пустыни, и вот, наконец, совсем истаяло.

И опять вокруг не осталось ничего, кроме темноты.

Шахрион дернулся и... открыл глаза.

Глава 16

Пятнадцатый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

Китарийон с интересом изучал открывшийся вид. Что ни говори, а Зантриан недаром носил имя Жемчужины Востока: огромный, окруженный высокой стеной, с множеством башен, этот город приковывал к себе взгляд, радовал и пугал одновременно, но, при этом, вызывал трепет и восторг.

Выстроенный на самой границе пустыни, Зантриан знал множество осад, но продолжал возвышаться, подобно одинокому утесу посреди безбрежного моря: гордый, могучий, непокоренный.

А подле города разбило лагерь воинство. Двадцать тысяч легионеров и четыре тысячи гвардейцев, поддерживаемые сотней боевых магов. Сила, способная сокрушать государства была полностью в его власти и ждала лишь приказа.

И вот, замерев перед выстроившимися ровными рядами воинами, Китарийон с некоторой ностальгией вспоминал былые деньки, когда точно также приходилось произносить речи перед бойцами гвардии. Правда, сейчас было некоторое отличие: существованию Империи Тьмы не угрожал враг, добрую половину армии составляли живые мертвецы, а за его спиной находились два чародея чудовищной силы.

И, тем не менее, он волновался, как и в первый раз.

Наверное, к подобному нельзя привыкнуть.

Кольценосец набрал полную грудь воздуха и прокричал:

— Воины, сегодня мы выступаем в поход!

Его голос, усиленный магией, разносился над всем войском, достигая каждой пары ушей и, как надеялся Китарийон, находя отклик в каждом сердце.

— Да, это не наша война. Там, — он ткнул мечом вперед, в пустыню, — лиосцы сражаются друг с другом. Но осажденные — наши союзники. Они в трудный час протянули Империи руку помощи, так кем же мы будем, если бросим их на произвол судьбы, не попытавшись даже сделать что-нибудь? Кем, я вас спрашиваю?!

По войску пошел сперва шепот, затем — гул. Люди все больше и больше заводились, а вместе с ними заводился и Китарийон.

— Мы выступаем! Прямо сейчас! Мы дойдем до столицы халифата и не только снимем осаду, но и загоним этого Бича Пустыни туда, где ему самое место — в песок!

Дружный рев поддержал это высказывание генерала.

— Вперед, доблестные воины Империи, вперед, и покажем врагам нашу силу и отвагу!!! — взревел Китарийон и воины, ответив ему яростным кличем, принялись строиться в походную колонну.

Генерал вытер пот, выступивший на лбу, и обернулся, точно желая получить одобрение Кширитиона.

Хмурый маг ничего не ответил, а вот гоблин, напротив, оказался доволен. Его рот был раззявлен буквально до ушей, а в глазах Китарийон заметил чистую, незамутненную радость.

— Хорошо сказано, о могучий из могучих, да, да, старый и жалкий Инуче знает, — затараторил он. — Очень, очень хорошо сказано, да, да.

Китарийон тронул коня, ведя его в центр колонны. Спутники, а также отряд

телохранителей-гвардейцев из числа лучших рыцарей смерти Империи двинулись следом.

— Благодарю, — вежливо ответил он гоблину. — Жаль только, не ощущаю той уверенности, что была в моем голосе.

Говорил он тихо, чтобы простые воины не смогли услышать, но все равно не сдержался, и огляделся по сторонам в поисках любопытных ушей. Не найдя ничего подозрительного, Китарион обратился к некроманту.

— Кшпиритион, а что ты думаешь по поводу нашей миссии?

— Двигаться придется быстро, — некромант нахмурился даже больше, чем обычно. — У нас мало времени — город долго не продержится. И бой предстоит жаркий.

Китарион прикрыл глаза и восстановил в памяти беседу, произошедшую в первый же день после отбытия из Черной Цитадели. Они вместе с сотней телохранителей как раз остановились на привал — никто не хотел пробираться через горы в темноте — и кольценосец изучал документы, переданные владыкой. Численность армии, возможности лиоссцев, их вооружение. Их чародеи.

Он трижды перечитал информацию о лиосских колдунах, затем, наконец, задал Кшпиритиону и Инуче вопрос:

— Что значит, не больше трех полноценных магов и пяти учеников? Может быть, все-таки, речь идет о кругах?

Ответ дал Инуче.

— Война в Лиосском Халифате идет уже больше сотни лет. Как думаешь, почему предки владыки не попытались продвинуться на восток дальше Зантриана? Почему Жемчужина Востока стоит на самой границе степи и пустыни? Что не позволило тем же аблиссцам захватить богатое побережье?

— И что же?

— Певцы песка. Их очень мало, но каждый стоит добрых две, а то и три дюжины хорошо подготовленных чародеев.

— Но почему тогда они не захватили власть в халифате? Почему не попытались объединить всех? Почему никто и никогда не слышал про них?

— Маги слышали. Колдуны лиоссцев неизвестны простым смертным потому, что никогда не покидают своих пустынь. Поразительно сильные среди барханов и дюн, они мало на что годны там, где почва тверда, и где текут реки. Вот только...

— Вот только драться с ними тут — та еще морока, — закончил за зеленого недомерка Кшпиритион. — Слишком опасны. Но не думай, что мы проиграем этим чешуйчатым! Владыка отлично понимает, с чем предстоит столкнуться, а потому передал достаточно магов для того, чтобы сдюжить даже с пятью полноценными лиосскими певцами песка, а такого количества у них не будет. Мы защитим армию!

— И все же, — безо всякого подобострастия добавил Инуче, — не советую расслабляться.

— И не думал, — серьезно ответил кольценосец.

Китарион открыл глаза, прогоняя воспоминания прочь, и подозвал жестом адъютанта.

«Да, расслабляться я не стану».

— Передай приказ: утроить число разездов. Дюжина чародеев пусть непрерывно прочесывают местность с помощью птиц. Всех живых — в центр, под охрану замерших и рыцарей смерти.

Отсалютовав генералу, юноша сорвался с места и бросился исполнять приказ.

Глядя ему вслед, Китарион думал: «Это, безусловно, задержит нас, но, по крайней мере, поможет свести к минимуму вероятность засады».

Он по своему опыту знал, сколь разрушительными и опустошительными те могут быть, и совершенно не горел примерять на себя роль, которую пять лет назад отыгрывали вторгшиеся в Империю кошки.

Больше всего его сейчас беспокоила растянувшаяся на добрых пять миль колонна, собрать которую в случае серьезной заварушки получится ой как нескоро! Будь его воля, Китарион бы разделил армию на пару отрядов, которые отправил бы параллельными курсами по разным дорогам... Вот только где было взять эти самые дороги посреди пустыни?

С каждым новым шагом на восток, становилось все жарче и жарче, а степь все быстрее и быстрее уступала место барханам. Лишь имперский тракт — эта тонкая нитка, тянущаяся с одного побережья континента до другого — позволяла хоть как-то ориентироваться в море солнца и песка. Шаг влево, шаг вправо — и мир исчезал в лабиринте иллюзий посреди бескрайнего желтого океана. А нитка, увы, действительно была тонкой. Если бы не регулярные караваны, а также — магия, оставшаяся еще в древних каменных плитах, дорогу давным-давно бы поглотила пустыня.

В каком-то роде, это сильно смахивало на то, с чем пришлось столкнуться покойному генералу Бирту, когда его армия пересекла границу Империи.

«Вот только посреди лесов и болот хотя бы было прохладно», — подумал Китарион, скидывая камзол и оставаясь в одной льняной рубахе. — «Надеюсь, мы взяли достаточно воды, потому как если нет, добрая половина живых в армии попросту не доберутся до поля боя».

Двадцатый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), ночь.

Уже на второй день после выхода из Зантриана Китарион принял решение маршировать по ночам, и вот, пять суток спустя, его армия продолжала нарезать мили исключительно при свете звезд.

Пока все было спокойно — лишь небольшие поселения попадались на пути, да немногочисленные купцы и торопящиеся по своим делам лиоссцы. Никто не проявлял враждебности, что было неудивительно, учитывая размеры армии, все охотно продавали продовольствие и воду, а заодно — делились сведениями.

Впрочем, генерал не питал иллюзий. Он не сомневался, что Бич Пустыни уже знает с приближением имперцев и готовит теплый прием. Ну, лично он бы так и поступил, а Китарион старался не смотреть на врагов свысока.

Тем более на таких, кто уже продемонстрировал умение делать неожиданные ходы.

Именно поэтому дозоры лишь увеличились, а передвижение — замедлилось.

До Айшшира оставалось не больше трех переходов, а значит, сейчас самое подходящее время для того, чтобы дать по зубам обнаглевшим имперцам. Ну, по крайней мере, с точки зрения пустынных воинов.

Именно поэтому Китарион последние дни не находил себе места. Он ерзал в седле, точно был посажен на горох, то и дело проверял, хорошо ли меч выходит из ножен, и поминутно дергал магов, управляющих мертвыми воронами, уточняя, не нашли ли те что-нибудь подозрительное.

Наконец, не выдержал даже Кштиритион.

— Генерал, прошу, успокойся уже, — мрачно попросил он. — Мне тоже не по себе, но это не повод изводить собственных людей, знаешь ли.

— Прошу прощения, — вздохнул Китарион, в очередной раз положив ладонь на рукоять меча. — Просто что-то не так. Моя интуиция прямо воеет об этом, а понять причину не могу.

— Это не повод приставать к магам.

Китарион горестно вздохнул и обратился к шаману.

— Уважаемый Инуче, нет ли каких-нибудь новостей от твоих гоблинов?

Вместе со старым колдуном к армии Китариона присоединился отряд почти в тысячу гоблинов, большая часть которого сразу же испарилась — Инуче отправил своих подчиненных в дальнюю разведку.

— Нет, о осторожнейший из осторожных, — горестно выдохнул шаман, дергая ушами. — Все тихо и спокойно.

— Нет, не все, — покачал головой Китарион, чье волнение достигло предела. — Что-то надвигается, я чувствую это.

И, точно только этого и ждали, один из магов вдруг закричал:

— Враги!

— Где? — Китарион, точно охотничья собака, взял стойку.

— Почти полторы сотни всадников в полумиле к востоку от нас.

— Немного, — задумчиво отметил Кштиритион.

— Думаю, хотя просто прощупать нас, и все же, все же...

Китарион задумался.

Как поступить? Продолжить движение или остановить армию и начать подтягивать растянувшиеся сотни? С одной стороны, маленький отряд лиосцев не должен стать серьезной проблемой, но, с другой... А что, если это все — хитрая ловушка?

«Нет, я становлюсь параноиком», — решительно оборвал себя Генерал. — «Даже если это — ловушка, то можно попробовать ответить врагу его же монетой».

— Скорость движения не снижать, магов разделить на два круга: атакующий и оборонительный, подготовить три сотни рыцарей смерти для быстрых фланговых маневров. При этом — не спугните врага. Исполнять! — начало он отдавать приказы, ощущая, как волнение покидает тело, как остается лишь холодная уверенность и решимость идти до самого конца. — И вот еще что, подготовьте дополнительные факелы, но не зажигайте их, ждите команды.

Его приказы исполнялись четко, быстро, и без лишних вопросов.

И десяти минут не прошло, как все было готово, и теперь оставалось лишь ждать: будет ли это всего лишь небольшая разведка боем, хитрая засада, которая выльется в крупное сражение с атакующим вражеским отрядом, или, не произойдет ничего.

Некоторое время они двигались молча, наконец, Кштиритион, не выдержав, лично взял контроль над парой птиц, и принялся оглядывать окрестности.

— Что-то здесь не так, — мрачно проворчал он, будто пародируя Китариона, сказавшего то же самое совсем недавно.

— Что именно?

— Не знаю, если честно, может, твоя паранойя заразна.

— Ну спасибо.

— Всегда пожалуйста.

— Видишь места, подходящие для засады?

— Вообще ни единого. Голая пустыня по обе стороны дороги и этот отряд, маячащий поблизости.

Сейчас Китариону очень не хватало какого-нибудь магического ночного зрения, а еще лучше, умения контролировать мертвых птиц, за последние пять лет прочно ставших глазами и ушами легионов переродившейся Империи.

— Знаешь... — продолжал некромант. — Я, кажется, понял, что именно мне не нравится.

— Да?

— Очень уж они демонстративно крутятся около нас, будто отвлекают от чего-то важного...

— Отвлекают, говоришь... — задумчиво протянул Китарион, а затем его лицо вытянулось, и кольценосец не своим голосом заорал, — усилить охрану обоза, немедленно!

И, подавая пример, помчался назад, соскочив с дороги, и, бросив коня в песок, направил его туда, где находился обоз.

Они почти опоздали. Почти.

Когда генерал, окруженный телохранителями, подлетел к повозкам, благо, находился он недалеко от них, там уже разгорелся бой. Несколько сотен закутанных в толстые меховые одежды лиосцев яростно рубились с охраной, а еще несколько жителей пустыни, подбирались к телегам, держа в руках небольшие стеклянные флаконы.

Китарион сразу понял, что именно они собираются сделать, и, взревев, обрушил меч на ближайшего врага, разрубая того едва ли не до пояса.

Второго противника затоптал его конь, а третьему генерал снес голову с плеч, и только после этого в бой вступили телохранители, а затем — резервные сотни рыцарей смерти, подготовленные для отражения внезапных атак.

Еще один лиоссец, обливаясь кровью упал на землю, но его товарищ метнул в сторону Китариона свой флакон. Увернуться генерал уже не успевал, а потому инстинктивно поднял щит, прикрывая лицо.

«Проклятье, надеюсь, обойдусь потерей одной лишь руки», — подумал он, но секунды сменяли одна другую, а ничего не происходило: ни звона стекла, ни рева высвобождаемого жидкого пламени, ни кошмарной боли.

Открыв глаза, он с удивлением уставился на фиал, замерший в воздухе. Затем, обернувшись, с облегчением увидел Инуче.

Шаман гоблинов спокойно подъехал к генералу на своем небольшом пони и небрежным движением руки заставил стеклянную колбу приземлиться к себе на ладонь.

— Не стоит так безоглядно рисковать, — без тени заискивания или веселья в голосе проговорил он. — Я мог бы опоздать.

— Спасибо, Инуче, я твой должник.

— Сочтемся при случае, — гоблин подбросил склянку в руке и указал вперед. — Все-таки эта дрянь очень опасна.

Китарион повернулся в указанном направлении и выругался — целых три повозки пылали, вздымая к небесам языки пламени. Обслуга пыталась потушить их, но без особого успеха.

— Песок, болваны! — неожиданно заорал Инуче. — Вода не поможет! Песок, впрочем, тоже, — прошептал он куда тише, едва ли не себе под нос. — От змеиного огня мало что способно защитить.

Несмотря на некоторую критичность этого замечания, когда горящие повозки начали засыпать песком, ситуация хоть немного, но улучшилась. По крайней мере, пламя стало медленно затухать.

Китарион огляделся. Схватка вышла яростной, но скоротечной — враги, потеряв почти четыре десятка бойцов, спешно отступили, преследуемые рыцарями смерти. Скорее всего, те прикончат еще с десятков, но...

— Отзовите кавалерию, — распорядился генерал. — Не хочу напороться на еще одну ловушку. — Полчаса на то, чтобы заглушить пламя, убрать телеги с тракта, и привести здесь все в надлежащий вид, после чего, выдвигаемся.

Он взглядом отыскал адъютанта, поманив пальцем, указал на тело одного из замерших, которому попросту раскроили череп чем-то очень тяжелым вроде боевого молота.

— Подготовь отчет о потерях.

— Слушаюсь! — отсалютовал воин. — Сейчас же исполню.

— Вот и славно, — Китарион спрыгнул с седла, при этом его ноги по щиколотки погрузились в песок. — Кто-нибудь может объяснить мне, откуда взялись ящерицы и каким это образом наши доблестные разведчики и маги их проглядели?

— Думаю, я смогу, — к ним подъехал настороженный Кштиритион. — Пока ты проявлял чудеса героизма, я внимательно отслеживал ситуацию в колонне.

— И что?

— Нас атаквали в двух местах. Тут и...

— В арьергарде? — без удивления уточнил Китарион.

Некромант приподнял брови.

— Как ты догадался?

— А что тут догадываться? Я бы поступил точно также, — пожал плечами кольценосец. — Примитивная, но очень эффективная тактика. Колонна растянута, мы не сможем быть везде одновременно, а значит, атаковать следует либо самые ее уязвимые места, либо — самые важные.

— То есть бить по голове и хвосту, либо по обозу и командирам?

— Да. Но можно и смешать эти две цели, почему нет, — отмахнулся Китарион. — На войне воображение имеет первостепенное значение, а у нашего врага оно, определенно имеется. Так что ты видел?

Вместо ответа Кштиритион подошел к ничем непримечательной кучке песка и пнул ее. Вместо того, чтобы погрузиться в сыпучую субстанцию, нога с глухим звуком ударила по чему-то легкому. Подойдя поближе, Китарион присел и коснулся рукой места удара.

Под пальцами ощущалась теплая гладкая поверхность.

Хмыкнув, генерал засунул руки в песок, нащупал кромку странной конструкции и, потянув вверх, перевернул ее. Это оказался легкий купол, прикрывающий небольшую, весьма неприятно пахнущую яму.

Китарион прикинул, что, будучи засыпанным песком, он практически незаметен даже с очень близкого расстояния, а потому, спрятавшись в таком укрытии, и подождав денек-другой, можно с легкостью устроить врагу неприятный сюрприз.

«Правда, какой же силой воли нужно обладать для того, чтобы часами сидеть почти без движения, еды, воды и возможности сходить в туалет, обняв оружие и подложив под спину теплые вещи, которые обязательно понадобятся ночью?» — подумал он. — «Да, наши враги — серьезные противники».

— Стало быть, они подождали, пока мы пройдем мимо, затем аккуратно выбрались и атаковали колонну? — задал очевидный вопрос Китарион. — А почему никто не заметил их? Ладно — глазами, но неужели даже магия не помогла?

Кшпиритион недовольно зыркнул на него.

— Не помогла, — огрызнулся чародей. — Птицы не могут смотреть сквозь песок.

— Что ж, вот ты и нашел себе занятие на ближайшие дни, — улыбнулся другу Китарион. — Будешь придумывать магические контрмеры.

— Счастлив так, что словами не передать.

— А ты попробуй.

Некромант что-то пробурчал, и отошел от кольценосца, на ходу раздавая приказы подчиненным. Тотчас же несколько живых мертвецов подхватили то, что осталось от нападавших, и потащили тела к повозкам повелителей смерти.

«Ладно, с этим, думаю, Кшпиритион справится сам, теперь вопрос, как поступить дальше?»

Идеальным вариантом, конечно же, было остановиться и подождать день-другой, пока некроманты не подготовят какой-нибудь ответ врагам, но такой роскоши он был лишен.

«Наши враги тянут время. Скорее всего, они уже начали штурм, а значит, мы должны спешить. Но эта засада»...

Способ организации атаки, говорил об одном: пустынные жители прекрасно знали о том, как работает разведка в армиях Империи, и подготовили контрмеры и против людей, и против оживленных ворон, и против тех, кто вернул этим самым птицам уродливое подобие жизни.

Разузнать все самостоятельно лиосцы, определенно, не могли, а потому, напрашивался неприятный вывод: нашлись добрые люди, которые все объяснили детям пустыни. Из этого очевидного умозаключения, следовало иное, не менее очевидное: враги перешли к активным действиям.

Да, у них сейчас нет возможности ударить по Империи Тьмы со всей силы. Разгромленная Лига Света еще не скоро станет напоминать хоть что-то, способное защищать свои интересы. Но это не значит, что наступили тихие и спокойные времена. Нет, война лишь приобрела другой характер.

«А ладно, пусть об этом у владыки голова болит. Моя задача проста — помочь союзнику, разбить противника. Ни больше, ни меньше, а потому... Где носит этого бездельника?»

Он был несправедлив к помощнику, потому как выделенное тому время и не думало заканчиваться, но все-таки кипучая натура Китариона жаждала действий.

Впрочем, адъютант справился блестяще — армия еще не успела тронуться в путь, как он, верхом на взмыленной лошади, прискакал к своему командиру.

— Докладывай.

— Убито пятьдесят два замерших. Три рыцаря смерти. Пятнадцать живых легионеров. Сгорели четыре телеги с продовольствием и водой и одна — со стрелами. Серьезного ущерба не нанесено.

— Благодарю, — кивнул ему Китарион. — Передай мой приказ тысяче Ниришиона — с этого момента пять сотен рыцарей смерти должны проверять подступы к колонне на триста шагов с каждой стороны от дороги. Пусть ищут замаскированные укрытия. Оставшиеся пять сотен усилят авангард.

— Слушаюсь, — отсалютовал адъютант и ускакал выполнять приказ.

— Думаешь, они повторяют этот трюк? — хмуро поинтересовался Кшпиритион.

— Я бы попытал счастья еще разок, — не задумываясь, ответил генерал. — Хотя, конечно, чередование — эффективней.

Некромант пожевал кончики губ.

— Стало быть, нам готовиться к какому-нибудь еще сюрпризу.

— Тебе — разбираться, как обнаружить спрятавшихся в песке ящеров, причем — немедленно.

Кшпиритион вздохнул.

— Иду, иду, нечего так волноваться.

— Перестану, когда ты выполнишь поставленную задачу.

Возведя очи горе, чародей покинул генерала, оставив того наедине с гоблином, чем старый шаман тотчас же и воспользовался.

— Полагаешь, о великий из великих, что подлые лиоссцы продолжают беспокоить могучую и несокрушимую армию?

— Должны, — кивнул кольценосец. — Выбор у них небогат: либо снимать осаду и отходить, либо задержать нас, обескровив настолько, насколько получится, и организовать решительный штурм города. Я бы выбрал второй вариант и убежден, что Бич Пустыни также предпочтет рискнуть.

— Чутье воина, о дальновидный? — вкрадчиво поинтересовался гоблин, забавно хлопнув ушами.

— Можно сказать и так... Проблема в том, что я не знаю полководца, с которым нам предстоит сразиться. Все эти дни изучал ответы об армии лиоссцев, а вот о Биче Пустыни в них не нашлось почти ничего, — он с надеждой посмотрел на Инуче. — Быть может, верховный, тебе что-нибудь удалось выяснить?

Гоблин довольно осклабился.

— Я ждал, когда же мудрейший из мудрых задаст этот вопрос жалкому и ничтожному Инуче, да, да.

Китариион терпеливо молчал, позволяя старому шаману выговориться — тому, определенно, это было необходимо.

— Гайшшар сын Ишшаррисса, именуемый также Бичом Пустыни, мало известен за пределами Лиосского халифата, о мудрый из мудрых.

— И даже твои вездесущие подданные не смогли ничего разнюхать?

Довольный гоблин осклабился.

— Кое-что смогли, о несравненнейший.

— И что же?

Гоблин вновь дернул ушами и выдал тираду, суть которой сводилась к тому, что лишь столь невыносимо мудрый генерал, как Китариион, в невыносимой своей мудрости невыносимо мудро обратившийся к невыносимому шаману, способен правильно использовать даже те обрывки сведений, что удалось добыть.

После этого он, видимо, истощив на какое-то время свое красноречие, приступил к пояснениям.

Из рассказа гоблина выходило, что претендент на титул халифа всей Лиоссии, начинал как сын вождя небольшого племени, которые здесь водились просто в товарных количествах. Так бы он жил, пас стада, управлял горсткой подчиненных, если бы не произошел какой-то

инцидент. Какой именно — установить не удалось. Кто-то считал, что эти самые стада были украдены злым наместником. Кто-то полагал, что злой наместник похитил его жену. Кто-то утверждал, что злой наместник погубил первенца Гайшшара.

Так или иначе, все замыкалось на некоем «злом наместнике». Существовал ли он в реальности, был ли действительно настолько злым — история умалчивала.

Однако — это гоблину удалось выяснить наверняка — свои подвиги Гайшшар начал именно с убийства наместника провинции, в которой кочевало его племя. Так что, возможно, слухи, действительно имели под собой какое-то основание.

Когда местный правитель, не подчиняющийся, естественно, никому, кроме себя, отправил против бунтовщика небольшой отряд, произошло странное — солдаты перешли на сторону восставших, едва ли не утроив численность армии молодого лиосса.

Затем, последовала серия дерзких, но очень удачных нападений на владения правителя, которые принесли Гайшшару не только славу, но и богатство.

После этого к молодому, амбициозному и очень, очень везучему вождю рекой начали стекаться недовольные, алчные, и просто любящие хорошую драку воины, а его сила принялась расти, точно снежный ком.

Один удачный набег за другим, одна победа, а следом за ней — другая. Гайшшар продвигался от триумфа к триумфу, быстрый, дерзкий, неуловимый.

За каких-то десять лет он превратился из всего лишь очередного вождя очередного мизерного племени во владыку целой провинции и включился в большую игру, ведущуюся на землях халифата вот уже несколько сотен лет — в борьбу за титул халифа всей Лиоссии.

Говоря начистоту, никто поначалу не принял его всерьез — таких выскочек за долгую историю внутренней смуты Лиоссии хватало. Но шло время, и презрение начало сменяться уважением, которому наследовал страх, незамутненный и неприкрытый.

И вот, настал час, когда против Бича Пустыни, как к тому времени успели прозвать Гайшшара, объединились все соседи. И они пали!

Мастерски разбив рыхлый альянс посулами и союзами, он уничтожил оставшихся врагов на поле боя, заполучив в свое распоряжение почти четверть халифата и став, пожалуй, самым серьезным претендентом на объединение страны за последние сотни лет.

Произошло это примерно тогда же, когда Черный Властелин Шахрион сотворил чудо, разгромив Лигу и восстановив практически уничтоженную Империю.

Покойный халиф, чьи владения слегка уступали землям наглеца, конечно же, прибегнул к старой тактике, вот уже множество лет не позволявшей никому — даже ему самому и его предкам — восстановить страну. Он собрал коалицию.

И все те годы, что Империя бурно восстанавливалась, все эти четыре года, знаменовавшие собой Реставрацию, на востоке полыхало пламя непрерывной войны, даже более ожесточенной, чем ранее.

Удельные владыки, усмотревшие в талантливом выскочке угрозу независимости, халиф, трясущийся за свою шкуру — ведь Гайшшар назвал его личным врагом и пообещал насадить голову на пику, — мелкие рыцари, продающие мечи тем, кто готов заплатить...

Никто не желал мира и объединения халифата под единым правлением. Всем было хорошо и так.

Ну, кроме народа, разумеется. Но кого волновали крестьяне и пастухи?

А потом произошло это...

Ночной бросок и разгром главных сил халифа, а затем — осада его столицы.

— Он очень талантлив, — заключил, наконец, Китарион, дослушав до конца гоблина. — А значит, обязательно заготовит нам не один и не два сюрприза на пути к столице. Скажи, Верховный, есть ли у тебя какие-нибудь идеи, как можно избежать проблем с засадами?

Гоблин тяжело вздохнул, всем своим видом демонстрируя глубину скорби от того, что не в состоянии помочь товарищу, и запричитал:

— О горе, мне, горе! Старый и жалкий Инуче не может ничем помочь великодушнейшему из великодушных, понимающему из понимающих, добрейшему из добрых. Инуче слишком жалок и ничтожен, он стар, он так стар!

— Верховный, — Китарион аккуратно прервал этот поток самоуничижения, — а может, у тебя есть какие-нибудь идеи о том, что мы можем предпринять, пока движемся по тракту?

Губы гоблина тотчас же разошлись в его до боли знакомой Китариону усмешке, говорящий о наличии у шамана пары предложений, к которым следует прислушаться.

— Если мудрейший из мудрых желает, старому и ничтожному Инуче есть что сказать.

Двадцатый день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, ночь.

Колонна двигалась, точно гигантская уродливая многоножка вроде тех, что водятся на севере пустыни Тиршшин, где Гайшшар с горсткой верных бойцов одно время скрывался от преследовавших его солдат Ашширисса Веселого.

Как давно это было!

Бич Пустыни прикрыл глаза, стараясь отогнать воспоминания юности. Ту глупую пьяную выходку, стоившую жизни мытарю, попытку выплатить компенсацию за убитого, казнь человека, который вырастил Гайшшара и рассказал все, что положено знать мужчине.

С тех времен Гайшшар на притрагивался ни к какому зелью, затуманивающему разум и запрещал это делать своим последователям.

Мужчина должен трезво смотреть на мир, а не пребывать в плену иллюзий, не отдавая себе отчет в том, что творит, и нарушая законы как живых, так и тех, кого больше нет.

Впрочем, иногда, в минуты слабости, Бичу Пустыни казалось, что смерть отца была всего лишь предлогом, которого ему как раз и не хватало для того, чтобы начать движение вверх, но он каждый раз яростно гнал прочь эти гнусные мыслишки.

Разве планировал Гайшшар, напившись, повздорить с тем сборщиком налогов, имени которого даже не запомнил? Да, он с парой верных друзей следил за ним, но уж точно не для того, чтобы убить!

«А для чего тогда»? — подумал воин и тотчас же обругал себя. — «Не время отвлекаться на ерунду. Это сейчас не имеет значения».

О да! Единственное, что было важно — враги. Армия, неуклонно и неумолимо двигавшаяся по направлению к осажденной столице халифата.

«Мне нужна неделя, семь жалких дней, разве это так много»? — подумал он, с ненавистью сжимая поводья так, что когти, прорвав кожаные перчатки, впились в ладони. — «Проклятье, ну почему сейчас, кода момент триумфа так близок? Великие Древние, зачем вы испытываете меня столь жестоко?»

Его люди уже успели взять внешние укрепления, когда пришло кошмарное сообщение — Империя Тьмы сделала свой ход.

Он приказал удвоить усилия, а сам во главе избранных пяти тысяч — больше выделить не получалось при всем желании — двинулся навстречу врагу. Сражаться с труповодами Гайшшар не планировал, но и позволять тем беспрепятственно снять осаду с Айшшира не

желал.

А потому сегодня ночью добровольцы подготовили сюрприз солдатам императора Шахриона.

Он был нужен для того, чтобы проверить возможности легионов возрожденной Империи Таараш, и эта проверка произвела на Гайшшара гнетущее впечатление.

Легионеры действовали, точно механизм новомодных часов, которые однажды довелось видеть Бичу Пустыни. Да, среди них имелось много живых мертвецов, но и люди не отставали от покойников ни в упорстве, ни в дисциплине.

Десять лет назад таким нехитрым трюком удалось разгромить втрое большую армию практически без потерь, однако, попытайся он закопать все пять тысяч и ударить по колонне сейчас, результат был бы предсказуем. В этом сомнений не оставалось.

Гайшшар обернулся к сморщенному сухому старику и повелительно спросил:

— Ну что?

Тот покачал головой.

— Слишком сильны, о Избранный, — с горечью ответил тот. — Если бы в армии людей были одни только некроманты, я бы еще попытался, но....

— Но?

— С ними шаман гоблинов. Неимоверно могучий! Таких чудовищ я никогда еще не видывал.

Гайшшар выругался.

Как ни крути, а ситуация становилась все хуже и хуже. Имперцы, и правда, были на совершенно другом уровне, нежели жалкие тысячи халифа и удельных владык.

«Но это ничего не меняет».

— Хорошо. Думайте, что можно сделать, время у нас еще есть.

«Слишком мало, но есть».

Старик вновь поклонился и оставил Бича Пустыни одного.

— Что ж, слуга Черного Властелина, — задумчиво проговорил тот, — поиграем.

Двадцать первый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), закат.

— И как же это так получается, о верховный, что ты — ты! — не сумел извлечь из трупа никакой информации? — в голосе Тартионны яд мешался со злобой.

Женщина, больше похожая сейчас на разъяренную львицу, бесстрашно нападала на лича, тыкая в него пальцем и едва не срываясь на крик.

— *Если бы ты больше думала головой, о моя Госпожа,* — последние слова были произнесены с нескрываемым презрением, — *то с легкостью разгадала бы эту загадку. Она не сложнее, чем расчет налогов и беседы с многочисленными шептунами.*

— О, правда? Ну так просвети меня, неразумную женщину.

— *С удовольствием. Враги догадывались, куда отправляют убийц и сделали так, чтобы ни ты, ни я, ни даже владыка не смогли ничего разузнать!*

Последние слова лич не проговорил, а прокричал, и этот мысленный крик эхом отдался внутри черепной коробки Шахриона, заставив того поморщиться и обхватить виски ладонями.

— Угомонитесь вы, — простонал он, ощущая, как накатывает новый приступ всепожирающей боли, которая после пробуждения от долгого и тяжелого сна стала ощутимо сильнее. Даже пять пилюль из волшебной коробочки не помогли. — Тартионна, я и безо всяких расследований могу сказать тебе, кто покушался на мою жизнь: эльфы.

Эти его слова погрузили весь зал Малого Совета в мертвую тишину.

Да, все прекрасно понимали, сколь изобретательны и хитроумны могут быть звездорожденные, когда им очень сильно хочется отправить кого-то на поклон к Матери. Остроухие веками оттачивали тонкое мастерство заказного убийства, и даже тот факт, что от их народа стараниями Шахриона с Гартрианом остались лишь жалкие ошметки, не менял ровным счетом ничего.

«Достаточно одного эльфа с доступом к тайным схронам лесного народа, чтобы подготовить десять команд подобной этой», — подумал Шахрион и тотчас же одернул себя. — «Не глупи, если бы они были способны, то давным-давно заполонили бы Черную Цитадель убийцами. Нет... Это покушение готовилось долго и обстоятельно. Они дождались, когда Гартриан отправится по делам, я ослаблю бдительность, а большая часть столичного гарнизона окажется за пределами города... Точнее, нет, не так. Они приложили максимум усилий для того, чтобы это произошло».

Если до покушения у Шахриона еще были сомнения насчет того, кто именно стоял за действиями Бича Пустыни, то теперь их не осталось вовсе. Вопрос заключался лишь в том, чьими руками остроухие снабжали проклятую ящерицу.

Император еще раз поморщился и, взяв со стола чашку с отваром, сделал из нее хороший глоток.

«И как же все-таки Империи повезло, что зрящий Ратриола пять лет назад не узнал о том, что я стал гораздо сильнее, ведь иначе даже жезл Безумца не помог бы пережить ту последнюю встречу»!

Шахрион вздохнул.

Это совещание было первым с момента пробуждения, и чувствовал себя он преотвратно.

Яд, который применили убийцы, по своим возможностям мало чем отличался от Тихой Смерти, и то, что император выжил, иначе как чудом и не назвать.

«Впрочем, совсем недавно я пережил попадание арбалетного болта в сердце, так что, наверное, пора привыкнуть к чудесам».

Так или иначе, но как только получилось подняться с кровати, Черный Властелин собрал Малый Совет для того, чтобы разобраться в текущей обстановке и, честно говоря, оказался неприятно удивлен.

Для начала, им всем очень повезло, что его пробуждение состоялось тогда, когда оно произошло, а не днем позже — Тартионна уже практически отдала команду, которая залила бы Империю кровью всех, кто хоть как-то походил на недовольных.

И то, что списки неблагонадежных, подлежащих казни, жертвоприношению, зомбификации ну, или — если повезет — заключению в темницу, были составлены заблаговременно и в тайне от него, вызывало недоумение.

Как будто этого было мало, Гартин, закусив удила, шел на конфликт с Ледяной Ведьмой, весьма однозначно намекая на то, что не позволит ей творить в Империи Тьмы все, что заблагорассудится.

Дальше — больше. Прямо-таки с поразительной синхронностью сразу из пяти провинций поступили сигналы о готовящихся мятежах, разбираться с которыми в спешном порядке были отправлены отряды некромантов и рыцарей смерти, что, конечно же, ничуть не улучшило состояние столичного гарнизона.

«Нет, определенно, что-то затевается, причем — нечто грандиозное», — преодолевая чудовищную боль, думал Шахрион. — «Враги пустили в ход, наверное, добрую половину ресурсов, которые успели приготовить»!

А значит...

«А значит, покушения было всего лишь первым ходом в сложной партии, пробным броском костей, необходимым, чтобы начать. Причем на сей раз я — отнюдь не игрок, а всего лишь — фигура».

Он бросил короткий взгляд за спину, ожидая услышать очередное глумливое замечание Тени, но — нет — ничего не последовало. Чем дальше, тем меньше это странное существо пыталось выводить его из себя, как будто начало видений знаменовало тот период, когда на подобную ерунду можно больше не тратить силы.

Впрочем, так ведь оно и было...

«Твое время на исходе», — вспомнил Черный Властелин слова первого некроманта.

Что ж, тот, кажется, не врал. Тени больше не нужно было бесить его и путать — это происходило само по себе. Шахрион то и дело терял нить беседы, витал в облаках, отвлекался, его мысли мельтешили, точно стая крыс, добравшихся до неосторожно брошенного мешка с зерном. Определенно, после ранения его состояние резко ухудшилось.

А тут еще и эта проклятая головная боль! Она стала лишь сильнее, хотя до покушения Шахрион думал, что подобное — попросту невозможно.

— Владыка! — раздался голос Тартионны, и император едва не подпрыгнул.

— Да? — спросил он, еще раз массируя виски, — прости, прослушал.

Жена странно посмотрела на него, и повторила:

— У нас есть вести от Китариона. Он одержал первую победу на востоке.

«Ну, хоть у кого-то дела идут, как надо».

— Есть что-нибудь, что следует знать нам?

Ледяная ведьма прикусила губу и кивнула.

— Враги сумели укрыться как от разведчиков, так и от наших магов.

— Ну, в этом нет ничего удивительного. Хладнокровные буквально созданы для того, чтобы скрывать свое присутствие. Странно даже, что на меня еще не совершили покушения наемники с востока.

Эта мысль почему-то так сильно разозлила императора, что он едва сумел совладать с подступающей яростью. Хотелось крушить, убивать, рвать и терзать, но он в очередной раз взял под контроль бушующие чувства и промолвил:

— В нашем положении самое важное — время. Чем дольше в Империи Тьмы продлится период спокойствия, тем лучше. А потому я запрещаю проводить какие бы то ни было публичные казни до своего особого разрешения. Инициатива сейчас на стороне противника, значит — никаких резких действий. Все понятно?

Он по очереди обвел взглядом каждого из членов Малого Совета, убедился в том, что послание принято, после чего коротко бросил:

— Свободны.

Один за другим члены Малого Совета поднялись и покинули помещение. Последней выходила Тартионна. Жена бросила на своего владыку взгляд, спрашивающий, остаться ли ей, или не нужно, и Шахрион едва заметно отрицательно покачал головой. Сейчас ему хотелось побыть наедине со своими мыслями.

Когда за женой закрылась дверь, император откинулся на спинку кресла, обхватив голову ладонями. Боль усиливалась с каждой секундой, и Шахрион не сумел сдержать стон.

Что, больно? — раздался над ухом знакомый глумливый голос. — *Ничего, скоро станет лучше.*

Он покосился через плечо и встретился взглядом с Тенью. Наверное, встретился. Понять, куда смотрит тварь, начисто лишённая лица, было немного... проблематично.

— Радуюсь твоим страданиям?

Как ни странно, нет, — последовал несколько обескураживающий ответ.

Шахрион на миг даже забыл о раскалывающихся висках.

— Да ну! — злобно выплюнул он. — А мне казалось, что ты несказанно наслаждаешься, глядя за тем, как я мучаюсь.

— *Ну, может, самую малость,* — хихикнула его собеседница, напомнив в этот момент саму себя пятилетней давности.

— Благодарю за искренность, — фыркнул император. — Зачем пожаловала?

Скажи, о мудрейший, почему ты был столь сдержан со своими верными людьми на совете? Почему не раскрыл им своих планов, не рассказал о тайных встречах? Чего ты опасаться? Неужели, не доверяешь им?

— Ты задаешь очевидные вопросы, — фыркнул Шахрион. — Какие ответы рассчитываешь получить?

Тень безумно хихикнула и закружилась вокруг Черного Властелина, точно здоровенная бестелесная муха.

И в этот самый миг едва заметное дуновение ветерка заставило императора резко повернуться. Лишь в последний момент он остановил смертельное заклинание, готовое вот-вот сорваться с кончиков пальцев, и, поднявшись, сделал шаг навстречу вошедшему.

— Приветствую, Первый. Можешь подняться и рассказать, с чем пожаловал.

Человек склонился в поклоне, упав на одно колено, и разогнулся лишь после того, как

император разрешил.

— Долгих лет жизни тебе, о мой владыка, — ответил он. — Мы все несказанно рады, что ты пришел в себя.

— А уж как я рад, — грустно усмехнулся Черный Властелин, старательно не обращая внимания на назойливые возгласы Тени. — Удалось ли выяснить что-нибудь?

Первый коротко кивнул и протянул императору сразу три свитка.

— Первый, от меня. Остальные — от Второго и Третьей.

Шахрион, не торопясь, заглянул в каждый. Во время чтения донесения Третьей он удивленно хмыкнул и покачал головой.

— Вот уж не ожидал, — проворчал император, — хотя, стоило.

Он со вздохом спрятал донесения в один из многочисленных внутренних карманов своего одеяния, после чего подошел произнес:

— Продолжайте наблюдение.

На лице Первого появилось недоуменное выражение.

— Владыка... ты уверен? Это — точная информация.

Шахрион стиснул зубы, чтобы не закричать.

«Ну почему они все пререкаются? Почему никто не хочет слушаться!»

— Исполни... приказ... — процедил он, с трудом сдерживая ярость.

— Слушаюсь, — Первый вновь поклонился и, спустя секунду, исчез, точно его и не бывало, а Шахрион со стоном прикрыл глаза и принялся массировать виски.

Что, мигрень мешает разрабатывать и претворять в жизнь хитроумные планы? — расхохоталась Тень. — Вместо этого сидишь, отдав инициативу врагам, и пытаешься делать вид, что контролируешь ситуацию?

Император промолчал, поплотнее сжав зубы. Отвечать на этот вопрос ему решительно не хотелось.

— Не твое дело, тварь, — не сдержался он, и, поднявшись, коснулся дверной ручки. — Посмотрим, кто будет смеяться в конце.

Посмотрим, о великий император, — без намека на веселье или издевку ответила ему Тень. — Ждать нам осталось недолго.

Двадцать первый день третьего месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, ночь.

— Что ж, с прискорбием вынужден признать, что мы оказались недостаточно хорошо подготовлены, — со вздохом проговорил Ритон. — Однако нельзя не отметить того, что данное покушение, равно как и предыдущее, получилось в высшей степени полезным с точки зрения определения истинного потенциала нашего противника.

— *Истинного потенциала? Венценосец, ты говоришь ерунду!*

Эти мысленные слова отдались в голове Ритона даже через тириомаль, и правитель Исиринатии поморщился.

— *Я подготовил для вас все: сообщил о внезапном прибытии императора, о том, что большая часть гарнизона отправится на восток, помог убийцам пробраться во дворец, даже указал на любимое место отдохновения Шахриона. И что же? В итоге мне пришлось подчищать за вами, бесполезные куски плоти!*

Лич, определенно, был в ярости, и гнев умертвия пробивался даже сквозь расстояние.

— Не могу согласиться с тобой, верховный, — покачал головой Ритон. — Со своей стороны я также сделал все возможное: нашел через третьих лиц опытных и беспринципных

наемников, снабдил их лучшими эльфийскими артефактами из тех, что удалось достать стараниями Найлиэны, передал яд уважаемого посла, который предварительно проверил на животных. Вообще ума не приложу, как Император выжил, получив рану!

Под конец венценосец немного потерял самообладание, из-за чего напыщенность его речи заметно уменьшилась, а голос, напротив, стал выше.

Он быстро взял себя в руки и, сосчитав до десяти, чтобы успокоиться, продолжил:

— Шахрион, как мы уже поняли, в настоящий момент является сильнейшим из живущих чародеев и, что самое прискорбное, нам катастрофически не хватает информации о его новоприобретенных возможностях.

Венценосец умолк, уставившись на некроманта и старательно игнорируя остальных членов их маленькой тайной встречи. Все — даже надменная эльфийка — старались казаться меньше и незаметнее. Никому не хотелось попасть на глаза взбешенному верховному некроманту.

Костяная харя лича, видневшаяся с другой стороны волшебного шара, оставалась все такой же непроницаемой, но отчего-то Ритону показалось, что неуспокоенный чародей согласился с его доводами.

— *Вы правы*, — проговорил, наконец, Гартан, — *а я — нет, извиняюсь*.

— Извинения приняты, — поспешно согласился правитель Исиринатии. — Теперь нам следует решить, как поступать в дальнейшем.

— Вариантов у нас нет, — встрял в беседу Эйсен Стейн, — с императором надо кончать, пока он не учудил еще чего-нибудь. Зрящая, скоро ли будет нанесен очередной удар?

— Пара дней, — не задумываясь, ответила эльфийка. — Правда, замечу, что к этому покушению я не имею никакого отношения, ответственный за него обитает... несколько севернее.

— И все же, — подала голос могучая Олта, — ты, зрящая, знаешь о том, что происходит.

— Конечно. Я пытаюсь координировать действия всех союзников, насколько это возможно. Впрочем, повторяюсь, детали мне неизвестны. Главное, чтобы у новых исполнителей не возникло проблем с проникновением в Черную Цитадель.

Эти слова были обращены непосредственно к личу и тот согласно проворчал:

— *Это я организую. Ледяная Ведьма далеко не так умна и умела, как хочет думать. Надеюсь, что люди этого твоего северного*, — в голосе некроманта послышалось нескрываемое презрение, — *союзника, окажутся опытнее, нежели убийцы, нанятые венценосцем*.

— Но что мы будем делать, если и это покушение — третье, замечу, — окончится ничем? — поинтересовался Мирол. — Я сильно сомневаюсь, что мы сумеем организовать еще одно.

— Если эта... операция не увенчается успехом, — эльфийка произвольно коснулась мочки уха, — нам придется действовать более варварским методом.

— И в чем же будет заключаться этот метод? — осторожно поинтересовался могучий Аран.

— Нам придется, как и говорил верховный некромант, ударить по Черному Властелину открыто. Собрать всех сильнейших магов, выманить его из логова — и убить, — четко выговаривая каждое слово, произнесла эльфийка. — Иного варианта попросту не останется.

Молчанием, которое последовало за этим, можно было резать камни.

— И... как ты это себе представляешь, зрящая? — осторожно уточнил Аран.

— Императора нужно будет вытащить куда-нибудь в горы, где его уже станут ждать все наши маги, включая верховного и меня. Мы уничтожим Шахриона совместным ударом — какая бы сущность ни сидела в Черном Властелине, противостоять коллективной атаке добрых трех-четырёх десятков чародеев разных школ она не сумеет.

— Но как мы выманим его?

— Тут придется положиться на верховного.

— А что будет после его гибели?

— Ничего. Тело исчезнет, как и мы, предварительно стерев все следы поединка, — зрящая выдержала еще одну паузу и добавила, — или у кого-то есть идеи получше?

— *Ты права, — согласился с эльфийкой лич. — Если он переживет еще одно покушение, других вариантов не останется. Но я не понимаю, каким образом мы убедим Шахриона покинуть замок. Не думаю, что смогу прийти к нему и сказать: «император я тут решил полюбоваться горными закатами, не хочешь составить мне компанию?», и он согласится.*

— Предлагаю обсудить этот вопрос немного позже, — отозвалась эльфийка, старательно делая вид, что сама не знает, как именно она будет делать то, что будет.

Ритон полагал, что это притворство не обмануло никого. Зрящая однозначно представляла, что именно следует сделать, когда, и каким способом. Эти же ее слова свидетельствовали о том, то она попросту не хочет раскрывать детали. Вполне разумная предосторожность, если так подумать. Впрочем, оставался еще один крайней важный вопрос.

Ритон уже собирался лично озвучить его, но верный Мирол, как и всегда, пришел своему господину на помощь:

— Все, что вы тут планируете — это просто замечательно, но никто не забыл об одной ма-аленькой такой детальке?

— И какой же?

— Армия Империи, отправленная на восток, может вернуться назад, получив вести из столицы. А еще она может — прошу прощения у благородного союзника — разбить армию Бича Пустыни в генеральном сражении и форсированным маршем отправиться домой. На подготовку того, о чем вы говорите, уйдет никак не меньше месяца. Что мы будем делать, если гарнизон столицы вновь окажется полон?

— Не волнуйтесь-сь, — прошипел лиоссец, — они не дойдут так быс-стро. И не разобьют нас-с так легко.

— А даже если самый плохой вариант и произойдет, — заметила зрящая, — то на обратном пути армия Империи застрянет в Жемчужине востока, причем — надолго.

Сказано это было столь уверенным тоном, что никто не стал задавать очевидный вопрос: «как?», все решили поверить на слово.

Лич явно остался доволен услышанным, потому как алое пламя в пустых глазницах блеснуло, а голос мертвеца был на удивление приветливым:

— *Это очень хорошо. Зрящая, обсудим детали чуть позже. Думаю, стоит пригласить и наших глубокоуважаемых чародеев.*

С этими словами лич отключился, оставив собравшихся думать над сказанным.

Вряд ли он блефовал и вел какую-то хитрую игру, подгоняя союзников. К чутью тварей вроде Гартяна следовало прислушиваться, а потому...

«А потому нам следует немного ускориться. Хотя... В любом случае, все будет зависеть от результатов восточной кампании. Безусловно, взоры всего континента сегодня устремлены вглубь лиосских пустынь. Что ж, пожелаем удачи нашим невольным союзникам, быть может, они добьются долгожданного успеха».

* * *

Сон Гашиэна Третьего Лиритиэля был нарушен самым бесцеремонным и паскудным образом — в комнату кто-то проник.

Опытный воин, не один год проведенный в походах, спал, держа меч на соседней половине кровати, там, где у глупцов обычно валялись бесполезные бабы.

Именно поэтому, он оказался за кроватью с оружием в руках еще до того, как полностью сбросил с себя ночную дрему.

Впрочем, пришелец не спешил нападать. Он сделал осторожный шаг вперед, и венценосец узнал остроухую, которая уже не один раз посещала его.

Сплюнув на каменный пол, он сварливо поинтересовался:

— Пораньше прийти не могла?

Меч правитель Радении никуда не убирал, указывая острием в свою незваную гостью.

— Приношу извинения вашему величеству, — с легким поклоном ответила эльфийка.

«Ну надо же, оказывается, умеет разговаривать, чего ж тогда молчала?» — подумал венценосец, старательно пропуская мимо ушей нотки издевки, звучавшие в голосе остроухой.

— Прощаю. Что у тебя?

— Новости, не терпящие промедления.

— Что случилось?

— Они на месте.

Три коротких слова, всего лишь три слова, но как много они значили!

Возможно, эти слова решат судьбу Радении, а может, и всего мира!

Венценосец сглотнул.

— Я слышал, кто-то недавно покушался на императора.

— Да.

— И они провалились.

— Да.

— Надеюсь, наши люди будут умнее и выполнят приказ?

Гашиэн ожидал третье «да», однако эльфийка удивила его, произнеся:

— Как повезет.

Венценосец недоуменно уставился на нее, пытаясь понять — шутит ли странная собеседница, но та, кажется, была абсолютно серьезна.

Тихо выругавшись, он распорядился.

— Ну, хотя бы, сделайте так, чтобы в случае провала, никто не узнал ничего о том, кто их нанял.

— Это я могу обещать.

— Ну хоть какая-то от вас польза. Есть еще что сказать?

— Нет.

— Тогда свободна!

Не удостоив венценосца больше ни единым взглядом, эльфийка растворилась в тенях, оставив после себя лишь открытое окно. Гашиэн подошел к нему и выглянул наружу, после

чего покачал головой.

Его покои располагались на пятом этаже, да и само окно было узкой бойницей, пролезть в которую взрослому человеку было, мягко говоря, непросто.

— Дранные Шестеркой эльфы! — в сердцах выругался венценосец. — С кем приходится работать!

Пробурчав пару ругательств, он убрал меч в ножны и улегся в кровать, намереваясь досмотреть положенные сны.

«Надеюсь, что они не провалятся. Такой отличной возможности больше может и не представиться».

Двадцать второй день третьего месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, рассвет.

Парниэла Партилаэт перевела дух и, удобнее устроившись на раскидистых ветвях здорового дуба, росшего возле небольшой лесной речушки, извлекла из-под плаща тириомаль.

Прикрыв глаза, она воззвала к магии, скрытой в шаре, и тот начал наливаться светом, затем внутри него за клубились сгустки тумана, которые быстро рассеялись, явив девушке лицо матери.

Найлиэна Партилаэт — как всегда прекрасная и собранная — требовательно воззрилась на дочь.

— Докладывай, — приказала она.

— Дело сделано, — ответила та. — Варвар заглотал наживку. Все идет в точном соответствии с планами.

Мать кивнула, всем своим видом показывая, что так оно и должно было быть.

— Практически все фигуры заняли положенные им места. Есть ряд вероятностных аномалий, искажающих картину того, что может произойти, но даже с ними итоговый успех должен наступить в трех случаях из четырех. Мы заметно улучшили первоначальный прогноз.

Парниэла ничего не ответила, однако мать прочла в ее взгляде легкое разочарование.

— Это — лучшее, на что мы сейчас можем рассчитывать.

— Погрешность в планах деда была меньше двух процентов — напомнила эльфийка матери. — И где он сейчас? И где Элиренатия?

Последние слова были пропитаны такой болью и яростью, что девушка сама испугалась.

— Прощу простить мою несдержанность, — тотчас же извинилась она.

— Все в порядке, — вымученно улыбнулась зрящая. — Отвечая же на твой вопрос, могу сказать лишь: это единственно, что нам осталось. Меньше, чем через месяц картина будущего рассыпается, точно стена под ударами тарана. Я страшусь того, что грядет и понимаю, сколь слабы мы.

«А не нужно было подкармливать дракончика, думая, что вырастет гадюка», — промелькнуло в голове у Парниэлы, но вслух она, конечно же, ничего не сказала.

Дед отнюдь не единолично правил народом. Он принимал решения, с которыми соглашался Совет Мудрейших. Именно они решили, что идея развязать новую большую войну между людскими странами и Империей, управляемой настоящим гением — с последним не спорил никто — перспективна. Именно поэтому эльфы предоставили императору всю возможную помощь, конечно же, в тайне от него. Без их поддержки Черный Властелин никогда не смог бы создать мануфактуры, приютить темных дварфов, превратить

Империю Тьмы в мировой центр работорговли, восстановить корпус некромантов, договориться с гоблинами, сжечь замок Ордена, провести ритуал и убить венценосца Исиринации руками его собственного племянника. Каждый, буквально каждый шаг Черного Властелина контролировался. Каждая мелочь находилась в пределах допустимой погрешности. Ни одной ошибки, ни одного неверного шага. В плане Шахриона было столько мелочей, что любой случайный фактор мог испортить все дело, а потому все они безжалостно устранялись. Когда псы императора эти Первый и Второй нападали на замок Ордена, шпионы зрящего из числа завербованных людей обеспечили пустоту коридора, по которым шли убийцы и сделали так, что бочки со змеиным огнем не вскрыл какой-нибудь жадный до вина выпивоха. Когда некроманты своими жертвами готовили ритуал в Стоградье эльфам пришлось прикончить четырех высоких сынов, подобравшихся слишком близко к погостам, смердящим магией смерти. Когда Саргилэны решали, выводить войска в поле, или отсиживаться за крепостными стенами, пара правильно брошенных слов решили дело... Все, ради результата!

Звездорожденные не могли себе позволить еще одну большую войну, требовалось хотя бы сто лет мира, чтобы восстановить могущество Элиренатии, а для этого людей следовало сравнить друг с другом.

План выглядел идеальным! Он просто не мог провалиться! Пара процентов погрешности — это почти что ничего.

В результате же...

Она непроизвольно коснулась платка, закрывавшего нижнюю половину лица.

Это движение также не укрылось от матери.

— У нас остается долг и месть, — прошептала та. — Потерпи, дочка, время почти пришло. Все так или иначе будет кончено в течении ближайших тридцати дней. Мы победим. Если же нет... То мало что уже будет иметь значение. Отец... отец ошибся, и за его ошибку придется расплачиваться миру. Пусть он горит. Пусть все людишки пылают!

Парниэла снова коснулась повязки.

— О да! — с жаром отозвалась она.

— Вот и хорошо. Выходи на связь завтра в обычное время.

С этими словами мать отключилась.

Парниэла горестно усмехнулась и, спрятав тириомаль, спрыгнула со своей ветки, подойдя к воде. Затем она стянула платок, закрывавший нижнюю половину лица и, поймав ладонью луч приятного рассветного солнышка, взглянула на свое отражение.

Спокойная гладь показала ей кошмарного кадавра с глазами и ушами эльфийской красавицы и кошмарной бугрящейся массой там, где некогда были губы, щеки и шея.

Черное Пламя, попав на жертву, не желало так просто отпускать ее. Каким образом Парниэле удалось выжить, эльфийка и сама до конца не понимала, однако же спасение стоило ей всей нижней половины лица. По злой иронии, голосовые связки не были задеты, поэтому она могла разговаривать, как раньше, а вот все остальное...

Вместо родных зубов: вставные, вместо щек — оплавленные в нескольких местах кратеры, вместо губ и подбородка — пустота, вместо шеи — сеть чудовищно болезненных шрамов.

И никакая магия не позволит ей исцелить то, что разрушило Черное Пламя! Никогда!

Стиснув кулаки, девушка прошептала своему отражению:

— Устроит ли меня месть, матушка? О да! А цена... на нее плевать!

Двадцать второй день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Два часа Шахрион, чувствующий себя этим утром на удивление неплохо, играл с сыном. Мальчик, соскучившийся по отцу, все никак не хотел отпускать его, а потому император дважды откладывал дела, чтобы доставить радость ребенку.

Наконец, ему все-таки удалось освободиться и с тяжелым сердцем Шахрион направился в рабочий кабинет. Едва только он сел в кресло, как Тень принялась изводить свою жертву очередными изощренными способами, всячески мешая работать.

Сегодня отчего-то ее оскорбления особенно раздражали Шахриона, и он едва не закатил истерику, лишь в самый последний момент сдержав клопочущую в груди ярость. Однако, все-таки, полностью смирить гнев не удалось, в результате чего подсвечник, стоявший на столе, превратился в лужицу остывающего металла, а Тень лишь ехидно хихикала, довольная результатом.

Этот день вообще оказался каким-то не таким. По идее, именно сегодня Китарион должен был подойти под стены Айшшира, а значит, в самое ближайшее время следовало ждать новостей о триумфе, или кошмарном поражении. Именно сегодня настырная Дарлионна вновь попыталась навязать императору свое общество. Именно сегодня пришли туманные донесения от Первого, которые император вновь проигнорировал.

Что-то затевалось и это нечто разлилось в жарком вечернем воздухе.

Поняв, что работать не получится, Шахрион вышел на балкон и замер, облокотившись на перила. Ставшей уже привычной мыслекомандой он взял под контроль ближайшую зомби-ворону — для этого императору больше не требовались костыли вроде магических кристаллов — и поднял птицу в воздух, чтобы хоть немного расслабить напряженные, точно канаты, нервы. Он приказал ей пролететь несколько кругов над Черной Цитаделью, это всегда успокаивало и настраивало на нужный лад. Всегда, но не сегодня.

Что-то было не в порядке.

«Ну не могут же они устроить еще одно покушение»? — подумал император. — «Да ну, такого просто не бывает»!

И все-таки... А что, если могут?

Птица по его приказу снизилась и пролетела над внутренним двором цитадели.

Нет, подобное совершенно невозможно: Тартионна подняла на уши всех слухачей, а Гартриан — заставил три десятка некромантов постоянно проверять окрестности Черной Цитадели вообще и дворца в частности на предмет постороннего присутствия.

И все-таки, все-таки, все-таки...

Зоркий вороний взгляд не мог различить ничего опасного, но от этого становилось только хуже.

Отпустив птицу, Шахрион застонал и обхватил голову руками.

Только прогрессирующей паранойи не хватало! Кажется, безумие начинает выходить на качественно новый уровень...

— Нужно пойти и в кои то веки выспаться, — проворчал Черный Властелин, и, довольный от того, что принял верное решение, уже сделал шаг по направлению к двери комнаты, как вдруг...

Некромант его уровня просто не мог не ощутить энергию смерти... Только что парой этажей ниже живое существо перешло в категорию мертвых.

«Парой этажей»?

Император побледнел.

«А зачем им целиться в меня»?! — подумал он, после чего, не раздумывая, сиганул вниз с балкона.

Шахрион приземлился в очередном внутреннем дворике, и от переломов Черного Властелина спасла лишь невероятная магическая сила, да, по-видимому, Тень, жаждущая защитить оболочку.

Не разбирая дороги, он мчался туда, откуда ушел совсем недавно — к покоям сына. Именно там ощущались эманации смерти. Мощные, свежие, многократные!

С воплем император распахнул двери, возле которых не оказалось стражи, и замер, глядя на открывшуюся картину.

Тартионна из последних сил отбивалась от одетого в лохмотья типа с безумным взглядом, лупящего во все стороны лучами света. Сын сжался в углу и плакал, в то время как один из людей супруги умирал возле его ног, пронзенный двумя мечами, а те, кто, собственно говоря, и убил слугу, уже заносили оружие, намереваясь оборвать жизнь ребенка. Лиоссы. Два проклятых ящера, посмевавшихся вредить его родным и протащивших в Черную Цитадель чокнутого высокого сына!

Ярость полноводной рекой захлестнула Черного Властелина, и плотина рассудительности на сей раз даже не дала течь, а просто разлетелась во все стороны.

С диким ревом Шахрион обрушил на незадачливых наемников и мага света мощнейшие из своих заклинаний, выжигая сами души врагов.

«Третье нападение за лето»! — билось внутри черепной коробки. — «Убью»!

Тела еще падали, бледная Тартионна, держащаяся за окровавленное плечо, еще сползала по стене, а сын только-только начал менять выражение лица, как Шахрион покинул комнату.

Он резко пронесся по коридору, выискивая, на ком бы сорвать злобу. Ярость полностью завладела разумом Черного Властелина, нашептывая и соблазняя: «Да, убивай, убивай их всех, они должны ответить, не сдерживай себя»!

Все было в точности, как и во время посещения Наиргиона, но сейчас Шахрион не отдавал себе в этом отчета. Злоба, захлестнувшая императора, требовала выхода, и, оказавшись перед тяжелыми дверьми, он, не останавливаясь ни на секунду, обратил их в прах, не собираясь замедлять шаг.

За дверьми дежурили два рыцаря смерти и при виде мертвецов уголки губ некроманта разошлись в стороны в нехорошей усмешке предвкушения.

— А вот это занятно, — процедил он, и обрушил на нежить чудовищной силы молнии.

Броня лопнула, не выдержав удара, а вслед за ней запылала и плоть.

Миг — и лишь две небольшие кучки золы говорили о том, что тут еще недавно были стражи.

«Недостаточно»! — промелькнуло в мозгу императора. — «Нужна кровь, нужна боль, нужны страдания»!

Не сбавляя скорости, он прошел через два зала и, наконец, нашел то, что искал — две служанки подметали пол.

— Встать! — взревел Шахрион, сопроводив приказ взмахом Плетью Тлена.

Камень, которого коснулась магическая плетка, зашипел и на нем остался след, а женщины, взвизгнув от ужаса, попятились, не понимая, что происходит.

«Да, убей их, убей, ну же!»!

Улыбка Шахриона стала еще шире и, наверное, сейчас он выглядел жутко, но императора это не волновало ни в коем разе. Все, что его заботило сейчас, так это то, чтобы жертвы помучались вдосталь, а потому, он не стал пользоваться некромантией, вместо это применив банальнейшие огненные шары.

Два вопящих факела одновременно понеслись в разные стороны, пытаясь сбить огонь и нечеловечески вопя.

«О эта славная музыка!» — Шахрион блаженно зажмурился.

В этот миг ему было так невообразимо хорошо, что чародей даже застонал от наслаждения.

«Этого мало, мало! Больше страданий!»!

На еще живых женщин обрушился поток воды, который затушил пламя. Не в силах стоять, обожженные повалились. Одна просто вопила, другая — пыталась отползти.

Шахрион облизнулся и ударил ту, что ползла, воздушным топором по спине. Во все стороны брызнула кровь, и жертва, страшно захрипев, задержалась в агонии. Ее ноги столь забавно дрыгались, а обожженные пальцы — царапали камень, что Черный Властелин не сумел сдержать радостный смех.

«Вот умора! Как муравья раздавить!»!

Отсмеявшись, он повернулся ко второй женщине.

Та жалобно скулила и пыталась заслониться.

«Ну нет, это не дело», — подумал император, и простеньким проклятьем высушил руки своей жертвы, а затем — запустил в нее пару тонких воздушных игл.

Та страшно завизжала, изогнулась дугой, но продолжала что-то бубнить, чередуя мольбы с воплями боли, когда очередная незримая игла пробивала плоть.

«Надо же, а я и не знал, что так хорошо умею пользоваться магией воздуха» — радостно подумал император. — «Может, землю попробовать?»

Сказано — сделано, и вот, с потолка на ноги служанки обрушились два небольших каменных блока, которые попали как раз по коленям, дробя те в кашу.

Та захрипела и обмякла, лишившись чувств.

— Эй, так нечестно! — тут же разозлился Шахрион. — А ну пляши, пляши, кому говорят!

Он обрушил на женщину волну магии смерти, которая моментально удалила душу из тела и подняла марионетку, начавшую танцевать простенький сельский танец.

В этот самый миг, стуча подкованными сапогами, в зал вбежали вооруженные воины.

— Как у-дач-но, — протянул Шахрион, разряжая в людей цепь молний.

Глядя за тем, как они дергаются от электрических разрядов, Черный Властелин не сумел сдержать довольного смешка.

«Хватит»...

Троих он прожарил до хрустящей корочки, двоих — расплющил, еще одного — нашинковал воздушными ножами, ну а оставшихся заморозил.

«Хватит».

— Что ж, теперь отправимся на поиски новых игрушек? — жизнерадостно спросил сам себя император. — Звучит весьма недурственно.

Он перешагнул лужу крови и уже собирался было покинуть зал, как вдруг тело сковала непонятная тяжесть.

«Хватит»!

И в этот самый миг на Черного Властелина обрушилась кошмарная, ни с чем несравнимая головная боль. Казалось, она решила отплатить незадачливому императору за спокойный день.

Голову словно разрывало на куски, тысячи слов и образов смешались в мыслях, но громче всех звучало лишь одно слово: «Хватит»!

Оно гремело подобно реву водопада, заглушая все остальное, и Шахрион упал на колени, чувствуя, как темнеет в глазах. При этом его ладони попали в лужу крови и теплая алая жидкость окрасила их.

Шахриона вырвало прямо на разрубленную голову, перед глазами плясали разноцветные огни, а его тело извивалось в спазмах, распрощавшись с обедом, и извергая одну лишь желчь.

Боль стала еще невыносимее, что-то щелкнуло внутри черепной коробки, и все вокруг накрыла тьма.

Где-то. Когда-то.

Место не слишком изменилось со времени прошлого видения. Все тот же Лес Ужаса, но на сей раз в нем сражались. Страшный хаотичный бой шел повсюду. Не было ни строя, ни порядка. Тысячи и тысячи людей рубились друг с другом меж деревьев. Медные мечи сталкивались с каменными топорами, а кремневые стрелы выбивали искры из рельефных нагрудников и здоровенных круглых щитов.

Использовалась и магия — лучи света испепеляли десятки воинов за раз, не разбирая своих и чужих и оставляя в лесу целые просеки, с ними сталкивались потоки тьмы — чистой энергии смерти, выпускать которую на врагов могли лишь самые опытные и сильные некроманты.

В центре поля боя друг напротив друга замерли двое. Те, с кого и начались странные видения императора: юноша и девушка, принесшие страшную жертву богам. Точнее, уже мужчина, закованный в тяжелые доспехи черного цвета, и женщина, облаченная в легкую накидку и защищенная магическим барьером.

— Я сильнее! — визжала она, безумно хохоча. — Я намного сильнее! Ты не сможешь прикончить меня, как остальных четверых!

Вместо ответа мужчина запустил в нее Копьем Смерти столь невообразимой мощи, что у Шахриона волосы на голове встали дыбом. Защитная сфера с хрустом распалась, и женщина лишь в последнюю секунду сумела ослабить кошмарную атаку, выставив перед собой сразу несколько барьеров: земляной, водный и еще один — световой.

Но и они не помогли полностью. Часть энергии все же преодолела защиту и остаток копья навывлет пробил живот женщины.

Та страшно заорала, но и не подумала умирать! Вместо этого она с умопомрачительной скоростью начала залечивать рану, одновременно наращивая свои колдовские бастионы.

«Я бы и минуты не продержался против такой, как она. Даже сейчас», — подумал Черный Властелин, заморожено глядя на сражавшихся. — «Наверное, попытался бы сбежать».

Впрочем, ее противник и не думал отступать или останавливаться. Он обрушил на свою противницу град Копий Смерти послабее, добавил к этому с десятков Плетей Тлена,

вынырнувших буквально из воздуха, применил сразу пять огненных столбов, которые обрушились на женщину один за другим, и, будто бы этого мало, попытался разверзнуть землю под ее ногами.

Но она отбивалась!

Да, часть ударов достигала цели, одна особенно удачная атака оторвала руку чародейки по самое плечо, но та, будто заведенная, исцеляла себя, возводила все новые и новые щиты и, о ужас, умудрялась огрызаться, выпуская в ответ кошмарной силы сгустки энергии.

Опыта магических поединков ей, определенно, не хватало — противник благополучно избежал всех атак, ни на секунду не ослабевая натиска. Вот только...

«Так не может продолжаться бесконечно», — подумал Шахрион. — «Он выдохнется или получит рану, и тогда — все. Служанка Отца находится в куда более выигрышном положении».

И, точно уловив эти его мысли, женщина безумно расхохоталась.

— Ты слаб, Шахрион! Ты не сможешь противостоять мне! Я буду той, кто останется! Я объединю мир! Я буду жить вечно!

— Это говоришь не ты, Аслия, — с нескрываемой болью в голосе ответил мужчина, уклоняясь от очередной атаки. — Это говорит та тварь! Ну да ничего, я спасу тебя! Получай!

И в этот самый миг с неба полился черный дождь. Нет, не дождь! Черный огонь!

Все это время Первый Некромант работал над заклинанием, которое ему удалось сплести в тайне от своей противницы и обрушить на ту в краткий миг, когда большая часть защиты оказалась снесена очередной особенно мощной атакой.

Липкое пламя охватило женщину, которая страшно завизжала и попыталась сбить его с себя водой, отчего то лишь взвилось во все стороны.

— Что это? — заорала Аслия, охваченная огнем.

— Мое новое заклинание, — без намека на торжество ответил Шахрион Первый. — Изготовил специально для тебя. Даже сила этой твари не поможет защититься от него. И, кстати, не надейся сбежать. Сегодня ты последуешь за четверьмя своими братьями.

В этот самый миг что-то неуловимо изменилось в горящей женщине. Она перестала орать, замерла на месте, а ее глаза наполнились нечеловеческим светом.

— Ты победил, смертный, признаю. Но скажи, что ты собираешься делать с шестой из нас? Как уничтожишь ее?

— А вот это уже не твое дело, падаль. Ты — отправляешься в небытие, из которого и выполз, — процедил сквозь зубы первый некрмант, формируя Саван Тлена — могучее заклятье, которое облепило горящую фигуру и в считанные секунды обратило ее в пыль.

— Вот так я и потерял свою любимую, — раздался за спиной Шахриона знакомый голос.

Тот обернулся и склонил голову в знак уважения.

— Владыка, рад снова видеть тебя.

— Не могу сказать того же. Раз я сумел показать тебе это, значит, время почти пришло. Осталось не больше месяца.

— До чего? — холодея, спросил Шахрион.

— До решающей битвы. До завершения того, с чем не справился ни я, ни Паштион Третий, ни Гаршион Первый, ни Лирион Второй.

Эти имена были Шахриону хорошо знакомы. Даже слишком. Каждый из названных Первым Некромантом императоров властвовал давно, каждый слыл не вполне здоровым,

каждый пролил моря крови. И каждый плохо кончил.

«Стало быть, я — следующий?»

— Завершения чего?

— Прости, но ответ на этот вопрос ты узнаешь лишь когда найдешь меня лично.

Шахрион удивленно воззрился на него.

— Найду лично? Что это значит? Почему ты не можешь рассказать сейчас?

— Слишком много вопросов, — грустно отозвался император. — Жди, осталось недолго.

И в очередной раз иллюзорный мир рассыпался на осколки, выпуская совершенно сбитого с толку чародея на свободу.

Двадцать второй день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), закат

Император со стоном открыл глаза. Увиденное ему не понравилось: мертвые тела повсюду, и — на границе видимости — живые. Взгляды, полные ужаса. Непонимание и немое осуждение.

А затем плотину памяти будто прорвало, и он вспомнил все: как отбивался от чешуйчатых убийц, как бросил жену и ребенка, как убивал, упиваясь чужими страданиями.

Шахрион сглотнул. Он ожидал ощутить жалость к погибшим, но ничего подобного не было и в помине. Лишь холодная ярость, колкая, как лед.

«Того, что сделано, уже не воротить, и вряд ли кто-то поверит, что всех этих людей прикончили наемные убийцы. Очередные»!!!

Черный Властелин сосчитал до десяти, безуспешно пытаясь унять ярость, и заорал:

— Собрать Малый Совет, живо!

И только теперь он заметил, что возле дверей, обращенных в пыль, стоит Тартионна — прямая и собранная, не обращающая внимания на рану, бледная, то ли от потери крови, то ли от открывшегося ей зрелища. И взгляд жены подействовал на Шахриона подобно ушату холодной воды на голову.

Поднявшись, он кивком головы кивнул своей Госпоже, после чего, прошел мимо жмущихся к стенам людей и двинулся назад — к покоям ребенка. С каждым шагом ярость испарялась, точно вода из кувшина, пролитая в песок, и ее место занимал стыд. Жгучий, всепроникающий, заставляющий спрятаться ото всех, в первую очередь — от самого себя.

«Да вот только от такого попробуй убеги»!

Возле покоев сына уже также было не протолкнуться от солдат, магов, соглядатаев, и просто празднующих обитателей замка, к коим, как ни странно, относилась и Дарлионна.

— Владыка, какой ужас, — всплеснула руками красавица, явно намереваясь подобраться к Шахриону поближе, но был не в настроении общаться с назойливой красавицей и, пройдя мимо, будто бы ее и не было, тихо приказал:

— Все вон.

Комната очистилась с умопомрачительной скоростью, и Шахрион подошел к кровати, на которой лежал сын. На какой-то безумно долгий миг ему показалось, что мальчик мертв, отчего все внутри сжалось и перекрутилось, но в этот самый момент Паштион зашевелился и повернулся на бок. Мальчику, судя по всему, дали успокоительный отвар, и теперь тот мирно спал.

— С ним все хорошо, — Тартионна подошла к мужу и, присев на край постели,

положила руку сыну на голову, приняв шелковистые волосы.

Только сейчас Черный Властелин заметил, что она перевязана.

«И когда только успела»? — промелькнула неуместная мысль, изгнавшая остатки злобы, и затопившая всю душу бесконечным стыдом.

— Яда не было? — мягко поинтересовался Шахрион, опускаясь на колени перед супругой.

— Был, но мне повезло — плечо пробил луч света клятого жреца, а не меч.

Император облегченно вздохнул и перешел к следующему вопросу:

— Сохранились ли тела?

— Отчасти.

Шахрион оставил это замечание без ответа и продолжил:

— Подумать только, лиоссцы... Такого я не ожидал.

Его Госпожа ничего не ответила, лишь пожала плечами и поморщилась от боли — плечо сразу же дало о себе знать.

— Паштион не ранен?

— Нет, все обошлось. К счастью, я решила провести его... Сама не знаю, почему. Наверное, женская интуиция, понимаешь?

Шахрион кивнул.

Несколько секунд они молчали, и, наконец, Тартионна задала вопрос, которого император опасался больше всего:

— Шахрион, что это, во имя Матери, было?

— О чем ты? — попытался император притвориться дураком.

— Не юли, — резко оборвала его Ледяная Ведьма, — я никогда не видела тебя таким.

Шахрион взял ее ладони в свои и прошептал:

— Я испугался... что потеряю вас. Боялся, что покушение увенчалось успехом и... вышел из себя.

В глазах жены не было ни капли доверия.

— А что насчет недавнего инцидента в Наиргионе? Согласно донесениям, там тоже погибли твои же подданные. Что происходит? Расскажи мне.

Внутри у Шахриона все точно сжалось, но, одновременно с этим, где-то в груди запылала ярость.

«Как эта девка смеет указывать мне? Я — тот, кто возвысил ее. Я — тот, кто сделал ее императрицей. На каком основании она требует у своего владыки отчета?»

Подавив раздражение, он, попытавшись добавить в голос как можно больше уверенности, ответил:

— Все хорошо, скоро все закончится и тогда ты первой узнаешь...

— Что?

Шахрион тряхнул головой. Мысли спутались, и он сам не понимал, что именно хотел сказать еще секунду назад. Наверное, какую-то глупость.

— Все, — невпопад ответил он, поднимаясь и выпуская ладони жены. — Все будет хорошо, — повторил Шахрион, поворачиваясь спиной к Тартионне. — Все будет хорошо.

* * *

Дарлионна вернулась в свои покои, испытывая смешанные чувства: она одновременно была и взбешена, и напугана. И причина этого лежала на поверхности.

«Проклятье, что творится в этом недоделанном замке? Вторая партия убийц за

неделю!!! Как, позвольте узнать, работать в таких условиях? Как очаровывать императора, когда тот либо лежит в кровати, накачанный ядом, либо обращает в кровавый фарш все вокруг себя»?

Пролетев мимо замершей в испуге служанки, Дарлионна схватила сумку с книгами выскочила прочь, направившись к библиотеке. Там у нее уже был подготовлен укромный уголок, защищенный от подслушивания и не имеющий никаких скрытых смотровых отверстий — в этом она убедилась в первую очередь.

Вытряхнув книги на стол, Дарлионна извлекла тириомаль, переданный отцом перед отправкой в Черную Цитадель, и активировала его. Когда в шаре появилось лицо, красавица выпалила:

— Все усложняется, на императора опять покушались. На сей раз, кажется, какая-то другая сила. Но это уже третья атака за месяц. Боюсь, выполнить мою миссию в таких условиях будет непросто.

Из светящегося шара послышался вздох.

— Ничего не поделать. Затаись и начни подготовку к третьей фазе операции.

Дарлионна ощутила, как кровь отливает от ее красивых гладких щек.

— Ты уверен? Обратного пути не будет.

Долгая тягучая пауза.

— Уверен. Так... надо. Все пройдет, как должно.

Не так должен говорить человек, не испытывающий сомнений. Не так.

«Что же происходит, отец»? — подумала она. — «Почему мы меняем планы на ходу? Я точно смогу соблазнить императора, нужно лишь время».

Дарлионна очень хотела задать эти вопросы, однако понимала — смысла в этом нет. У отца наверняка имелись серьезнейшие причины, а потому...

— Хорошо, все будет исполнено, — покорно произнесла извечная.

Сказав это, она отключила древнюю реликвию и спрятала ее от посторонних глаз.

«Проклятье, все же так хорошо начиналось! Видимо, ничего уже не изменить. Жаль, но очень скоро Черная Цитадель утонет в огне».

Двадцать третий день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, полдень.

Харшшаан Могучий сын Шшиираса с тоской глядел на горящие дома. Его город пылал, и он ничего не мог поделать.

Бич Пустыни таки добился своего. Он сумел задержать, а может даже и разбить союзную армию, и теперь ничто не могло спасти халифа от бесславной гибели.

Внешние стены пали, и бои велись на улицах. Войска стремительно откатывались ко дворцу, но Харшшаан не был уверен, получится ли у них задержать врагов на новом рубеже.

И все же...

«Все же я отказываюсь признавать поражение», — подумал он, до хруста сжимая меч. — «Бич Пустыни заберет цепь халифа лишь с моего трупа!»

А потому, он отдавал распоряжения, пытаясь если не победить, то, хотя бы, оттянуть неизбежное. Солнце поднялось, встало в зените, а сражение не ослабевало ни на секунду.

Лиоссцы убивали лиоссцев с ожесточенностью обреченных. Защитникам просто некуда было отступить, а нападавшие понимали, на кого работает время.

И все же, силы были неравны — баррикады падали одна за другой, а израненные, едва стоявшие на ногах воины, отступали в цитадель, занимая место на стенах.

Увы, Айшшир — Алмаз Пустыни, как называли этот великий город — был слабо приспособлен к обороне. Так уж сложилось, что за долгие годы войны всех против всех его ни разу серьезно не осаждали.

Все предки Харшшаана считали, что лучшей защитой являются большая армия и множество крепостей по периметру владений халифа.

«Вот только армии почти и не осталось».

Харшшаан не до конца понимал, каким образом Гайшшару удалось разгромить отца, но разве это теперь имело значение? Важно лишь то, кто победил, а кто — пал в битве. Только и всего.

И вот, неудержимый вал вражеской пехоты почти достиг внутренних стен. Лучники с обеих сторон принялись осыпать друг друга стрелами, а враги потащили заранее приготовленные лестницы. Никто и не думал об изморе, все должен решить натиск.

Лестницы прислонились к зубцам и враги, точно в них вселились сами Великие Древние, полезли наверх.

Они падали, сраженные стрелами, некоторые лестницы отбрасывались назад, но это уже не могло остановить напора. Несколько минут — и сражение закипело уже на стенах.

Харшшаан извлек саблю из ножен и с сомнением взглянул на нее. Он никогда не был хорошим воином, но уж совершенно точно не собирался сдаваться на милость победителя.

— За мной, в атаку! — заорал он, увлекая телохранителей на стены.

И в этот самый миг рев схватки перекрыл мощный, пронизывающий до самых костей, гул.

Гул, идущий с запада!

Двадцать третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

— Проклятье, чуть не оглох, — Кштиритион прочистил ухо и укоризненно взглянул на Инуче. — Верховный, это было обязательно?

— Да, да, о сильнейший из сильных, — радостно закивал гоблин, развеивая собственное заклинание, которое и позволило издать этот душераздирающий вопль. — Наши союзники должны знать, что помощь пришла.

По правде говоря, гоблин был совершенно прав. Из увиденного Китарионом, выходило, что бой за город в самом разгаре, и неизвестно, долго ли смогут продержаться защитники. А значит, их следовало подбодрить.

Вот только способ, выбранный могучим шаманом, удивлял.

— Ладно, союзников предупредили. Теперь, уважаемые чародеи, надеюсь, вы вернетесь к своим кругам? Полагаю, вам там сейчас самое место.

— Я — вернусь, но верховный останется с тобой.

Китарион кивнул.

— Как пожелаете.

Кштиритион, не говоря больше ни слова, направился к подчиненным, а кольценосец покосился на гоблина.

— Что ж, верховный, полагаю, настал час истины.

Коротышка, как ни странно, не удостоил его ответа, вместо этого — напряженно вглядывался куда-то вдаль.

«Ох уж эти маги», — мрачно подумал генерал. — «Никогда не поймешь, что у них на уме».

— Начинаем, — приказал он, — в атаку!

И войска пришли в движение.

Китарион не стал искать добра от добра, а использовал опыт боев за Марейнию пятилетней давности: армия выстроилась в восемь баталий, в центре каждой из которых располагались группы арбалетчиков. Немногочисленный отряд гоблинов, пришедших вместе с шаманом, он разместил в обозе, а рыцарей смерти — на флангах. Именно в последнем, кстати говоря, и заключалось отличие нынешнего сражения от предыдущих.

«Как же мне не хватало кавалерии», — подумал кольценосец, едва заметно улыбаясь. Неожиданно он понял, что действительно скучал по всему этому. По длинным переходам, по напряженной игре ума, по запаху риска, витающему в воздухе. Скучал, несмотря на то что война вызывала у него истинное отвращение!

Противник на сей раз достался умелый и опасный, он всячески стремился замедлить путь войска, несколько раз ставя хитроумные ловушки на пути, отправляя небольшие отряды воинов беспокоить армию на марше и, под конец, даже попытавшись задержать имперские силы одним небольшим отрядом легкой конницы.

С последним, кстати, справиться получилось проще всего — благодаря пернатым разведчикам Китарион заранее знал, какими силами располагают враги, сделал поправку на возможность скрытых подкреплений и, не мудрствуя лукаво, опрокинул жителей пустыни при помощи совместной атаки некромантов и рыцарей смерти, после чего, наконец путь к осажденному городу открылся.

Поняв это, вражеский командир начал перестраивать армию и выводить разрозненные отряды из Айшшира, что, в общем-то, полностью соответствовало планам Китариона.

Баталии, выстроившись по диагонали друг к другу, мерно двинулись вперед, оцетинившись во все стороны пиками.

«Магов света у них нет, а значит, выкашивать пехоту сотнями наши чешуйчатые друзья не смогут. А с певцами песка разберутся Кштиритион с Инуче. Что, оставлю колдунам

колдунское, а сам сделаю то, что должен».

Пехота мерно двигалась вперед, продвигаясь к лагерю Бича Пустыни, наметив своей целью вражеский флаг, а Китарион все ждал, когда же лиоссцы сделают свой ход. Что они противопоставят сокрушительной мощи легионов возрожденной Империи?

И, точно отвечая на его невысказанный вопрос, враги пришли в действие.

Они не стали отправлять в атаку пехоту, нет, по направлению к баталиям лавиной поскакали легковооруженные всадники. Но на сей раз это был не отряд, выставленный для заслона.

«Кажется, сейчас мы увидим знаменитый лиосский хоровод», — подумал Китарион. — «Напрасно — арбалеты бьют дальше».

И — да — баталии первыми пролили кровь. Дружный залп сотен и сотен арбалетов проделал прорехи в боевых рядах врагов, но, увы, потери оказались не столь велики, как надеялся генерал — противники двигались в разомкнутом строю, а потому множество болтов ушло в никуда.

А затем настал черед вражеских стрелков отвечать. Туча стрел буквально закрыла собой небо, зависнув в высшей точке полета, и устремившись вниз.

Баталии остановились, как вкопанные, и Китарион чуть заметно улыбнулся. Воины отработали так, как и должны были — вверх взметнулись здоровенные ростовые щиты, которыми были вооружены некоторые мертвецы, а арбалетчики дружно юркнули под них, продолжая перезаряжать свое оружие.

Да, говоря о том, что баталии за эти годы не изменились, генерал немного лгал самому себе. Владыка добавил небольшой, но крайне важный элемент, который теперь и защищал живых от опасности.

Мертвым же не было никакого дела до вражеского обстрела.

Конница лиоссцев растекалась ручейками вокруг каждой из баталий, осыпая имперцев стрелами, но, при этом, держась на расстоянии от длинных пик. Град, обрушившийся на замершие баталии, определенно, расстроил бы боевые порядки живых, но его влияние на мертвецов оказалось минимальным.

А спустя несколько секунд арбалетчики принялись бить в ответ. Уже не залпами, а по готовности, что заметно снижало боевую эффективность, но, тем не менее, то один, то другой болт находили свою цель.

Прошло около десяти минут, и вражеские всадники начали отступать, причем делали они это четко, сохраняя рассыпанный строй и метая стрелы за спины. И, не давая имперцам ни секунды передышки, на смену им тотчас же устремились свежие сотни.

Они так четко и плавно меняли друг друга, что обстрел и не думал прекращаться.

«Проклятье, хочу таких конных лучников в нашу армию!» — подумал Китарион. — «Этот Бич Пустыни — настоящий гений!»

Впрочем, восхищение врагом не помешало ему отдать распоряжение:

— Маги что, спят? Прикажите кругу начать атаку!

«Пусть Кшпиритион проглотит свою извечную надменность и займется, наконец, делом!» — подумал он.

И спустя несколько минут в небесах из молний соткалась фигура огромного ворона, который, расправив потрескивающие разрядами крылья, устремился к вражескому лагерю.

Он не долетел до него, разбившись о щит, выстроенный из мириадом песчинок, поднятых в воздух неведомой силой, из чего Китарион сделал единственно возможный

ВЫВОД:

— А вот и вражеский колдун, о мощи которого вы прожужжали мне все уши, — констатировал факт Китарион. — А где, интересно, остальные?

— Жду с нетерпением, — мрачно отозвался Инуче, задрал голову.

В небе схлестнулись две исполинские магические фигуры: огненный лев и песчаный скорпион. И, судя по всему, ни одна из этих сил не имела перевеса.

— Хотя, скорее всего, они сейчас заняты певцом песка халифа, — продолжал, меж тем, гоблин. — Однако это не значит, что Бич Пустыни не приготовил нам сюрприз. Не удивлюсь, если один вражеский маг сидит в резерве.

«Без этих своих шуточек Инуче теряет шарм», — подумал Китарион.

— А раз враг не хочет выходить, — Инуче хитро усмехнулся, — я помогу ему.

Он извлек из сумки несколько тряпичных кукол, хорошо знакомых Китариону, и швырнул их на землю, призывая своих верных големов.

Китарион вздохнул и продолжил наблюдать за битвой. Серьезных изменений в сражении не произошло, да и откуда им взяться? Враги, определенно, затягивали бой, стараясь измотать легион, а защитники города не спешили выходить из ворот, то ли, ожидая удачного момента, то ли потому, что бойцы Бича Пустыни контролировали все ворота.

Големы, тяжело бухая ножищами, обогнули баталию на правом фланге и, проявив неожиданную прыть, врезались в отряд зазевавшихся лиоссцев.

Полилась кровь, оторванные головы и конечности полетели во все стороны, а не ожидавшие такого ящеры взнуздали своих коней и бросились во все стороны, причем так неудачно, что часть из них попала на копья легионеров.

И в этот миг на тряпичных монстров обрушилось огромное песчаное облако, стремительно принимавшее форму кулака.

— Нашел, — зло ухмыльнулся гоблин. — Старый, слабый Инуче нашел тебя, о могучий и доблестный ящер. А сейчас... — гоблин крутанул кистями рук, его пальцы с умопомрачительной скоростью принялись складывать замысловатые фигуры, а из пасти посыпались слова, значение которых было совершенно неизвестно Китариону.

Песчаный кулак резко остановился, будто бы налетев на незримую преграду, и рассеялся, а спустя несколько секунд где-то за барханом взвился сноп искр.

— Инуче поджарит тебя, о доблестный чародей, — хищно усмехнулся гоблин.

— Веселись, — хмыкнул Китарион, после чего продолжил наблюдать за сражением.

Откровенно говоря, пока что его вмешательство не требовалось — все шло в соответствии с планом, но ситуация на поле битвы меняется стремительно, а потому следует быть настороже.

Двадцать третий день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, полчаса пополудни.

Гайшшар сосчитал до десяти, чтобы унять подступающую волну злости, и сдержал бранные слова, недостойные уст воина и оскорбляющие Великих Предков.

Но, говоря начистоту, он находился не в самом лучшем расположении духа, и причин тому было немало: город взять не удалось, задержать имперцев — не вышло, даже певцы песка — его козырная карта, не справились с задачей. Более того, армия завязла в изнуряющей перестрелке с мертвяками, не наносившей тем особого урона, с фланга на его отряды надвигались какие-то здоровенные монстры, выглядящие так, будто их сотворили из тряпок, и, в довершение всего, согласно донесениям из Айшшира бойцы Харшшаана,

зажатого в замке, воспряли духом и вознамерились отобрать столицу Халифата у того, кому самой судьбой предначертано ею владеть.

Ситуация, мягко говоря, не располагала к веселью.

Но хуже всего было то, что у Бича Пустыни почти не осталось трюков против этого врага.

— Имперцы сильны, — заметил Амбраашш Непобедимый. — Остроухие не вдали.

— Проклятые мертвяки, — буркнул в ответ сыну Гайшшар. — Их и не убить толком.

— Использовать зажигательные стрелы?

— Да, попробуем.

Двадцать третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полчаса по полудни.

Следующие сотни лиосцев наконец-то додумались до использования огненных стрел. Китарион наблюдал за тем, как рой горящих светлячков обрушился на баталии.

«Ожидаемо, но глупо», — подумал генерал, время от времени бросая короткие взгляды то на Инуче, то на сражавшиеся в небесах магические образы. — Стоит ли мне сделать следующий шаг?

Немного подумав, он решил, что — да, можно.

— Резервные баталии на фланги, — коротко распорядился кольценосец.

И две оставшихся вне боя баталии отправились вперед. Теперь у Китариона оставалась лишь кавалерия, но ее генерал не торопился использовать. Тысячи рыцарей смерти являлись той силой, что способна перевернуть ход даже очень невыгодного сражения, а значит, закованных в тяжелые доспехи всадников следует беречь так долго, как получится.

«Да и, говоря начистоту, гоняться за легкой конницей даже на мертвых лошадях — такое себе занятие», — подумал генерал.

Впрочем, одно новшество он опробовать все-таки захотел.

— Боевых псов — в атаку.

Китарион не знал точно, кто именно додумался до такого, однако первый Железный Легион обзавелся тремя сотнями могучих боевых псов — естественно, оживленных посредством некромантии.

Конечно, предполагалось, что их бросят на лучников, но кружащие хоровод всадники — тоже неплохая цель. Более того, если собак отправить по широкой дуге...

«Может получится интересно».

Отдав приказ, генерал принялся ждать результата.

Двадцать третий день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, час пополудни.

Когда на его левый фланг набросились скрытые поднятой пылью огромные псы — молчаливые, бесшумные, неожиданные — Гайшшар не сумел-таки сдержать бранных слов.

Глядя в подзорную трубу — еще одно чудо инженерной мысли теплокровных, купленное за большие деньги — он с ужасом наблюдал, как невероятно быстрые для своих размеров твари бросаются в атаку. Нет, не на людей — они хватали лошадей за ноги, ранив животных и сбрасывая седоков, после чего — рвали на куски уже лиосских лучников.

Легковооруженные воины мало что могли противопоставить монстрам, которые не умирали, даже получив несколько смертельных ранений.

— Господин мой, — к Гайшшару прискакал раненый гонец. — Твой сын Миришшасс молит о подкреплении. Проклятые псы совсем расстроили ряды конницы.

Он мог и не говорить этого — Бич Пустыни прекрасно сам все видел.

Лошади боялись и нежить, и собак, а тут получилось весьма неприятное совмещение обоих этих ипостасей.

— Так пусть рубят им головы! — прорычал он, понимая, что несправедлив к людям среднего сына.

— Не можем, у них шлемы и металлические ошейники.

«Да пожрут Великие Предки душу Черного Властелина, умудрившегося натянуть броню на сдохших собак!» — в сердцах выругался Гайшшар. — «Если ничего не изменить, мы просто истечем кровью!»

— Вышлите на левый фланг тысячу Амбраашша, — распорядился он и, повернувшись к сыну, собравшемуся уже отправиться к своим бойцам, произнес, — не посрами честь рода, сын.

— Сделаю все, отец, — коротко ответил юный воин и, опустив забрало, принял копьё у оруженосца.

Его первенец и наследник всегда интересовался культурой и военным делом теплокровных, а потому он лично подготовил и вооружил тысячу кованной конницы, которая, определенно, должна была разметать проклятых шавок.

— Как только разберешься с псами, возвращайся, не наглея — враг опытен и опасен, к тому же, он еще не пустил в бой свою конницу.

— Слушаюсь, отец! — голос Амбраашша, заглушенный забралом, казалось, светился от злой радости.

«Все-таки он растет в меня», — подумал Бич Пустыни, глядя вслед сыну и его телохранителям, устремившимся к правильным рядам замерших в резерве тяжелых всадников.

Конница, поднимая столб пыли, направилась на левый фланг, а взор командира обратился к флагу правому, туда, где тряпичные големы продолжали движение.

— Тысячу пеших лучников туда. Пусть сожгут этих тварей! — распорядился он, бросая в бой один из многочисленных свободных отрядов пехоты.

«Посмотрим, что вы ответите мне на это, рабы Тьмы!»

Двадцать третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), час пополудни.

— Тысячу рыцарей смерти на правый фланг, — распорядился Китарион.

Только что некромант, отвечающий за разведку, доложил, что на правый фланг — туда, где лютовали оказавшиеся на удивление эффективными псы, — направились вражеские тяжеловооруженные всадники.

— Тысячу Айста, — уточнил кольценосец.

В это время на левом фланге големы начали один за другим падать, обрацаемые в пылающие факелы.

Это уже не имело особого значения — свое дело они сделали, прикрыв одну из двух резервных баталий, но, тем не менее, следовало предпринять что-нибудь, тем более что враги столь любезно подставили беззащитных стрелков. Они прямо-таки умоляли атаковать тех кавалерией.

— Пять сотен рыцарей смерти — нанести удар по стрелкам.

Он с интересом посмотрел на противоположный лагерь, туда, где возвышался флаг Бича Пустыни.

«Посмотрим, ящер, что ты придумаешь в ответ».

Двадцать третий день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, полтора часа пополудни.

Амбраашш Непобедимый скакал во главе своей тысячи. Юного воина переполняли радость и жажда боя.

«Наконец-то, наконец-то я смогу проявить себя!» — думал он, выводя отряд для атаки. — «Быть может, даже получу новое — взрослое — прозвище!»

Песок за спинами их коней вздымался высоко в воздух, отмечая путь движения конницы, но это сейчас не имело никакого значения. Сейчас важно было лишь то, что неуспокоенные псы, а также — приближавшаяся к флангу вражеская баталия были все ближе.

«Думаю, времени до того, как арбалетчики теплокровных смогут выстрелить по нам, достаточно», — прикинул Амбраашш и жестом приказал воинам готовиться к бою.

Он опустил копьё, зажал его под мышкой, и, ударив коня в бока, перевел животное в галоп.

Песок — весьма коварная субстанция, но те, кто жил в пустыне и с детства учился скакать верхом, мог с легкостью повелевать им безо всякой магии.

Остатки потрепанного отряда конных лучников откатились меж разряженных боевых строев тяжелой тысячи, и спустя мгновение взору Амбраашша предстали кошмарные твари, которых некроманты натравили на детей Великих Предков.

Чуть тронутые разложением, собаки эти мало походили на обычных сторожевых и пастушьих псов. Нет, над ними определенно поработала нечестивая магия смерти, превратив животных в нечто невообразимое: здоровенные, точно телята, с могучими лапищами, громадными зубищами и глазами, пылающими алым демоническим огнем.

«Они должны не столько убивать, сколько вызывать страх!» — подумал Амбраашш и признал — да, с этой задачей труповоды справились блестяще.

Что ж, настало время положить конец нечестивому подобию жизни, возвращенному из-за грани!

И, подумав так, он нанес удар по ближайшему псу.

Получилось настолько хорошо, что Амбраашш даже удивился самому себе — длинное копьё пробило голову твари навывлет — шлем не помог — после чего насадило, точно на вертел, еще одну тварь.

Та изогнулась и клацнула челюстями, пытаясь достать юного воина, но безрезультатно. Тысячник отбросил копьё и схватился за топор на длинной рукояти — это оружие он предпочитал мечу — метким ударом прямо под металлический ошейник перебив позвоночник еще одной собаки.

Лапы монстра разошлись в стороны, и тот принялся дергать башкой, не в силах сделать и шаг, а в это время бойцы Амбраашша увлеченно рубили в капусту оставшихся собак.

Излишне увлеченно — приближавшихся вражеских всадников они заметили, когда уже было слишком поздно отступить. Амбраашш принял единственно верное в данной ситуации решение:

— На врага! — заорал он, подавая пример и первым устремляясь к имперским всадникам.

Империя Таараш никогда не славилась хорошими наездниками, но, благодаря победе над странами Лиги у нее образовалось изрядное количество опытных пленников, из которых некроманты сумели сделать множество рыцарей смерти.

Насколько Амбраашш знал, практически все эти чудовища безвылазно сидели в Черной Цитадели, играя роль гвардии императора. Разумное решение, если так подумать: что может быть лучше неустрашимой, неподкупной, лишенной каких бы то ни было привычек, слабостей и потребностей вечно бодрствующей стражи?

Вот только лично сын Бича Пустыни был бы счастлив, если бы все эти в высшей степени замечательные мертвяки и оставались в треклятой Черной Цитадели!

Увы, но император снабдил своего генерала несколькими тысячами воскрешенных всадников. И прямо сейчас, глядя на мертвяка в полном латном доспехе с копьём наперевес мчащегося на него, Амбраашш ощутил самый настоящий страх. Наверное, впервые в жизни.

Но, все-таки, он был опытным воином, а потому принял удар своего оппонента на щит, скривившись от резкой боли, стрельнувшей в плечо, и, сократив дистанцию, рубанул противника сверху вниз топором.

Тот с легкостью остановил эту атаку своим щитом, после чего отпустил копьё и выхватил длинный прямой меч, который безо всяких колебаний обрушил на юношу.

Лиоссец вновь остановил атаку и нанес свой удар, затем еще и еще. Он пытался отыскать слабую точку в защите проклятого немертвого отродья, но у него не получалось!

Спустя несколько минут ожесточенной рубки Амбраашш с ужасом понял, что начинает уставать, а проклятая тварь и не думала сбавлять обороты.

А еще эти ее удары!

«Каждый раз — точно молотом по руке лупит»!

Сглотнув, Амбраашш решился на обман: ложным замахом он заставил противника поднять щит, а сам обрушил топор на башку зомби-лошади.

Могучий удар перерубил позвонки твари и та, не издав ни единого звука, рухнула. Просто взяла — и сложила копыта.

Но рыцарь смерти оказался не лыком шит — он выпрыгнул из стремян, в полете рубанув мечом по коню Амбраашша. Животное заржало, взвилось на дыбы, и сын Бича Пустыни с ужасом понял, что не сможет удержаться!

Он полетел вниз, в песок, и со всего размаху впечатался в него, тотчас же откатился, уклоняясь от копыт своего же коня, попытался подняться...

И в этот самый миг на затылок обрушился чудовищной силы удар.

Перед глазами все поплыло, и гордый сын пустыни потерял сознание.

Двадцать третий день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, два часа пополудни.

Гайшшар с болью во взгляде наблюдал за тем, как левый фланг рассыпался.

Столь блестяще начавшаяся атака сына захлебнулась, попав под удар рыцарей смерти.

«Глупец, почему ты не отступил»? — думал Бич Пустыни, наблюдая за тем, как две бронированных орды сошлись, рубя и кромсая одна другую. — «У живых нет шансов в ближнем бою против мертвых»!

Но увы, Амбраашш то ли не заметил, то ли не пожелал замечать вражескую конницу, и результат не заставил себя ждать.

— Две тысячи лучников на левый фланг. Пусть поддержат Непобедимого и погоняют вражеских всадников, — распорядился он, прекрасно понимая, насколько это бесполезно.

Мертвого коня не ранить, он не устанет, да и его седоку нет никакого дела до вражеских стрел. Самое логичное, что можно было сделать, не имея под рукой человеческих магов огня и света, так это заманить трупы в ловушку и спалить, ну, либо насадить на длинные копыта, а

затем — облепить со всех сторон и изрубить на куски.

Для первого требовались подготовленные заранее позиции, для второго — пехота.

Да вот только возводить подобные позиции не было особого смысла — вездесущие вражеские птицы уже несколько дней проверяли ситуацию возле Айшшира, а пехота все никак не могла покинуть проклятый город!

Впрочем, одно средство у Гайшшара все-таки имелось, и именно его он приберегал до самого последнего момента. И теперь, глядя на картину медленного, но верного проигрыша, Бич Пустыни понял — этот самый момент настал, потому как пройдет еще какой-то час, и его армия рассыплется. Побежит легкая кавалерия, за ней — немногочисленная тяжелая. Ну а пехота, не сумевшая ни захватить дворец, ни покинуть город, останется на растерзание победителям.

А потому он распорядился:

— Готовьте метательные машины.

Двадцать третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), два с половиной часа пополудни.

Китарион почти вздохнул от облегчения, когда маг сообщил:

— Враги привели в движение метатели.

Генерал совершенно точно знал, что лиоссцы обязательно попытаются закидать позиции его баталий змеиным огнем. Они были бы полными идиотами, если бы не оставили этот вариант на крайний случай. И, как ни грустно было это признавать, у них имелись все шансы на успех — сделать что-либо с громадными машинами, возвышавшимся за боевыми порядками лиоссцев он попросту не мог, а все маги продолжали борьбу с чароплетами Бича Пустыни.

«А значит, сейчас мы уплатим цену союзнических обетов, и она будет высока!» — подумал кольценосец, наблюдая за тем, как требушеты начинают метать свои снаряды прямо в центр войска.

Три горшка разбились, не долетев ни до одной из баталий. Еще один — лишь чуть-чуть лизнул край одного из отрядов — десяток зомби, охваченные пламенем, дисциплинировано вышли из строя, а сам отряд сманеврировал на полсотни шагов правее. А вот пятый... да, пятый попал в цель: разбился в центре баталии, взорвавшись и забрызгав огненными каплями десятки и десятки бойцов. Преимущественно — живых.

Вопль дюжин сгорающих заживо людей был кошмарен, и, самое паршивое, это лишь начало: враги лишь пристреливались.

А значит...

— Всему центру — в атаку! — рявкнул Китарион. — Уничтожить вражеские метатели. Тысяча рыцарей смерти, по сотням — начать преследование вражеских стрелков в центре боевого построения. Маги, да сделайте, наконец, что-нибудь с этими проклятыми певцами песка!

Последние слова, пожалуй, были лишними. Как круг Кштиритиона, так и Инуче из всех сил пытались сотворить что-нибудь противоестественное с невидимыми магами Бича Пустыни. Жаль, получалось у них неважно. Ну хоть защитили армию, как и обещали.

Впрочем, это уже не имело особого значения. Китарион практически исчерпал резервы, с ним осталась только личная сотня рыцарей, да последняя тысяча рыцарей смерти — резерв, приберегавшийся на самый крайний случай.

«Верю в вашу силу», — подумал генерал, наблюдая за тем, как баталии вновь перешли

на мерный шаг, направляясь напрямик к метателям, и как к просветам меж ними устремились конные сотни верхом на мертвых скакунах.

Двадцать третий день третьего месяца лета 5644-го года со дня Сотворения, два с половиной часа пополудни.

То, что произошло потом, больше походило на ночной кошмар, нежели на реальность.

Сперва все шло неплохо: метатели сделали залп, затем — еще один. Потом — третий. Одну баталию удалось накрыть сразу четырьмя горшками, которые разорвали боевой строй, обратив в огненные факелы, наверное, сотен восемь вражеских солдат, как живых, так и мертвых. Как только строй распался, что зомби, что арбалетчики стали легкой добычей для его конных лучников, которые не только умели пускать стрелы, но и неплохо пользовались арканами. Они, не боясь теперь леса пик и арбалетных залпов, подскакивали почти вплотную, арканами выхватывали жертву из строя и утаскивали ее к своим, туда, где противника рубили на куски.

От огня досталось еще нескольким баталиям, но...

Но пехота, неожиданно, двинулась вперед и, все набирая и набирая шаг, устремилась к позициям метателей, защищенным лишь жиденькой цепью пехотинцев, которым удалось наконец-то покинуть город.

И, будто этого было мало, многочисленные конные сотни, обтекая неповоротливые пехотные квадраты, устремились в атаку на легкую конницу Лайшшата, и там, где лиоссцы оказались недостаточно расторопны, в мгновение ока устроили настоящую бойню.

Еще хуже дела обстояли на флангах, где все те же вездесущие рыцари смерти умудрялись дожевывать противостоящие им отряды.

«Еще немного, и я лишусь пехоты с метательными машинами, после чего придется отступить», — со всей отчетливостью понял Гайшшар. — «Ну что ж, значит, остается только одно».

Он вытянул руку, требуя копьё.

— Сыны пустыни, — взревел претендент на трон халифа, — за мной, в атаку!

Двадцать третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), два с половиной часа пополудни.

«Ну наконец-то!» — подумал Китарион, наблюдая за тем, как вражеский генерал сделал свой последний ход».

— Все за мной! — распорядился он, бросая вперед свой последний резерв.

Пришпорив коня, Китарион рассмеялся, чувствуя бьющий в лицо ветер. Сражение подходило к кульминации. Генерал уже не мог ни на что повлиять и не управлял ровным счетом ничем. А сидеть на ровном месте и наблюдать, как бьются другие, не позволяла его деятельная натура.

«Вот сейчас-то все и решится!» — радостно думал Китарион, сжимая копьё, и ловко выбирая путь между языков змеиного огня, завалов из трупов, баталий и вражеских конных сотен.

Ничто больше не имело значения, кроме вражеской конной лавины. Мир сузился сперва до приближавшихся лиоссцев, затем — до того, кто несся во главе конного отряда, а спустя несколько секунд — до наконечника его копья.

Миг, и два всадника с оглушительным грохотом сошлись, со всей силы ударяя друг по другу. Два копья одновременно врезались в два щита, и оба противника, ведомые чудовищной силой удара, вывалились из седел.

Китарийон с восторгом расхохотался, вскочил, выхватывая меч, и, издав боевой клич: «За Империю!», обрушил могучий удар на своего противника, который, с легкостью приняв эту атаку на щит, рубанул сверху вниз.

Китарийон тоже закрылся щитом, но от мощи удара боль разошлась по всему предплечью, и он подумал, что, пожалуй, таких атак лучше избегать, после чего незамедлительно попытался достать врага резким уколом в забрало.

Этот бой мало походил на схватки в пропитанном влагой Лесу Ужаса. Тогда на кольценосце была лишь легкая броня и нападал он из засад, сейчас же имел возможность атаковать в честном бою, лоб в лоб, дерясь с равным себе по мастерству и опыту противником.

Они кружились, не обращая внимание на то, что творится вокруг и, по какой-то странной причине, окружающие отвечали воинам полной взаимностью. Вокруг звенела сталь, храпели лошади, кричали люди. Какофония схватки глушила и не позволяла узнать, что творится в паре шагов, во только... Кому какое дело до этого?

Удар, уклонение, выставить щит, контратака, снова уклонение!

Китарийон танцевал, и танец этот был столь же прекрасен, сколь и смертоносен. Кем бы ни был его враг, в лице этого лиоссеца генерал Империи Тьмы нашел достойного противника.

Казалось, пляска стали и смерти может продолжаться бесконечно, но тут, неожиданно, враг допустил ошибку. Незначительную, обычный воин и внимание на нее не обратил бы. Всего лишь вытянул плечо чуть сильнее, чем следовало. Мелочь, ерунда, глупость...

Для кого угодно, но не для Китарийона! Противник предоставил ему шанс длиной в пару ударов сердца, и грех было бы им не воспользоваться!

Схватив клинок за первую треть лезвия, и, таким образом, сократив его рабочую часть, кольценосец подпрыгнул к врагу, ткнул мечом в подмышку противника и, когда тот инстинктивно уклонился от атаки, резко рубанул сверху вниз, метя прямо в шлем.

Конечно, он не мог убить своего врага таким ударом, но в этом не было нужды.

Отменная сталь, выкованная темными дварфами, со всего размаху обрушилась на шлем, на миг дезориентировав врага и, быть может, даже вызвав сотрясение мозга. Китарийон не был столь наивен, чтобы верить в настолько удачные стечения обстоятельств, а потому он ударил еще раз, и еще, и еще, крутанулся вокруг своей оси, уходя от неуклюжего замаха, и, используя силу вращения, впечатал наверх мече противнику прямо в бронированный висок с такой силой, что шлем вогнулся.

Лиоссец рухнул, как подкошенный, а Китарийон присел, сдирая со своего оппонента шлем и приставляя меч к горлу бессознательного противника. Хотя у того и не было никаких гербов, генерал уже понял, с кем его свела судьба.

— Приветствую блистательного Бича Пустыни, — улыбнулся он открывшему глаза полубморочному врагу, — теперь ты — мой пленник.

Двадцать третий день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер

Это была победа!

Вражеская армия, оставшаяся без лидера и понесшая огромные потери, рассеялась и стремительно откатывалась на север, преследуемая рыцарями смерти.

Потери Империи составили почти шесть сотен живых и около трех тысяч мертвых. Враги же лишились как минимум восьми тысяч убитыми и пленными. И это не считая тех, кто погиб в Айшшире.

Певец песка, что противостоял целому кругу, поплатился за свою самонадеянность жизнью — под самый конец схватки громовой ворон все-таки превозмог песчаного скорпиона, но, так как сил у заклинателей Империи почти не оставалось, Кштиритион предпочел синицу в руках и обрушил всю оставшуюся мощь объединенного заклинания туда, где располагался вражеский колдун. Противник же верховного шамана, каким-то сверхъестественным образом пронюхав о поражении своего командира, сбежал, прихватив двух сыновей Бича Пустыни.

Впрочем, старший его сын попал в плен и теперь вместе с отцом находился в имперском лагере, который по приказу Китариона разбили сразу после завершения битвы.

И сейчас они ожидали делегацию из города. Спасенный мощью западного соседа, юный халиф просто обязан был посетить своих благодетелей. Да, это изрядно било по его гордости, да вот только не тому, чью шкуру сохранили чужеземные воины, выказывать нор.

И халиф пришел. В сопровождении двух сотен измученных окровавленных воинов, лучших своих придворных, и, что удивительно, сестры.

Китарион принял делегацию, сидя в шатре. По правую руку от него замер Кштиритион, по левую — Инуче. Возле шелковых стен этой «крепости» выстроились рыцари смерти. Они же охраняли и подступы к лагерю. Сейчас Китарион был не просто генералом. Нет. Он — истинный кольценосец из древнего и знатного рода — являл собой Империю Тьмы! Его устами говорил сам Черный Властелин.

И эта ответственность изрядно нервировала молодого генерала. Он понимал, что обязан продемонстрировать всю мощь и блеск возрожденной Империи Тьмы, а потому, замер на походном стуле, изобразив на лице суровое, но, одновременно с этим, величественное выражение.

Ну, или попытался сделать так.

Когда полог был отброшен в сторону, внутрь вошли трое: молодой и очень богато одетый лиоссец, которого Китарион видел весной, старый согбенный ящер, облаченный в изящный балахон цветов халифата и — молодая же девушка.

Венценосец впервые увидел женщину ящеров, а потому проявил некоторую бестактность, позволив себе разглядывать ее на пару секунд дольше, чем того одобряли приличия. Высокая, облаченная в платье цвета песка, гармонизировавшее с ее светло-зеленой чешуей, с узкой талией, оплетенной поясом, расшитым драгоценными камнями, с изумрудным колье, лежавшим на плоской — как у мужчины — груди, она выглядела одновременно и отталкивающе, и притягательно.

Лицо тонкое, покрытое крохотными чешуйками, большие ярко-желтые глаза со змеиными зрачками, длинные — будто у какой-то эльфийки — уши, украшенные многочисленными золотыми кольцами, практически человеческий нос и рот, полный маленьких острых зубов.

Странное существо, что и сказать. Странное и притягательное.

А потом Китарион перевел взгляд на старика и даже у него — человека, далекого от магии, — перехватило дух. Сила, исходившая от этого чешуйчатого, буквально пронизывала воздух. Казалось, еще чуть-чуть, и ее можно будет резать ножом. Именно такое ощущение вызывал Инуче, когда становился серьезным, а еще — Гартриан с владыкой.

«Поправка... С владыкой после того, как он превратил Стоградье в уголья мертвых», — уточнил Китарион.

Молчание затягивалось, и генерал решил все-таки пойти своим гостям навстречу.

Он поднялся и, сделав несколько шагов вперед, приветливо улыбнулся и склонил голову, обозначив поклон — легкий, но подразумевающий уважение к титулу собеседника.

— Приветствую славного халифа Харшшаана Могучего сына Шшиира, его прекрасную сестру и, — он бросил короткий взгляд на змеиного колдуна, — первого визиря, как я полагаю.

— Приветствую доблестного генерала имперской армии, — чуть резче, чем следовало бы, ответил Харшшаан.

— Доброго тебе здоровья, отмеченный Матерью, — склоняясь в реверансе, который сделал бы честь многим придворным дамам, проговорила девушка.

«Какой выговор!» — не смог не отметить ее великолепный всеобщий Китарион.

— Доброго с-здравия тебе, ис-свечный. — А вот акцентом первого визиря можно было, пожалуй, пытаться пленников.

Впрочем, это сейчас не имело значения. Китарион прекрасно понимал, что его доблестные гости пришли отнюдь не только для демонстрации благодарности. Они не могли не знать о том, что имперская армия получила двух крайне ценных пленников, а значит...

— Я не могу не восторгаться военной мощью нашего доблестного союзника, — пафосно продекламировал халиф, — стоя на городских стенах я в немом восторге наблюдал за тем, как железные легионы возрожденной Империи Таараш искореняют вражескую скверну, как они, точно нож сквозь масло проходят через вражьи ряды, неся тем смерть и гибель...

Он говорил и говорил, один цветистый оборот уступал место другому и этой чередой словословий, столь плотной, что у Китариона не было не малейшей возможности вставить слово, казалось, не было конца и края. В этот миг он поблагодарил Мать за знакомство с Инуче — без уроков, данных болтливым шаманом, кольценосец, наверное, не сумел бы сохранить на лице нейтральное выражение.

«Кажется, когда он предстал пред троном владыки, говорил короче и по существу», — мысленно пробурчал Китарион, сохраняя на лице величественно-доброжелательное выражение. — «О Великая Мать, ну когда же халиф, наконец, заткнется!»

Как ни странно, но конец цветистому трепу положила сестра халифа.

— Генерал, — неожиданно заговорила она, оборвав брата едва ли не на полуслове, — прошу простить мою неучтивость, но я не успела представиться. Шшайра Восхитительная дочь Шшиира к твоим услугам.

«Ага. Вот, значит, у кого из этих двоих имеются яйца», — подумал Китарион, принимая руку, протянутую для поцелуя и учтиво обозначая его, естественно, не касаясь чешуйчатой

кожи. — «Ну и когти, не хотел бы я получить ими по горлу», — отметил генерал автоматически.

Действительно, лакированные и украшенные изящными орнаментами когти сестры халифа выступали вперед на добрых полфаланги, и были заострены, точно бритвы.

В принципе, не удивительно, что все лиоссы стреляют из луков только в специальных перчатках. Даже очень хорошая тетива не выдержит такого.

Разогнувшись, генерал приветливо улыбнулся собеседнице:

— О какой неучтивости может идти речь, о прекраснейшая из дев. Это, скорее моя вина, что я не узнал ваших имен, — он повернулся к магу и вопросительно взглянул на того.

— Ришшит Сумрачный, — коротко ответил лиоссец, все внимание которого было сейчас сосредоточено на гоблине. — Немного я встречал колдунов, способных в пустыне потягаться на равных с певцом песка.

— О, могучий слишком добр к слабому и жалкому Инуче, да, да, — довольно осклабился верховный шаман гоблинов, — немногие могут в одиночку противостоять сразу троим певцам песка, да, да.

Лиоссец мрачно покачал головой.

— Когда мы начинали, нас было четверо. Я, еще один мастер, и два ученика. Они не пережили осады.

— О... — сокрушенно вздохнул гоблин, — ничтожный и глупейший Инуче смиренно умоляет о снисхождении к его глупости, да, да.

Лиоссец удивлённо посмотрел на гоблина — он явно не встречал раньше таких существ, но затем пожал плечами и произнес одно слово:

— Война.

За это слово уцепилась сестра халифа, которая, совершенно неожиданно, без долгих дипломатических экивоков, спросила:

— Кстати о войне. Генерал, что ты планируешь делать с двумя пленниками?

Она не стала уточнять, с какими именно — все и так было понятно. И все же, эта прямота немного сбивала с толку. Хотя, с другой стороны, на честный вопрос Китарион всегда предпочитал давать честный ответ:

— Доставлю его вместе с остальными в Зантриан, там запрошу дальнейших распоряжений владыки.

— А тириомаль? — тотчас же уточнила девушка.

— Увы, даже после войны Реставрации этих древних сокровищ у Империи до обидного мало, — притворно вздохнул Китарион, который сейчас был просто счастлив из-за этого, ведь не ему придется решать столь сложный вопрос, как будущее пленников, — мы отправили ворон и гонцов, но пока те доберутся до Жемчужины Востока и владыка получит мой отчет через наместника, пройдет какое-то время.

— Стало быть, — в разговор наконец-то включился оттертый в сторонку юный халиф, — вы планируете возвращаться? Как скоро?

Китариону не понравился ни его тон, ни его вопрос, но он не подал вида, и постарался ответить максимально нейтрально:

— Думаю, с рассветом. Отряды преследования должны вернуться, солдаты — отдохнуть, да и помочь вам с восстановлением ворот, возможно, будет нелишним.

Последнего говорить все-таки не стоило, но он не сумел отказать себе в маленькой радости намекнуть собеседнику на то, что, вообще-то говоря, без армии Империи Таараш тот

бы сейчас здесь не стоял.

Намек явно был понят всеми гостями, потому как зрачки их моментально сузились, превратившись в едва различимые щелки.

«Злятся, наверное», — улыбнулся Китарион.

Ответ, однако, удивил его.

— Что ж, могу только пожелать моим союзникам счастливого обратного пути и извиниться за то, что не в состоянии устроить пир, достойный победителей, — произнес халиф таким тоном, будто ответ Китариона и его шпилька не относились к нему вообще никак.

— Благодарю, халиф.

— Могу я попросить об одном одолжении? — неожиданно проговорил лиоссец.

— Конечно. Я исполню его, если смогу, — с легким недоумением в голосе ответил Китарион.

— Моя сестра давно мечтала увидеть столицу Империи Тьмы. Может ли она отправиться в обратный путь вместе с твоей армией, извечный?

Китарион всегда считал себя человеком, наделенным стальной выдержкой, но даже он едва не открыл рот от удивления и, судя по тому, как позади шумно вдохнул Кштиритион и охнул Инуче, их эта просьба также застала врасплох.

«И в чем тут подвох»? — лихорадочно размышлял Китарион, пытаясь придумать, как бы половчее отказаться от навязанного общества родовитой лиосски. — «Эти змеи определенно готовились к отказу, а потому, брать ее с собой нельзя, но... Проклятье, а как послать их подальше-то? А никак»!

Не существовало ни одной объективной причины, по которой генерал Империи мог отказать в сопровождении сестре своего союзника. Вообще ни одной.

А значит...

«Значит, будем улыбаться и делать вид, что все в порядке. Пусть владыка разбирается», — принял решение Китарион, после чего учтиво поклонился и проговорил:

— Почту за честь сопроводить госпожу в Черную Цитадель. Прошу тебя подготовить все, необходимое для путешествия, к рассвету.

Благородная лиосска кивнула и чуть заметно улыбнулась, обнажая небольшие острые зубки.

— Я счастлива, что наконец-то смогу увидеть великий город, о котором брат рассказывал мне столько интересного.

После этих слов беседа продолжалась еще какое-то время, затем гости распрощались и покинули лагерь имперской армии, а Китарион стоял, наблюдая за тем, как они уходят, и думая: «Это нам еще аукнется».

Двадцать четвертый день третьего месяца лета 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полночь

— Третье, мать его, покушение за лето! Вы что, совсем все с ума посходили?! Земли Империи превратились в проходной двор! Клятые убийцы один за другим разгуливают везде, вытворяя все, что им заблагорассудится! А после этого я неделю не могу собрать вас всех в столице! Как это понимать, я спрашиваю вас? Как! Это!! Понимать!!!

Последние слова Шахрион проорал с такой силой, что, казалось, затряслись стены зала Малого Совета, хотя — Черный Властелин был уверен в этом — он не вкладывал в свой голос и толики магии воздуха. Но, тем не менее, его ярость была столь велика, что

остановиться он попросту не мог.

Двое суток император лично проводил расследование, искал хотя бы какие-нибудь зацепки, пытался выяснить, каким же образом убийцы, среди которых нашелся даже один высокий сын, проникли в Черную Цитадель... И ничего!

И вот теперь, Шахрион щедро выплескивал свою ярость и злобу на всех окружающих, не в силах успокоиться.

«О Мать, как же мне хочется убить кого-нибудь! Как я желаю пролить еще немного свежей крови!» — мысленно застонал он.

Эти покушения, заговоры, восстания, и — самое главное — не прекращающаяся ни на минуту головная боль, которую уже не глушили даже самые сильные лекарства, за несколько последних дней изрядно подкосили императора.

После того, как убийцы отправили его в кому, Тартионна едва не начала массовые казни, а теперь уже госпожа останавливала своего владыку от поспешных действий, и, тем не менее, собрав в очередной раз Малый Совет практически в полном составе — Тартионна занималась какими-то важными делами и сказала, что будет позже, а Китарион так и не вернулся из похода — он высказал им все, что думает о сложившейся ситуации.

Причем в процессе высказывания использовались такие фразы, что, наверное, покраснели бы даже самые портовые грузчики.

Каждый, на кого устремлялся горящий яростью взор императора, отводил глаза, каждый, бледнел от страха, каждый — был в чем-то виновен!

Где-то на заднем фоне довольно хихикала Тень, но Шахриону сейчас было плевать на верную спутницу своего безумия. Он рвал и метал, едва-едва удерживался от применения магии, и никак не мог остановиться.

— Вы что думаете, — продолжал он, — лиосцы сами решились на такое? Нет, их кто-то нанял! Нанял, понимаете?

Его обострившийся до предела слух уловил брошенное Паркантисом слово: «Братья Ночи». Император подскочил к темному дварфу и, склонившись над ним, расхохотался, точно безумец.

— Какие еще Братья ночи? Не было никаких Братьев Ночи, я придумал их, я! Понятно?! На нас напали жалкие лиосские наемники, подкрепленные бешеным высоким сыном, а вы — вы все! — проворонили их!!!

Его бешенный взгляд столкнулся с суровым взором некроманта, чьи глазницы все так же пылали алым.

— Хочешь что-нибудь сказать, верховный?!

— *Что тебе стоит прекратить истерику и начать вести себя, как полагается Черному Властелину!* — прогрохотал в его мозгу голос умертвия. — *Посмотри на себя! Величайший император за добрых пять сотен лет, а ведешь себя, точно прыщавый сопляк, которому не дала подружка!*

— Моего сына и мою жену едва не убили!!! — взревел Шахрион, бросаясь к личу.

— *Но не убили. Также, как и тебя. Мать оберегает верных! А потому, прекрати истерику, успокойся, и займись делом, как ты всегда поступал!*

Наверное, эта отповедь успокоила бы его. Раньше. Где-то полгода назад. Сейчас же она подействовала подобно фляге крепкого вина, брошенного в костер.

Черная пелена ярости начала покрывать императора целиком, топя последние искорки рассудка и самоконтроля, грозя очередной бойней. И в этот самый момент двери

распахнулись и внутрь вбежала Ледяная Ведьма.

Была она растрепана — волосы цвета соломы напоминали стог сена, бледна, с кругами под глазами, но эти самые глаза сияли.

— Победа! — провозгласила она. — Победа!

Ярость Шахриона резко, будто по команде, пошла на убыль, он точно сдулся, стал меньше и старше, и плюхнулся в ближайшее свободное кресло, вопросительно глядя на жену.

— Только что пришло сообщение от наместника Зантриана. Тот получил весть о победе и тотчас же связался с Черной Цитаделью. Армия Бича Пустыни разгромлена, а сам он вместе со старшим сыном взят в плен. Китарион с армией движется в пределы Империи!

Напряжение, повисшее в зале, неожиданно разорвалось криками ликования и радости. Кажется, что даже лич, и тот, буркнул что-то одобрительное, при этом от Шахриона не укрылся цепкий и холодный взгляд, который верховный чародей бросил на него и император с ужасом осознал, что только что едва не набросился на одного из самых верных и ценных своих слуг.

Головная боль стала нестерпимой и он, поднявшись, и обняв жену, проговорил:

— Прошу простить мой гнев. Проклятая голова не дает покоя вот уже несколько дней. На этом мы закончим совещание и продолжим его уже завтра, все свободны.

Он подхватил Тартионну под локоть и, когда они вышли из зала Малого Совета, спросил:

— Как там Паштион?

— Спит. Натерпелся страха, но, думаю, справится. Он сильный мальчик.

— Знаю, — чуть заметно улыбнулся император. — Есть ли какие-нибудь новости о нападавших?

— Учитывая, чем именно ты их атаковал? Нет.

Шахрион вздохнул. Ему очень не хотелось говорить с супругой на эту тему, но с каждым разом обходить опасные моменты становилось все сложнее.

— Еще год назад ты не был столь могуч. Подумать только, использовать легендарное Сжигание Души, в одиночку, без подготовки, ритуалов, жертв и круга поддержки. И ради чего? Для убийства пары жалких лиосцев и одного мага света.

— Жалких? Кажется, они зажали тебя в угол.

— Точно также, как три первых убийцы почти загнали в угол тебя. Отличная подготовка, хорошее снаряжение, защита артефактами и, конечно же, внезапность. Когда они атаковали, я стояла спиной к двери.

— Знаю, — кивнул Шахрион, еще пару дней, назад получивший полный отчет о случившемся. — И опять все, как в прошлый раз, — пробормотал он, старательно гася поднимающиеся язычки ярости, — мне нравится это все меньше и меньше. От обоих покушений буквально за милю смердит эльфийской магией. Лишь эти гадюки умеют так незаметно пробираться куда угодно.

Сказав это, он вспомнил Ратриолу, без каких бы то ни было проблем вошедшего в шатер Черного Властелина, находящийся посреди многотысячной армии, защищаемой кучей магов.

«Проклятые остроухие!» — подумал он. — «Никак не успокоятся, даже оказавшись на грани Вечности».

— Сразу два покушения, одно за другим, с разными исполнителями, а до этого — атака на тебя как будто бы подстроенная недовольными дворянами Саргилии — в голосе

Тартионны слышалось серьезное сомнение. — Не думаю, что за ними стоит одна и та же сила. Скорее, враги одновременно задумались над вопросом о том, каким бы способом остановить империю.

— Как-то слишком уж дружно это вышло, не находишь? — пробормотал Шахрион, ни капли не убежденный.

— И кстати, сколько еще ты будешь менять тему разговора?

Жена резко остановилась и вырвала руку. Теперь она глядела на него, подперев бока, и выглядя крайне недовольной. И ее было сложно в этом винить. Все-таки, Шахрион действительно пытался заболтать свою Госпожу.

Он бросил короткий взгляд по сторонам. Длинный коридор без окон и дверей, лишь развешанные по стенам светильники, да многочисленные полуистлевшие гобелены говорили о том, что они оказались в одной из древних частей дворца, которыми тот так изобиловал.

«Проклятье, я вообще не обращал внимание на то, куда мы идем», — с ужасом осознал он, тотчас же услышав за ухом глумливый смешок тени.

Маленький глупенький император возомнил себя властителем мира, но даже своей жене он не хозяин. Да, как прискорбно. Нет желания придушить эту наглую суку, а?

Старательно игнорируя тварь, лишённую лица, души и сердца, Черный Властелин внимательно посмотрел на супругу.

— Прости.

Он умолк, ожидая реакцию Госпожи, и та не замедлила себя ждать.

— Что, и все? Только «прости»? Ни объяснений, ни даже плохонькой лжи, чтобы утешить и успокоить? Ничего этого я недостойна?

— Прости, — вновь прошептал он, не находя себе места.

Что можно было еще сказать? И что бы слова могли изменить?

«Ничего», — Шахрион с мольбой заглянул в глаза жены. — «Они ничего не изменят».

В этот момент он, как никогда, мечтал поскорее оказаться внутри очередного видения. Император чувствовал, что замер в шаге от пропости, а потому надеялся оказаться полностью готовым, когда придет время прыгать.

Он еще раз прошептал:

— Прости.

Затем коротко развернулся на каблуках и быстро, насколько позволяла гордость, покинул супругу.

Какой верный, какой замечательный муж», — веселилась Тень, кружась возле своей жертвы. — Какой правильный и достойный поступок. Как ты умен и умел, о великий Черный Властелин.

— Закрой рот, тварь, — процедил он, с грохотом закрывая за собой дверь. — Меньше чем через месяц я отправлю тебя туда, где подобным порождениям самое место — в Вечность.

Посмотрим, о владыка, — без капли иронии или насмешки отозвалась Тень, замерев прямо перед Шахрионом и заставив того сбиться с шага. — Очень, очень скоро.

Двадцать четвертый день третьего месяца лета 41-го года со дня окончания Последней Войны, ночь

И вновь Ритон вместе с прочими заговорщиками — за исключением лича и лиоссца — встретились в летнем замке. Да, можно было в очередной раз переговорить посредством тириомалей, однако то, что сегодня следовало обсудить, требовало личного присутствия.

Впрочем, учитывая произошедшее, пожалуй, даже хорошо, что верховный некромант не присутствовал. Если в прошлый раз казалось, что он в гневе, то сейчас, наверное, Гартин пребывал в лютейшей ярости.

— *Как это понимать?!?!* - ревел лич. — *Зрящая, твои убийцы атаковали не императора, а наследника престола!*

Все присутствующие съезжились и даже Ритон ощущал себя неудобно. Кто знает, может, эта нежить способна прикончить человека на расстоянии? Личи вообще являлись тайной за семью печатями, об их возможностях мало кто знал достаточно для того, чтобы утверждать, будто способен очертить пределы сил этих тварей.

Впрочем, Найлиэна Партилаэт сохраняла безмятежное выражение на прекрасном лице. Она спокойно дождалась пока лич возьмет паузу и совершенно невозмутимым тоном сообщила:

— К сожалению, уважаемый верховный, я не контролировала заказчика этой... акции, и в самый последний момент он изменил цель, не предупредив. Откровенно говоря, для меня столь глупое поведение оказалось сюрпризом, не меньшим, чем для тебя.

Лич некоторое время буравил ее тяжелым взглядом, но, наконец медленно проговорил:
— *Хорошо. Пусть так... В следующий раз следи за исполнителями тщательнее. И вот еще что, этот самый следующий раз нужно ускорить. Зрящая, как выполняется то, о чем мы говорили?*

Столь быстрая перемена настроения изрядно удивила Ритона и не понравилась венценосцу. Было очевидно, что лич ни на секунду не поверил эльфийке — и кто бы на его месте поступил иначе? — но смирился с тем, что та решила заодно ударить и по второстепенным целям. А это значило, что вопрос устранения императора для него сейчас куда важнее, нежели вероломство попутчиков, от которых и так глупо было бы ждать честной игры.

«Из чего можно заключить, что представление, разыгранное только что — не более чем набор ритуальных фраз, которые наш доблестный немертвый товарищ по заговору просто обязан был произнести, дабы никто не заподозрил его... в чем? По всей видимости в том, что проблема с безумием императора стала заметно острее».

Не одному ему пришла в голову эта мысль, потому как зрящая осторожно уточнила:

— Что-то произошло?

— *Владыка не просто развоплотил души убийц. Нет. После этого он точно обезумел: запытал до смерти двух подвернувшихся под руку служанок и порубил на куски почти два десятка солдат.*

— То есть не сделал ничего такого, чего обычно не вытворяют в твоей Империи, мертвец, — фыркнул дварф.

— *Можешь думать о нас все, что тебе хочется, коротышка, но Шахрион никогда не*

получал удовольствия от жертвоприношений, ритуальных пыток и убийств. Более того, он серьезно ограничил использование подобных... средств усиления сразу после окончания войны, а сейчас наступает на работорговлю.

— Мы все наслышаны о знаменательном Акте милосердия, — согласился Ритон, — благодаря которому все окрестные государства получили превосходную возможность продавать своих преступников в Империю Тьмы. Правда, насколько мне известно, помимо мерзавцев, преступивших закон, в ряды несчастных, коим суждено будет окончить свои дни под ритуальным ножом, попадает немалое число ни в чем неповинных жителей Прегииштании, Исиринатии, Радении, и даже Аблессии, коих продают исключительно ради получения прибыли.

— *Такое происходит*, — лич и не думал отпираться и было видно, что ему совершенно наплевать на то, сколько там невинных окажется изуверски замучено во время проведения очередного ритуала, — *но я могу сказать тебе точно: сейчас число запытываемых сократилось почти в десять раз. Хочешь верь, хочешь нет. А потому, поведение владыки ненормально. К тому же...*

— Да?

— *Сегодня он собрал Малый Совет и орал на нас добрых полчаса, обвиняя во всех смертных грехах.*

— Позволю себе заметить, что я в схожей ситуации продемонстрировал бы столь же заметную несдержанность, — Ритон позволил себе едва заметно улыбнуться. — Три покушения за месяц, причем два из них — в сердце собственной державы — могут испортить настроение даже самым спокойным из нас.

— *Это так... Но владыка обычно куда сдержаннее. Из всего сказанного я могу сделать лишь один вывод: времени осталось в обрез.*

— Мы знаем, с чем рискуем столкнуться, если не получится устранить проблему? — уточнил настоятель Ордена.

— Нет, — отозвалась зрящая.

Эльфийка тотчас же привлекла к себе всеобщее внимание и, поняв это, заговорила.

— К сожалению, даже мой отец не ведал, что именно происходит после применения Безымянного Заклинания.

«Конечно, иначе сей муж мудрый и достойный ни за что не помог бы Империи Тьмы заполучить столь сокрушительное оружие», — подумал Ритон.

— А знаем ли мы, как венц... человек, стоявший за вторым покушением, умудрился притащить нескольких в Черную Цитадель нескольких ящеров? — достаточно неожиданно уточнил Мирол.

— По всей вероятности, — равнодушно отозвалась эльфийка, — договорился с Бичом Пустыни. Они решили подстраховаться и организовали второе покушение своими силами.

— Хм, — ответил Мирол.

— Хм, — вторил ему лич.

Эти «хм» звучали крайне многозначительно. Они не говорили — кричали — о скепсисе, переполнявшем как старого воина, так и кошмарное умертвие.

Говоря начистоту, венценосец разделял их сомнения. С каждым месяцем его уверенность в том, что остроухие используют всех втемную, только росла и крепла, но поделаться с временными союзниками он не мог решительно ничего — слишком много долговых расписок осело в тайниках проклятой эльфийки. Обязательств перед разными —

даже имперскими! — банковскими домами. А значит, при любом неверном жесте с его стороны, хрупкая, едва-едва начавшаяся реформа Исиринатии покатится ко всем демонам, а на пару с ней — и венец. Возможно даже, с головой.

Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей относительно своего будущего, Ритон уточнил:

— Кстати, а где его посол?

— Увы, но он поспешил вернуться на родину.

«Ой как удачно вышло», — язвительно подумал правитель. — «Зато теперь можно во всех грехах обвинять Бича Пустыни, и ведь никто не возразит».

— Почему?

— Вероятно потому, что сейчас он важнее дома, а еще, потому что от нашего лиосского друга больше ничего не зависит, — пожала плечами Найлиэна. — Восток помог всем, чем только мог, а теперь дело осталось за нами. Вы все знаете, как следует поступить.

Ритон внимательно изучал лица собравшихся чародеев. Могучие Аран и Олта выглядели собранными и готовыми к действию. Настоятель Корн, напротив, демонстрировал радость. Да, конечно же, никто из них лично не отправится на восток — меньше всего Ритону хотелось, чтобы Исиринатию связали с грядущим сражением чародеев — но группы самых надежных магов из Академий Олты и Арана, а также — братьев Ордена, уже выдвинулись в Империю и буквально через две недели будут готовы действовать. Гартиан лично гарантировал им безопасный проход тайными тропами — видимо теми, по которым в годы слабости Империи шли потоки контрабанды, и помощь преданных лично ему некромантов, а значит, настает момент истины. Каким бы могучим ни стал император, он не сможет одолеть столько опытных чародеев за раз!

Венценосец оглядел собравшихся внимательным взглядом.

«Что ж, очень скоро все решится. К худу или к добру».

*Двадцать четвертый день третьего месяца лета 41-го года со дня окончания
Последней Войны, рассвет*

Найлиэна не стала тратить время попусту и отправилась в путь сразу после окончания встречи. Конечно, можно было еще несколько дней провести в убежище, но это пахло малодушием — связаться с нужными исполнителями она могла и в дороге.

Почти все шестерни сложного механизма пришли в движение, и требовалось лишь немного подтолкнуть его в нужном направлении, на что уйдет несколько дней. Жаль, конечно, что пришлось доводить до такого... незелегантного решения, но что поделать, других вариантов у ее народа попросту не осталось.

Зрящая бросила короткий взгляд за спину, на свой эскорт, состоящий из пяти лучших воинов звездорожденных, оставшихся в живых после падения Элиринатии, и удовлетворенно кивнула. Очень скоро им придется вступить в бой, пускай и не в Черной Цитадели. Каждый из пятерки возглавит восстание в одном из имперских городов.

«Недостаточно укоротить императора на голову», — подумала эльфийка. — «Мало даже прикончить наследника. Крайне важно — снизить военный потенциал Империи».

А для этого ей пришлось заручиться помощью не только Гашиэна Третьего — правитель Радении был напуган неудавшимся покушением и его оказалось нетрудно подвести к нужной идее — но и венценосца Прегиттании вместе с правителем дварфов. С этими пришлось повозиться, но результат превзошел все ожидания. Она получила в свое распоряжение просто великолепный «инструмент», который только нужно будет приложить

в правильном месте, а также — десяток «устройств» пожиже, которые пригодятся в иных — менее важных точках. Увы, но возможности ее были ограничены даже не со стороны финансов — золота как раз хватало с избытком — а в плане исполнителей, которым можно поручить важные задания. Найлиэна не могла успеть везде, и то, что южане сумели решить ряд вопросов, стало истинным благом. Пожалуй, вовлечение в заговор юных Эйсена и Пирри действительно оказалось крайне удачным ходом. Молодые люди проложили мостик к их родителям, позволив воздействовать уже непосредственно на тех. Конечно, работать пришлось не только через этих двоих, да и цена вопроса оказалась внушительной, но все получилось, как нельзя лучше.

Она прекрасно понимала, что шанс на успех далеко не так высок, как хотелось бы, но вся прелесть плана заключалась в том, что даже поражение получится обернуть себе на пользу. Да, она, скорее всего, умрет, но что поделать, за все приходится платить. Зато Империя намертво сцепится со всем остальным миром, и какая бы тварь ни овладела Черным Властелином, страна некромантов падет. Не через год, так через десять лет. Или через двадцать. Или через сто.

И то, что с собой она прихватит большую часть прочих живых существ мало волновало зрящую.

Остатки ее народа надежно укрыты в нескольких больших убежищах, добраться до которых не сможет никто. Они отправились туда еще по распоряжению отца, на невероятно малый случай поражения, Найлиэна же своим распоряжением продлила изоляцию на срок в десять лет, если от нее не поступит новых приказов.

Говоря начистоту, она даже испытывала некоторое облегчение — больше никаких хитроумных комбинаций и схем, все решит лишь грубая сила.

Зрящая позволила себе слабую улыбку.

Венценосец Исиринатии и верховный некромант полагают, что под атаку попадет лишь император... Наивные!

Она не просто так втянула в заговор тех же dwarфов и прегиштанцев, которые смогли отправить всего лишь несколько чародеев, да помочь деньгами. Нет, ее цель была куда масштабнее. И исполнители уже двигались к границам Империи.

Каждый участник заговора считал, что действует в своих интересах. Каждому — даже dwarфам с прегиштами — она обещала выгоды, которые принесет устранение императора. С каждым заключила особое соглашение, заставив того поверить, что он — важнее и умнее остальных. Ритон жаждал возрождения Исиринатии, с ним было проще всего. Гашиэн мечтал вернуть Белую Цитадель и сохранял иллюзию независимости, хотя уже несколько лет плясал под дудку звездорожденных, а потому его без труда удалось убедить в том, что жизненно важно перебить родных Шахриона и оставить улики, ведущие в Исиринатию. Лиосцы хотели разного, но и с ними удалось договориться. Одним — пообещать жизни заклятых врагов, другим щедрой мерой отсыпать золота, третьим — передать секретные сведения. Ничего особенного. Dwarфов — и то оказалось сложнее убедить. Этим пришлось расписывать все выгоды от уничтожения основных мануфактур Черной Цитадели. Ну а с прегиштанцами получилось забавно. Эти жаждали... победы в войне с dwarфами и хватило лишь устных гарантий помощи, да изрядной суммы денег.

Каждый думал, что он — самый умный. Каждый считал, что с убийством Черного Властелина и его наследника все закончится. Каждый полагал, что очень хорошо скрыл все следы и на него ничего не укажет. Что если война и начнется, то не против его державы.

«Все-таки дураки — самое большое сокровище нашего мира», — удовлетворенно подумала Найлиэна. — «Мне, конечно, еще придется немного их обработать, скоординировать кое-что, но, в целом, финальная фаза операции началась успешно».

Она ощутила сигнал, исходящий из тириомалия.

«Что ж», — подумала эльфийка, беря волшебный шар в руки, — «настало время заставить оставшиеся шестерни вращаться с нужной мне скоростью».

Первый день первого месяца осени 41-го года со дня окончания Последней Войны, день

И вновь этот нетерпеливый и надоедливый венценосец настоял на встрече, да еще столь настойчиво, что у Мардаша Девятого Тараниэля не осталось иного выхода, кроме как завернуть на самый юг Аблиссии, в небольшой пограничный замок.

Гашиэн уже ждал его, причем выглядел так, будто скакал день и ночь верхом, не делая перерывов ни на сон, ни на еду, ни даже на то, чтобы погадить под кустик.

«И надо ему было так спешить»? — подумал старик. — «Неужто нельзя было связаться с помощью тириомалия? У него есть один, уж я-то знаю. Или хочет смотреть мне в глаза, начиная новые переговоры? Глупо. Я научился торговаться за каждый медяк еще тогда, когда этого сопляка и не было даже в яйцах его папаша. Того еще осла, если так посмотреть».

— Приветствую доблестного венценосца Гашиэна Третьего Лиритиэля, — коротко поклонился он, проверяя, заняли ли охранники положенные места.

Все было в порядке, а потому старик позволил себе сделать шаг вперед.

— Приветствую великого венценосца Мардаша Девятого Тараниэля, — хмуро отозвался Гашиэн.

Было видно, что внимание и мысли этого опытного воина заняты чем-то другим. Говоря проще, он буквально витал в облаках.

«Но очень уж печальны твои думы, о венценосец, — не без ехидства подумал Мардаш. — «Что ж, ладно, я здесь, а потому — можем поиграть в нашу любимую игру еще раз».

Он сел в кресло напротив Гашиэна и проронил:

— Полагаю, вы пришли поговорить о важных вещах. Слушаю.

В этот момент слуга принес вино и бокалы, поднос с фруктами, блюдо с сырами и копченостями, быстро расставил все на столе и, молча поклонившись, покинул зал.

То, как он двигался, на миг привлекло внимание правителя Радении и тот с невеселой усмешкой спросил:

— Неужели я выгляжу настолько опасным, что вам даже прислуживают опытные бойцы?

Мардаш оставил этот вопрос без ответа — он считал его очевидным и не желал попусту тратить время.

Вместо этого старый правитель потянулся за бутылкой, лично налил вина себе и собеседнику и, подняв бокал в салюте, пригубил напиток.

Терпкий чуть пряный вкус приятно защекотал нёбо, и венценосец сделал еще один глоток, отставил бокал и, прихватив с подноса пару виноградин, кинул их себе в рот, после чего, начал медленно пережевывать.

Все это он проделал, пристально глядя на собеседника и гадая, когда же у того кончится терпение.

Произошло это почти сразу. Гашиэн неожиданно ударил своим мощным кулачищем по

столу, отчего тут же напряглись бойцы владыки Аблессии, затем процедил:

— У меня нет времени на игры, столь любимые вами.

И вновь Мардаш не ответил, вместо этого — сделал еще один глоток и отведал немного сыра.

Старику доставляло откровенное удовольствие наблюдать за несдержанным сопляком, мнящим себя вершителем судеб. Сколько он видел таких?

«Гордецы, не умеющие себя вести, глупцы, считающие, что остальные — лишь мусор подле их ног, испорченные дети, дорвавшиеся до власти и ломающие игрушки, которые истекают кровью!» — с неожиданным раздражением подумал старый владыка. — «Как же они все надоели мне. Лишь один из этого поколения достоин почестей, власти и уважения. Один из всех! Сколь же низко мы пали».

Наконец, его молчание было истолковано должным образом.

— Мне нужна помощь, — хрипло прошептал Гашиэн.

Мардаш приподнял седую бровь и иронично уточнил:

— Помощь? В дополнение к той, что я предоставил вам ранее? Еще золото? Еще сведения? Еще меха по сходной цене? Юноша, — неожиданно резко проговорил он, — ваша карта бита. Бич Пустыни потерпел сокрушительное поражение, равно как и убийцы, посланные в Черную Цитадель. И не делайте такое лицо — у меня есть свои источники. Они все провалились, а другого плана у вас нет, значит, вы жаждете развязать войну. Так чем Аблессия может помочь Радении? Кажется, мы уже обсуждали этот вопрос раньше. Мой ответ не изменится.

Лицо венценосца побагровело от плохо сдерживаемой ярости, но он прошептал:

— Другой план есть. Запасной.

— Но?

— Но мне нужен выход на контрабандистов.

— О... — Венценосец пораженно смотрел на своего собеседника. — Даже так...

«Надо же, как интересно. Не буду спрашивать, зачем тебе нужны умельцы скрытно пересечь границу, хоть и догадываюсь. Что ж... Пожалуй, я смогу помочь тебе, вот только плата будет соответствовать оказанной услуге, мой отчаявшийся, не способный подготовить все заранее собрат по венцу».

Мысли о возможных барышах наполнили сознание такой радостью, что, кажется, маска немного спала с лица, потому как Гашиэн вдруг начал смотреть на него с нескрываемым удивлением.

— Вы все верно поняли, дорогой венценосец, — сладко произнес владыка Аблессии, — я могу помочь вам. Знаю людей, который доберутся до самой Черной Цитадели, если в том будет нужда, причем лично. Вот только цена, которую я запрошу, окажется высокой. Очень высокой.

— Слушаю, — прохрипел Гашиэн.

— Ваша дочка должна стать супругой моего пятого внука от второго сына. Мальчик как раз почти вошел в брачный возраст.

Жестокое условие. Даже жестокое. Единственной дочери Гашиэна чуть больше месяца назад исполнилось двенадцать лет, а значит, еще год-другой, и она сможет стать женой. И матерью.

Кровь отхлынула от лица Гашиэна и, чтобы подсластить ему пилюлю, Мардаш продолжил:

— Я прекрасно понимаю, сколь серьезно запрошенное мной, а потому гарантирую также полмиллиона марок золотом... Скажем так, в знак доброй воли. Но — при условии, что брачный договор будет составлен здесь и сейчас.

Он не собирался выпускать рыбку, удачно заплывшую в сети, даже если эта акула.

«Посмотрим, что ты придумаешь, мой дорогой собрат по венцу», — злобно усмехнулся Мардаш, ожидая ответа загнанного в угол противника.

Сейчас, в отличии от прошлой встречи, у Гашиэна не осталось выбора. Он должен устранить Черного Властелина и его семью до того, как Бич Пустыни окажется в Черной Цитадели и начнет петь, например, о том, откуда у его воинов взялось несколько десятков тысяч комплектов теплой зимней одежды. Правитель Аблессии прекрасно знал, каким образом Гайшшару удалось разбить армию халифа — как-никак, он неплохо заработал на этом, действуя через третьих лиц.

Знал он и то, что сам находится в полной безопасности. Обвинять торговца в сделке с тем, кто готов заплатить, не станет даже безумец. А значит, гнев императора обрушится на Радению, которая так и не отошла полностью от войны Реставрации, и рискует потерять еще немало земель.

«Пусть дураки воюют», — подумал он. — «Умные же станут зарабатывать деньги!»

Гашиэн сдался. Он прочел это в его глазах еще до того, как венценосец открыл рот и произнес одно слово:

— Согласен.

Мардаш позволил себе добродушную улыбку. Как родственник родственнику.

— Вот и славно. Слуги сейчас же принесут бумаги, а золото и все необходимые сведения будут доставлены вам в самое ближайшее время. Через пару дней.

— Так быстро? — поразился Гашиэн.

«Да, мой глупый собрат, именно так быстро. Потому что некоторые умеют планировать наперед и готовиться ко всему заранее. Быть может, и ты постигнешь эту науку, если, конечно, успеешь», — с некоторой ноткой горечи подумал старый венценосец. — «Впрочем, я сильно в этом сомневаюсь. Некоторым суждено родиться сильными».

Вместо ответа он еще раз улыбнулся.

Первый день первого месяца осени 41-го года со дня окончания Последней Войны, вечер.

Парниэла резко остановилась и бросила короткий взгляд за спину. Ей на миг показалось, будто за деревом промелькнула неясная тень, но уже в следующую секунду эльфийка обругала себя за все эти мнительные глупости.

Дело, порученное матерью, было крайне важным, оттого девушка и сидела, точно на иголках, ожидая подвоха, удара в спину или просто какой-нибудь неприятности.

С каждым прожитым днем время все быстрее утекало сквозь пальцы. Откровенно говоря, счет шел уже на недели, а потому, задержки были недопустимы.

После трех неудачных покушений, у них остался лишь один шанс. Конечно, она не была посвящена во все детали плана — в таких вещах чем меньше знаешь, тем лучше. Но, тем не менее, в целом Парниэла представляла общую картину, а также — свое место в узоре. Место важное и очень ответственное. Последний приказ матери оказался ожидаемым, но, тем не менее, в высшей степени неприятным.

«Хватит думать», — оборвала она себя. — «Ты с самого начала знала, что до этого дойдет, а потому — не ной».

И все-таки, утихомирить разбушевавшиеся нервы оказалось непросто — ставки в

финальном раунде сложнейшей игры, затеянной матерью, оказались невероятно высоки.

Говоря начистоту, зрящая Найлиэна поставила на победу все. Они буквально опустошили тайники, заботливо пополняемые столетиями, они задействовали всю агентуру, которая пережила войну Реставрации, они связали нитями заговора столько исполнителей, не подозревавших о том, кто в действительности манипулирует ими, что подобное могло показаться невозможным. По крайней мере, с точки зрения простого смертного.

«Когда эта тварь Шахрион тайно восстанавливал Империю Тьмы, он был фигурой в куда более изофренной партии», — подумала девушка и не смогла удержаться от другой — неприятной — мысли. — «Это не помешало ему сперва прочесть, а затем и наголову разбить все наши хитрые построения. Дед говорил, что другого такого игрока в шемтис не встречал. Хотя не знаю, действительно ли эти двое садились за доску, или он имел в виду нечто иное».

Вновь отогнав некстати появившиеся мысли, девушка забралась на дерево и распласталась на толстой ветке, замерев и слившись с ночной листвой.

Никого.

«Хорошо, значит, можно приступать».

Она знала, что прямо сейчас остальные доверенные лица занимаются схожими вещами. Знала, что все получится — не просто же так они столько готовились. И, тем не менее, когда Парниэла доставала туго перевязанный сверток, ее руки дрожали.

Осторожно, как величайшее на свете сокровище, эльфийка развернула его, извлекая на свет небольшую резную фигурку, изображающую тирихария — здоровенного полуразумного паукообразного монстра, которые во множестве водились в этой части Леса Ужаса. Прошептав необходимое заклинание, она осторожно опустила вырезанную из оникса фигурку на ветвь, и та пришла в движение. Зашевелились лапки, грозно дернулись хелицеры, в восьми фасеточных глазах зажегся недобрый огонек.

Искусственный монстр проворно засеменил и спустя уже несколько секунд пропал из виду. Точнее, из поля обычного зрения. Парниэла закрыла глаза, сконцентрировалась и, погрузившись в транс, направила сознание в крохотное тельце, примостившись на самом краешке, едва заметной тенью.

Никто, никакая магия не смогла бы обнаружить ее, зато сама девушка прекрасно видела все, что творится в округе.

Вот ониковый паучок слез с дерева, перебрался через покрытый мхом корень, переполз через несколько камней и... точно пересек невидимую границу. Эту границу Парниэла ощутила сразу, как нечто одушевленное, пышущее жаром и опасностью.

Сделай нечто подобное любое живое существо с теплой кровью, и спустя несколько минут на него набросились бы десятки опаснейших громадных пауков. Собственно говоря, таким нехитрым трюком Черный Властелин изрядно проредил вражескую армию пять лет назад.

Но то — живое.

Паучок же не имел души, разума, воли. Им двигал заложенный магом инстинкт. И вел он его напрямиком в логово тирихариюв.

Артефакт пробрался под здоровенной паутиной, свисающей с деревьев, пролез через глазницы выбеленного временем черепа — человеческого, между прочим, — затем, добрался до норы. Юркнув в нее, паучок понесся вперед, а Парниэла, похолодев от ужаса, наблюдала за обитателями логова монстров: десятки и десятки тирихариюв сновали туда-

сюда по своим делам, появляясь из боковых ответвлений и пропадая где-то под потолком, движимые одним им ведомыми целями.

Ни один не обращал внимания на вторженца, а потому, эльфийка немного успокоилось. Пока что все шло в полном соответствии с планом, но расслабляться было все еще рано. Девушка ждала.

Наконец, паучок добрался до просторной пещеры, пол которой устилал ковер из паутины, а под потолком тут и там висели коконы с добычей, в основном — с тирихариями из других гнезд и болотными тварями. Хотя пауки славились тем, что умели каким-то образом растягивать съедобностью жертв на годы, а потому Парниэла не исключала, что среди коконов могут встретиться и останки солдат армии Саргилэнов.

Бездарные хряки получили то, что заслуживали: армии нет, земли вернулись в лоно Империи, а единственный наследник, переродившись рыцарем смерти, верной и правдой служит в гвардии Черного Властелина.

Повод задуматься о вечном.

«Хватит!» — оборвала себя девушка, пристальнее вглядываясь в происходящее, но и не переставая отслеживать окружающую действительность.

Если что-то пойдет не по плану, ей придется удирать, и быстро.

Королеву — а тирихарии в этом плане больше походили на муравьев или пчел, нежели на пауков — она нашла быстро. Ониксовый паучок заспешил к здоровенной мохнатой твари, уютно устроившейся в одном из углов пещеры.

Никем не замеченный, он забрался сперва на лапу хозяйки гнезда, затем — на спину, после этого медленно и осторожно пробрался туда, где у твари должен был быть мозг. Наступил самый ответственный момент.

«Давай, давай», — спина Парниэлы покрылась испариной. — «Ну, справься!»

Паучок приподнял передние лапки и стукнул одну о другую, а затем — со всей силы вонзил их в плоть паучихи, проделав дыру в хитине, и стремительно принялся пробиваться внутрь, сопровождаемый ревом чудовища.

Секунда — и вот он уже на месте.

Паучиха крикнула еще разок и замолкла, успокоив выбросом феромонов своих прислужников.

Дело было сделано!

Эльфийка едва не взвизгнула от радости.

«Да, да, да»!!! — ликовала она. — «Есть»!

Отпустив паучка, Парниэла вернула сознание в нормальное состояние, проверила, с какой скоростью сумеет восстановить полный контроль над артефактом, если это потребуется, и, удовлетворенно ухмыльнувшись, направилась обратно.

Теперь ей предстоял отчет и долгое, нудное ожидание. Ну да ничего, когда придет время, это окупится сторицей. Те, кто должен, пройдут через лес, незамеченными.

Она сдернула с лица платок и с наслаждением принялась расчесывать зарубцевавшиеся шрамы. Наконец-то зуд — этот невыносимый зуд, что донимал ее долгих пять лет — улегся.

«Да, теперь все будет хорошо. Посмотрим, Черный Властелин, как ты выкрутишься на сей раз», — подумала она, растворяясь в ночном лесу так, как это умеют лишь эльфы.

Второй день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро.

Дарлионна сладко потянулась и выплыла из постели.

Позднее утро было любимейшим временем суток красавицы, и та никогда не позволяла себе просто так взять, и не насладиться этой чудной порой. Время, когда челядь уже вовсю хлопочет, занятая тысячей разных хозяйственных дел. Время, когда властители и их подчиненные, не покладая рук, думают, совещаются, находят варианты и изыскивают компромиссы. Время, когда с воинов на плацу уже сошло семь потов, а бойцы, отправленные в патрули, зевают во всю глотку.

Время, когда она может насладиться изысканным вкусом свежей сдобы с корицей; чая, в который добавили душистый липовый мед; свежайшего бекона и восхитительно вкусного вареного яйца!

Позавтракав, кольценосица с блаженством погрузилась в горячую ванну. По ее приказу воду Дарлионне приносили трижды в день, и наследница Кинории считала, что это еще она достаточно скромно себя ведет.

Понежившись полчаса и прочитав пару глав интереснейшего философского трактата времен Войны Второй Лиги, она, наконец, сочла, что можно заняться делами.

«Но сперва»...

Выбравшись из ванны, насухо вытершись махровым полотенцем, Дарлионна принялась умачать тело специальными мазями, рецепт которых хранился в строжайшем секрете. Затем она облачилась в простенькое платье: темно-зеленое, с глубоким вырезом, окантовкой по лифу и золотистыми гербами Кинории, украшавшими рукава. После — нанесла на лицо искусный макияж: не слишком скромный, но и не слишком бросающийся в глаза. Подчеркивающий то, что извечная получила по праву вместе с кровью родителей и благословением Матери.

После этого пришел черед изумрудного колье и золотых серег с изумрудами же, а также — духов, доставленных напрямиком из Лиосского халифата. Из какой точно провинции, она не помнила, да и имело ли это значение? Бич Пустыни там или халиф — какая разница?

«Что ж, все готово», — лучезарно улыбнулась она и позвонила в колокольчик.

Тотчас же распахнулась дверь и в комнату вошла служанка.

— Доброе утро, госпожа, — поклонилась та.

— Да, доброе, — согласилась Дарлионна, внимательно глядя на собеседницу. — Новости?

— Владыка так и не покинул своих покоев, — отрапортовала та, — как заперся в них неделю назад, так и не показывается никому. Даже Госпожа с сыном и верховный маг почти не посещают его, про остальных — и говорить не приходится.

«Скверно», — со злостью подумал Дарлионна, вот уже некоторое время безуспешно добивавшаяся новой аудиенции императора. — «Как, скажите на милость, соблазнять человека, до которого просто не добраться? И с чего это он решил поиграть в затворника? Еще неделю назад все было нормально, вон как орал на совет».

— Что еще?

— Сегодня или завтра генерал Китарион должен добраться наконец до Жемчужины Востока. Как только это произойдет, Госпожа планирует связаться с ним через хрустальный шар.

«Тириомаль, дура», — фыркнула Дарлионна, не став, однако, развивать тему. — «Это значит, что время на исходе. Плохо. Надеюсь, они поспешат».

— Хорошо. Дальше.

— Юный господин чувствует себя хорошо. Верховный некромант, поговаривают, через

несколько дней собирается посетить Черную Цитадель лично.

— Он покидал ее?

— Да, госпожа, возвращался в подгорные укрытия.

«Ну надо же, интересно».

— Что с маршалом Иритионом?

— Покинул столицу и отправился встречать воинов пятого легиона.

Дарлионна изобразила на лице удивление.

— Оставшиеся части? А разве еще не все пришли в столицу?

— Нет, госпожа. Насколько я знаю, три сотни прибыли в столицу неделю назад, еще тысяча или две — чуть позже. Остальные же должны вернуться вместе с маршалом завтра.

— И сколько их будет?

— Порядка пяти тысяч.

— Это внушает оптимизм, — медленно протянула извечная. — Можешь идти.

Когда за служанкой закрылась дверь, Дарлионна задумалась. Как-то очень незаметно эта женщина оттеснила ее собственную прислугу и стала фактически главной над ними всеми, занимаясь не только вопросами удобства госпожи, но также и принося ей свежие сплетни, докладывая важную информацию и вообще, выполняя роль секретаря. И если поначалу она еще играла в простушку, которой повезло прислуживать извечной, то чем больше они общались, тем больше в служанке становилось от слухачки Ледяной Ведьмы. Увы, но пока она еще не стала человеком Дарлионны, хотя дочка правителя Кинории и считала, что дело идет в нужном направлении. Осталось только посадить слухачку на крючок, и можно будет использовать ее по своему усмотрению. Жаль, пока не удалось найти слабость этой девки, ну да ничего, время все еще есть, а даже если и не получится сейчас...

«Когда наследник и Ледяная Ведьма сдохнут, у меня еще будут возможности», — с самодовольством подумала она, — «а пока — нужно заняться делом».

Она собрала книги и свитки, разбросанные по столу, и направилась к дворцовой библиотеке. Говоря начистоту, Дарлионна была счастлива заниматься разбором многочисленных книжных завалов в хранилищах Черной Цитадели. Ей, что скрывать, нравилась такая работа. Дочка одного из могущественнейших благороднейших сперва Радении, а затем и возрожденной Империи Тьмы, она не имела бы ничего против того, чтобы всю свою жизнь — очень и очень длинную — заниматься рассыпающимися пергаментами, черпать мудрость древних, совершенствоваться. Может быть, написать что-нибудь великое и эпохальное...

«А вместо этого приходится, точно шлюхе какой-то, лезть в постель императора», — фыркнула девушка, распахивая тяжелые створки и входя в огромное, освещенное исключительно магическими светильниками, помещение.

Тут и там виднелись фигурки писцов и работников книгохранилища, которые кланялись извечной, едва та проходила мимо.

Дарлионна, не обращая на них внимания, двигалась в одном ей известном направлении, пока не оказалась в неприметном закутке. Тут не было стен, за которыми могли скрываться фальшивые панели, дыр, в которые могла протиснуться шпионящая на некромантов зомбимышь, или каких-либо магических устройств — это она проверила при помощи дорогостоящего артефакта, полученного от отца вместе с тириомалем перед отправкой в Черную Цитадель.

Короче говоря, идеальное место для того, чтобы вести тайные беседы, а если говорить

точнее — одно из пяти подобных мест, найденных во дворце.

Она никогда не использовала одно и то же укрытие два раза подряд, и все равно — сперва проверила его на предмет возможных сюрпризов.

«Чисто. Хорошо, тогда — начинаем».

Дарлионна извлекла хрустальный шар из потайного кармана сумки и активировала его, затем — дождалась ответа.

В молочной глади проступило лицо немолодого статного человека с седой ухоженной бородкой, орлиным носом и острым взглядом. Чертами лица, формой губ и глаз он сильно напоминал саму извечную.

— Здравствуй, отец, — прошептала девушка.

— Здравствуй, дочь. Какие новости?

Дарлионна кратко пересказала все, что узнала, после чего умолкла, ожидая дальнейших инструкций.

Венценосец Кинории некоторое время молчал, после чего проговорил:

— Хорошо. Видит Мать, я надеялся, что, до такого дело не дойдет, однако... Когда в ближайшие дни подвернется удачная возможность — не медли, сразу же сообщи.

— Слушаюсь, отец, — кивнула Дарлионна, — сообщу, и мы начнем.

— Да, дочка. Так и будет, скоро ты станешь императрицей.

Красавица широко улыбнулась и выключила артефакт. Все готово, осталось лишь выбрать правильное время.

В том, что оно наступит, Дарлионна ни секунды не сомневалась.

Второй день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

Китарион со вздохом опустил подзорную трубу.

— Даже в нее почти ничего не видно, — вздохнул кольценосец, обращаясь к собеседнице. — Увы, госпожа моя, но прибытия в Жемчужину Востока тебе придется ждать еще полтора дня.

Шшайра, облаченная в походную одежду жителей пустынь — длинное платье песчаного цвета с высоким воротом и белый платок, укрывающий не только голову, но и нижнюю половину лица, лишь пожала плечами.

— Песчаные бури в это время года, пусть и не очень опасны, но способны попортить кровь даже моему народу. Вам же — людям, непривычным к подобному, они должны мешать втрое сильнее.

Тут лиосска оказалась права. Когда армию, остановившуюся прошлой ночью лагерем возле имперского тракта, настигла неожиданная песчаная буря, Китарион в первый момент даже немного растерялся. Казалось бы — ничего не происходит, и вдруг: ураганный ветер, приносящий горы песка. Ни громов, ни молний, ни туч, ничего, что могло бы предупредить об опасности.

Стихия бушевала почти всю ночь и утром армию пришлось буквально выкапывать из-под новообразовавшихся барханов и дюн, а путь на запад — расчищать. Древняя магия, вложенная строителями прошлого в каменные плиты, просто не могла сладить с таким количеством песка за пару часов. Наверное, если бы змеиный колдун пожелал, он бы в два счета справился с бурей и ее последствиями, однако Ришшит Сумрачный сказался больным, а потому и палец о палец не ударил, чтобы помочь.

В результате армия потеряла почти три десятка бойцов умершими и угрбила много времени.

Впрочем, Китарион особо не спешил — днем раньше, днем позже, какая, в сущности, разница?

Освободившееся время он проводил с дочкой халифа и, говоря начистоту, та начинала нравиться кольценосцу все больше и больше. Нет, не как женщина, конечно же, подобное было попросту невысказуемо, а как интересная собеседница, способная удовлетворить любопытство генерала интересными рассказами.

Чего уж говорить, если послушать ее приходил не только Инуче, но даже и вечно хмурый Кшпиритион, причем, кажется, даже некромант оттаивал, когда Шшайра начинала говорить.

Впрочем, это не было игрой в одну сторону. Все трое, в свою очередь, поведали сестре халифа многое о нравах и обычаях людских земель, об Империи Тьмы и ее истории, и, конечно же, о войне Реставрации.

Шшайра слушала внимательно, засыпала каждого вопросами и, как казалось кольценосцу, не упускала ни единой мелочи.

А еще она очень уж пристальное внимание оказывала пленникам, особенно — Бичу Пустыни и его сыну. Именно поэтому их всегда охранял десяток рыцарей смерти, поддерживаемых парой некромантов. Китарион не собирался искушать попутчицу мыслями

о мести за отца.

— Что ж, — ответил он, — в любом случае, думаю, ничего страшного не произойдет, если мы опоздаем на день-другой. Скажите, ваше высочество, нет ли какого-нибудь способа заранее определить момент прихода подобных катаклизмов?

— Увы, предсказать подобное не так просто, как хотелось бы, — пожала плечами девушка. — Бури налетают внезапно и столь же стремительно исчезают. Даже певцы песка не всегда угадывают точное время, особенно сейчас, когда маги практикуются в основном в боевых чарах. Война слишком сильно изменила нас всех...

Слова были произнесены с искренней грустью, но Китарион легко уловил подтекст: «помогите покончить с кровопролитием». Он чуть заметно склонил голову и ответил:

— Войны всегда ужасны, госпожа моя. Куда лучше пахать землю, нежели напивать ее кровью.

«Надеюсь, этот ответ ее удовлетворит».

На чешуйчатом лице Шшайры появилось нечто, что Китарион в последние дни научился идентифицировать, как улыбку.

— До меня доходили слухи о том, что ты, о извечный, повесил меч на стену и занялся восстановлением земли...

— Да, это так.

— Которую сам же перед тем и опустошил, — неожиданно закончила принцесса.

Китарион дернулся в седле, недоуменно косясь на собеседницу, но та выглядела столь невинно, что при всем желании нельзя было обвинить ее в злонамеренности.

— Да, это так, — повторил он. — Приказ владыки не оставлял простора для фантазии. Марейнийцы должны были понести наказание за измену.

— А важная провинция — получить новое, надежное население, — вновь улыбнулась дочь пустыни. — Но, когда война закончилась, ты решил отойти от битв, что похвально. Правда, мне не понятно, как так получилось, что прославленный полководец Империи Тьмы тотчас же вернулся в строй, как только послышался призывный гул труб?

И опять — ни намек на издевку или раздражение, лишь этот ее чуть шипящий говор, да искреннее любопытство. И все же, Китариона не покидало ощущение, что над ним прямо сейчас жестоко издеваются.

«Кажется, сестра халифа сегодня не в духе», — подумал он. — «Или, наоборот — в хорошем настроении, кто ее знает».

— Я служу Черному Властелину, — ответил он, постаравшись сделать акцент на титуле владыки. — Он — тот, кто возродил Империю, тот кому мы все вверяем свои тела и души.

Принцесса задумчиво кивнула.

— Хорошо, когда есть достойный правитель... Но скажи мне, извечный, а что произойдет, если, не приведи Великие Древние, с ним что-нибудь... случится? Я слышала о покушении на владыку. Кажется, оно почти удалось.

— У него есть наследник.

— Но сумеет ли младенец управлять огромной страной, к тому же — едва-едва сшитой драгвой по оторванным краям?

Китариону не понравилось, в какую сторону начал двигаться разговор. Еще больше ему не понравилось то, что этот разговор в принципе состоялся. В первые дни пути принцесса не позволяла себе общения на столь... деликатные темы. Почему же завела его именно сейчас? Какой в этом смысл?

— К счастью, владыка в добром здравии, — невпопад ответил он. — Прошу извинить меня, ваше высочество, но я вспомнил о важных делах.

Сказав эти жалкие слова, кольценосец поспешил отправиться в центр колонны — подальше от слишком уж умной, наблюдательной и хорошо осведомленной принцессы и от ее странных, заданных совершенно не к месту и без какого бы то ни было объяснения вопросов.

«Проклятье, что она имеет в виду»? — напряженно думал кольценосец.

Да, конечно, до него тоже доходили слухи о том, что владыка в последние годы изменился, стал вести себя иначе. Поговаривали даже, что пару раз кто-то из слуг видел его, разговаривающего с самим собой или стоящего, без единого движения и тупо пялящегося в точку на стене... Но сплетни — это такой себе источник информации. К ним следует внимательно прислушиваться прежде всего для того, чтобы отыскать болтуна и понять, кто тому платит.

«Вопрос в другом», — с востока налетел ветерок и на зубах Китариона заскрипели песчинки, — «для чего принцессе, до этого развлекавшей нас историями, внезапно заводить разговор на такие темы? Чего она хочет добиться? И, самое главное, кто источник этих сведений?»

— Что, — раздался вдруг над ухом хриплый голос, — пообщался с песчаной змейкой на тему, более важную, нежели цвет облаков?

Китарион обернулся с удивлением понял, что практически поравнялся с Гайшшаром. Бич Пустыни ехал со всем возможным комфортом, уверенно держась в седле и с интересом поглядывая на генерала, охранники деликатно двигались на определенном расстоянии от него, образуя зону пустоты вокруг претендента на титул халифа.

Поражение не сломило лиосса и тот выглядел сурово и надменно: прямой, могучий, высокий, гордо выпятивший грудь и не сгибающийся головы воин. Что ни говори, а Бич Пустыни вызывал уважение одним видом, и можно было легко понять, как именно он заставил тысячи и тысячи воинов следовать за собой.

Интересным было другое.

— А что, уважаемый генерал, — Китарион сознательно опустил титул, которым Гайшшар наградил сам себя, — тебе есть что рассказать о ее высочестве?

Змей хохотнул и оскалил пасть, полную длинных острых зубов.

— Есть, извечный. Всем известно, кто в действительности правит столицей теперь, когда старая жаба сдохла под моим мечом. Не питай иллюзий, будто бы она — девка, а потому — глупа и способна лишь ублажать мужчину в постели. Шшайра — настоящая ядовитая гадюка, да простят меня Великие Древние, и ради достижения своих целей она, не задумываясь, отправит тебя и всю твою армию на тот свет.

— Хотелось бы мне знать, как у нее получится нечто подобное, — улыбнулся Китарион, которому, однако, было не до смеха. Он с самого начала ни на миг не доверял сестре халифа и не понимал ее мотивов, но подозревал самое нехорошее.

«Не забывай, что Бич Пустыни ненавидит всю семью покойного халифа Шшира, а потому вполне может возводить напраслину на его дочь», — осторожно поправил он себя. — «Не торопись с выводами. Ты сделал самую простую часть — разбил врага на поле боя. Лишь теперь, когда в дело вступят дипломаты, начнется настоящая схватка».

— Не волнуйся, извечный, эта девица изловчится, — Бич Пустыни пожал плечами. — Впрочем, не думаю, что она действительно замышляет нечто против вас. Как ни крути, но

Империя спасла ее хвост.

— Зато она может нацелиться на тебя, генерал.

— Может? То есть ты хотя бы на секунду сомневаешься в том, что она поехала в Зантриан исключительно ради этого? В ту секунду, как ты ослабишь бдительность, Шшайра нанесет удар.

— А чего же она не сделала ничего вчера? Буря, на мой взгляд, предоставляет весьма неплохие возможности.

Лиоссец хмыкнул.

— Хорошая шутка. Как-будто я не видел, что ты устроил караулы. Вот только не рассчитывай, что в городе все будет так же легко и просто. Помяни мое слово, она ударит, когда вы все расслабитесь.

В голосе его не было ни страха, ни сомнений, ни сожалений и Китарион не мог не отметить этого.

— Ты совсем не боишься этого?

— Мужчина, страшщийся смерти, недостоин предстать пред Великими Древними.

Китарион вздохнул.

«Еще один разговор, зашедший куда-то не туда», — с сожалением подумал кольценосец. — «Проклятье, день сегодня не тот, что ли»?

— Генерал, — прервал он лиоссеца, — это все, конечно, интересно, вот только никак не пойму: зачем ты мне это говоришь?

Тот пожал плечами.

— Ты хорошо бился. Я не встречал еще на поле боя равных мне по силе и умению.

— И?

— Обидно будет, если такой воин умрет от отравленной иглы. Если ты думаешь, будто сопляк и его сестра смирятся с тем, что я еще дышу и оставят все, как есть лишь потому, что меня захватила Империя, то жестоко заблуждаешься.

— Мы почти приехали в Зантриан, а оттуда — скорым маршем направимся к Черной Цитадели.

— Повторяю, в Жемчужине Востока будет опаснее всего, — засмеялся Бич Пустыни и осадил коня, разрывая дистанцию и давая понять, что разговор окончен. — Смотри по сторонам, генерал, и не открывай спину. Ножи и яд уже таятся в тенях.

Китарион еще раз тяжело вздохнул и двинулся в голову колонны. Сейчас ему очень хотелось побыть одному.

Четвертый день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро

На то, чтобы достичь Зантриана, им понадобилось еще полтора дня, но зато теперь, когда хвост колонны въезжал в гостеприимно распахнутые ворота, Китарион чувствовал несказанное облегчение.

Их встречали, как героев: толпа высыпала на улицы, рукоплескала, бросала в воздух шапки и неистовствовала, точно армия Китариона спасла Империю от неминуемой гибели.

Впрочем, генерал не особо возражал — его людям требовалась именно такая встреча. Ну, живым, по крайней мере, ходячим мертвецам нет дела до почестей и славы. И кольценосец видел, что даже Кшгиритиону приятно подобное внимание со стороны окружающих, что уж говорить про остальных.

Пленников уже разместили. Солдат — в охраняемой казарме, командиров — в замковых

подземельях. Также успели подготовить и места для квартирования его бойцов, и сейчас полк за полком они рассыпались по городским кварталам. Из-за численности армии, собрать всех в одном месте не получалось, в результате чего около тысячи человек были расквартированы в замке, еще пара тысяч — на плацу, ну а остальные — где придется, рассеявшись по городу, точно муравьи, ищущие съестное.

Не то, чтобы это было слишком опасно — все-таки, тут они были на родной земле — но, тем не менее, Китарион еще не полностью отошел от похода, а потому, вместо того чтобы в замке готовиться к пиру, наблюдал за арьергардом, прячась от жары в надвратной башне.

Солнце поднималось, даря степным травам, точно стража вставшим на пути бесконечного моря песка, столь необходимые им свет и тепло.

«Я похож на эту траву», — подумал вдруг Китарион. — «Вот только вместо света питаюсь похвалой владыки».

От этого сравнения генералу стало смешно, и он едва заметно улыбнулся.

— Оказывается, ты умеешь смеяться, генерал, — раздался позади голос сестры халифа.

Китарион обернулся и поклонился лиосской принцессе.

— Ты чудесно выглядишь, госпожа моя, — не нашел он ответить ничего умнее.

— А ты, как всегда, умеешь произвести впечатление на девушку.

Тут Китарион понял одну странную вещь.

— Госпожа моя, а как ты смогла войти так, что я ничего не услышал? И как ты нашла меня?

Принцесса улыбнулась, демонстрируя зубы, и ответила:

— Я спросила у этого странного зеленого коротышки, он подсказал, где искать. А насчет ходьбы — я умею передвигаться тихо, как мышь.

— Полезный талант.

— Я тоже так думаю.

Она подошла ближе и протянула руку:

— Идем, негоже герою-победителю отсиживаться в башне.

Китарион вздохнул, но принял руку принцессы и, взяв ее под локоть, направился прочь со стен, туда, где под охраной десятка телохранителей стоял его конь.

Как выяснилось, лиосска оставила своего скакуна тут же.

В седло она взлетела поистине с феноменальной грацией, ни на секунду ни запутавшись в юбках для верховой езды и кольценосцу оставалось лишь двигаться следом, пытаясь понять, что его собеседнице нужно.

Некоторое время они болтали о ерунде, пока наконец Шшайра не произнесла:

— Бич Пустыни опасен.

Переход от ничего не значащих пустыков к важному вопросу оказался столь неожиданным, что Китарион закашлялся. Он ожидал медленного и плавного подведения к мысли о важности союза, о том, что ради этого приходится идти на жертвы, и — как логическое завершение — об убийстве пленника.

Ничего подобного тут не было!

Принцесса умела вывести собеседника из равновесия.

— Не мне решать это, госпожа, — нейтральным тоном ответил генерал.

— Отчего же? Если с ним приключится... несчастный случай, все поймут.

— Не приключится, — с нажимом ответил Китарион, и принцесса внимательно

воззрившись на своего собеседника, затем перевела взгляд на приближающийся дворец наместника.

— Я прошу тебя подумать еще раз, генерал, — попросила она, — это важно.

Китарион вздохнул.

— Хорошо, я подумаю, и задам вопрос владыке.

Принцесса покачала головой, открыла рот, намереваясь что-то сказать, потом отвернулась и остаток пути до дворца прошел в молчании.

Четвертый день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Пир, устроенный в честь возвращения победоносной армии, оказался по-настоящему грандиозным.

Наместник, определенно, хотел пустить пыль в глаза, в надежде, видимо, завести полезные знакомства. Ну и, конечно же, он совершенно точно не желал упасть в грязь лицом перед знатнейшей лиосской дворянкой.

Вино лилось рекой, самые изысканные блюда наполняли многочисленные столы, прекрасная музыка услаждала слух пирующих.

Казалось, все идет так, как и должно быть, и все же, на сердце у кольценосца было беспокойно. Очень беспокойно.

Он и сам не смог бы ответить на вопрос: «что не так?», просто интуиция, редко подводившая генерала, благим матом орала об опасности.

Именно поэтому он личным распоряжением удвоил стражу во дворце наместника, причем использовал для охраны рыцарей смерти, что, конечно, было на грани оскорбления, за которым следовал вызов на дуэль. Увы, легче не стало, а потому, Китарион, принялся разыскивать Инуче и Кштиритиона. Как назло, ни мага, ни шамана не было на месте — оба куда-то запропастились — а потому, его нервозность лишь усилилась.

Кольценосец метался по залу, односложно отвечая подходившим к нему людям и пытаясь понять — что же, Мать побери, не так!

— Извечный? — голос Шшайры заставил Китариона взять себя в руки.

Когда он поворачивался к принцессе, то на его лице нельзя было заметить и тени тревоги.

— Как тебе вечер, госпожа? — осведомился он.

— Чудесно. Я так соскучилась по танцам, обычной милой болтовне ни о чем и радостным лицам... Не помню, когда в последний раз так веселилась.

Китарион поклонился.

— Я обязательно передам твои слова наместнику. Думаю, он будет в восторге.

Шшайра мило — а ее улыбка действительно отличалась притягательностью, несмотря на необычность — улыбнулась и в который уже раз перескочила на другую тему:

— Скажи, как долго ты планируешь пробыть в Жемчужине Востока?

— Полагаю, пару дней. Солдатам нужен отдых, а местным жителям не помешает праздник. В этом году, как мне уже успели сказать, император не сумел почтить их своим присутствием.

Лиосска покачала головой, видимо, выражая сочувствие.

— Что-то случилось? Он плохо себя чувствует?

Эти слова крайне не понравились Китариону. Опять! Почему она постоянно задает одни и те же вопросы?

— Нет, конечно же, — поспешил он успокоить свою собеседницу, внимательно изучая ту.

«Что ты задумала, пустынная змейка? Уж не отвлекаешь ли меня бессмысленной болтовней?»

— Кстати, госпожа, не видела ли ты верховного шамана Инуче и некроманта Кшпиритиона?

На лице принцессы отобразилось нечто, что человек мог бы счесть задумчивостью, и, выждав пару мгновений, та ответила.

— Кажется, Ришшит отправился с ними за город, чтобы обсудить какой-то магический вопрос. Точнее не скажу, я стараюсь обходить чары стороной, ты же понимаешь, извечный?

Китарион, интуиция которого уже даже не била в набат, а ревела, точно загнанный зверь, призывая бросить все и действовать, согласно кивнул.

— Да, колдуны необходимы в бою, но иногда с ними много мороки, — он позволил себе улыбку, — главное, не рассказывайте об этом владыке, а не то он будет издеваться надо мной весь следующий год.

— Издеваться? — моргнула принцесса.

— Подшучивать, — тотчас же поправился Китарион, от которого не укрылась странная неуверенность и робость Шшайры при этих его словах. — У него отменное чувство юмора, которое владыка время от времени оттачивает на очередном глупце, сумевшем попасть под раздачу.

— Чувство юмора... — с некоторой неуверенностью произнесла лиосска. — Не ожидала...

Китарион, окончательно уверившись, что происходит нечто нехорошее, начал искать путь к отступлению.

«Покинуть зал, а там, дальше, будем смотреть!»! — думал он, краем уха слушая принцессу. — «Чего она хочет. Неужели... Нет, слишком невероятно. Хотя, если посмотреть с другой стороны»...

— Ваше высочество, прошу меня извинить, — он решился окончить беседу достаточно грубо, но выхода не было, — я вспомнил об очень важном деле и вынужден вас покинуть.

Не дав дочери халифа произнести и слова, он покинул зал и понесся вниз, туда, где располагались замковые подземелья. Прихватив по дороге нескольких рыцарей смерти, удачно дежуривших тут же, Китарион в считанные минуты оказался сперва на первом этаже, а потом — и под ним.

Подземелья Зантриана мало чем отличались от своих товарок в иных городах Империи Тьмы. Ну, разве что, были далеко не столь глубоки и запутаны, как в Черной Цитадели, выстроенной в предгорьях и накрепко связанной с Горами Ужаса.

Кованые сапоги рыцарей смерти мерно ухали позади, и Китарион немного успокоился.

«Да нет, это я напридумывал сам себе. Если бы она хотела, то напала бы во время движения армии. Ну не может же быть, чтобы лиосские союзники»...

Закончить колценосец не успел. Едва только Китарион оказался возле окованной железом двери, ведущей в темницу, то понял — что-то не так. Он не мог сказать точно, что смущало больше: отсутствие стражи, подозрительные бурые потеки на стене или засов, установленный с другой стороны.

— Ломайте, — приказал Китарион, вытаскивая из ножен меч.

Подозрения превратились в уверенность, и когда могучие немертвые воины, подхватили

ближайшую лавку и принялись колотить ею в мощное дерево, он молил Мать лишь об одном: «только бы успеть».

Дверь грохотала, тряслась, но держалась. Кто бы ни делал ее, он сработал на совесть.

«Обязательно похвалю его потом», — подумал генерал, кусая губы. — «Если это потом наступит».

Треск дерева ознаменовал, наконец, победу, пусть и маленькую.

— Вперед! — закричал Китарион, и кинулся внутрь, старательно прячась за спиной ближайшего рыцаря смерти.

Не напрасно — едва они только вошли, как кольценосец услышал характерный звук, и рыцарь смерти справа получил сразу три болта в голову.

Не то, чтобы это могло остановить подобное существо, но врагам того и не требовалось — они лишь выигрывали время.

За каких-то пару ударов сердца кольценосец оценил ситуацию: семь мужчин, все люди, все вооружены. Трое — с арбалетами, четверо — с мечами и ножами. Еще двое — охранники — валяются в лужах собственной крови. Дверь в камеру, занимаемую Бичом Пустыни и его сыном еще стоит, но держится явно из последних сил.

— Убить нападающих, защитить пленных! — заорал Китарион и, подавая своим немертвым подчинённым пример, первым бросился в атаку.

Главное было — не позволить арбалетчикам перезарядиться, а потому, первым делом он сократил дистанцию до ближайшего стрелка, который на миг замер, не бросая арбалета, но и не стреляя, и со всей силы рубанул того наискось, затем, не останавливаясь ни на секунду, прыгнул вперед, рубя второго арбалетчика по ногам, перекувырнулся и столкнулся лицом к лицу с одним из пятерки воинов ближнего боя.

С ходу он врезал тому ногой в живот, добавил коленом по носу и навершием меча — по темени, перешагнул рухнувшее тело и скрестил мечи с еще одним нападавшим.

А в это время в схватку вступили рыцари смерти. Молчаливые и неостановимые, они буквально нашинковали оставшихся врагов в капусту.

Спустя несколько секунд все закончилось и, говоря откровенно, лично Китариону становилось страшно от одной только мысли о том, что было бы, опоздай он хоть на минуту.

— А ты вовремя, изначальный, — криво ухмыльнулся Гайшшар. — Как я и говорил, пустынная гадюка всегда готова укусить. Но, надо сказать, даже я не ожидал такого мастерства.

Китарион был вынужден согласиться со своим пленником. Исполнение вызывало уважение. Генерал был уверен в том, что ни единственный выживший наемник, ни покойные, никак не смогут привести к верным союзникам Империи Тьмы. Приказы они наверняка получали от человека, который, еще сегодня днем покинул город вместе с одним из многочисленных караванов, а может уже и прикопан где-то в пустыне.

То, что оба сильнейших мага совершенно случайно оказались за пределами города, не доказывало ровным счетом ничего, равно как и излишняя навязчивость принцессы. Как ни крути, а обвинить ту ни в чем не получится.

— Что ж, полагаю, вам с сыном следует перебраться из подземных камер в какое-нибудь более гостеприимное место, например, в мои личные покои, — произнес он. — Вас осмотрит лекарь — на всякий слу...

Договорить кольценосец не успел — в дальнем углу неожиданно возникла едва различимая тень. Китарион дернулся на одних рефлексах, не размышляя, а в следующее

мгновение в боку, чуть левее сердца, кольнуло.

Он повалился на землю, успев прохрипеть команду:

— Защищать.

В следующее мгновение все тело точно обожгло огнем, и уже теряя сознание кольценосец успел различить силуэт убийцы, пробежавшего мимо чересчур медленных рыцарей смерти к спасительной двери. Лицо того было укрыто капюшоном и маской, но генерал был готов поклясться, что под приоткрывшимся на миг кусочком ткани виднеется длинное ухо.

Он ошибся. Ловушка была расставлена отнюдь не на Бича Пустыни.

Шестой день первого месяца осени 41-го года со дня окончания Последней Войны, вечер.

Парниэла сидела на ветке и напряженно изучала приближавшихся людей. Они топали, будто стадо коров, хотя, наверное, считали, что передвигаются бесшумно. Конечно, учитывая, что идти им приходилось в крошечной тьме — факелы были запрещены под страхом смерти — стоило бы отнестись к этим ограниченным созданиям помягче, да вот только не хотелось.

«Тупые короткоживущие», — презрительно подумала эльфийка. — «Тупые и ограниченные животные... Впрочем, свою роль они исполняют, как надо».

Командир отряда — закованный в тяжелую броню бородатый здоровяк — вдруг остановился и уставился прямехонько туда, где сейчас находилась девушка.

«Надо же, его величество расщедрился на мага», — подумала звездорожденная выходя из теней.

— Все тут? — коротко бросила она.

— Да, — столь же сухо отозвался собеседник.

— Телеги?

— Уже на подъезде к городу.

Сказав это, мужчина грозно сверкнул глазами. Было видно, что ему не по душе расставаться с бесценным грузом даже на секунду.

— Хотели тащить все на своем горбу? — иронично поинтересовалась Парниэла. — Лошади здесь не пройдут.

Она обвела рукой высоченные деревья, укутанные свисающими гроздьями паутины, надеясь, что эта простая мысль сможет проникнуть в крошечный мозг человека.

«Если, конечно, внутри черепной коробки этой обезьяны скрывается что-то, кроме кости».

От этой мысли почему-то невыносимо зачесалась лицо, и лишь большим усилием воли звездорожденная сумела удержаться от того, чтобы не залезть пальцами под маску и не унять невыносимый зуд.

— Ты уверена, что ничего не обнаружат?

Парниэла широко улыбнулась — все равно никто не увидит — и ответила:

— Поверь, с грузом все будет в порядке. Он въехал в Империю совершенно законно, к документам не придерется сама Ледяная Ведьма. Но и это не самое главное. Если по какой-то странной причине что-то не сработает, на воротах будут стоять наши люди. Доволен?

Тут она почти не кривила душой. Стража всех основных ворот была поручена нужным исполнителям... Вот только те и не подозревали, что действуют в интересах Элиренатии. Хотя раденийцу и его головорезам этого знать незачем.

— А император и верховный маг? Они не помешают?

— Не помешают. Или ты думаешь, что мы назначили конкретную дату просто так?

— А если...

— Не волнуйся, — прервала воина эльфийка, — все улики укажут на Исиринатию, мы договаривались об этом с твоим господином.

Воин выдохнул.

— Еще один момент.

— Да?

— Где ваши зелья? Ну, те, которые не позволят допросить нас после смерти.

Не говоря ни слова, эльфийка ткнула пальцем во внушительных размеров седельную сумку, притороченную к лошади за ее спиной.

— По одному на человека, выпьете перед началом. Забирайте.

— Хорошо, — отозвался воин. — Идем?

Сказав это, он бросил полный подозрительности взгляд на ближайшее дерево.

«Ага, боишься паучков, стало быть», — вновь улыбнулась эльфийка. — «Бойся, правильно».

— Идем, — кивнула она, — но перед этим — немедленно снимите свои железки и оденьтесь, как следует. Никто не должен ничего заподозрить. Полчаса вам на все, и выступаем.

Сказав это, она отвернулась, давая понять, что тема исчерпана. Исполнители на то и исполнители, чтобы подчиняться приказам. Своего мнения им иметь не положено, и если командир отряда этого не понимает, что ж, придется его немного поучить. Правда...

«А есть ли в этом смысл? Все равно никому из них не пережить ближайшие три дня».

Эта мысль неожиданно помогла унять зуд и Парниэла в очередной раз широко улыбнулась.

О да, в ближайшие три дня содохнет много людишек, которые будут думать, что делают то, что делают, исключительно ради своих личных целей.

Шестой день первого месяца осени 41-го года со дня окончания Последней Войны, полночь.

Крет с детства понимал главное: значение имеют лишь деньги. Пусть дураки дерутся за какую-то там честь, какое-то там достоинство, какие-то там идеалы. Пусть умирают ради этой ерунды. Лично он сам будет рисковать шкурой исключительно во имя золота!

Наемник потянулся так, что хрустнули позвонки и привычным жестом проверил, как из ножен выходит меч — отличное оружие dwarфовской работы. Весь его отряд снабдили клинками, арбалетами и доспехами подгорных мастеров, что само по себе наводило на весьма интересные размышления.

Впрочем, воину было глубоко наплевать и на это. Последние годы стали настоящим золотым временем для его немногочисленного отряда. Ведь когда идет война не на жизнь, а на смерть, всегда найдется работа для не слишком щепетильных людей, не дававших клятву ни одному из владык этого брэнного мира.

Он убивал dwarфов, получив золото прегишпанцев, убивал прегишпанцев за драгоценные камни из земных недр, резал и тех и других по поручению людей, крайне похожих на некромантов.

Ну а теперь отправился повеселиться на землях бывших нанимателей. Подумаешь.

Безусловно, от этого занятия не просто пахло — от него смердело на милую, но, опять же, что с того? Как будто его прочие миссии отличались изяществом и благородством.

Да, когда все закончится, придется убегать, и очень-очень далеко. Но если учесть, сколько им заплатили, как снабдили, какое оружие и доспехи дали, он вполне мог позволить себе отпуск длиной в несколько лет. А уж если часть отряда не переживет выполнение миссии... Ну, живым достанется больше.

Единственное, что действительно тревожило Крета, так это провожатые. Два остроухих

хрена не внушали ни малейшего доверия, однако выбора не оставалось. Только эти, с позволения сказать, господа, могли провести их до Черной Цитадели так, чтобы многочисленные игрушки некромантов не обнаружили подвох. Правда, наниматель говорил, что в лесу должен присоединиться еще один звездорожденный, чьей задачей станет указание целей в городе, но что-то он запаздывал.

«Ну, не придет, и хрен с ним» — подумал Крет.

И прямо в этот самый момент мироздание, точно в насмешку, явило командиру наемников фигуру, закутанную в темно-зеленый плащ. Она вынырнула столь неожиданно, что воин инстинктивно схватился за меч и наполовину успел извлечь его из ножен.

«Дранные в сраку остроухие!» — выругался Крет, пряча оружие. — «Нельзя, что ли, появиться нормально?»

— Приветствую, — начал он, делая шаг вперед и вопросительно глядя на гостя.

Оба сопровождавших отряд эльфа низко поклонились остроухому, из чего можно было заключить, что его статус среди недобитков, переживших Черный Огонь, высок.

— Опустим титулы, — тихим уставшим голосом проговорил эльф. — У нас есть срочные дела. К утру мы должны достичь ворот Черной Цитадели, а точнее — одного потайного хода, ведущего в Новый город столицы. Достаточно ли вы взяли черного порошка?

Крет поморщился. Эта странная дварфовская алхимическая субстанция не нравилась ему, но она действительно должна была изрядно помочь с их делом.

— Да, полный обоз. Странная штука, если честно.

— Они пытались найти замену змеиному огню, — пожал плечами эльф. — Война рождает новое. Мы этим воспользуемся.

Говорил он быстро, чуть сбивчиво, точно всю дорогу бежал, не останавливаясь ни на секунду, и теперь пытался вволю надышаться.

«Что же вы затеяли, твари остроухие, что приходится так спешить?» — промелькнуло в голове у Крета.

Вслух же он произнес иное:

— Понял тебя, о звездорожденный. Я сейчас же прикажу людям ускориться.

Колонна зашагала заметно резвее.

Некоторое время Крет и его спутник шли бок о бок, не говоря ни слова, и наемник, воспользовавшись возможностью, украдкой разглядывал эльфы.

Его первоначальная догадка подтвердилась — звездорожденный выглядел так, будто непрерывно скакал добрую неделю, а перед этим — лично придушил парочку медведей. По роду своей деятельности головорезу приходилось работать и на остроухих, и еще не было такого, чтобы хоть один из них не выглядел великолепно и лощено.

«Видимо, дела и правда приобретают серьезный оборот», — подумал наемник. — «Хотя, не все ли мне равно? Пока монеты звенят, все остальное может гореть... И будет!»

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), утро.

Головная боль, казалось, взяла новые сияющие вершины и не собиралась останавливаться на достигнутом. Шахрион не спал уже несколько суток — попросту не мог сомкнуть глаз — и был готов уже на что угодно, лишь бы прекратить пытку.

Из-за боли и приступов ярости, накатывающих беспричинно, он опасался встречаться с людьми, а потому принял единственно возможное решение — закрылся в собственных

покоях, и велел рыцарям смерти не пускать никого внутрь, затем написал несколько писем с приказами для Тройки, а после — развалился на кровати, прикрыл глаза, и стал ждать.

Император и сам до конца не понимал, чего именно, но, тем не менее, и не думал выходить наружу. Он запечатал все входы и выходы посредством магии, не ел и не пил ничего вот уже несколько дней, и находился в странном состоянии между явью и сном.

Мучительные спазмы раз за разом проходили сквозь тело, не давая ни малейшего шанса забыться, зато Тень вообще перестала появляться. Судя по всему, этой твари попросту больше не было смысла расшатывать рассудок императора, потому как она практически добилась того, чего хотела.

«Ей нужно мое тело. Как до того — тело Безумца», — вспомнил император в краткий миг просветления, а потом боль с новой силой вгрызалась в жертву.

Он не понимал, сколько прошло времени, не знал, какое сейчас время суток, не мог даже сказать, жив ли еще. Просто в один прекрасный момент комната, кровать, замок, Черная Цитадель, все изменилось, и он обнаружил, что стоит на каменных ступенях посреди гор, а в небе горят яркие звезды.

Погружение в видение на сей раз не принесло никакого облегчения и не походило на то, что было ранее. Шахрион одновременно и спал, и бодрствовал, находясь сразу и в Черной Цитадели, и за ее пределами. Одновременно он видел стены своей крепости, кровать, рабочий стол, мраморные плиты, отполированные до блеска, и продуваемый всеми ветрами скальный выступ, на который вела высеченная прямо в камне лестница. Черная Цитадель тоже выглядела странно. Она то сжималась до уровня Старого города, то выплескивалась за пределы трех крепостных стен. Эта двойственность вызывала новые приступы головной боли и тошноты, но Шахрион продолжал бороться с недугом.

— Владыка, ты не должен! — услышал он громкий голос и задрал голову, чтобы посмотреть вверх. У самого входа в пещеру стояли двое: невысокий чуть полноватый человек с огромной лысиной, и его старый знакомый.

Выглядел тот, надо сказать, не очень: ввалившиеся глаза, внутри которых поселилась боль, шелушащаяся кожа, нервные, дерганые движения, нервный тик, крививший уголок губ в странную гримасу, седые, как у старика волосы, взлохмаченная борода, также отливающая серебром. Определенно, с момента последнего видения прошло немало лет, и они явно выдались не слишком веселыми. И, тем не менее, облачен Первый некромант был все в ту же черную броню, на поясе его висел длинный меч, а в руках маг держал длинный посох.

— Я... обязан, — с видимым трудом прошептал тот.

— Мы найдем способ!

— Не найдем. Оно... слишком... сильно.

— Но чего вы хотите добиться, откладывая проблему на сотни лет?

— Ослабить... эту... тварь... Время безжалостно... ко всем...

Сказав это, чародей отодвинул говорившего и сделал шаг внутрь пещеры.

— Прощай, владыка, — из глаз мужчины потекли слезы.

— Прощай, Марлитион.

Полноватый человек — великий первый советник Шахриона Первого, как вспомнил Черный Властелин — поклонился уходящему в черный зев мужчине в пояс и продолжал рыдать, глядя на то, как его силуэт растворяется в темноте.

Шахрион последовал за своим проводником, быстро догнав того и идя чуть поодаль. Первый Некромант двигался медленно, аккуратно ставя ноги, и старательно держа

равновесие, как человек, который хорошо перебрал с крепким вином и теперь не может идти ровно. Вот только он не был пьяным!

Черный Властелин вдруг заметил нечто, что клубилось за левым плечом Первого некроманта, то появляясь, то исчезая, а еще спустя пару секунд он услышал яростный лихорадочный шепот своего тезки.

— Ты не победишь, тварь, ты отправишься туда же, куда и все твои братья с сестрами, пусть для этого и понадобится тысяча лет. Не победишь. Не победишь... Не победишь...

Он шел, шатаясь из стороны в сторону, и продолжал шептать лишь эти два слова. А спуск вел вглубь Гор Смерти, древний, как сами горы. Все ниже, ниже и ниже.

Наконец, Первый Некромант оказался подле прохода в небольшое помещение. С трудом — точно некая сила тащила его назад — чародей переступил через порог, шаг его обрел твердость и уверенность, бормотание пропало, и мужчина зашагал вглубь помещения, словно с плеч спала огромная тяжесть.

Шахрион попытался последовать за своим проводником, но неожиданно тяжелая каменная плита упала с потолка, отсекая одного императора от другого. Черный Властелин попытался было пройти сквозь нее — все-таки это было видение, а значит, он имеет право делать в нем что угодно, разве нет?

Глухой стук головы о камень, помноженный на новый — яростнее прежнего — приступ мигрени, сообщил: нет, не что угодно.

— И я добровольно сошел в могилу, — раздался голос за спиной и Шахрион, обернувшись, кивнул своему собеседнику. — Я оставил эту жизнь. Все ради одной цели — уничтожить последнюю из тварей, призванных нами в мир.

— Что мне делать? — прошептал Шахрион.

— Приди ко мне.

— Как?

— Я спрятал тело в секретном месте, найти которое сможет лишь тот, кого обнимает Тень. Тот, кто почти лишился тела и души. Тот, кому осталось всего несколько дней. Приди ко мне и узнаешь всю правду. Приди ко мне, и обретешь шанс. Приди ко мне, чтобы закончить дело, начатое сотни лет назад...

Как только эти слова были произнесены, странная двойственность неожиданно исчезла, и император обнаружил, что стоит возле рабочего стола. Желудок подскочил к горлу и Шахриона вырвало желчью.

И все же, он — пускай и с трудом — мог стоять на ногах.

«Я должен идти!»! — подумал Шахрион и в тот же миг на него обрушился ментальный удар кошмарной силы. Казалось, от него лопнут глаза, а мозги вскипят кровавой кашей.

Не позволю!!!

Тень больше не ерничала, не издевалась и не шутила.

«Она в ярости!»! — понял вдруг Шахрион.

И это понимание прибавило императору сил.

Не было и речи о том, чтобы выбираться через парадный вход — его обнаружат, и что произойдет в этом случае, Шахрион предсказать не брался.

«Одно из двух, или я просто отключусь от боли, или усею свой путь трупами, но все равно не доберусь, куда надо... А куда надо-то?»

Он примерно представлял, где находится место из видения, но не мог дать определенного ответа, сколько именно придется туда идти, но был убежден в одном —

нужно двигаться вперед, иначе — конец.

Император с трудом дошел до стола, взял перо, обмакнул его в чернила и нацарапал на ближайшем подвернувшемся куске пергамента несколько команд — в дополнение к тем, что уже успел подготовить — затем, шатаясь из стороны в сторону, подошел к стене, нажал на незаметную кнопку и исчез в отворенном зеве.

Осветив черноту потайного хода простеньким заклинанием — даже это сейчас потребовало невероятных усилий и отозвалось новой волной боли, а также очередным приступом тошноты, который Черному Властелину удалось подавить лишь мощным усилием воли.

«Не надейся, тварь», — мысленно прокричал он Тени, — «я не отступлю и не сдамся. Не подниму лапки кверху»!

В ответ ему Тень — вот ведь неожиданность — прорычала нечто нечленораздельное и натиск на разум лишь усилился, но император пока что держался. Он шагнул вперед.

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

Шахрион брел медленно, пошатываясь, то и дело останавливаясь на передышку, но, тем не менее, ни на секунду, не ослабляя барьеров воли, потому что понимал — времени больше не осталось. Именно сейчас решится, превратится ли он в безвольную марионетку, чьим телом завладеет тварь из-за грани реальности, или останется самим собой. На худой конец, хотя бы умерев человеком.

Минуты складывались в часы, путешествие с черепашьей скоростью не способствовало быстрому преодолению расстояния, но, тем не менее, он выбрался за пределами Черной Цитадели, когда солнце уже стояло в зените. Правда, Шахрион не был уверен в том, что это — еще тот же день, потому как от сумасшедшей боли совершенно потерял счет времени.

Он лишь передвигал ногами, уверенный в том, что движется в правильном направлении. Откуда подобная убежденность пришла, император не смог бы ответить, наверное, и самой Матери. Он просто шел, невзирая ни на что.

Потайной ход вел за город, в безлюдные предгорья, откуда дальше можно было направиться по тайным тропам вглубь Гор Ужаса, и Шахрион знал все эти тропы, как свои пять пальцев — долгие годы подготовки к Войне Реставрации были потрачены им отнюдь не только на создание хитроумных планов и просиживание задницы на троне или в рабочем кабинете.

«Если я помню правильно, чтобы добраться туда, откуда открывается похожий вид на Старый Город, придется двигаться на северо-северо-восток, а значит, идем во-он по той тропинке».

Даже такое — казалось бы — простое умственное усилие потребовало от императора невообразимого напряжения всех сил, и в этот самый миг Тень вдруг появилась перед ним, все такая же безликая и антрацитово-черная, бесформенная масса, колыхающаяся на несуществующем ветру иных миров.

Сдайся уже, смертный. Ты слаб. Всегда был слабаком, а потому и возжелал силы. Почему не хочешь платить за нее?

— Не тебе, тварь, — прохрипел Шахрион пересохшим горлом, ступая на горную тропку. *А кому, о несравненный император,* — в голосе чудовища вновь проскользнули до боли знакомые глумливые нотки. — *Кому, поведай мне?*

— Разве не очевидно?

«Шаг, другой. Переставляй ноги».

Не очень, — тварь по привычке обвилась вокруг его плеч и склонила голову к лицу Черного Властелина, — *поведай же мне, о император.*

— Моей стране.

«Не думай, не ощущай. Отрекись от боли и тогда она не подействует на тебя.»

— Моим товарищам.

«Шаг, другой».

— Моей жене.

«Шагай, шагай, шагай».

— Моему сыну!

Последние слова он прокричал, пытаясь таким образом хоть чуть-чуть ослабить тиски, сошедшиеся вокруг висков.

— Я не подчинюсь тебе, монстр!

Ну-ну, поглядим. Тот — другой — тоже говорил нечто подобное. И как же он кончил?

— И сколько ты, порочная тварь, командовала Безумцем?

Недостаточно долго. Он не был и вполонину также силен, как ты, а все потому, что испугался использовать ритуал Неназываемого Заклинания с должным размахом. Но ты — ты другое тело. Когда я полностью подчиню тебя, Черный Властелин, этот мир содрогнется! Легионы нежити обратят его в пустыню, а я буду пировать на грудах останков.

— Также, как и остальные твои собратья?

Тень зашипела. Злобно, точно змея, которой наступили на хвост.

Они были слабы. И глупы. К тому же, чем меньше нас, тем больше добыча, смекаешь?

— Ну вот, ты одна. Но что-то за тысячу лет так и не смогла добраться до цели.

Как ни странно, но пока они болтали, императору как будто бы становилось чуточку легче.

В конце буду торжествовать я!

Рев Тени оглушил Шахриона и бросил того на колени. Император с трудом поднялся и продолжил движение, стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Не будешь. Я не позволю!

Ой, правда?

Тень хихикнула и, перелетев вперед, замерла перед императором, который продолжал переставлять ноги, не обращая внимания на свою спутницу.

Ты сперва дойди куда нужно, ничтожество, — проворковала тварь. — *Не мужчина, а трус и слабак. Я ломала и более достойных, того же Первого Некроманта.*

— Если он сломлен, то отчего же шлет мне видения из-за грани смерти?

Этот вопрос явно не понравился чудовищу, потому что оно СК то, взвизгнув, растворилось в воздухе, а в следующий миг на многострадальную голову Черного Властелина обрушился новый удар, заставивший того отступить на шаг назад и заскрипеть зубами.

— Я... не... сдамся...

Шахрион моргнул...

Седьмой день первого месяца осени 41-го года со дня окончания Последней Войны, полдень.

Найлиэна в напряжении ходила взад-вперед по подземной келье, в которую ее

разместили. Рядом с ней замерли напряженные и мрачные маги света, переданные настоятелем Ордена и академики.

«Проклятье, что случилось, как это может быть? Что, во имя всего святого, творится?» — лихорадочно соображала зрящая, стараясь не терять самообладание, что, говоря откровенно, было не так просто, как хотелось бы.

Черный Властелин пропал. Он пропал!!! В тот самый день, когда они, собрав всех чародеев, которым предстояло скопом накинуться на сходящего с ума императора, готовились к осуществлению главной стадии своего плана. Ни раньше. Ни позже.

Выглядело это так, словно Шахрион знал все с самого начала и на корню обрушил хитроумный план Найлиэны, на осуществление которого у той ушли пять лет и почти половина всех имевшихся в распоряжении ресурсов. Но...

«Но, если бы это было так, нас бы уже штурмовали рыцари смерти!» — подумала зрящая. — «Значит, причина исчезновения другая».

В этот самый миг открылась дверь и в помещение вошел Гартин, сопровождаемый тремя некромантами.

— Новости? — вскинулась эльфийка, с трудом сохраняя спокойное выражение лица.

— *Никаких*, — отчеканил лич. — *Он как сквозь землю провалился.*

— Наверное, использовал один из потайных ходов, в вашем замке их хватает.

— *Не считай нас идиотами, зрящая. Мои люди проверили как потайной ход в покоях императора, так и все ближайšie. Ничего! Как-будто...*

«Как-будто его укрывает неведомая сила». — От этой мысли у эльфийки по спине пробежал холодок, и она поспешила отбросить неприятные мысли. — «Нет, мы не могли опоздать, еще не поздно, я уверена»!

— Что планируешь делать, верховный?

— *Все мертвые животные и птицы в окрестностях столицы задействованы. К ним присоединились также и свободные рыцари смерти.*

Это могло стать проблемой, потому как прямо сейчас дети Найлиэны скрыто вели свои отряды к столице и уже к вечеру должны были достичь предгорий. Оставалось лишь надеяться на таланты сына с дочерью и сопровождавших их звездорожденных. Все-таки, ее народ заслуженно снискал славу мастеров тайных операций и скрытного проникновения. Они смогут провести два отряда по паре сотен человек в каждом.

«Тем более, если учесть, что начнется в Черной Цитадели утром».

Да, утром имперцам явно будет не до двух небольших наемничьих банд непонятной принадлежности, а потом... Впрочем, то, что будет потом, не слишком важно. Сейчас главное — найти этого проклятого императора!

Найлиэна, наконец, не выдержала и закусила губу.

— Верховный, полагаю, ты хочешь, чтобы я воспользовалась своими способностями? — сказала она, наконец.

— *Да*, — коротко ответил лич.

Эльфийка вздохнула. Блуждание по волнам вероятностей было действием индивидуальным, интимным, не терпящим посторонних... Однако, учитывая всю серьезность ситуации, им не приходилось выбирать.

Найлиэна уселась поудобнее, прикрыла глаза и одно за другим отключила все пять чувств. Оставшись в полной темноте, лишенной звуков и запахов, она некоторое время не делала ничего, сливаясь с безграничным ничто, а затем резко распахнула глаза.

Вокруг привычно затрепетали слабые призрачные образы грядущего, десятки дорог, разветвляющиеся на сотни тропок, каждая из которых показывала то, что произойдет. Что может произойти. Чего почти не может случиться.

Описать другому разумному существу, не наделенному подобным даром, то, что она видела, было невозможно. Даже среди звездорожденных такие как она и отец встречались непозволительно редко! Но каждый из них стоил армии, гор золота и сонмов шпионов.

Зрящая поднялась и двинулась вперед, выбирая одной ей ведомые маршруты сквозь толщу времени. А вокруг нее порхали картины того, что случится завтра. И все они были одинаковы: кровь, пламя и смерть.

Но увы, среди них не было того, чего искала эльфийка: не было боя с повелителем мертвых. Как-будто некая могущественная сила вырвала его из потока времени. Но это было совершенно невозможно, потому как даже боги вынуждены были подчиняться диктату этого неумолимого судии, отмеряющего срок всему существу.

А значит...

Найлиэна вздохнула и, не позволяя себе остановиться ни на секунду, прыгнула с проторенной тропы во тьму.

Да, вероятностный транс зрящих требовал достоверных сведений, и чем большим был их объем, тем точнее получалось спрогнозировать будущее. Вот только в основе его все-таки лежала магия. Редкая и сложная, но — магия.

И потому каждый талантливый зрящий знал: если ты попал в тупик, иди напролом, уходи с известных путей. Прокладывай свои собственные! Отец перед последней своей встречей с императором, скорее всего, не стал делать ничего подобного, зачем, ведь предсказание было точным? Он поплатился за это. Найлиэну же сама судьба заставила сойти с проторенной дорожки.

Образы замелькали пестрой круговертью, обернув Найлиэну подобно савану, наползая один на другой, точно каждый жаждал быть рассмотренным. Понять что-то в этом бешеном хороводе было чудовищно трудно, ведь когда временные потоки начинают сходиться с ума из-за незваного ясновидящего, непросто найти один едва различимый путь, ведущий к успеху. Ну, или, хотя бы по направлению к цели.

С каждой секундой давление внутри черепной коробки возрастало, тело все больше наливалось свинцом, а зубная боль из обычной едва различимой пульсации превратилась в самую настоящую всепожирающую агонию... Спустя еще несколько мгновений изо рта, носа, глаз и ушей Найлиэны полилась кровь...

Еще пара секунд, и зрящая потеряла бы рассудок, но упрямая эльфийка отказывалась признавать поражение — она заметила то, что нужно, устремилась к этому, и в самое последнее мгновение успела различить то, что требовалось.

Затем зрящая единым рывком вышла из транса и рухнула на пол, сжавшись в позе эмбриона, хватая ртом воздух и размазывая кровь по полу. Последней было на удивление много — под эльфийкой расплзлась алая лужа приличных размеров.

Чуть-чуть придя в себя, она осторожно присела, обвела взглядом побледневших союзников и лича, который, кажется, наблюдал за ней с неподдельным интересом, и прошептала:

— Завтра ровно в полдень. Горная лощинка с небольшим озером посередине. В ней растут сливы...

На этом силы покинули ее и звездорожденная привалилась к стене, вопросительно

глядя на лича.

— *Я примерно представляю, о каком месте идет речь, — верно истолковал ее молчание некромант. — Есть еще пара похожих, отправим в них соглядатаев, а сами подготовим встречу императору. Ты видела его?*

Найлиэна, уже проваливаясь в бездну сна, вспомнила последний — самый яркий — образ транса: невысокий лысеющий человек, одетый в черное, земля вокруг которого рвалась и исходила огнем. Человек этот коверкал, казалось, саму ткань мироздания, круша невидимок, безжалостный, неостановимый, несокрушимый.

И, мысленно улыбнувшись, зрящая кивнула личу.

Последней ее мыслью перед спасительным обмороком было: «Так или иначе, я добьюсь своей цели»...

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), полдень.

Сказать, что Тартионна была в ярости, означало не сказать ничего.

Вот уже несколько дней она не видела и не слышала мужа! Тот заперся в своих покоях и не выходил, даже когда жена лично приходила проведать супруга.

И это тогда, когда тучи, сгустившиеся вокруг государства, готовы были вот-вот политься огненным дождем! А еще этот проклятый лич...

Гартиан, видимо подражая владыке, заперся в подземных лабиринтах и носу оттуда не показывал, не отвечая посланникам и даже не пытаясь делать вид, будто ему интересно общение с госпожой.

И, как будто этого мало, она начала терять слухачей. Одного за другим, понемногу, по чуть-чуть. Но вот уже второй месяц количество ее агентов в Империи неуклонно сокращалось: несчастные случаи, пьяные драки, несвежая еда.

Каждый такой случай по отдельности можно было объяснить легко и просто, но, когда они складывались в единую картину, становилось, откровенно, страшно. И — да — она обратила внимание на это, когда процесс уже набрал обороты...

«Пусть этим проклятым летом все шло через задницу, но я совершила слишком уж много ошибок! Непростительно много!»!

А еще — от Китариона не было вестей. В последнем сообщении от наместника говорилось, что генерал задерживается из-за бури и скоро окажется в Зантриане, чтобы устроить жителям праздник, которого они, конечно же, заслуживали. А значит, в столице его и, что куда важнее, гвардию можно ждать лишь через неделю. Однако прошло уже несколько дней, а никаких вестей о выходе войска из города не так и не поступило.

Утешало то, что Иритион привел с севера несколько полков, которыми можно будет заткнуть дыру, вызванную отправкой первого Железного легиона и большей части гвардии на восток. Вот только...

Только Черная Цитадель сейчас походила на лес за пару мгновений до начала грозы. Все стихло, ни дуновения, ни шороха, природа замерла и ждет удара стихии.

А потому...

«Потому я вытащу Шахра на свет, даже если для этого придется посадить его в глыбу льда и приказать рыцарям смерти тащить ту в зал Малого Совета!»!

Когда она шла к покоям императора, придворные и слуги разбежались во все стороны, точно тараканы, и это было неудивительно — Тартионна, мельком взглянув на себя в зеркало, сама едва не испугалась страшной женщины со взглядом, обещавшим окружающим медленную и мучительную смерть, глядящей на нее из стеклянных глубин.

«А и Мать с ними со всеми!»! — решила она, подходя к покоям супруга и собрав за собой небольшую группку любопытных, среди которых — ну конечно же — была заметна фигура той суки Дарлионны.

Ненавистная тварь ошивалась возле покоев мужа, точно ей тут медом было намазано. Тартионна не могла доказать, но была уверена, что дочка правителя Кинории имеет отношение по крайней мере к части покушений, совершенных в последние дни. Ну просто не могла эта сука быть белой, пушистой и невинной! Не могла, и все тут!

Оказавшись напротив дверей, она бросила стражникам короткий приказ:

— Прочь.

Оба были живыми, а потому, едва не обделавшись от ужаса, они отступили в стороны, и Ледяная Ведьма обрушила на дерево первый могучий удар.

— Шахрион, открывай! — Тартионна не пыталась говорить вежливо или следовать этикету. Это время прошло. Настал час грубой силы. — Повторяю в последний раз, открывай, иначе я разнесу дверь в щепки!

Ответом ей было молчание, которое заставило чародейку буквально трястись от ярости.

«Ну все, ты напросился!»! — она вытянула вперед правую руку и сплела заклинание.

Повеяло морозной свежестью и в защищенные чарами створки ударил целый рой сосулек. Несколько секунд дерево еще боролось с напором стихии, а затем с жутким треском дверь разлетелась на куски, пропуская Ледяную Ведьму внутрь.

Та, перешагивая через стремительно таящий лед и обломки, вошла и... замерла, удивленно оглядывая пустое помещение. Выглядело оно так, будто уже несколько дней здесь никто не жил. Зола в очаге давным-давно остыла, на столе, чуть подернутом тоненьким слоем пыли, стоял поднос с остатками ужина, и — ни единого следа мужа.

«Так, спокойней, не паникуй», — постаралась она обуздать растущий ужас. — «Ничего такого, просто император в самый ответственный момент решил погулять по горам. Без слуг, еды, вещей, оружия! Великая Мать, да что же это твориться»?!

Она стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, но даже боль не могла успокоить кровоточащее сердце.

«Что происходит? Почему, почему, почему он не говорит со мной»?!

В последнее время Шахр начал вести себя странно, точнее, даже более странно, нежели раньше. А ведь то, что он заметно изменился после войны Реставрации, отметили все, кто хорошо знал владыку. Император стал импульсивнее, чаще поддавался эмоциям, совершал странные поступки. Но если сперва это не особо бросалось в глаза, то в последние месяцы ситуация явно начала выходить из-под контроля, причем чем дальше, тем быстрее.

Эти его разговоры с самим собой, неожиданный ступор, который мог продлиться несколько часов, ночные походы, когда казалось, что на тебя смотрит не муж, а нечто, спрятавшееся в его теле... Все это невероятно пугало Тартионну, а еще больше ее пугало молчание.

Впрочем, тут Шахрион был не одинок. Верховный некромант и верховный шаман точно также не говорили, что происходит, хотя явно знали больше, чем она сама. И клубок тайн все рос и рос, превращаясь в неразрушимый узел, который...

Который был разрублен мужем здесь и сейчас. Вот так просто. Раз, и нет вопросов, нет тайн, нет императора.

«Нет императора»... — Тартионна побледнела и резко обернулась, намереваясь дать команду рыцарям смерти отогнать любопытных, но было поздно — возле разломанных дверей собралась уже небольшая толпа, а это значит...

«О великая Мать, это значит, что через час весть разойдется по всей столице».

Скрывать что-либо — поздно. Осталось лишь подготовиться к последствиям.

Закусив губу, Тартионна еще раз осмотрела комнату, надеясь найти что-нибудь важное. Подошла к столу и внимательно проверила его, быть может, Шахр оставил какое-то послание.

Ничего.

Женщина тяжело вздохнула и, резко развернувшись на каблуках, покинула покои мужа. Ей предстояло сделать многое.

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), вечер.

Солнце практически скрылось за горизонтом, последние догорающие лучи красили небо алым, даря миру последние на сегодня отблески света.

— Проклятье, — прохрипел Шахрион.

Секунду назад он прикрыл глаза. На один лишь удар сердца... И прошло полдня. За все это время император не сдвинулся ни на дюйм, продолжая стоять на скальной тропке под палящим солнцем.

Пить хотелось невероятно, все лицо точно жгло огнем, голова... ну, тут мало что изменилось, потому как хуже — уже некуда. То, что он все еще мог более-менее связно размышлять, само по себе являлось чудом.

Шахрион со вздохом двинулся вперед.

«Проклятая... тварь... отобрала... полдня»...

Все-таки он погорячился, говоря, что хуже не стало. Стало, и еще как — больно было даже думать, но император упрямо наполнял все свои мысли видением черного зева тоннеля, до которого он доберется. Обязательно доберется.

Напрягая последние силы и преодолевая все нарастающее сопротивление Тени, Шахрион продолжил свое восхождение. Его ждал долгий, очень долгий и тяжелый путь в гору.

Шаг, другой, третий.

«Как же больно! Как мучительно больно»!

С трудом сотворив немного воды при помощи магии, император утолил жажду и несколько охладил перегретое тело, попросту вылив живительную влагу на себя, это принесло мимолетное облегчение, но, увы, очень скоро все стало только хуже.

Перед его глазами неожиданно возник полупрозрачный силуэт маленькой девочки в окровавленном платье. Левая рука ребенка была отгрызена по локоть, нос, губы и уши — тоже, а вместо глазниц зияли кровавые дыры.

— *О владыка,* — пропищал призрак, — *доволен ли ты своей работой? Это из-за тебя я стала такой.*

Шахрион сделал вид, что не обращает внимание на собеседницу и продолжил идти. Он почти уже добрался до вершины тропы, а значит, за ней должен начаться спуск вниз, в маленькую долинку, из которой можно добраться до старого штрека, прорубленного насквозь через горную толщу. В свое время он исходил все окрестности Черной Цитадели на своих двоих, а потому знал тут едва ли не каждый камень.

— *Отчего ты молчишь?* — не унималось видение. — *Нет даже слова утешения для жертвы твоих чар? Когда папа вернулся домой, я обрадованная побежала к нему, чтобы обнять, ведь мы похоронили его за два дня до того. А он отгрыз мне руку и бросил умирать на дворе. Свиньи, выпущенные из загона, сожрали мои губы, уши и нос, а вороны — выклевали глаза. А потом я поднялась и больше года не могла упокоиться... И все это — твоя заслуга.*

Шахрион стиснул зубы, и, не говоря ничего, двинулся вперед.

Как он и предполагал, за гребнем горы находился удобный и достаточно широкий спуск, которым император и воспользовался.

А место девочки, меж тем, занял худой мужчина с содранной кожей и руками, изуродованными настолько, что сложно было и вообразить себе.

— *А я, чем я заслужил такое, о владыка?* — прошептал покойник.

Несмотря на отсутствие во рту зубов, говорил он совершенно нормально.

«А как ты хотел, это же — видение, насланное Тенью», — с трудом подумал император, пробиваясь через волны боли, накатывающиеся уже не только на мозг, но и на все тело.

— *С меня содрали кожу, вырвали каждый зуб, отрезали все пальцы на руках и ногах, и зашли бы дальше, если бы я не умер от боли и потери крови. Во имя какой прекрасной цели, о император, со мной сотворили подобное?*

«Не обращать внимания! Идти!»

Вслед за изувеченным покойником появился старик в поношенной одежде. Грудь его наискось пересекала кровавая полоса, тянущаяся от плеча и до бедра.

— *А я, о владыка? Чем я провинился? Чем провинились несчастные жители того маленького пограничного городка, которых ты и не думал защищать? Почему?*

— Этого требовала ситуация.

Слова. Слова были произнесены без его на то желания. Губы как-бы сами открылись и изо рта исторглись звуки.

Вновь призрак с содранной кожей.

— *А пытать людей до смерти — тоже требовала ситуация?*

— Да. Создание замерших и рыцарей смерти требует огромного количества энергии. Взять ее было неоткуда. Только из крови и боли тех, кому не повезло. Кого мы купили за золото.

— *Женщин, детей, стариков...*

— Неважно.

Император какой-то частью своего сознания понимал, что поступает неправильно, что нельзя говорить с образами, посылаемыми Тенью, но остановиться уже не мог. Наверное, разум полностью оставил его, или был готов сделать это, а потому, продолжая свои медленные, неуверенные шаги, шатаясь и оступаясь, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть, Черный Властелин — человек, способный новоприобретенной магической силой сжигать города и поднимать их население в виде мертвецов — продолжал говорить.

Снова маленькая девочка.

— *А что Стоградье сделало тебе? Почему именно мой дом?*

— Стратегическое положение в центре континента. Огромное население. Мы ни при каких раскладах не могли бы пройти дальше, а потому — следовало отгородить себя от армий Исирилатии и Радении.

Черный Властелин умолк и оглянулся. Каким-то образом он успел уже спуститься в долинку, и это в кромешной тьме! Когда именно солнце полностью скрылось за горами, он не смог бы сказать даже если бы от этого зависела жизнь.

«Я должен идти, должен!»

Каждый новый шаг давался труднее. Силы утекали из тела, но Шахрион не сдавался. Точно одержимый он продолжал свой скорбный путь, и всю дорогу общался с мертвецами.

Те стыдили, стенали, укоряли... Расшатывали и без того не слишком крепкие барьеры воли, ограждающие то, что осталось от цитадели рассудка, понял император.

Ему нужно было перестать обращать на них внимание. Он должен был думать — пробиваясь сквозь боль, ничуть не ослабевшую за прошедшее время — исключительно о

цели пути. Только так, и никак иначе, но...

Но он не мог замолчать, а потому вел бессмысленную и безнадежную беседу.

Кое-как, однако, Черный Властелин преодолел долину и добрался до тоннеля, который, в свою очередь, вывел Шахриона к старой горной дороге, ведущей наверх, туда, где стояла древняя шахта, выработанная, наверное, добрую тысячу лет назад. Именно туда звало видение, он знал это наверняка! Уже некоторое время Черный Властелин двигался, повинувшись исключительно инстинкту. А может, тени голоса Первого Некроманта, все еще звучащего в голове? Кто знает.

Он двигался, преодолевая сопротивление Тени. Яростное, лютное, усиливающееся с каждой минутой. Тварь, сбросив, наконец, маску, бросилась в атаку, намереваясь покончить с сопротивлением человека.

И она была близка к цели!

Шахрион буквально ощущал, как под завесой головной боли, нечто копается внутри его черепной коробки, вытаскивая на свет все новых и новых призраков, которых остановить, задержать, сломить.

Тень пыталась — опять — перехватить контроль над телом, но на этот раз он, ожидая чего-то подобного, сумел отбить атаку, и продолжил движение. И, тем не менее, управлять ногами становилось все труднее и труднее.

«А тут еще эти призраки», — император почти с ненавистью бросил короткий взгляд на очередную галлюцинацию — ребенка балахоне красного и черного цветов, несостоявшегося некроманта, погибшего во время обучения. — «Иди, только иди вперед»!

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), ночь

Ситуация сложилась настолько удачно, что походила больше на хитрую интригу. Но, так или иначе, отсутствие как владыки, так и верховного некроманта, следовало использовать, причем незамедлительно!

Дарлионне категорически не нравилось то, к чему все движется, однако она отлично понимала, что другого шанса не будет, а потому, едва только выяснилось, что владыка пропал, той же ночью она передала сообщение отцу. Ответ не заставил себя ждать, а потому, красавица развила бурную деятельность, стараясь при этом быть не слишком заметной.

Она уже успела прикормить несколько слуг, а потому с их помощью передала сообщения нужным людям в городе.

Госпожа и наследник Черного Властелина должны умереть! Да, действовать придется быстро и грубо, да, замечание следов вызовет подозрения. Но отнюдь не те, какие могут быть опасны для нее и отца. Не те, что навредят Кинории. Не те, что помешают ей занять место рядом с императором!

Ответить за кошмарное покушение придется, да, но кое-кому другому.

Думая так, Дарлионна, проверив, что за ней никто не следит, двигалась к месту тайной встречи. И, вынуждена она была признать, тайно передвигаться по Черной Цитадели сейчас было очень и очень непросто — Ледяная Ведьма перещеголяла себя, потому как по ее приказу мало того, что зажгли все имеющиеся светильники, так еще и установили кучу факелов, развели невероятное число костров, и это — помимо стражников, патрулирующих улицы исключительно четверками.

Нельзя сказать, чего в действиях чародейки было больше — паники или холодного расчета, но в одном сомневаться не следовало: та не станет трястись, забившись в угол, не

будет вымаливать жизнь, и уж точно не сбежит. Извечная Тартионна собирается дать бой.

Дарлионна открыла неприметную калитку и юркнула на задний двор простого двухэтажного дома. Подошла к дверям и постучала условным образом. Дверь тотчас же — будто кто стоял и ждал — без скрипа приотворилась ровно настолько, чтобы она могла пройти внутрь, и дочка правителя Кинории поспешила войти.

Внутри уже ждали.

— Приветствую, маршал, — проворковала Дарлионна, откидывая капюшон и поворачиваясь к открывшему дверь. Взгляд красавицы уперся в старого — слишком старого уже — человека, облаченного в дорогие шелковые одежды темных тонов.

— Приветствую, Дарлионна, — склонил голову Иритион. — Полагаю, раз мы все в сборе, следует начинать?

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), ночь.

Он шел всю ночь. Под конец — полз на четвереньках, потому что ступни отказали. Император стер в кровь ладони и колени, но и не думал останавливаться.

«Я не сдамся!» — лишь эта мысль осталась у него в голове и лишь она дарила силы для того, чтобы продолжать. Лишь она, да море боли.

И, тем не менее, оказавшись на знакомом карнизе и оценив вид на Черную Цитадель, Шахрион сразу узнал картину из своего видения.

«Теперь уже немного осталось», — подумал он, подавив желание остаться и передохнуть и заглушая жажду.

Магия в последние часы отказала полностью, а потому он не мог сотворить ни капли воды и не язычка пламени. А это значит...

«Обойдусь и без света»!

И он пополз, наплевав на императорское достоинство и прочую ерунду. Ведь, если так посмотреть, Шахрион никогда не придавал особого значения пустым ритуалам и глупым формальностям. А потому, сцепив зубы он, извиваясь, точно гигантский червяк, устремился навстречу цели.

Боль лишь усиливалась, ни на миг не думая отпускать свою жертву. По голове уже словно лупили кузнечным молотом, ноги перестали слушаться полностью, более того, они как будто специально цеплялись за углы и невидимые в темноте камни.

Но Черный Властелин продолжал ползти, сам не понимая, куда. Лишь воля поддерживала его и позволяла продолжать бессмысленное движение вглубь тьмы.

Однако и этот — последний — источник сил уже явно достиг предела. Все новые и новые призраки представляли перед взором императора. Укоряли его и мучали, заставляли отвечать и оправдываться.

— *Ты пожертвовал мной, — вещала некромантка с вскрытыми венами, — заставил замкнуть кольцо вокруг Стограда. А ведь я родилась там, ты знал это, о великий император?*

— Нет... не... знал...

— *Меня похитили торговцы живым товаром. Продали в Империю Тьмы, где мерзкий лич воспитал меня как оружие. Но оружие это пустил в ход именно ты, ты...*

— Не... было... выбора... — прохрипел Шахрион, цепляясь правой рукой за каменный выступ и подтягивая тело на пару футов вперед.

— *Конечно же. Какой выбор, когда следует победить.*

— Вы...жить. — Левая рука метнулась вперед, находя место для хвата.

«Теперь — потянуть тело. Так, есть. Еще два фута. Дальше».

— *А нельзя было решить дело миром?* — подал голос новый гость — арбалетчик в бригадине, в самом центре лба которого торчала стрела исиринатийского лучника. — *Чтобы простые люди не гибли на полях сражений.*

— Простые... люди... так не... разговаривают, тварь, — прохрипел Шахрион, собрав остатки сил и подтянувшись обеими руками вперед.

С каждым футом, отвоеванным у Тени, сил оставалось все меньше, как физических, так и ментальных.

«А может, просто закрыть глаза и сдаться»? — промелькнула в голове неожиданно ясная и четкая мысль. — «Не... дождешься... Тварь»...

Тени очень, очень не нравилось то, что он приближается к месту из видений, а потому — никаких поблажек нематериальной твари!

Но легко было сказать нечто подобное, исполнить оказалось куда сложнее. Ползти вперед, в полной тьме, даже примерно не представляя, правильно ли движешься... Было нетрудно представить, почему Безумец проиграл.

«Но я... не сдамся!»! — яростно подумал Шахрион и в этот самый миг в самой глубине тьмы он ощутил нечто, напоминающее пульсацию бьющегося сердца.

Сам того не ведая, император ускорился насколько было возможно, и двинулся к конечной — он был уверен в этом — цели. Спустя минуту, а может час или сутки левая рука отказалась ему повиноваться. Просто и безыскусно — раз и все. Будто кто-то дернул рычаг.

Но даже это не остановило Черного Властелина, потому как пульсация усиливалась, заполняя все, оттесняя на задний план головную боль, призраков и страдания измученного тела. А потому — вперед и только вперед.

Неожиданно по глазам ударило яркой вспышкой и Шахрион закричал, жмурясь. Некоторое время он лежал без движения, потом медленно и аккуратно приоткрыл глаза, снова зажмурился, опять приоткрыл. Так он игрался некоторое время, пока, наконец, не смог оглядеться.

Он находился возле ничем не примечательной части тоннеля, отличали которую лишь два факела, воткнутых в металлические держатели, намертво прикрученные к камню. Два факела, горящих удивительно ярким черным пламенем.

Пульсация усилилась до предела, она била, точно набат, заполняя собой все вокруг, даруя надежду и наполняя сердце радостью.

«Это... тут».

Шахрион, собрав последние силы, протянул руку вперед, как вдруг...

Не позволю!!!

Удар, который на него обрушила Тень, нельзя было сравнить ни с чем, пережитым Черным Властелином доселе. Тварь, судя по всему, все это время копила силы, и теперь атаковала с яростью обреченной, загнанной в угол крысы.

Хлипкие ментальные блоки, что еще каким-то чудом держались внутри черепной коробки, пали, будто их и не было. Чужое сознание, чуждая любому человеку сущность, победно хохоча, ворвалась внутрь тела, заполняя собой все пространство, откидывая душу куда-то на задворки, перехватывая контроль над телом.

Правая рука, занесенная вверх, опустилась... И указательный палец в последний момент коснулся камня.

Пульсация усилилась, на камне один за другим начали проступать древние магические символы, до сих пор применяемые некромантами в сильнейших своих чарах, а затем... стена всосала тело, уже не принадлежавшее императору в себя, как будто того тут и не было.

Черное пламя в факелах мигнуло и погасло, погружая коридор во тьму.

Седьмой день первого месяца осени 4-го года со дня Реставрации (по имперскому летоисчислению), ночь.

Пробуждение было тяжелым и болезненным. Нет, не так. Слово «болезненный» слабо отражало суть явления.

Китариион застонал — исключительно потому, что вопить не позволяло пересохшее горло — и попытался оглядеться. Он находился в просторной комнате, укрытый сразу тремя теплыми шерстяными одеялами. В камине весело потрескивало пламя, пожирившее сухие поленья, а ставни были наглухо закрыты, не пропуская внутрь свежий воздух, из-за чего в помещении стоял тяжелый удушливый аромат лекарственных трав, и было тепло, точно в бане.

Несмотря на жару, его бил дикий озноб, а по всему телу разлилась такая слабость, что, наверное, сейчас с ним бы справился не то, что ребенок, но даже хомячок.

Кольценосец вновь застонал и попытался приподняться, но сильные руки тотчас же уложили его обратно, а знакомый сухой и раздраженный голос произнес:

— Лежи и не вздумай двигаться, ты еще слишком слаб.

— Кшпиритион? — едва слышно прошептал кольценосец, с трудом поворачивая голову в направлении говорившего. — Где я?

— Во дворце наместника, где же еще?

— Сколько... сколько времени прошло?

— С момента нападения? Трое суток. И все это время мы с Инуче пытались выдернуть тебя из рук Матери. Ну, точнее, пытался лишь верховный, я же вливал в него силу, сам понимаешь...

— Ну да, — Китариион изобразил подобие улыбки, — некромантия — не самая лучшая школа магии, когда речь заходит о спасении жизни.

— Именно, — без улыбки подтвердил некромант.

— А где... где верховный?

— Как только убедился, что ты выживешь, прихватил всех рыцарей смерти, посадил на коней столько арбалетчиков, сколько получилось, после чего галопом отправился в Черную Цитадель.

— Но зачем?

Кшпиритион посмотрел на генерала, точно на умалишенного.

— Кажется, яд оказался сильнее, чем мы думали, — буркнул он, — потому как тебе явно размягло мозги. Напряги извилины и вспомни, что случилось той ночью в подвалах дворца.

Китариион напрягся и перед его мысленным взором возникла закутанная в черное фигура...

«Это был эльф, я точно помню, проклятый Матерью эльф!» — подумал кольценосец.

— Эльфийский убийца... — прохрипел он.

— Ага, причем нацелившийся не на нашего благородного пленника, а на тебя. Хотя не только: той же ночью мы потеряли двух тысячников, десять сотников и пятерых некромантов. Остроухие работали группой и действовали очень умело. Эх, не добились мы их,

не добились... Но главной мишенью был ты.

Даже в нынешнем своем состоянии Китарион прекрасно понимал, что это значит: враги обрушили удар на командование армии, а точнее — на живую его часть, сея хаос и лишая войско управления.

— Что с лиосцами?

— Бич Пустыни и его сын в порядке, а наша милая принцесса вместе со своей свитой спешно отбыла на восток, уstraшенная, — тут некромант стал даже язвительнее, чем обычно, — случившимся. Мы с Инуче не стали ее задерживать. Какой смысл, свою роль в спектакле она отыграла, а доказать мы все равно ничего не сумеем.

«С этим не поспоришь».

Было совершенно ясно, что принцесса, умело отвлекшая обоих магов, имеет какое-то отношение если и не к нападению эльфа, то уж к атаке на тюрьму точно. Вот только ясность нельзя предъявить в суде. Кшпиритион наверняка допросил покойных убийц, но можно было не сомневаться, те получили задание от какого-нибудь неприметного человечка, который давным-давно растворился на просторах континента, а то и уснул вечным сном с последующим сожжением тела и развеиванием золы над морем.

А значит, благодарных союзничков можно пока отбросить, как несущественный фактор. Важно другое...

— У Инуче... есть право отдавать команды рыцарям смерти?

— Да, — в голосе Кшпиритиона послышалась обида, — даже у меня нет, а он, оказывается, особым соизволением владыки подобной привилегией наделен.

«Владыка предвидел нечто подобное», — без особого удивления подумал Китарион, — «предвидел и подготовился, чтобы рыцари смерти не остались без командира в случае гибели всех высших офицеров армии».

Да, рыцари смерти являли собой пример высшей нежити, обладавшей разумом и способной к членораздельной речи, все так. Вот только свобода воли у них отсутствовала, а потому, в случае гибели всех офицеров, имевших право отдавать приказы, эти сильнейшие существа превращались в бесполезных кукол, способных выполнять лишь ограниченное количество команд, вложенных в них некромантом.

— Кто-то постарался сделать так, чтобы столичные отряды задержались на востоке как можно дольше, — прошептал он.

— Ага, — хмуро кивнул Кшпиритион.

— Получилось ли связаться с владыкой? У наместника должен был быть один из трофейных тириомалей.

— Он был. Жаль только, что наместника нашли в собственных покоях с перерезанным горлом, а его тириомаль куда-то пропал. Кстати, помимо наместника и офицеров погибли два десятка купцов и дворян.

Китарион грязно выругался.

— Вот и я того же мнения обо всем происходящем.

— И что, как ты думаешь, происходит?

Некромант нахмурился, став даже мрачнее, чем обычно.

— Из Черной Цитадели идут странные слухи. Вроде бы, на владыку совершено еще одно покушение. Говорят, тот заперся в своих покоях и ничего не предпринимает. Столица бурлит, а патрули усилены новоприбывшими легионами маршала Иритиона. Но это все — сведения недельной давности. Что там творится сейчас, не знает, наверное, никто, кроме

непосредственных участников. Понимаешь?

Китарион понимал, именно поэтому он, преодолевая слабость, сел на кровати и потребовал:

— Пусть мне принесут одежду. Сегодня же мы отправляемся на запад.

Кшпиритион лишь скептически ухмыльнулся.

— Вот уж не думаю. Никуда ты отсюда не выйдешь.

— Тогда бери оставшихся воинов и иди сам!

Некромант посмотрел на него, как на умалишенного.

— Ты серьезно думаешь, что мы успеем? Пешком?

Кольценосец заскрипел зубами в бессильной ярости.

— Тогда что ты предлагаешь?

— А ты еще не понял? Отдыхать, набираться сил, и ждать вестей о триумфе владыки.

Это все, что нам остается.

Где-то, когда-то

Шахрион со стоном открыл глаза и огляделся. Темно, хоть глаз выколи. Где-то позади мерно капает вода.

Кап-кап-кап...

Тихо, умиротворяюще...

«Так, стоп!» — император резко сел и с удивлением коснулся головы. Та не болела.

Совсем.

Шахрион сглотнул и попытался вызвать огонек, и, о чудо, сила с легкостью отозвалась, затопив помещение неярким теплым светом.

Теперь получилось оглядеться, хотя, говоря начистоту, смотреть было особо и не на что: небольшая комната с саркофагом в центре и каменной дверью, прорубленной в стене.

Император сперва решил проверить дверь: потыкал ее, пнул, попытался дотянуться магией — безрезультатно. Как он и предполагал, та не поддавалась, а когда ее коснулись чары, на камнях проступили древние магические символы, которые в Империи Тьмы не использовали, наверное, лет пятьсот.

— Понятно, — проворчал он, в очередной раз поразившись легкости, затопившей сознание. Легкости, от которой хотелось петь и плясать.

«Только ощутив невыносимое страдание можно понять всю радость простых вещей», — подумал император. — «Интересно, а где Тень»?

Спутницы, которая — Шахрион был уверен — перед самым попаданием сюда взяла его тело под полный и окончательный контроль, ну, или оказалась в каком-то мгновении от этого. Он ощущал ее присутствия, будто находился в одном из видений. Правда, в последнее время даже там не удавалось скрыться от непрерывной головной боли.

«Ладно, неважно, перейдем к главному».

Император подошел к саркофагу.

Обычный гроб, без украшений, барельефов или надписей. Просто грубо обтесанный камень и тяжелая крышка сверху. Ничего больше.

Шахрион склонился над гробом и попытался сдвинуть крышку при помощи магии. Безрезультатно.

Вздохнув, император упер руки в шероховатую плиту и, напрягшись, толкнул от себя.

С душераздирающим скрипом та подалась и Черный Властелин, ободренный этим успехом, повторил свое усилие. Затем — еще раз и еще. Каждый раз крышка чуть-чуть сдвигалась назад, и каждый раз черная щель, мрак которой не разгонял даже свет магического фонаря, становилась все шире и шире.

Наконец, император поднатужился в последний раз, и, резко надавив на крышку, победил ту. С грохотом каменная плита рухнула на пол пещеры, и Шахрион узрел содержимое каменной могилы: труп высокого человека, облаченного в до боли знакомые черные доспехи. Под головой его лежал, ничуть не истлевший за века, черный плащ, кисти рук, держали рукоять длинного меча, самого красивого, что только Шахрион видел в своей жизни. Ни единого пятнышка ржавчины не было видно на превосходном лезвии шириной в половину ладони, ни следа дефекта или щербинки на режущей кромке, которая выглядела так, будто в состоянии справиться даже с камнем.

Само совершенство.

Непроизвольно Шахрион протянул руку к мечу, пытаясь разжать мумифицированные пальцы мертвеца, и в этот самый миг холодная, точно снег зимой рука, ухватила его за кисть, а труп открыл глаза, полыхающие безудержным алым светом.

Приветствую, император.

Голос, раздавшийся в его голове, был очень хорошо знаком Черному Властелину. Слишком хорошо.

— Приветствую, владыка, — прошептал он. — Не мог бы ты отпустить мою руку?

Конечно, прости. Но впредь, пожалуйста, не хватай то, что принадлежит мне.

— Ты мертв, а покойники не властны над вещами.

Внутри головы послышался смех.

Мертв? Ну что ж, можно сказать и так. Но, тем не менее, я живее всех живых.

Холодные пальцы разжались и Шахрион смог отдернуть руку, а мертвец сел, положив меч на дно саркофага, огляделся и, видимо, оставшись довольным увиденным, оперся на каменные стенки, после чего — поднялся во весь свой немаленький рост и выбрался из гроба.

Несколько мгновений они — Черный Властелин и его далекий предок — смотрели друг на друга, после чего Шахрион Первый клацнул зубами.

Рад, что могу лицезреть тебя во плоти. Прошлый император не сумел добраться до гробницы.

— Безумец?

Он самый.

Повисло тягостное молчание, которое, наконец, прервал император.

— Владыка, пожалуйста, скажи, у меня есть шанс вытащить эту тварь из головы?

Шанс — есть. Не очень большой, но все же. Но для этого тебе придется убить бога. Последнего из оставшихся в живых.

Челюсть Шахриона медленно начала опускаться.

— Не хочешь же ты сказать, что Тень — это Мать Тишины? — прошептал он, ощущая, как ноги становятся ватными.

Как же сильно она ослабила твой разум... Не понять столь очевидной вещи можно лишь находясь под влиянием очень мощных чар.

Черный Властелин сглотнул.

— Расскажи мне все, молю, — попросил он.

Мертвец кивнул и подошел к стене, положив на ту ладонь. Открылась потайная дверь, ведущая в длинный тоннель.

Идем, — произнес он, первым ступая внутрь.

Шахрион, не тратя ни секунды, последовал за своим предком.

Некоторое время они двигались в полной темноте, затем вдалеке забрезжил слабый, едва различимый свет. С каждым шагом тот все разгорался, наполняя собой тоннель без стен, пола и потолка. Еще несколько шагов... и они оказались посреди равнины из самого первого видения.

Вместо мертвеца рядом с ним стоял высокий статный мужчина средних лет, одетый в черные, как ночь доспехи. Его роскошный плащ разевался на несуществующем ветру, а гордое, будто бы высеченное из мрамора лицо, до боли походило на десятки изображений, увековечивших великого предка.

Не было ни трупа, ни неясной клубящейся фигуры, закутанной во мрак. Лишь истинный Черный Властелин, тот, кто создал Империю Тьмы, поглотившую большую часть континента.

Шахрион Первый двинулся вперед, и Шахрион Третий пошел следом. И вновь его взору открывалось действо жертвоприношения.

— Когда все это началось, — заговорил, наконец, Шахрион Первый, — мы все были простыми кочевниками. Жили тем, что пасли скот, да путешествовали по равнине, которую теперь именуют Стоградьем. Во времена моей молодости на ней не было ни единого города.

Он невесело усмехнулся и уточнил:

— По крайней мере того, что вы назвали бы городом. Десяток деревень, обнесенных земляным валом и частоколом — вот и все, что можно было отыскать, да и то, для этого пришлось бы скакать несколько дней подряд...

Он задумчиво зажмурился, глядя на то, как два трясущихся юнца протягивают шестерым существам, призванным из-за Кромки, окровавленное тельце младенца.

— Но мы такие были не одни, как ты понимаешь. Множество иных общин занимались тем же самым.

— Вы проиграли войну? — спросил Шахрион.

— Войну? — в голосе императора древности появилась насмешка. — Никто никому не объявлял ее. Вся наша жизнь являлась одним сплошным сражением, не прекращающимся ни на секунду. Но — да — племя проигрывало, а значит, лучшее, что нас ждало — это быстрая смерть. Кочевникам, знаешь ли, рабы ни к чему. Их не прокормить.

— И тогда вы решились на это? — Шахрион указал на обряд.

— Да... — прошептал Шахрион Первый и повторил за потомком, — на это... В самом центре Стоградья есть одно место...

Он взмахнул рукой, видение исчезло, а равнина начала стремительно меняться: медленно вырос холм, затем подле него — эльфийская роща, которую сменила церковь, в свою очередь ставшая руинами.

И у Шахриона мурашки пошли по спине. Он узнал это место. Не хватало только многолучевой звезды, выложенной при помощи золотого песка, да двух фигур в балахонах черных и алых тонов.

— Узнал? — безмятежно поинтересовался древний император.

— Да, — одними губами прошептал Шахрион. — Именно здесь...

— Вы с личем произнесли Безымянное заклинание. В тот момент вы уже плясали под мелодию нашей богини. В этом месте граница между мирами истончена до предела, так всегда было и так всегда будет. Люди, да и не только они, издревле знали об этом, приносили здесь жертвы богам, общались с племенными духами, короче говоря, заглядывали в бездну. Но мы пошли дальше, о да. Отчаяние — это страшная сила, позволяющая творить такие глупости, на которые никогда не решился бы при иных обстоятельствах.

— Вы принесли жертву.

— Не просто жертву. Мы убили собственного первенца, нарушив все возможные и невозможные табу, потому как в этом месте издревле под страхом смерти было запрещено проливать кровь разумных.

— Почему?

— Кто знает. Полагаю, это правило оставил безымянный мудрец прошлого, сумевший заглянуть за Кромку и разглядеть во тьме очертания чудовищ. Разве это важно?

— Не думаю.

— Верно. Кровь была пролита, и она привлекла несколько... существей, назовем их так. Существа эти отличались невероятным могуществом, но были совершенно чужды нашему миру. И все же, они пришли. Пришли и поделились со смертными своей силой.

— Не бесплатно?

— Конечно же, — ухмыльнулся император, и в это самое время долина поплыла, подернулась дымкой и стала меняться.

Спустя несколько секунд Шахрион узнал второе свое видение — штурм крепости.

— Мы склонились перед ними и назвали богами. Эти твари — Шестеро, — продолжал император древности. — Как видишь, мы с женой, а также — четверо сильнейших избранных — получили магические силы, но не только. Помимо обретения дара мы все были отмечены шестеркой.

И вновь повторялись картины штурма, однако на сей раз за ними последовало нечто иное, то, чего раньше Шахрион не видел: победители начали выводить пленных воинов за пределы стен и ставили тех на колени.

— Первое время мы просто радовались, — продолжал император, — но затем настало время платить. За обретенное могущество нас обязали даровать жертвы. И мы их даровали.

Шестеро начали ходить перед пленными и что-то шептать им в уши. Кто-то — кивал, и тогда его оставляли в покое, кто-то — нет, и их судьба решалась тут же — людей, ответивших отказом, тотчас же выволакивали вперед и рубили им головы.

— Как видишь, в те времена нашим богам не требовались ни храмы, ни жрецы. Они обходились прямыми жертвоприношениями, не особо заботясь о наличии посредников. Думаю, мне не нужно тебе объяснять, сколь много энергии можно извлечь из жертвенной крови.

— Из боли мучимых до смерти можно получить куда как больше.

Шахрион Первый кивнул, и они оказались посреди безумного ночного празднества.

— Мучимых так вот?

— Да.

— Что ж, ты прав, так — куда больше. Но это, — древний император обвел рукой кошмарную мистерию, — случилось куда позже. Примерно спустя сотню лет после прихода Шестерых в этот мир. Мы тогда железной рукой объединили все людские племена на части земель нынешней Исиринатии, южной Радении, Империи Тьмы и даже — части Прегииштании, после чего — уперлись во владения орков и эльфов, в страну дварфов. Тогда все они были в расцвете сил, а потому война вышла долгой и кровавой. К этому моменту наши боги уже прочно укоренились в мире, но в первые годы своей жизни... — он зажмурился и вновь изменил видение, вернув образ казни пленников... — им просто хотелось как-то выжить, а потому мы не мудрствовали и рубили головы.

— Стало быть, аппетит наших богов, — эти слова давались Шахриону все еще с некоторым трудом, — рос во время еды?

— О да! Чем больше людей им поклонялось, тем большего они жаждали. За две сотни лет, прошедших с момента призыва, мы извели десятки, если не сотни тысяч душ. Алтари Шестерки алели от крови, им поклонялись миллионы, но этим тварям всегда было мало! Они — ненасытные чудовища — желали новых верующих, новой крови, новых страданий. Ритуалы становились все изощренней, пытки — все кошмарней, мучения — все продолжительней.

Видение опять сменилось. На сей раз вниманию Шахриона предстал огромный город, выстроенный посреди равнины, окруженной милями и милями полей, садов и пастбищ. Стены его — старого типа, какие не возводились уже сотни лет, возвышались на добрых двадцать футов над землей, а количество квадратных башен, поражало воображение.

— Где мы?

— Над Сумрачным Городом.

Шахрион напряг память и сумел вспомнить название древней столицы Империи Тьмы, существовавшей в столь незапамятные времена, что не сохранилось даже сведений о том, где она вообще находилась.

— Он был выстроен в Стоградье?

— Конечно, а где же еще? Когда мы объединили все кочевые племена и захватили ряд городов-государств, то согнали сюда всех мастеров, которых сумели. А сотни тысяч рабов принялись добывать мрамор и гранит в Горах Ужаса. Четыре десятка лет работы, неисчислимое число умерших, и величайший город тех времен вырос в чистом поле. Затем, в течении последующих ста лет, имперский тракт соединил его с восточной и западной оконечностями государства. Хотели построить еще один такой — с севера на юг, но не успели. Впрочем, об этом я поведаю тебе чуть позже, идем.

Они наблюдали за городом как бы с высоты птичьего полета, а затем начали спускаться, оказавшись, наконец, на главной площади, где возвышался колоссальных размеров храм. Могучее тяжеловесное здание, опиравшееся на массивные мраморные колонны, покоилось на фундаменте такой высоты, что для того, чтобы подняться к позолоченным воротам, следовало преодолеть три десятка ступеней.

И по этим-то ступеням текла людская река. Тысячи, многие тысячи одетых в праздничные тоги людей поднимались по ступеням к храму.

Шахрион Первый, двигаясь прямо сквозь людей, которые, естественно, были лишь тенями древности, провел своего тезку внутрь, туда, где размещался огромный зал, заполненный так, что яблоку негде упасть. Лишь в самой дальней его части, там, где возвышались шесть громадных статуй, отлитых из чистого золота, было просторно. Там уже все было готово для жертвоприношения, там же разместились и шесть хорошо уже известных императору фигур.

Все они были облачены в красивые одежды и каждый держал в руках пыточные инструменты.

Вот многоголосое пение вознеслось к сводам крыши, отразилось от них, наполняя храм гулом многотысячного хора, и стражники ввели первых жертв — двух орков, трех людей и одного эльфа.

Сноровисто и деловито они растянули пленных на дыбах, установленных подле каждой из статуй, и принялись за работу.

Даже Шахриону стало не по себе от того, что вытворяли с жертвами. Ни молитвы, ни пение не в состоянии было заглушить их невыносимо громкие вопли. И даже закрыв глаза Черный Властелин видел потоки силы, формирующиеся над статуями и втягивающиеся... Куда?

Шахрион прищурился.

Нет, не в статуи, в людей! В шестерых правителей!

Осознание этой мысли заставило императора пораженно застыть.

— Понял, наконец? — усмехнулся Шахрион Первый. — Даже удивительно, что так

долго приходил к этой мысли. Не спросил, каким это образом нам удавалось править сотни лет, как контролировали огромную страну, почему не воевали друг с другом...

Черный Властелин сглотнул.

— Они... боги, — и все-таки это слово давалось ему тяжело, — овладели вашими телами?

— Да, — коротко отозвался Шахрион Первый. — правда, не совсем так, как ты представляешь себе это. — Это был очень долгий и медленный процесс, ведь тварям было весьма непросто укорениться в материальном мире. Более того, далеко не каждый носитель дара был в состоянии стать сосудом. А потому, они не торопились, медленно, но верно, сливая свою сущность с душой пускай и могучего, но смертного. Они заменяли наши мысли, они исправляли наши поступки, они влияли на наше поведение. Делалось все столь мастерски, что нам казалось, будто все, что происходит, делается нами же, причем — исключительно по доброй воле.

— Но ты прозрел?

— Я — да. Моя воля оказалась слишком сильной, а потому то, что мы именуем Матерью Тишины, не смогло полностью добиться своей цели и спустя где-то две с половиной сотни лет после призыва я начал замечать странности. А потом — понял, что происходит.

— И что же случилось после?

— Вот это!

Шахрион Первый щелкнул пальцами и праздничное жертвоприношение во славу тварей из-за границы мира растаяло. Они все еще находились в храме, вот только пол его по щиколотку заливала кровь, а жадное пламя вздымалось под самый потолок, напрочь игнорируя тот факт, что колонны, вообще-то, изготовлены из мрамора.

Шесть золотых изваяний были разбиты на осколки, и весь, буквально весь храм устилали иссеченные на куски тела.

Древний император, не говоря ни слова, покинул храм и Шахрион последовал за ним. Его предок остановился на ступенях, и произнес:

— Смотри.

И Черный Властелин смотрел...

Город горел, пламя вздымалось, наверное, едва ли не над каждым вторым домом, осыпая снопами искр сражавшихся людей. Воины в кожаных доспехах и кольчугах схлестнулись с облаченными в черное легионерами, чьи щиты были изукрашены до боли знакомым Шахриону гербом — черным вороном, раскинувшим свои крылья.

И каждый — каждый из этих воинов являлся живым мертвецом, причем — высшим. Такого количества рыцарей смерти Черный Властелин еще никогда не видел, и, судя по всему, те, кто с ними сражался — тоже.

Вопли, грохот битвы и ревущее пламя создавали непередаваемую какофонию ночного кошмара, в который погрузилось воспаленное тяжким недугом сознание. Но увы, этот кошмар и не думал кончаться. Прямо на глазах Шахриона десяток воинов в черном повалили статую Отца, установленную на площади, после чего принялись лупить по ней кирками, разбивая на куски. Им наперерез тотчас же устремились завывающие нечто нечленораздельное люди, вооруженные кто чем попало.

— Фанатики, проклинаящие предателей своих божеств, — в голосе императора послышалось ничем не скрываемое презрение. — Когда я понял, чем на самом деле

являются мои благодетели, было еще не поздно. Лайрион — мой кровный брат и маг воды, и Ниссеонна — моя жена и первая чародейка света — все еще сопротивлялись, я сумел открыть им глаза на происходящее, и мы решили ударить, пока не стало слишком поздно. В первую очередь, нужно было лишить Шестерку последователей.

— И поэтому ты уничтожил собственную столицу?

— Да. Здесь было больше всего храмов и жрецов. Здесь приносилось больше всего жертв и возносилось больше всего молитв. Здесь они черпали силу. Я лишил их этого, а затем...

Горящий город истаял, сменившись бескрайней равниной, до краев заполненной войсками.

Такого количества солдат Шахрион не видел никогда в жизни. Десятки, сотни тысяч воинов сошлись в яростном сражении. Магические всполохи то тут, то там слизывали своими языками целые тысячи в полном вооружении. А в самом центре, окружённые горами мертвых тел, сошлись двое: воин в черной броне и мужчина, за чьей спиной развевался алый плащ, а в руках пламенел меч, сотканный из языков огня.

Миг, сражение двух полководцев приблизилось и Шахрион смог наблюдать самую его кульминацию. Мужчина в алом атаковал своего противника с поразительной скоростью, обрушив на того столп огня шириной в добрый десяток футов. Маг в черном укрылся за щитом, сотканным из ночного мрака, бросив, однако же, в своего врага сразу два костяных копья невероятных размеров.

— Мы тогда еще не умели смешивать стихии, — с некоторой ноткой зависти в голосе признался Шахрион Первый, — а потому каждый бился только своей магией.

Пламя иссякло и черный щит превратился в громадных размеров косу, которая снизу-вверх рубанула мужчину. Тот выставил вперед свой пламенный меч, но его враг только и ждал этого — он вытянул вперед левую руку, сжал ее в кулак, и из-под земли огненного мага вытянулись теньевые копья, которые, пробив защиту чародея, пронзили того во множестве мест.

Маг в черном в ту же секунду сократил дистанцию и снес своему врагу голову, после чего обрушил кошмарной силы магический удар на его душу, разрывая ту в клочья.

— Я одного за другим убил трех своих товарищей. Убил трех богов, — проговорил Шахрион Первый и поле боя заволоч туман, а в следующую секунду на том месте, где сошлись громадные армии, не осталось ничего, кроме чахлой осенней травки, примятой мерзко морозящим дождем.

— Как это... убил трех богов? — прошептал Шахрион.

— Эти твари бестелесны, именно поэтому, главная их цель — обрести материальную оболочку, — охотно пояснил его собеседник. — Вот только, когда это происходит, они лишаются своего главного оружия — неуязвимости. Я не просто снес Таршиану голову, но, как ты видел, уничтожил его душу и душу того монстра, что именуется теперь Братом Пламени. Нет, не душу. Само это существо! Разорвал в клочья, без единого шанса на воскрешение. И так — трижды.

— А что потом?

— Потом Лайрион и Ниссеонна сдались и мне пришлось воевать уже с ними.

Мгновение, и они оказались в Лесу Смерти, а события, разворачивающиеся здесь, повторяли одно из последних видений Шахриона.

— Эта война была самой тяжелой, причем не только потому, что Ниссеонна владела

магией Отца Света, буквально предназначенной для борьбы с некромантией, но также и оттого, что я к тому времени уже изрядно сдал. Барьеры моей воли за шесть десятков лет непрерывной резни со своими бывшими единомышленниками истончились и Мать Тишины начала брать верх.

Местность вновь сменилась, они оказались у подножия достраиваемой крепости, в которой сразу же можно было узнать Черную Цитадель, а точнее — ее центральную часть. Кольцо стен, во времена Шахриона опоясывавшее Древний город, также поднималось, но было оно еще очень далеко от завершения.

— Когда война практически зашла в тупик, — продолжил Шахрион Первый, — я обратил внимание на эти места. Горы Ужаса — бескрайние и непроходимые, Лес Смерти — издревле населенный опаснейшими существами, разрываемый на части болотами, готовый скрыть любые секреты. Я понял, что это — мой шанс на победу.

И вновь Шахрион увидел картину, показанную ему ранее — лесное сражение, в котором сошлись два чародея невиданной силы: мужчина в черном, и женщина в белом. И снова, как и в прошлый раз, мужчина победил, убив свою бывшую супругу, после чего — все также — отрубил ей голову и — обрушил на тело Черное Пламя.

— Я победил, — без капли радости в голосе произнес Шахрион Первый. — Уничтожил пять богов. Осталась шестая. Мать Тишины.

— Можно вопрос? — проговорил вдруг Черный Властелин.

— Да, слушаю.

— А почему Отец завладел твоей женой, а Мать — пыталась вселиться в тебя, но не наоборот.

Древний император усмехнулся, и в усмешке его скрывалась боль.

— Этим существам неведомо понятие пола. Они бестелесны. Мужчина, женщина — все едино. Главное, чтобы носитель был способен пережить вселение и имел предрасположенность именно к их стихии.

— И в одном племени нашлось сразу шесть таких носителей? — с сомнением в голосе уточнил Черный Властелин.

Его предок пожал плечами.

— Иногда чудеса случаются... Не знаю даже, возможно лучше, чтобы этого не происходило. Наверное, это было предначертано судьбой, а может, эти твари столь сильно хотели выбраться в наш мир, что подготовили все происходящее — времени у них в избытке, а терпеть они умеют лучше многих. Какая, впрочем, разница. Факт остается фактом — в полуразбитом племени кочевников нашлись сразу шестеро смертных, готовых принять в свои тела сущности из-за Кромки, и двое из них оказались достаточно глупы и отчаянны, чтобы принести в жертву собственного ребенка.

— Прощу извинить меня.

— Тебе не за что извиняться, мы поступили так, как должны были. Ты ведь сделал так же, не правда ли?

Шахрион кивнул. В одном он был точно уверен — несмотря на все свои муки, несмотря на кошмарные жертвы, которые пришлось принести, несмотря на всю ту кровь, что по его приказу пролили, несмотря на предательства, несмотря ни на что, окажись он в прошлом — повторил бы все свои действия без изменений.

Первый некромант чуть заметно улыбнулся.

— Хорошо, что тебя назвали в мою честь — мы очень похожи. Я тоже... тоже не

изменил бы своего решения, будь у меня возможность делать выбор еще раз. Потому что есть вещи, избежать которых мы не можем, сколько бы ни старались. Их нужно сделать, а потом — столкнуться с последствиями принятых решений.

— И побороть их?

— Именно.

— Но ты не смог убить Мать Тишины, — напомнил Шахрион.

— Нет. Не забывай, что она — тварь, повелевающая смертью. Да, ее товарищи тоже любили человеческую плоть и кровь, но ни один из них не был в состоянии извлечь из нее столько энергии, сколько Мать. Десять лет после окончания войны и после того, как изувеченная Империя кое-как собиралась воедино я боролся с этой мерзостью, точно одержимый. Но все без толку! Она была очень сильна, и я проигрывал противоборство, но знал, что можно сделать... За века жизни я постиг истинные глубины магии смерти. Ни один некромант после меня не достиг и десятой доли той мощи, и ни один не достигнет. Ну, разве что, ты, если справишься с заданием.

Они вновь переместились, оказавшись на скальном выступе, с которого открывался вид на Черную Цитадель, и Шахрион понял, что сейчас наконец-то пойдет речь о самом главном.

— Так вот, — продолжал Первый некромант, любясь башнями своего города, будто бы плавающимися в закатном мареве, — как я уже говорил, эта тварь оказалась слишком сильной. Я не мог ее победить, не мог убить, и принял тяжелое решение. Возможно, самое тяжелое в своей жизни... Я выбрал... Мне пришлось передать эту проблему по наследству — будущим поколениям.

— И что же ты сделал?

— Запечатал свое тело в специальной магической гробнице и заморил себя голодом и жаждой. О, как же долго я умирал! — его лицо исказилось от страшной муки. — Эта тварь прикладывала все усилия, лишь бы продлить существование брэнной оболочки, но в конце концов она вынуждена была отступить...

— За Кромку?

— Да, за Кромку.

В этот миг император стал выглядеть очень, очень старым и Шахрион внутренне содрогнулся, представив, через какие муки тому пришлось пройти.

«Лежать, запертым, в каменном гробу, без возможности пошевелиться, не говоря уже про то, чтобы выбраться на свободу. Лежать и медленно умирать, ощущая, как уходит жизнь... Поистине страшная смерть».

— Моя агония растянулась на три года, но под конец она сдалась, истощив, пожалуй, большую часть своих сил. На это я и рассчитывал, — продолжал, меж тем, Шахрион Первый. — Тварь оборвала все связи и покинула тело буквально за миг до смерти... Вот только она не до конца осознала, сколь же сильно переплелись наши души за прошедшие века. Да, мое тело перестало существовать, но вот дух... Дух находился в полудреме, не способный покинуть мир и отправиться дальше.

Шахрион начал осознавать, что же именно сделал его великий предок и сколь велика была принесенная им жертва.

— Но как только Мать Тишины переходила из-за Кромки в наш мир, ты просыпался?

— Да, именно так. Усиление ее влияния на реальный мир пробуждало и меня — связанного с этой сущностью крепчайшими нитями, разорвать которые не сможет уже никто

и ничто. И я начинал слать видения тем, кому не повезло стать новыми сосудами этой твари. Папшион Кровавый, и Гаршион Ужасный, Лирирон Безумный, теперь ты.

— Не очень много носителей, за тысячу-то лет.

— Естественно. На это и делался расчет. Я постарался вымарать любые упоминания обряда, приводящего существ, подобных Шестерым в наш мир и, замечу, изрядно преуспел в этом деле. Даже эльфы не сохранили ничего, кроме обрывков сведений, иначе, поверь мне, ни за что и никогда не позволили бы тебе провести ритуал. Пускай их зрящие играют с вероятностями, появление существ такого порядка, как наши боги, ломает любые — даже самые выверенные построения. Остроухие любят важничать и представлять себя таким пупом земли, но на деле, они такие же глупцы, как и мы — люди.

— Уже не очень любят, — Шахрион позволил себе мстительную ухмылку. — Черный Огонь слегка остудил их пыл.

Первый некромант чуть заметно покачал головой.

— Времена идут, мы же ничуть не меняемся.

— Таков закон природы.

— Да, наверное, ты прав.

— Но почему ты загадывал мне загадки, открывая истину по кусочку? Для чего было ждать самого последнего момента? Почему не мог пригласить меня в гробницу раньше.

— Потому как любое действие рождает противодействие. Я связан с Матерью Тишины неразрывными нитями, но и она связана со мной. Она сумела найти некоторые лазейки в магических построениях и слегка изменила их. Как ты не мог рассказать о своем недуге окружающим, так и я не могу сразу же указать путь к своей гробнице. Она бы и вовсе отгородила меня от сознания жертв, если бы могла.

Сразу стало немного понятнее.

«Что ж, глупо было бы предполагать, будто Тень не станет бороться за свою жизнь».

— Владыка, скажи мне... — Шахрион решил озвучить следующий родившийся у него вопрос.

— Да?

— Почему ты решил передать эту проблему будущим поколениям? Неужели века действительно так ослабили Мать? Да, она не получает больше крови, но ведь ей молятся многие, очень многие.

— Правда? — в голосе древнего императора послышался сарказм, а на лице появилась улыбка. — Скажи мне, как много людей возносило ей молитвы в годы, предшествовавшие войне Реставрации?

Вопрос, откровенно говоря, был очевидным и то, что Шахрион сам не додумался до него, наводило императора на невеселые мысли. Судя по всему, годы, проведенные в борьбе с тварью, вытесняющей его собственную душу из тела, и правда притупили умственные способности императора.

— Ты знал, что Империя Тьмы падет?

— О нет, я не был в этом уверен, просто старался подготовиться ко всему. Полное исчезновение верующих в Мать было лишь вторым — запасным — планом, хотя, замечу, именно он в итоге практически и был осуществлен стараниями моих беззалаберных потомков. Нет, я искренне надеялся, что за века, которые пройдут с момента ее ухода за Кромку, Мать ослабнет достаточно для того, чтобы очередной носитель закончил то, что начал я. Увы, но эти надежды оказались несбыточными. Все вы — один за другим —

проваливались, становясь очередным сосудом.

— Но каждый из сосудов в итоге погибал.

— Конечно, как думаешь, почему?

Даже в нынешнем своем состоянии Шахрион нашел ответ буквально за несколько секунд.

— Мать набирала силу, но раз ты был связан с ней, то также становился могущественнее и каким-то образом убивал сошедших с ума императоров. Сам, или опосредованно.

— Именно.

— Могу ли я узнать, как именно?

— Конечно же нет!

«Справедливо», — подумал Шахрион. — «Если я стану очередным павшим в длинной цепочке неудач, мой предок должен будет иметь возможность справиться с этой проблемой».

Он вздохнул и задал, пожалуй, самый главный вопрос в своей жизни:

— Что я должен делать?

Мир иллюзий исчез, и Черный Властелин оказался посреди гробницы, скрытой в горах. Шахрион Первый снова превратился в живого мертвеца, весело скалящегося из открытого гроба.

Ответ очевиден, о мой потомок. Ты должен завершить начатое. Ты должен освободить нас всех. Ты должен убить последнее божество этого мира. И я расскажу тебе, как это сделать. Есть три способа. Первый — повторить мою жертву. Замуруй себя в гробнице и умри. Если все пойдет, как надо, Мать еще долгие века не сможет подготовить новый сосуд и окончательно ослабеет, а мы с тобой сумеем-таки превозмочь ее магию, когда кто-нибудь использует Безымянное заклинание в следующий раз.

— Если честно, этого хотелось бы избежать.

Мне тоже, поэтому основным вариантом будет второй.

— Какой же?

Я накопил достаточно сил для того, чтобы поставить мощный ментальный блок и особую ловушку. Мать Тишины не сможет взять тело под контроль, а тебе придется отправиться в Стоградье, туда, где все начиналось, и принести жертву, чтобы убить эту тварь.

— Какую жертву?

Себя.

Шахрион напряженно думал, но ничего путного не получалось. Слова предка звучали бессмысленным бредом.

Не понимаешь?

— Нет, — честно признался он.

Я поясню. Сейчас ваша с Матерью связь — максимальна, а это значит, что тебе будет легко проникнуть в ее мир и сразиться там с нею. И — превосходя твой вопрос — нет, вы отправитесь не за Кромку, противостояние будет идти, скорее, в твоей голове.

— Ментальный бой?

Не совсем. Ты будешь пользоваться магией, но одновременно с этим важную роль будет играть сила воли... Это сложно понять и принять, нужно просто помнить. Тварь нематериальна, но одновременно с этим она находится в нашем — вещественном — мире.

А значит, у нее имеется что-то вроде убежища. И жертвоприношение — единственный способ открыть в него дверь. По крайней мере, я не знаю иных вариантов.

— Но разве я не умру, принеся себя в жертву?

Не совсем. Не до конца. Смотри.

И в голову Шахриона полились образы, детально описывающие то, что он должен будет сделать.

— Общий принцип я понял, — кивнул император. — Но у нас еще остается третий способ борьбы, верно?

Да, но это — крайний случай. Если по каким-то причинам мои барьеры развалятся, или ты просто не успеешь в Стоградье к нужному сроку, придется действовать радикальнее. Тожe понадобится жертва, но иная. Такая же, как та, что принес я в свое время.

В глазах у Шахриона потемнело, а ноги подкосились.

— Но ведь...

Да, придется пронзить не одно, а два сердца. Это — нравится Тени или нет — откроет путь к ней. Но, думаю, мне не надо объяснять, что случится, если ты проиграешь?

— Не нужно. Я постараюсь успеть.

Это будет лучше всего. Тогда даже в случае неудачи, умрешь лишь ты. А теперь...

Ладонь мертвеца легла на лоб Шахриона. Несколько секунд первый некромант стоял неподвижно, затем — опустил руку.

Вот и все.

— Не чувствую изменений.

Ощутишь их, когда выйдешь отсюда. А теперь — торопись, времени очень мало — не больше двух суток.

— Спасибо, владыка, — поблагодарил он, — я не подведу.

Ответом императору был лишь тихий, похожий на шелест или журчание далекой воды голос.

Надеюсь на это. А теперь — торопись.

Светильники погасли, комната закружилась, и Шахрион кулем рухнул на пол, теряя сознание в полете.

Больше книг на сайте - Knigoed.net